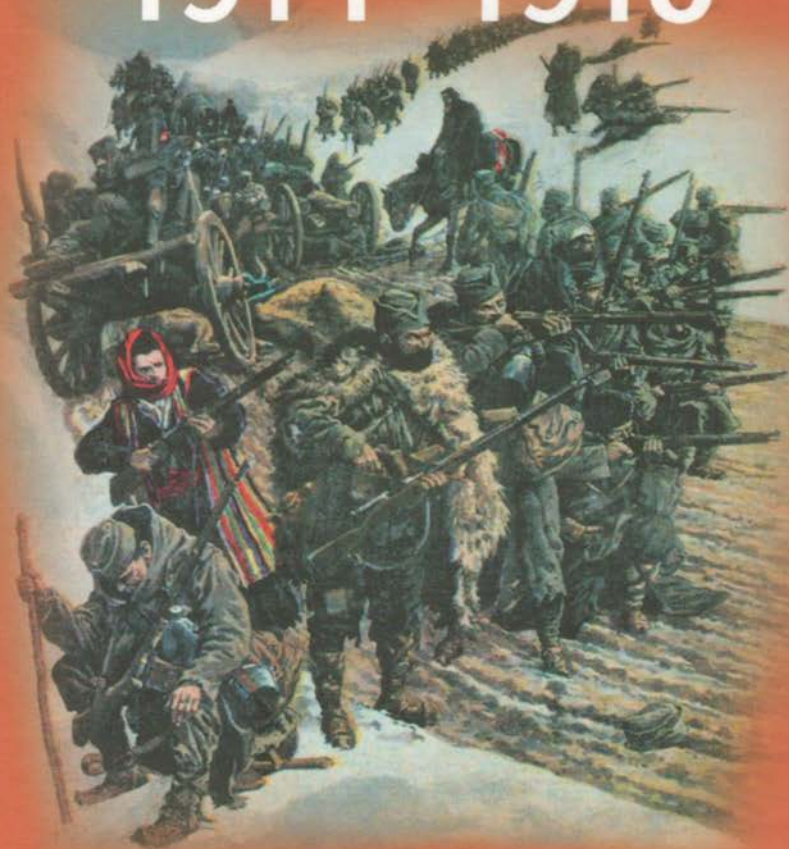

Мира Радоевич
Любодраг Димич

СЕРБИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ 1914–1918

СРПСКА КЊИЖЕВНА ЗАДРУГА
БЕЛГРАДСКИЈ ФОРУМ
ЗА МИР РАВНОПРАВНИХ

СПЕЦИАЛНИЈ ВПУСК

Рецензенти
МИХАИЛО ВОЙВОДИЧ
МИЛОШ КОВИЧ

МИРА РАДОЕВИЧ
ЛЮБОДРАГ ДИМИЧ

СЕРБИЯ
В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ
1914–1918

Краткая история

Перевод

А. И. ЧАРОТЫ, В. И. ЧАРОТЫ, И. А. ЧАРОТЫ

Под общей редакцией

И. А. ЧАРОТЫ

БЕЛГРАД
2014

Перевод с издания

Мира Радојевић
Љубодраг Димић

СРБИЈА У ВЕЛИКОМ РАТУ
1914–1918

Београд: Српска књижевна задруга, 2014.

- © Белградски форум за мир равноправних
Радович М., Димич Л.
© Чарота И. А., превод на руски јазык

Покровитељ
ФОНД ДИЈАСПОРА ЗА МАТИЦУ
(Фонд диаспора для родини)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отмечая столетие начала Первой мировой войны, человечество, надеясь, «преклонит колени» перед миллионами жертв наибольшего на то время военного столкновения в мировой истории. Задумается ли оно в тот момент об историческом контексте, в котором такие жертвы были принесены, это уже иной вопрос. Но историки, занимающиеся темами XX века, это в любом случае должны сделать. Тем более что большинство продолжительного и сложного характера процессов, заполнивших век двадцатый и влияющих также на современный мир, исходную точку имеет в Великой войне 1914–1918 годов. Вспомнить о ее причинах и поводах, о виновниках и жертвах, о многочисленных событиях и явлениях, которые предопределяли направление развития последующей истории, – значит еще раз критически оценить представления об особой военной эпохе. В то же время следовало бы «преклонить колени» перед миллионами сохраненных исторических источников, перед историографическим наследием, которое составляют десятки тысяч книг, и при должном почтении к методам исторической науки с учетом исследовательских возможностей своего времени предложить как можно более надежное толкование прошлого.

Будет ли услышан общественностью голос историков или он будет «заглушен» центрами силы, политические интересы которых в том, чтобы изменить историографическую картину Первой мировой войны? В какой мере научность будет способна противостоять антинаучности в формировании сознания современников? Звуки труб и барабанов, характерные для начала войны, взволнуют ли почивших и пробудят ли понимание у новых поколений? Или, может, жертвы великого бедствия еще раз будут погублены и унижены?

Современная история уже длительное время находится под ударами ревизионистской историографии, которая под влиянием политики

и ее потребностей уничтожает имеющиеся знания о прошлом, требует изменения историографической перспективы, на основании анализа ограничиваемого объема исторических источников фабрикует выводы и навязывает их, отстаивает радикальный поворот в исследовании прошлого. Ревизионистский «переворот» оспаривает факты, а через них – имевшие место события, явления и процессы. Нападками на научный метод обесмысливается существующая «общественная память», ставится под вопрос целесообразность исторической науки и попирается нравственность историографических дисциплин. По преимуществу это последствия изменений в политике и общественной жизни с конца XX века, оставивших глубокий отпечаток и на осмыслении предшествующих времен.

Политическая затребованность изменения картины эпохи конца XIX – начала XX веков, эпохи войны, нескрываемо присутствует, подобно тому, как это не один раз уже было в минувшем столетии, насыщенно кровавом. Она проявляется в грубом историческом ревизионизме, который служит не научным потребностям в получении новых знаний, а диктату политики. Так было всегда, когда устанавливался, отрицался или разрушался, мировой порядок (в 1918, 1933, 1939, 1945, 1989...). Так и теперь.

Благодаря освободительным устремлениям и героическим подвигам нескольких поколений, Сербия в течение XIX века завоевала, а в первые десятилетия XX века отстояла свое новое государство. Проблемы, с которыми она неизменно в те времена сталкивалась, по масштабу и сложности будучи объективно выше сил государства, испытывали его граждан на стойкость, упорство, силу воли, патриотизм, сознательность и готовность к жертвам. Таким образом, Сербии мучительнее, чем другим балканским странам, довелось обеспечивать себе место в истории современной Европы.

Сербский вопрос, понимаемый как необходимость освобождения частей сербского народа и объединения их с Сербией, был одновременно и важным вопросом европейской истории. Вокруг него сталкивались интересы великих держав, заинтересованных в том, чтобы решать международные проблемы внутри существующей «европейской системы», и не готовых одобрительно, без сомнений поддержать желания малых народов добиваться самостоятельности собственными силами. Решение сербского вопроса требовало времени и колоссальной энергии народной, вынуждало защищать культуру, вызывало политическую борьбу и сопротивление внешних сил, порождало воодушевление и разочарова-

ние, пробуждало и расходовало много эмоций, но также давало шансы рационально смотреть на обстоятельства в мире и оценивать возможности своей страны, своей нации. Силы, при этом освобождавшиеся, игнорировали существование великих держав, не принимали в расчет «правил» и «систем», которые те для Балкан прописывали.

Соблюдение национального принципа дало то, что Сербия на Берлинском конгрессе 1878 года обрела независимость, но в то же время применение имперского принципа обеспечило Австро-Венгрии оккупацию Боснии и Герцеговины. Зажатая между Габсбургской и Османской империями, имеющая части своего народа в обеих этих державах, принужденная к компромиссам и опекунству со стороны Вены, много добра от будущего Сербия ждать не могла. Чтобы добиться лучшего, необходимо было укреплять государственные институты, поднимать экономику, модернизировать армию, создавать систему просвещения, формировать и готовить поколения для новой эпохи, приобретать союзников, склонять на свою сторону балканских соседей, духовно связывать сербов как целостность, налаживать близкие отношения с югославянскими народами, устанавливать демократический порядок с соответствующей атмосферой... Только тогда Сербия смогла бы выдвигать великим державам хоть какие-то свои умеренные требования, надеясь на определенные уступки. Европейские державы до некоторой степени готовы были терпеть взоры, устремляемые сербской элитой в сторону тех частей своего народа, которые оставались в составе Турции. Однако то, что Сербия противопоставляла себя Двойной монархии с ее претензиями на Балканах, Вена стремилась использовать как повод для объявления войны.

В начале XX века Сербия стала освобождаться от пут, которые четверть века экономически и политически привязывали ее к Австро-Венгерской монархии. Благодаря приобретенному статусу, военному и экономическому укреплению, проявленной способности дать отпор, национальной программе с ориентацией на юг (освобождение от Турции) и на запад (освобождение Боснии и Герцеговины), она притягивала внимание поработанных сербов и югославянских народов, закрывая путь на юго-восток – единственное направление, на котором Габсбургская монархия могла проявить себя как значительная европейская сила. И вследствие этого Сербия становилась серьезным противником.

В 1908 и 1913 годах Габсбургская монархия упустила возможности начать войну с Сербией. Тогда все завершилось разразившимися международными кризисами, которые открыли противопоставляющиеся

и сталкивающиеся интересы великих держав на Балканах. А вот кризис очередной, вызванный покушением в Сараево, она использовала. С одной стороны, давно складывавшиеся намерения Вены выиграть на Балканах «малую войну», которая вернет самоуверенность во внутреннем плане и авторитет среди больших европейских сил, а с другой – стремление Берлина военными действиями большого масштаба реализовать амбиции по достижению мирового могущества таким образом привели мир к катастрофе. Покушение в Сараево стало поводом для войны; а причины были намного сложнее. Сербия навязываемой войны не хотела, однако вынуждена была ее принять. Защита отечества и формирование государства, которое бы собрало не только весь сербский народ, но и остальных югославян, создавая мощную преграду прорыву Германии на Восток, могло быть осуществлено только в пределах и на территории побежденной в войне Габсбургской империи.

Конфликт Австро-Венгрии и Сербии лишь на первый взгляд, в течение нескольких дней, воспринимался как столкновение двух государств. Ведь противостояние великих держав к тому времени было таким, что один из современников назвал тогдашнюю Европу складом пороха и оружия. Именно поэтому другой современник пророчески предупреждал, что «человечество попадает в один из таких безумных водоворотов, когда в реках крови меняются границы государств и будущность народов», когда пятисотлетние империи «крошатся как источенные червями деревья» и когда у каждого народа появляется страх за свое будущее. Вскоре последовала катастрофа, какой прежде мир не видел. Сербия войну встретила в военном, экономическом и финансовом отношении неподготовленной, но в плане национального сознания и зрелости – «готовой к наибольшему для себя прыжку». Ее интересы совпадали с интересами великих сил и Антанты, не готовых принять устремление Германии добиться мирового господства. Приняв на себя испытания, которые свидетели-очевидцы сравнивали с библейскими страданиями, она защитила свою независимость, внесла большой вклад в победу сил союзников, с согласия и при помощи которых создала первое государство сербов, хорватов и словенцев. А неизмеримую цену его составляли многочисленные жертвы, отречение от собственной государственности и «мечты благородных поколений». Возникло это государство в конце эпохи, противоречия которой и являлись настоящей причиной конфликтов. Вместе со старой эпохой исчезли четыре империи, две из

которых были виновницами Великой войны. Настала новая эпоха, отягощенная проблемами, не решенными Первой мировой войной, из-за чего казалось, что как только на мирных договорах поставлены подписи, человечество начало отсчитывать время до нового, еще более страшного, столкновения.

Авторы данной книги имели скромное намерение, обусловленное следующим: закрепляя те научные результаты сербской историографии, что включены в существующий корпус научных знаний, которые накопили историки, принадлежащие к иным культурам, еще раз обратить внимание на то, сколь пагубно влияние политической ревизии истории. Мы убеждены, что народы, знающие правду о себе, имеют будущее. Такова мотивация у нас, предлагающих читателям сию краткую историю Великой войны и участия Сербии в том мировом столкновении.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА ДО САРАЕВСКОГО ПОКУШЕНИЯ

СЕРБИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ВЕКОВ (1878–1903)

Выстрелы, которые Гаврило Принцип, молодой сербский революционер-националист, в июне 1914 года произвел в австро-венгерского престолонаследника Франца Фердинанда и которые впоследствии восприняты как повод для развязывания Первой мировой войны, имели долгую предысторию, в течение которой идея освобождения и объединения сербского народа переплеталась со сложными отношениями и планами великих сил.

Историю Сербии, сербского народа на протяжении десятилетий после Берлинского конгресса определяли многочисленные испытания. У поколения, которое возростало во время, предшествующее большому Восточному кризису, и у поколений, жизнь которых прочно ознаменована восстаниями, военными действиями и решениями Берлинского конгресса, было много важных дел. Перед ними стояли задачи: в Европе, охваченной нестабильностью, сохранить и укрепить обретенную государственную независимость, интегрировать нацию, в Австро-Венгрии или России найти гаранта своих интересов и надежную внешнеполитическую опору, реализовать устремления к более широким политическим свободам, решить династический вопрос, обеспечить ускоренное хозяйственно-экономическое развитие и модернизацию системы просвещения, обеспечить культурный прогресс, реформировать армию, а нацию приготовить к испытаниям, которые предвещал XX век.

Решения Берлинского конгресса самым непосредственным образом влияли на последующее развитие Княжества Сербии¹. Обретением

---

¹ По мнению историков, Берлинский конгресс был первым открытым ударом, который германский империализм, в стремлении к мировому могуществу, нанес балкан-

независимости был завершен длившийся десятилетия процесс восстановления сербской государственности, который начат Первым сербским восстанием 1804 года. С присоединением четырех округов (Нишского, Пиротского, Топлицкого и Враньского) территория Сербского княжества увеличилась на 10 300 квадратных километров, и вплоть до Балканских войн она составляла 48 300 квадратных километров². Вследствие территориального расширения добавилось также 303 097 душ населения (23,1%), что явилось началом национальной интеграции.

Несмотря на определенные положительные результаты, решения Берлинского конгресса вызвали в Сербии разочарование, недовольство, предчувствия опасности. Усилилось влияние великих держав на экономическое и политическое развитие тех частей Турецкой империи, в которых жил сербский народ. События, предшествовавшие Конгрессу, и позиции, которые заняла царская Россия в ходе его, показали, что балканская политика этой великой православной державы, которую Сербия воспринимала как естественную защитницу, была к Болгарии, к болгарским интересам благосклонной более, нежели к Сербии³. Такая российская политика, независимо от утвержденных на Берлинском конгрессе окончательных результатов, сталкивала сербов с болгарами, давая возможность и другим, небалканским, силам эксплуатировать эту конфликтность в будущем. Одновременно решения Берлинского конгресса стимулировали появление панисламизма, способствовали усилению воинственности уже сложившегося римско-католического клерикализма, что существенно отражалось на жизни сербского населения⁴.

ским народам. См.: Милорад Екмечић, *Сиварање Југославије 1790–1918*, књ. 2, Београд 1989, стр. 324–326; Đorđe Stanković, *Srbija i stvaranje Jugoslavije*, Beograd, 2009, str. 9.

² Белградский пашалык в 1804 году занимал площадь в 24 440 км², на которой имелось от 400 000 до 470 000 населения. После 1833 года к нему присоединено шесть областей (нахий), что дало увеличение на 15 300 км² и на 218 733 жителей, т.е. территория составила – 39 740 км², а население – около 700 000 душ. По данным на 1874 год, в княжестве было 1 353 890 человек, а на 1884 год – 1 901 736.

³ Сан-Стефанский мирный договор, по словам предводителя радикалов Никола Пашича, все сербы воспринимали как «некое дело, не согласующееся с миссией России...» Тот факт, что российская политика «земли и области одного племени уступила другому, таким образом посеяв ненависть и раздор между этими двумя самыми близкими и самыми родственными племенами», сербские политики считали жестокой несправедливостью и большой опасностью (Никола Пашић, *Заосйавијина из Торонја 1876–1903*, Зајечар 2012, стр. 157–158).

⁴ М. Екмечић, *нав. дело*, стр. 326–330; М. Екмечић, *Дујо крешање између кљања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992)*, Београд 2008, стр. 298.

Для политиков и общественности Сербии особенно удручающим было то обстоятельство, что вне сербских границ остались Старая Сербия (Рашка, Косово и Метохия, северная Македония) и Босния и Герцеговина – две области, в которых сербское население определено составляло большинство. Причем, если первая из них – колыбель средневековой сербской государственности, «святая сербская земля», – в соответствии с решениями Берлинского конгресса и далее оставалась под турецким владычеством, то вторую оккупировала Австро-Венгрия⁵. И ее право оккупировать Боснию и Герцеговину, приобретенное на Берлинском конгрессе, оправдывалось тем, что для «примитивных народов» будут принесены «блага современной цивилизации».

Явное недовольство вызывало также присутствие австро-венгерского военного гарнизона в Нови-Пазарском санджаке. Сербские дипломаты и политики в этом решении Берлинского конгресса видели стремление великих европейских сил не допустить существования общей сербско-черногорской государственной границы, а тем самым и близкого сопряжения двух самостоятельных сербских государств. Независимое Княжество Сербия, таким образом, с начала своего существования было окружено двумя империями, в составе которых оставались части сербского народа и которые всеми средствами мешали достижению высшей национальной цели его – собирания преимущественной части сербства в рамках одного государства. Поэтому о Сербии современники говорили как о «стране окруженной», а о населении ее – как о «народе под арестом».

В равной степени тяжелыми и обременительными считались экономические обязательства, которые Сербия вынуждена была принять как условия поддержки со стороны Австро-Венгрии: строительство железной дороги и не выгодный для нее предварительно заключенный между Турцией и Австро-Венгрией договор о торговле. Решения Конгресса вели к разрушению балканского рынка, что усложняло все виды интеграции на Балканах. А последствиями войны были значительные человеческие жертвы и миграции, существенно изменившие демографическую картину на этих территориях. Ослаблена идея югославянского сближения.

⁵ Согласно переписи населения Боснии и Герцеговины, проведенной в 1879 году, непосредственно после оккупации этих областей, православные составляли 43% всего населения. По оценкам британской гуманистки Полины Инри, на 1877 год в Боснии и Герцеговине было 576 000 православных, 422 000 мусульман и 185 000 римокатоликов – «латинян» (Чедомир Попов, *Велика Србија – стварности и мий*, Сремски Карловци – Београд 2007, стр. 57).

Исторические обстоятельства требовали, чтобы национальные движения на югославянском пространстве вновь определили свои исторические цели и методы, с помощью которых они будут реализованы. Преобладало впечатление, что приобретения 1878 года меньше тех убытков, которые великие силы нанесли своими решениями сербскому народу⁶.

Сербия в последующие десятилетия менялась и, несмотря на противодействия, модернизировалась. Разочарование позициями царской России повлияло на князя Милана Обреновича так, что он прежнюю пророссийскую ориентацию во внешней политике отверг, а повернулся к Австро-Венгрии. Пользуясь своими властными полномочиями, князь в 1881 году заключил с империей Габсбургов два важных договора – Торговое соглашение и Тайную конвенцию. Первым из них не только облегчался вывоз сербской сельскохозяйственной продукции в Австро-Венгрию, но обеспечивались прочные и долгосрочные экономические связи с этой мощной державой-соседкой. А Тайная конвенция, о которой помимо князя знали только председатель правительства Милутин Гарашанин и министр иностранных дел Чedomиль Миятович, положила начало и процессу политического сотрудничества. В соответствии с ней, Сербия внешнюю политику, включая и отношение к оккупированной Боснии и Герцеговине, обязывалась вести без противопоставления интересам Австро-Венгрии. Таким образом, в сущности, она отказалась от прав на эту область, а соответственно, от важной части национальных интересов и устремлений, ставя под угрозу собственную самостоятельность во внешней политике. Сделанные уступки должны были «возмещаться» обязанностями, которые брала на себя Австро-Венгрия, соглашаясь с территориальным расширением Сербии в моравско-вардарском направлении на юг и провозглашением Сербии как королевства. Подписанные договоры обеспечили стабильность для династии Обреновичей, однако вынудили Сербию свои национальные идеалы подсоединять к политике великих держав⁷.

В то же время недовольство политикой России не означало изменения позиции, которую сербская общественность занимала по от-

⁶ М. Екмечић, *Сиварање Југославије 1790–1918*, књ. 2, стр. 331–332, 371.

⁷ Тайное соглашение интерпретировалось по-разному. Министры, которые были знакомы с его содержанием, считали его успехом, поскольку в нем формально признавалось право Сербии на Македонию. Когда же десятилетие спустя стало известно о существовании тайных договоров, стало доминировать мнение, что отказ от права вести самостоятельную внешнюю политику наносил существенный ущерб суверенитету сербского государства.

ношению к германским народам и их государствам. Австро-Венгрия и далее считалась неискренним союзником Сербии, самым опасным врагом сербского народа и врагом всех славян. Расхождения между внешней политикой, которую вел режим Обреновича, и сложившимися представлениями общественности об этой политике привели к тому, что усилилось политическое напряжение и возник один из важнейших разделов во внутривнутриполитической жизни сербского государства – раздел, обусловленный различными взглядами на внешнеполитическую ориентацию страны⁸.

Выполнение взятых на себя обязательств – прежде всего, экономических – вынудило сербское правительство брать долги. Уже в 1881 году, без информирования общественности, был осуществлен заем на строительство железной дороги. Между тем, возглавляемая Эженом Бонту французская финансовая компания «Генеральный союз», которой было доверено это дело, уже в следующем году потерпела крах. Финансовый скандал, вызванный «аферой Бонту», до оснований потряс Сербию. Он выявил коррумпированность группы политиков и усилил политические брожения, что отразилось на политической стабильности и безопасности⁹.

В то время, когда возникли многочисленные вопросы внешней и внутренней политики, вследствие принятия нескольких важных законов, начиная с 1881 года, гражданам Сербии было предоставлено больше политических свобод. Закон о печати обеспечивал большую свободу информации; Закон о собраниях и объединениях допускал свободу выражать политические мнения и объединяться в политических це-

⁸ Князь Григорий Николаевич Трубецкой, российский посланник в Сербии периода Первой мировой войны, критиковал балканскую политику своего государства и ее последствия. «...Творцы Сан-Стефанского мира, – писал он, – воодушевлялись идеей о Болгарии от моря до моря... Болгария была любимым ребенком, Сербия – наша обойденная вниманием падчерица... После Берлинского конгресса Сербия оказалась в несравнимо худшем положении, чем Болгария. С севера ее прижимала полукругом австрийская граница. При этом у нее не было выхода к морю. Россия открыто покровительствовала Болгарии. Она не смогла, или не хотела взять под защиту жизненные интересы сербов и согласилась с австрийской аннексией Боснии и Герцеговины. Вследствие такого развития событий король Милан решил, что больше нечего ожидать от России и повернулся к Австрии... Такая линия никогда не имела популярности в Сербии... Сближение с Австрией могло происходить разве что по зову разума, но не сердца. С другой стороны, несмотря на серьезные причины огорчаться итогами российской дипломатии, сербский крестьянин продолжал верить в Россию» (Кнез Григорије Николајевић Трубецки, *Рајн на Балкану 1914–1917. и руска дијломаиџија*, Београд 1994, стр. 74–75).

⁹ Строительство железной дороги Белград – Ниш, которая значительно поспособствовала модернизации Сербии, ее военному укреплению, завершено в 1884 году.

лях; Законом о судьях судебная власть отделялась от исполнительной. Этими мерами властей начался мучительный процесс утверждения политических свобод и формирования соответствующих институтов.

Разнообразие политических идей и мнений было одним из показателей модернизации Сербии, в процессе которой складывались и первые современные политические партии¹⁰. Прежде других возникла Народная радикальная партия (*Народна радикална сѣранка*), официально созданная в январе 1881 года. Большинство ее вождей в молодости имело склонность к социалистическим идеям, но осознавало, что в стране, по преимуществу крестьянской, какой была Сербия, условия для социализма отсутствовали, поэтому политические цели и политическую борьбу следовало приспособить к существующим обстоятельствам. Радикалы выступали за конституционную реформу, в соответствии с которой власть, прежде всего – законодательная, была бы у Народной скупщины, за ограничение всевластия монарха, за децентрализацию государственного управления посредством местного самоуправления, за укрепление благосостояния народа и более активное участие крестьянства в политической жизни страны. Во внешней политике они ратовали за бескомпромиссное сохранение государственной независимости, за освобождение и объединение всего сербского народа, за союз с другими балканскими народами и за опору на Россию. Такая политическая программа отвергала тот курс внутренней и внешней политики, который режим обязался держать в соответствии с тайными соглашениями, заключенными с Веней. В то же время она привлекала много сторонников, особенно из низших слоев общества. Все вместе это делало радикалов опаснейшими противниками тогдашнего правителя Милана Обреновича.

Либеральная партия (*Либерална сѣранка*), лидеры которой провели Сербию через войны 1876–1878 годов, имела традицию большую, нежели Радикальная, хотя она формально тоже создана была в 1881 году. Во внутренней политике либералы выступали за ограниченный парламентаризм, постепенное расширение политических свобод, сильную исполнительную власть и мощный чиновно-полицейский аппарат,

¹⁰ О политических партиях в Сербии подробнее см.: Василије Крстић, Радос Лбушић, *Програми и сѣапући срѣских ѳолийчких сѣранака до 1918. године*, Београд 1991; Живан Живановић, *Полийччка историја Србије у другој ѳоловини девейнаесѳої века*, књ. 4, Београд 1925; Јаша М. Продановић, *Историја ѳолийчких сѣранака и сѣруја у Србији*, I, Београд 1947; Драгослав Јанковић, *О ѳолийчким сѣранкама у Србији XIX века*, Београд 1951; *Југословенски народи ѳред Први свейски рајѳ*, Београд 1976; Đ. Stanković, *Nikola Pašić i jugoslovensko pitanje*, књ. 1, Београд, 1985.

Они подчеркивали значимость Народной скупщины как законодательного органа и структуры, которая должна контролировать деятельность по управлению страной, однако были против того, чтобы усиливалось влияние неграмотного населения на политические события в стране. Во внешней политике либералы были настроены пророссийски.

Прогрессивная партия (*Найредна сѣранка*), третья влиятельная политическая организация Сербии, создана тоже в 1881 году. Она объединяла молодых, европейски образованных интеллектуалов с консервативными взглядами, которые не обеспечивали ей массовой поддержки. От других партий эта отличалась позицией, согласно которой династия является фактором стабильности, она должна быть защищена и оставаться вне всех видов конституционной борьбы. Предлагая свою программу модернизации страны, прогрессисты выступали за соблюдение законности, постепенные реформы, ограниченное избирательное право, ответственность министров, независимость суда и территориально-общинное самоуправление. Во внешнеполитическом аспекте их программа содержала требование обеспечить государственную независимость, укрепляя связи со славянскими народами и государствами. Вместе с тем прогрессисты не отрицали политики, в основе которой была опора на Австро-Венгерскую монархию.

Противодействия модернизации страны и общества были многочисленны и разнообразны, из-за чего Сербия медленно преображалась в современное государство, а ее общество – в современное общество. При всем этом изменения были заметны, и они охватывали все сферы общественной жизни. На политической сцене объявилось множество идей, различие которых стимулировало межпартийные столкновения. Ключевые институты государства – правитель, правительство и Народная скупщина действовали не в единстве, а боролись за политическое преимущество и доминацию. Усиливалось недовольство проавстрийской политикой и финансовыми аферами. Чтобы смягчить существующие проблемы и укрепить свой личный авторитет, князь Милан Обренович решил поднять Княжество Сербию в статус Королевства. И Народная скупщина, при поддержке Австро-Венгрии, 6 марта 1882 года провозгласила восстановление Королевства Сербии. Вопреки ожиданиям, это не поспособствовало решению спорных вопросов внешней и внутренней политики. Стремление короля реализовать программу стабилизации государства с помощью сильного чиновного аппарата и армии создало новые проблемы. Реформа, предусматривавшая изъятие у народа устаревших винтовок с последующим содержанием их на складах и

формирование регулярной армии, вызвала сопротивление радикалов и массовое неприятие такой политики. Противодействие, оказанное в Тимочском крае в октябре 1883 года, подавлено с кровопролитием. Взбунтовавшиеся крестьяне, недовольные мерами властей и ожесточенные из-за своего экономического положения, были наказаны сурово. Под угрозой смертной казни и многолетней каторги, некоторые лидеры радикалов вынуждены были бежать из страны и годы провести в эмиграции. Расправой режима с Радикальной партией ослаблено ее политическое влияние, что временно облегчило положение режима, а королю дало возможность ввести почти абсолютистскую форму правления¹¹.

Тяжким испытанием для Сербии, сербских политиков и военных стала сербско-болгарская война. Реагируя на объединение Княжества Болгария с Восточной Румелией, считая, что этим, вопреки решениям Берлинского конгресса, нарушается равновесие сил на Балканах в ущерб Сербии, король Милан 2 ноября 1885 года объявил войну с намерением завладеть северо-западными районами Болгарии. Не имея должной подготовки в военном отношении, а также мотивации в отношении политическом, Сербия эту войну проиграла. После поражения на Сливнице и в итоге посредничества Австро-Венгрии в 1886 году в Бухаресте подписан мирный договор. Военная авантюра короля Милана Обреновича не повлекла за собой территориальных потерь и обязанности возместить нанесенный ущерб, но повлияла на международный авторитет страны, авторитет монарха и династии, поставила под сомнение способности и престиж армии. Противодействуя национальному объединению Болгарии, Сербия на своей восточной границе обрела соседа недоверчивого, недовольного и враждебно настроенного. Из-за этого на долгое время невозможной стала реализация идеи союза с Болгарией для решения балканских вопросов¹².

Поражение в войне с Болгарией, большое недовольство народа и внутривластное напряжение вынудили короля Милана Обреновича искать согласия с гражданскими партиями и осуществлять значительные перемены во внутренней политике. Первый шаг был предпринят в 1887 году – объявлена амнистия осужденным радикалам, а находившимся в эмиграции, за исключением Николы Пашича, разре-

¹¹ Подробнее см.: *Тимочка буна 1883. и њен друштвено-политички значај*, Зборник радова, Београд 1986; Андрија Раденић, „Тимочка буна 1883. године“, *Из историје Србије и Војводине 1834–1914*, Нови Сад 1973, стр. 503–540; *Историја српског народа*, VI-1, Београд 1983, стр. 73–75.

¹² М. Екмечић, *Сиварање Јуџославије 1790–1918*, књ. 2, стр. 379–381.

шено вернуться на родину. В следующем, 1888 году, в итоге сотрудничества партий и с опорой на бельгийский опыт, Сербия приняла новую Конституцию, в соответствии с которой учреждена парламентская система. Основной вопрос – разграничения полномочий правителя и Народной скупщины – решен таким образом, что законодательная власть поделена между этими двумя конститутивными субъектами. Народная скупщина при этом получила право принимать решения, касающиеся государственного бюджета. Положениями Конституции значительно расширены политические права граждан. Обеспечивалось право свободно выражать политические взгляды и создавать объединения. Конституция гарантировала свободу печати. Введено почти всеобщее избирательное право для мужчин. Выборы в Народную скупщину, по демократическому принципу, должны были быть тайными. Для того, чтобы деятельность Народной скупщины осуществлялась как можно более квалифицированно и профессионально, вводилось положение, согласно которому от каждого округа избирается по два посланника с высшим образованием. Министры за свои дела отвечали перед законом; гарантировалась независимость судов. Управление государством основывалось на принципах местного самоуправления¹³.

Принятием этой демократической, для того времени весьма прогрессивной, конституции король надеялся устранить самые важные причины политического недовольства в стране и поспособствовать подъему авторитета династии среди подданных. А после этого, на 34 году жизни, устав от политических конфликтов и не желая править в соответствии с новой Конституцией, в день семилетия провозглашения королевства, 6 марта 1889 года, монарх объявил, что отрекается от престола. Властные полномочия он оставлял тринадцатилетнему сыну Александру, от имени которого до его совершеннолетия управлять страной должно было Наместничество из трех лиц. Спустя несколько дней после отречения Милан Обренович потребовал, чтобы Наместничество помиловало Николу Пашича и разрешило ему вернуться в страну. С принятием новой Конституции, с уходом автократического властителя и иными политическими переменами внутривластные условия в стране на некоторое время улучшились. Об особенностях политической жизни этого периода свидетельствует то, что прежде гонимая Радикальная партия стала партией правящей. После шестилет-

¹³ Устйави и владе Кнежевине Србије, Краљевине Србије, Краљевине СХС и Краљевине Југославије (1935–1941), Београд 1988, стр. 105–134.

него изгнания и политического помилования Никола Пашич уже в 1890 году был избран Председателем Народной скупщины, а в следующем, 1891, году – Председателем правительства.

Во внутренней политике новое направление подтверждалось принятием законов, которые облегчали положение крестьянства и вводили бережливость в расходование государственных денежных средств. Во внешнеполитическом плане наблюдалось ухудшение отношений с монархией Габсбургов. Расторжением договоров об эксплуатации железных дорог (1889 года) и монополии на торговлю солью и табаком (1890 года) правительство радикалов начало борьбу за экономическую независимость от Австро-Венгрии. Пророссийской ориентации внешней политики и возобновлению связей с Российской империей поспособствовал и официальный визит короля Александра Обреновича в Россию. Во время этого визита сербской армии было подарено большое количество винтовок и иного военного снаряжения – как знак доброй воли.

Большую роль в той борьбе за существование, которую приходилось вести Сербии, впрочем, играла дипломатия. Сербские дипломаты подходили к балканскому вопросу как совокупности «мелких и крупных чрезвычайностей и легко вспыхивающих конфликтов». Присутствие на Балканах иностранных держав делало все конфликты более мощными, непредсказуемыми и трагичными. Политика великих держав вынуждала малые государства приспособляться к их амбициям, а свои законные интересы согласовывать со стратегическими доктринами больших сил. Опыт показывал, что приспособление является предпосылкой существования, а оно, в зависимости от ситуации, влечет за собой либо поощрения, либо наказания. Императивом внешней политики была необходимость внимательно следить за всем тем, что происходило в Турецкой и Австро-Венгерской империях, а также в европейских столицах – за волнениями, протестами, распространяющимися идеями, за поворотами в политике и столкновениями интересов. От умения дипломатов предчувствовать, правильно видеть и адекватно оценивать поведение великих держав во многом зависела будущность таких небольших стран, какой была Сербия¹⁴.

¹⁴ О сербской дипломатии подробнее см.: *Zapisnici sa sednica Ministarskog saveta Kraljevine Srbije 1915–1918*, рг. Bogumil Hrabak i Bogdan Krizman, Beograd, 1976; *Документи о сјољној пољитици Краљевине Србије 1903–1914*, V (1–3), VI (1–2), VII (1–2), Београд 1980–1985; Милан Ракић, *Конзулска писма 1905–1911*, пр. Андреј Митровић, Београд 1985; Димитрије Ђорђевић, *Милован Миловановић*, Београд 1962; Љиљана Алексић-Пејковић, *Односи Србије са Француском и Енглеском 1903–1914*,

В разгар политического кризиса, вызванного семейными трениями бывшей королевской четы, удалением королевы Наталии из страны, согласием Милана Обреновича за денежную компенсацию отказаться от сербского гражданства, смертью одного из наместников, падением правительства и открытыми политическими расправами, король Александр Обренович совершил первый из ряда переворотов, которыми ознаменовалось его правление. В начале 1893 года он объявил себя совершеннолетним и ликвидировал Наместничество. Но это было только первое антиконституционное решение нового властителя, который своей вероломностью в последующие годы способствовал смене двенадцати правительств и осуществлению еще трех государственных переворотов. Годом позднее, 21 мая 1894 года, монарх специальной Прокламацией отменил Конституцию 1888 года и вернул в действие Конституцию 1869 года. Этому предшествовало незаконное возвращение короля Милана в страну и назначение его командующим армии с большими полномочиями. Названные политические шаги сопровождались отменой демократических свобод и вольнодумных законов, увольнением со службы политических оппонентов и арестами политических противников. Столкновениями личной власти короля из династии Обреновичей и власти Народной скупщины, в которой

Београд 1965; *Oslobodilački pokreti jugoslovenskih naroda od XVI veka do početka Prvog svetskog rata*, Zbornik radova, Београд, 1976; *Србија у завршној фази велике источне кризе (1877–1878)*, Зборник радова, Београд, 1980; А. Mitrović, *Prodor na Balkan i Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908–1918*, Београд, 1981; *Сиварање југословенске државе 1918*, Зборник радова, Београд, 1983; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije 1914–1918*, Београд, 1984; *Живои и рад Јована Ристића*, Зборник радова, Београд, 1985; Михаило Војводић, *Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века*, Београд, 1988; *Србија 1918. и сиварање Југославије*, Зборник радова, Београд, 1989; Ubavka Ostojić-Fejić, *SAD i Srbija 1914–1918*, Београд, 1994; Д. Ђорђевић, *Националне револуције балканских народа 1804–1914*, Београд, 1995; *Стијан Новаковић. Личности и дело*, Зборник радова, Београд, 1995; Драгољуб Живојиновић, *Црна Гора у борби за ојсџанак 1914–1922*, Београд, 1996; *Европа и Срби*, Зборник радова, Београд, 1996; *Ислам, Балкан и велике силе (XIV–XX век)*. Зборник радова, Београд, 1997; Д. Ђорђевић, *Поретке из новије српске историје*, Београд, 1997; *Никола Пашић – живои и дело*, Зборник радова, Београд, 1997; *Слободан Јовановић – личности и дело*, Зборник радова, Београд, 1998; М. Војводић, *Пушеви српске дипломатије – олеги о сивој иполијици Србије у XIX и XX веку*, Београд, 1999; М. Војводић, *Србија и Балканско ипшање 1875–1914*, Нови Сад, 2000; Д. Живојиновић, *Невољни савезници: Русија, Француска, Велика Бријанија и САД 1914–1918*, Београд, 2000; *Европа и источни ипшање*, Зборник радова, Београд, 2001; Душан Батаковић, *Косово и Мејхођа у српско-арбанашким односима*, Београд, 2006; М. Војводић, *Стијан Новаковић у служби националних и државних ипшереца*, Београд, 2012.

доминировала Радикальная партия, озаменованы последние годы XIX века. «Усилия», с которыми Сербия старалась решить свои внутренние вопросы, перенесены и в XX век.

Смены правительств, замена Конституции, применение насильственных методов в расправах с политическими противниками, государственные перевороты, введение чрезвычайного положения и создание чрезвычайных судов, многочисленные скандалы и аферы, политическая неуравновешенность и личные амбиции привели к тому, что последний властитель из династии Обреновичей нажил много врагов. И число таких было увеличено его решением жениться на Драге Машин. Общественность патриархальной Сербии не готова была принять брак своего правителя с бывшей придворной дамой королевы Наталии, вдовой, которая была на десяток лет старше короля и по отношению к которой существовало сомнение, что она династии и стране подарит престолонаследника. Совсем неприличным этот брак считали члены королевской семьи, политики, высшие священнослужители, интеллигенция и военные, но противников такого брака преследовали как врагов государства.

С целью успокоить множественные проявления недовольства король Александр попытался сблизиться с радикалами, освобождая их лидеров из заключения, в которое они попали по обвинениям, что в 1899 году организовали покушение на бывшего короля Милана (*Иваньдански аџенџај* / Ивановденское покушение), а иным разрешая вернуться из эмиграции. Как существенную меру, которая должна была убавить непопулярность режима, в 1901 году монарх объявил о введении Даруемой Конституции (*Окџироисаној Усџава*). Основные положения ее являлись новыми для существовавшей парламентской практики. Сербия впервые в своей истории получила двухпалатное Народное представительство, которое состояло из Скупщины и Сената. Согласно установлениям Конституции, депутаты Скупщины избирались, две трети сенаторов назначал непосредственно король, а треть определялась выборами. Как и в других странах, где существовала такая форма парламентаризма, в Сербии институт Сената позволял королю контролировать большинство Скупщины. Кроме того, король делил со Скупщиной законодательную власть. И, наконец, Конституция предусматривала, что исполнительная власть несет ответственность перед королем, а не перед Скупщиной.

Принятие Конституции 1901 года помогло королю Александру Обреновичу заручиться поддержкой совместного правительства ради-

калов и прогрессистов, но не устранило существовавших политических разногласий. Общественность возмущалась ограничениями политических свобод и произволом власти. Напряжение усиливали скандалы в семье Обренович, слишком большое влияние братьев королевы и особенно – ее выдуманная беременность. Возникшую ситуацию оппозиция охарактеризовала посредством зловещего определения-предупреждения: «Лучше конец с ужасом, чем ужас без конца». Недовольство достигло апогея в марте 1903 года, когда прошли массовые демонстрации белградских студентов, рабочих и части горожан. В столкновениях демонстрантов с полицией и армией было немало раненых и погибших. Все это побудило короля произвести еще одну государственную реформу. Между тем, оказалось, что вследствие этого существующие проблемы только усугубляются. После неудачных смен правительства в апреле 1903 года Александр Обренович за один день осуществил две государственные реформы: в итоге первой отменил Конституцию 1901 года, поменял составы Сената, Государственного совета и судов, а второй – вернул Конституцию в действие. Сторонники демократии сочли, что такими действиями парламентаризм подвергнут издевательству.

Вопреки политике, которую вел Александр Обренович, стремление сербов к гражданским правам и политическим свободам становилось все сильнее. Борьба за них, забота о судьбе государства и желание, чтобы оно модернизировалось, свидетельствовали о зрелости сербского общества. И временные успехи короля во внешней политике не могли погасить недовольства его правлением.

Из внешнеполитических событий большое значение имела его встреча с черногорским князем Николой Петровичем 28 июня 1896 года, в день святого Вида – большой религиозный и национальный праздник сербов. Сама встреча и символическая дата ее вызвали обеспокоенность у верхов Австро-Венгерской монархии, всегда с подозрением относившейся к самостоятельным действиям Сербии, политическим планам ее на Балканах. Вскоре после этого король посетил Стамбул и добился улучшения отношений с Турцией, после чего Константинопольская Патриархия дала согласие поставить во главе епархий в Призрене и Скопье иерархов сербской национальности. И все-таки озабоченность проблемами, возникшими как в личном, так и во внутривнутриполитическом планах, не позволила ему посвятить больше внимания внешнеполитическим делам. Соответственно, внешняя политика Сербии так же, как и внутренняя, была нестабильной – без последовательности и без четкой программы, в метаниях между Австро-Венгрией и Россией.

Пророссийски настроенные радикалы стремились привязать Сербию как можно больше к России. По мнению Николы Пашича, Сербия не могла себе позволить обид на великую православную державу из-за Сан-Стефанского мирного договора и Берлинского конгресса. Тем более что развитие ситуации в Европе предвещало судьбоносное столкновение германцев со славянами. Между тем, позиции короля Александра во внешней политике были близки тем, которые занимал его отец; так что на протяжении значительного периода своего правления он придерживался проавстрийской ориентации. После возвращения короля Милана в Сербию дипломатические отношения с Россией на некоторое время были даже прерваны, и российский посланник отозван из Белграда. Тогда же Россия отказала Сербии в кредитах, чем воспользовалась Австро-Венгрия, пытаясь восстановить в Сербском королевстве свое влияние и торговую монополию. Российско-сербские отношения несколько улучшились во время женитьбы короля, когда ему потребовалась поддержка, и царь Николай II Романов, через своего посланника, стал свадебным свидетелем. Помимо этого, Россия поддержала сербскую просветительскую и церковную политику в Старой Сербии, направленную на сохранение национального самосознания сербских жителей края. Однако общественность Сербии оставалась недовольной достигнутыми результатами.

К немногочисленным успехам режима Александра Обреновича относится военная реформа, осуществленная под руководством его отца, Милана Обреновича¹⁵. Хотя политические и экономические условия были неблагоприятными, усовершенствована организация армии и проведена ее техническая модернизация. Реформа изменила и отношение властей к вопросам обороны страны, поскольку прежде очень долго действовал принцип, согласно которому самыми лучшими решениями являются решения самые дешевые. На протяжении 1897–1900 годов военный бюджет был увеличен почти вдвое. Из общего бюджета на потребности армии в 1898 году выделялось 17%, а в 1900 – уже около 26–27%¹⁶. Были найдены и дополнительные источники финансирования, которые обеспечивали бóльшие закупки для армии. Взяв кредиты,

¹⁵ Подробнее см.: Милић Ј. Милићевић, *Реформа војске Србије 1897–1900*, Београд 2002.

¹⁶ На тот момент, когда началась реформа, Сербия из бюджета для армии выделяла 4,46 динара на душу населения, а в 1900 году – уже 8,04 динара. Совокупные расходы Сербии на потребности армии были вдвое меньше, чем в среднем у остальных европейских государств (*Там же*, с. 23–27).

страна приобрела новое военное снаряжение, армия получила скорострельное оружие, были построены многочисленные военные объекты, началась систематическая работа по подготовке офицерских кадров и введено более современное обучение рекрутов¹⁷. В состав армии влилось исключительно много офицеров, получивших образование в 1897–1900 годах, в рамках политики омоложения. Они очень быстро заняли ответственные должности, а со временем приобрели и надлежащий военный опыт, который способствовал успехам в войнах 1912–1918 годов. В ходе того же процесса реформ и модернизации армии сербский крестьянин, воин по духу и традиции, пережил существенную эволюцию. Реформа обеспечила преемственность между теми мерами по созданию регулярной армии, которые были предприняты в начале правления Милана Обреновича, и позднейшей подготовкой к ведению войн балканских и Первой мировой.

Недовольство общественности политикой, которую вел Александр Обренович, предопределило судьбу этого правителя. В ночь с 29 на 30 мая 1903 года (по «старому», юлианскому календарю) группа офицеров-заговорщиков, поддержанная несколькими влиятельными политиками, совершила государственный переворот, известный под названием «Майский переворот». Предводительствуемые капитаном Драгутином Димитриевичем Аписом заговорщики, ворвавшись во дворец, убили короля Александра и королеву Драгу и выбросили их тела через окно. Такой вот эпилог имел заговор, подготовка которого началась еще в 1901 году. Жестокой расправой с королевской четой завершилось правление династии Обреновичей. Но открытым остался вопрос о причинах такого исторического результата. Как причина офицерского бунта называлось недовольство состоянием армии, низкими и нерегулярными жалованиями, частыми дворцовыми скандалами, пассивностью в осуществлении национальной политики. Гражданские политические деятели, учитывая неодобрительное восприятие женитьбы короля, считали, что причины все-таки значительно сложнее и глубже; искать их следует в том, что правление Милана и Александра Обреновичей представляло собою обрыв прежнего исторического развития сербской нации. А особенность этого развития заключалась в том, что почти параллельно шли два процесса: борьба за национально-государственную

¹⁷ За короткий срок, 1898–1899 гг., построено 17 значительных военных объектов, прежде всего – современных казарм. Можно сказать, не осталось таких более-менее значимых городов, где бы не был возведен какой-то важный военный объект – казарма, склад, госпиталь (*Там же*, с. 31).

независимость и борьба за гражданские и политические свободы. По мнению современников и по толкованиям историков, своими недемократическими действиями, политической незрелостью и национальной пассивностью король Александр Обренович остановил это историческое движение, став для него преградой.

ПОДЪЕМ КОРОЛЕВСТВА СЕРБИЯ (1903–1904)

Майский переворот вследствие влияния, оказанного на политическое, экономическое и культурное развитие, стал одним из важнейших событий истории Сербии. Династической сменой завершено длительное соперничество двух династий – Обреновичей и Карагеоргиевичей, – которое обостряло и без того частые кризисы, расходуя энергию нации. При острой межпартийной борьбе и участии армии в политике Сербия вступила в совершенно особую, весьма четко обозначившуюся эпоху. Укрепление демократических институтов, парламентарной системы законности сопровождалось расцветом науки и культуры. В науке стал доминировать критический метод. А поколениям, которые воспитывались в школах и Белградском университете, критический взгляд на прошлое давал возможность четче видеть будущее. Общее духовное преображение находило опору в сербском языке, «который освобождался от неестественных влияний – прежде всего немецкого, и под излучениями французского обретал гибкое, блестящее выражение»¹⁸. Все это способствовало процессу окончательного национального освобождения, которому были посвящены жизни многих поколений, в успехе которого они не сомневались и ради которого были готовы на жертвы.

Политической и общественной жизни этого времени свойственны многие противоречия. Всего лишь за одно столетие после Первого восстания Сербия, в качестве образцов принимая опыт самых передовых и самых демократичных стран Европы, создала почти все государственные учреждения в соответствии с требованиями времени¹⁹. Но при

¹⁸ Радован Самаричић, *Igeje za srpsku istoriju*, Београд 1989, стр. 255.

¹⁹ Делая обзор периода от Первого сербского восстания 1804 года до начала Первой мировой войны 1914 года, известный сербский интеллектуал и политик Милан Грол писал: «Два восстания, при сражениях из года в год, при расправах, при повальном уничтожении, при бегствах в леса и через границу, а сразу же затем, в этой смуте, под угрозой турецких пушек с крепостей, лихорадочная организация государства под руководством неграмотных крестьян, первое поколение

этом в начале XX века она все еще оставалась страной, по преимуществу аграрной, крестьянской и экономически слабо развитой. Основные социальные слои пребывали под гнетом бедности. Численность школ, особенно в сельской местности, была недостаточной, чтобы ликвидировать безграмотность, сопровождавшуюся невежеством и примитивностью. Отсутствие развитой политической культуры и политические страсти сказывались на баталиях, в ходе которых оппонентов объявляли врагами. Все это создавало впечатление, что страна оказалась на грани внутренней войны всех против всех. С другой же стороны, бесспорным был достигнутый прогресс.

Заговорщики, свергнувшие короля Александра Обреновича, на опустевший престол планировали возвести Петра Карагеоргиевича – внука Георгия Петровича Кара-Георгия, предводителя Первого сербского восстания. Между тем, до того как новый король прибыл из Швейцарии в Сербию, осуществлены важные политические преобразования. Непосредственно после переворота создано правительство, задачей которого было поддерживать в стране порядок и созвать распущенное Народное представительство. Сразу после созыва оно приняло ряд решений: заговорщики и участники перевороты освобождены от всякой ответственности за убийство королевской четы; с небольшими изменениями возвращена в действие Конституция 1888 года, а уже после этого Петру Карагеоргиевичу направлено приглашение, чтобы вернулся в страну. Последовательность этих политических шагов имела далеко идущие результаты. Влияние офицеров на них указывало, что армия не собиралась оставлять политическую арену, совсем наоборот – намеревалась остаться на ней как своего рода контроль и предостережение. А тем, что новый король, Петар I Карагеоргиевич,

---

которых имеет уже Лицей, Общество сербской словесности, Национальный театр, борьбу за язык, борьбу за конституцию. На эти сто с небольшим лет приходится попеременно пять правлений двух династий и девяти властителей, из которых два свергнуты, два принуждены к отречению, четыре убиты, один умер в изгнании; за это время произошло десять конституционных перемен, столько же примерно государственных заговоров, переворотов и бунтов в стране, а еще Венгерская революция, восстание в Герцеговине, Аннексия, и сверх того – пять войн за неполные сорок лет, с 1876 по 1914». «Безо всяких сомнений, – делал он вывод, – сам этот реестр событий и дат показывает, что представляют они... в истории Сербии: период мучительного рождения государства и конституционного строя, тяжелейших испытаний, через которые прошло устройство национальной жизни» (Милан Грол, *Из предграјине Србије. Ујисци и сећања о времену и лудима*, Београд 1939, стр. 6, 23).

присягал на Конституции 1903 года, на которой не было его подписи, давалось понять, что центр политических решений из королевского двора переместился в Народную скупщину. Так или иначе, большая победа, одержанная с помощью армии, на политической жизни сказалась. Новому правителю были близки демократические идеи, однако расправа с королем Александром Обреновичем в памяти его преемников оставалась как предостережение.

И после осуществленного переворота армия принимала участие в политике. Поскольку ее политическое влияние основывалось не на действующей Конституции 1903 года, она являлась «внеконституционным фактором». Ее вмешательства в политическую жизнь вели к милитаризации общества, придавали особый характер управлению страной и парламентской системе.

То, что в общественной жизни заметные роли достались офицерам – особенно участвовавшим в осуществлении Майского переворота, а впоследствии получившим высшие чины и важные должности – создавало также внешнеполитические проблемы. Великие державы, прежде всего Великобритания, возмущались тем, что в близком окружении короля находятся офицеры-заговорщики, и требовали, чтобы совершившие династический переворот и убийство Александра Обреновича были устранены от двора и наказаны. Так называемый «вопрос заговорщиков» был решен лишь в 1906 году, когда группу офицеров отправили в отставку. Однако всего несколько лет спустя, в 1911 году, эти офицеры, прежде всего более молодые, создали тайную национальную организацию «Объединение или смерть» (*Уједињење или смрт*), которая известна также под названием «Черная рука» (*Црна рука*). По замыслу создателей, она должна была осуществлять революционную деятельность вне границ Сербии, спланировать вокруг армии народных революционеров из всех югославянских областей и всемерно способствовать объединению сербского народа²⁰.

²⁰ В четвертом пункте «Устава 'Черной руки' отмечено, что для «выполнения своей задачи организация, в соответствии с характером своего существа, влияет на все официальные факторы в Сербии как Пьемонте, на все общественные слои и в целом на общественную жизнь в ней» и что она «проводит революционную организационную работу на всех территориях, где живут сербы» (Васа Казимировић, *Црна Рука. Личности и догађаји у Србији од Мајског преврата 1903. до Солунског процеса 1917*, Нови Сад 2013, стр. 341). См. также: Дејвид Мекензи, *Ајис*, Горњи Милановац 1989; Д. Мекензи, *Солунски процес*, Београд 1998; М. Ж. Живановић, *Луковник Ајис*, Београд 1955.

Новый этап в истории Сербии был омрачен еще одной тенью. Хотя короля Александра Обреновича и королеву Драгу ненавидели как политические партии, так и народ, жестокое убийство их, а также других близких к ним людей, отягощало сознание – особенно тех, кто беспощадной критикой режима подталкивал офицерство к заговору. Признавая тяжесть этого деяния, современники оправдывали его тем, что свергнутый режим был деспотичным, а в итоге сербское общество стало развиваться демократически. Не без оснований подчеркивалось, что всего лишь за несколько лет бывшие «подданные» стали «гражданами». В этом и заключалась наибольшая значимость периода правления Петра I Карагеоргиевича. Вместе с тем, жестокое убийство королевской четы, ошеломившее Европу, послужило основанием для того, чтобы распространять о Сербии и сербах нелицеприятные мнения, которые в политических и военных целях использовались пропагандой, особенно империи Габсбургов.

С начала XX века в политической жизни Сербии начали терять силы Либеральная и Прогрессивная партии. В отличие от них, все большее влияние приобретали партии Народная радикальная и Самостоятельная радикальная; вторая из них возникла в результате отделения от первой группы интеллектуалов, по преимуществу молодых. Самостоятельные радикалы (*«самостйалци»*) представляли одно из самых значительных явлений в сербской политической истории. Из Народной радикальной партии они вышли не из-за неудовлетворенности программой, а потому, что считали нарушенными партийные принципы. Вождей радикалов, прежде всего Николу Пашича, они упрекали за то, что те нехорошо себя вели во время кризиса в связи с «Ивановденским покушением», что согласились на учреждение Сената по Конституции 1901 года и сотрудничали с непопулярными «прогрессистами». Объявив себя «полицией нравов», они стремились к тому, чтобы Сербию сделать современным государством, устроенным так, как устроены наиболее развитые демократические страны Европы. Но вскоре после оформления новой отдельной партии в ее программу была внесена также установка «развивать дух югославянской общности». Руководство ее сложилось в основном из преподавателей университета и гимназий, адвокатов и предпринимателей.

В моменты проверки сил – прежде всего, на выборах в Скупщину – преимущество получали все же старые радикалы, как более искусные и политически опытные. Но соперничество между партиями зачастую было весьма жестким и беспощадным – настолько, что лишь за период с 1903 по 1914 годы формировалось 17 прави-

тельств²¹. Обе партии, между тем, уважали принципы парламентаризма и стремились развивать демократию. Хотя большим авторитетом пользовались такие лидеры Самостоятельной радикальной партии, как Любомир Живкович, Любомир Стоянович и Любомир Давидович, наиболее значительную политическую роль в стране и далее имел Никола Пашич.

В начале XX века в Сербии была сформирована также Сербская социал-демократическая партия, которая взялась отстаивать интересы немногочисленного рабочего класса, бороться за равноправие женщин, сокращение времени работы, запрет детского труда, социальную справедливость... Чтобы достичь этих целей, социал-демократы организовывали забастовки и демонстрации. Им тоже была близка идея объединения балканских народов. В Скупщине они имели двух депутатов во главе с Димитрием Туцовичем.

За социальную справедливость выступали и многие представители интеллигенции из Самостоятельной радикальной партии, которые считали, что борьба за демократию не может ограничиваться только политическими свободами, а облагородить ее следует также социальными правами. Последовательно отстаивая такие позиции, «самосийалци» добились того, что в 1910 году был принят Закон о трудовой деятельности, который обеспечивал юридическую защиту трудящихся.

Королевство Сербия в начале XX века имело численность населения бóльшую, чем Греция и Черногория, но меньшую, чем Румыния и Болгария. В 1910 году на ее территории проживало около 3 миллионов человек (2 922 058), причем каждые пять лет численность граждан увеличивалась примерно на 190 000. Такой ускоренный рост населения происходил как за счет рождаемости, так и за счет переселенцев из Турции и Австро-Венгрии, где проживало около 2 миллионов сербов²².

²¹ О парламентаризме в Сербии подробнее см.: В. Крестић, Р. Љушић, *нав. дело*; Ж. Живановић, *нав. дело*, књ. 4; Миливоје Поповић, *Борба за парламентарни режим у Србији*, Београд 1939; Д. Живојиновић, *Пејџар I Карађорђевић*, I–II, Београд 1988; Olga Popović-Obradović, „Političke stranke i izbori u Kraljevini Srbiji 1903–1914. Prilog istoriji stranačkog pluralizma“, *Srbija u modernizacionim procesima XX veka*, Београд 1994, стр. 333–348; О. Поповић-Обрадовић, *Парламентаризам у Србији 1903–1914*, Београд 1998; Дубравка Стојановић, *Србија и демократија 1903–1914. Историјска студија о „злајном гобу српске демократије“*, Београд 2003; Д. Т. Батаковић, „О парламентарној демократији у Србији 1903–1914“, *Глас САНУ*, књ. CDXX, Београд 2012, стр. 391–408.

²² О состоянии общества в Сербии подробнее см.: *Јуџословенски народи њрег Први свејски рај*, Посебна издања САНУ, књ. CDXVI, Београд 1967; Д. Ђорђевић,

Вплоть до Балканских войн преимущественная часть граждан Сербии – православной веры и сербской национальности (98,6%). Как в вероисповедном, так и в национальном отношении Сербия была в числе наиболее однородных стран Европы. Представители иных национальностей главным образом жили в городах, в Белграде прежде всего, где в 1910 году было: католиков – 5 433, евреев – 4 192, протестантов – 586, мусульман – 362.

Население Сербии этой эпохи было по преимуществу сельским. В 1905 году крестьянство составляло 87,31% всех граждан страны. Значительно меньшей была численность ремесленников, торговцев и государственных служащих разных сфер. Соответственно, мало было настоящих городов. Статус города имело 24 населенных пункта, и в них проживало немногим более 350 тысяч человек. Свыше 10 тысяч жителей насчитывалось только в 6 городах. В связи с этим, помимо Белграда, немногие населенные пункты могли называться городами. Сам Белград – как административный, экономический и культурный центр – в 1900 году имел около 70 000 жителей и являлся третьей по величине (после Афин и Бухареста) столицей на Балканах. Хотя он, как и страна в целом, быстро развивался, так что к 1910 году в нем насчитывалось уже 90 000 жителей.

Образовательный уровень городского населения был значительно выше, чем населения сельского. Об этом свидетельствуют показатели общей грамотности. Если среди горожан неграмотных было примерно 45%, то среди сельчан – около 77%. Для решения такой сложной проблемы просвещения и образования первые серьезные шаги предприняты в 1882 году, когда был принят Закон о начальных школах. Обучение в начальной школе стало обязательным для всех мальчиков и девочек, достигших семилетнего возраста, но в осуществлении установок этого закона возникали немалые трудности. Бедное государство было не в состоянии предоставить необходимые для школ здания, подготовленные учительские кадры, учебные пособия. Кроме того, невежественные крестьяне зачастую не осознавали потребности в учебе, особенно для девочек; поэтому возникало значительное сопротивление.

При всем этом, хотя и не быстрыми темпами, просвещение распространялось, выводя Сербию на уровень требований своего времени. В

„Српско друштво 1903–1914“, *Марксистичка мисао*, бр. 4/1985, стр. 125–136; D. Đorđević, *Serbian Society 1903–1914, East Central European Society and the Balkan Wars*, New York 1987, 204–214.

1913 году она имела уже 1 425 начальных школ, в которых проходило обучение около 140 000 детей; причем в 163 школах обучалось около 30 000 девочек. Кроме того, существовало еще два десятка гимназий и десяток частных школ, но этого было недостаточно, чтобы удовлетворить потребности общества в образованных кадрах. На начало XX века в Сербии имелось всего лишь 249 врачей, 262 адвоката, 155 инженеров, 64 ветеринара и 148 судей, что свидетельствует о несоответствии имеющихся возможностей желаниям ускоренно развиваться.

Для подготовки сербского государства и сербского народа к условиям XX века школа имела чрезвычайно большое значение²³. И роль, которую она получала в обществе, была весьма высокой. Новыми законами, созданием системы просвещения и формированием педагогических кадров нужно было компенсировать то, что упущено в предшествующие десятилетия, осуществить настоящую просветительско-образовательную революцию и обеспечить прогресс в будущем. Перемены были обусловлены уже самим принятием нового законодательства в сфере просвещения и созданием новых образовательных программ, а на практике они проявились в новом содержании обучения и в конкретных знаниях, которые реформированная школа давала учащимся. Кроме того, школа стала важным учреждением, потому что она формировала гражданина, способного воспринимать и развивать идеи эпохи. Таким образом, был сделан «большой шаг» в XX век, вызванный пониманием, что «новая эпоха» началась и к ней нужно подготовиться посредством школы, создать соответствующие институты, обеспечить общее культурное возрождение. Аграрное общество Сербии должно было ответить на вызовы рынка, технологического прогресса, электрификации, урбанизации, дорожно-транспортных связей и всего иного, что несла с собой новая эпоха. Новое сознание, формировавшееся модернизированной школой, включало вытеснение традиционных представлений о нравственности, мифов и верований и приобщение к новым идеям, представлениям, нормам поведения, способам производства. Тем самым подтверждались мнения авторитетных интеллектуалов Сербии конца XIX века, что сербское общество в целом и отдельные члены его в наступающем столетии «будут иметь столько, сколько готовы вложить в

²³ О модернизации образования подробнее см.: Владета Тешић, „Школство у XIX веку“, *Историја Београда*, кн. 2, Београд 1974, стр. 569–609; Арсен Ђуровић, *Космопошко истрајање за новом школом. Модернизацијски изазови у систему средњошколској образовања у Београду (1880–1905)*, Београд 1999; А. Ђуровић, *Модернизација образовања у Краљевини Србији (1905–1914)*, Београд 2004.

свое образование». В Сербии, полной контрастов и скованной старыми привычками, школа создавала представление о знаниях как одном из краеугольных камней общественного прогресса. Оказалось, что представители поколения, сформировавшегося благодаря современному образованию, помимо прочего, способны влиять на процессы в сербском обществе, на темпы и перспективы развития. Став олицетворением эпохи, они в должной мере осознавали, что нужно делать и как войти в новые условия. Школа и время, чреватое судьбоносными событиями, формировали поколение людей с большими замыслами и большими амбициями. Им свойственны были стремление получить знания и опыт в передовых странах зарубежья, увлеченность планированием будущего, подчинение личной жизни интересам нации, самоотверженный труд, готовность к жертвам, твердая вера в успех и желание, чтобы Сербия стала современным европейским государством²⁴.

Сербские политики считали, что хорошая школа, система просвещения обеспечивает объединение сербского народа и его будущность. По их мнению, «духовная революция» стимулировала освободительные устремления сербов, определяющим образом влияя на формирование программы, как освобождения достичь. Исходя из этого, Сербия значительно больше, чем прежде, стала поддерживать развитие культуры и просвещения сербского народа вне своих границ. Она строила школы, посылала книги, заботилась о подготовке учителей и их распределении по краям, где проживали сербы; старалась также, чтобы сербские книги доходили до университетских библиотек в европейских столицах и в других значительных центрах культуры.

Большим стимулом для просвещения в целом стало развитие системы высшего образования. Из Лицея, основанного в 1837 году, выросла Высшая школа (*Велика школа*, 1867), которая в 1905 году была преобразована в Белградский университет. Стремясь формировать свою интеллектуальную элиту, сербское государство выделяло стипендии, благодаря которым студенты могли учиться и в зарубежных университетах. Для завершения учебы или получения ученых степеней молодые люди отправлялись чаще всего в университеты Франции, Швейцарии, Германии, реже – в университеты британские, австрийские, российские и в пражский Карлов университет. Особо значимым явлением были так называемые «парижане» – бывшие французские студенты,

²⁴ Характеристики этого поколения подробнее см: Милан Грол, *нав. дело*; Мира Радојевић, *Научник и пољитика. Пољитичка биографија Божидара Б. Марковића (1874–1946)*, Београд 2007.

которые после возвращения в Сербию оставались связанными с культурой и наукой Франции, а также с французскими представлениями о политических свободах. А поскольку в Сербии высокообразованные люди быстро получали важные должности во всех сферах государственного управления, это способствовало тому, что французская политика принималась за образец. Второй особенностью являлось то, что интеллигенция стала заменой аристократии, которой не существовало. И это было одной из причин того, что образованные люди часто «занимались политикой», наряду со своей профессией. Так, среди лидеров партий было много университетских и гимназических преподавателей, писателей, академиков и иных интеллектуалов. Уже к концу XIX века Сербия перестала нуждаться в образованных людях из Воеводины, которые в прежние десятилетия оказывали помощь при становлении сербского государства. Интеллектуальный центр сербства из Нови-Сада («сербских Афин») переместился в Белград²⁵.

Весьма важной особенностью политической и государственной жизни сербского государства на переломе XIX и XX веков было мощное влияние интеллектуальной элиты, сформировавшейся в почти безграмотной среде. С одной стороны, сама она смогла подняться на уровень европейской науки; а с другой – стимулировала политическое развитие своей страны и осуществляла программу окончательного национального освобождения. В результате ее активности появились многочисленные национально-патриотические организации: Народная оборона (*Народна одбрана*), Круг сербских сестер (*Коло српских сесѝара*), Круг сербских всадников (*Коло српских јахача*), общество «Душан Сильный» и др.

В то же время полуграмотная Сербия была заполонена множеством газет, журналов, книг самого разного содержания и назначения. Согласно регистрационному списку органов печати, в 1912 году издавалось 92 ежедневных газеты, 20 литературных, научных и политических журналов, 82 газеты, адресованные представителям определенных профессий. Общий годовой тираж периодической печати составлял

²⁵ Альбер Мале, француз, преподававший дипломатию королю Александру Обреновичу, был удивлен широтой образованности сербских интеллектуалов. «Всех этих преподавателей трогательно слушать, – записал он в своем дневнике 20 октября 1892 года, – многие получили дипломы в Сорбонне. Движения в нашей литературе они знают намного лучше, чем девяносто процентов грамотных французов. О наших писателях рассуждают удивительным образом... читают, чтобы знать, из удовольствия... Среди наших молодых писателей отличают тех, кто скоро пробьется в первый ряд; что критика у нас только начинает предвещать...» (Албер Мале, *Дневник са српској двора 1892–1894*, пр. Љильана Марковић, Београд 1999, стр. 96).

почти 50 миллионов экземпляров. В одном только Белграде выходило 15 ежедневных газет.

Очевидная политическая, национальная и интеллектуальная активность создавала впечатление, что общество полностью мобилизовано. Несмотря на политические, социальные и образовательные различия, население Сербии спланивало общий идеал, связанный с защитой государственной независимости и объединением тех частей сербской нации, которые проживали вне границ сербского государства. Это, как тогда говорили, было время «сильных людей» и «сильных чувств», время «бурное и мятежное». Подъем был налицо почти во всех сферах общественной жизни Сербии. Разные слои граждан ее в течение первого десятилетия XX века становились «способными к высшим подвигам и жертвам»²⁶. Один из современников писал, что именно в этот период сербский народ «готовился к самому большому своему прыжку»²⁷. А при взгляде извне Сербия имела привлекательность благодаря ее свободному, хотя и бедному крестьянству, развитию демократических институтов, почти всеобщему избирательному праву для мужчин и авторитету «народной династии». В «Моравском королевстве», как называли сербское государство в Австро-Венгрии, были созданы условия для того, чтобы национализм элитный перерос в массовый²⁸.

Белград в начале XX века стал центром многих важных событий. Здесь проводились художественные выставки югославян, съезды югославянских писателей, журналистов, педагогов и врачей. Этот город принимал также большие группы гимназистов и студентов из югославянских краев Австро-Венгрии. Он мог гордиться Королевской Академией наук, Национальным театром, Национальной библиотекой, Сербским литературным сообществом и другими учреждениями науки и культуры, приютами для старых женщин и детей-сирот, товариществом по кремированию, Олимпийским клубом, который на Олимпийские игры 1912 года послал первых двух спортсменов. А годом ранее белградцы увидели первый полет аэроплана.

Вместе со всеми этими важными учреждениями и «мировыми новшествами» сербское общество приобретало свой особый опыт. В ту эпоху демократизации, утверждения демократических принципов люди обретали навыки участия в политической жизни – могли с балконов

²⁶ Р. Самарцић, *нав. дело*, стр. 255.

²⁷ Dragoljub Jovanović, *Ljudi, ljudi..., Medaljoni 46 umrlih savremenika sa fotografijama*, knj. 2, Beograd, 1975, str. 24.

²⁸ М. Екмечић, *Сиварање Јујославије 1790–1918*, стр. 475.

Скупщины следить за политическими дискуссиями, свободно слушать лекции тех или иных профессоров университета и высказывать свои мнения по важным вопросам²⁹. Достигнутый таким образом уровень зрелости тоже способствовал подготовке к грядущим испытаниям.

Опыт, приобретенный сербской дипломатией на протяжении XIX и начала XX веков, показывал, что судьбу территорий решают не восстания, а интересы и намерения великих держав. Сербские политики были убеждены, что сокращение пространства пагубно, что оно ведет к маргинализации, провинциализации, что в будущем нужно стремиться к интеграции. Страстное желание объединить сербскую нацию в одном государстве было результатом убежденности, что будущность имеют только большие и сильные государства. В связи с войной возникала необходимость в защите долго восстанавливавшейся государственности и сохранении независимости. А в то же время открывалась перспектива, что исторический шанс объединения в большое и сильное государство будет реализован. По сути, вопрос объединения воспринимался как вопрос существования в будущем.

Сербские политики осознавали, что прогресс в развитии общества и государства – это требование эпохи, и он должен охватить все сферы жизни: экономику, образование, систему коммуникаций, армию, государственное управление, сознание граждан. По оценкам дипломатов, без усиления экономического потенциала страны, модернизации военной доктрины и вооружений армии Сербия была не способна на большее, чем «дипломатический протест», и не в состоянии добиться большего, нежели «скромные уступки». Элитам, которые руководили страной и планировали ее будущее, было ясно, что внешнеполитическое положение страны осложняется наличием экономических, полити-

²⁹ Глядя на «растрепанную» сербскую демократию, Альбер Мале не переставал удивляться. Даже во время правления династии Обреновичей Сербия для него была «настоящей страной демократии», в которой «каждый человек считается равным своему соседу», страной полуевропейской-полуориентальной, с народом, «прежде всего демократичным», однако недисциплинированным и в такой мере «без почтения к иерархии», что даже не встает тогда, когда король входит в театр или проходит мимо веранды какого-то белградского трактира. Более того, каждый крестьянин верит, что может за руку здороваться с коронованной особой так же, как с любым иным человеком. В то же время, это страна таких политических страстей, которые «иностранец себе не может и представить». Поразило его, например, спокойствие, с которым была воспринята прозвучавшая на публичном собрании либералов угроза одного радикального священника, что если они нарушат закон, то посреди Белграда будут «катать их головы» (А. Мале, *нав. дело*, стр. 87, 99, 132, 148, 150, 173).

ческих, финансовых, стратегических, геополитических и иных преград, устранение которых требовало больших усилий, знаний, тактических умений, упорства политиков и дипломатов.

Дипломатический опыт прежних вершителей внешней политики – Йована Ристича, Милована Миловановича, Стояна Новаковича и Николы Пашича – показывал, что нужно уравнивать события, контролировать горячие национальные настроения, осмотрительно формулировать свои внешнеполитические интересы и согласовывать их с доктринами великих держав. Закреплялось мнение, что на Балканах и конкретно в Сербии, в локальном масштабе, вершится мировая история (решение «Восточного вопроса»), поэтому с максимальным вниманием следует выявлять и анализировать «сигналы», поступающие из европейских столиц. Нужно было также формировать сознание, что не следует вступать в войну, если предварительно, дипломатическими средствами, не защищены вероятные итоги. В те времена, которые для Сербии благоприятными не были, исследовались собственные возможности, изучалась политика других стран и подчеркивалась необходимость в сотрудничестве балканских народов, несмотря на очевидность противоречий в интересах. Никола Пашич был уверен, что успех внешней политики зависит от способности «предвидеть события», а Йован Цвиич, наивысший авторитет в науке Сербии того времени, считал, что она свои особые интересы должна связывать с политикой великих союзнических держав³⁰.

На выбор векторов для сербской политики оказывал влияние ряд неординарных личностей, понимавших суть международных событий и в соответствии с этим ориентировавшихся. Сербские дипломаты в своих донесениях властям обращали внимание на то, сколь важно отслеживать и анализировать все происходящее в Турции и в европейских странах. Они считали, что «поведение великих» предопределяет, в качестве обязательных, те или иные политические позиции государств малых. Всякая недооценка политики великих держав рассматривалась как роковая для малых народов; поэтому поддержки и союзничества нужно было искать среди великих.

³⁰ См.: *Документи о сјољној пољитици Краљевине Србије 1903–1914*, V (1–3), VI (1–2), VII (1–2); М. Војводић, *Пушеви српске дијломаиције – ољеди о сјољној пољитици Србије у XIX и XX веку*; М. Војводић, *Србија и Балканско јийтање 1875–1914*; М. Војводић, *Србија у међународним односима крајем XIX и јочейком XX века*; М. Војводић, *Сјојан Новаковић у служби националних и државних ињтереса*; Д. Љ. Алексић-Пејковић, *нав. дело*.

Для поколения, перед которым в первые годы XX века стояла задача объединить весь сербский народ, важным оказался опыт, приобретенный в процессе государственного строительства на протяжении века XIX. Ключевая проблема объединения проистекала из «разорванности» сербского народа и его развития в различных условиях – Сербии, Турции, Австро-Венгрии. Не менее важными были и другие моменты: противостояния балканских народов, противоборство их государств, переплетения национальных интересов, а также сепаратизмы и антагонизмы, которые этим обусловлены. Все вместе это шло на пользу внешним силам, а балканским народам было в предостережение, что лишь на взаимопонимании, при сотрудничестве они могут добиться самостоятельности и существовать. Оценки сербских дипломатов относительно того, что один «совместный шаг» малых балканских государств «стоит больше, чем много отдельных шагов» каждого из них, оказались верными. Однако исторический процесс недолго шел в этом направлении. Споры балканских соседей по поводу раздела территорий европейской части Турции в итоге Первой балканской войны обернулись новым военным конфликтом, который на долгие годы стал «гробницей» любых попыток сербско-болгарского сотрудничества. Балканский союз разрушен, давние раздоры возобновлены, и Сербия с Болгарией вновь оказались по разные стороны.

Усугубление враждебности между ними протекало наряду с бесспорно положительным завершением исторического процесса освобождения балканских народов от многовекового османского владычества. На освобожденных от турок территориях уничтожалась феодальная система, а создавались условия для ускоренного экономического, социального и культурного развития. Королевство Сербия вышло из войн победоносно, завершив определенный этап объединения сербского народа. Учитывая важность великой победы под Кумановом, с этого времени стали вести речь о «докумановской» и «послекумановской» Сербии. Территория страны увеличилась на 39 500 квадратных километров, а население – на 1,5 миллиона. И до этого Сербию считали центральным государством Балкан, а после войн она стала также лидером в собирании южных славян, и ее победы прославлялись как победы Славянского Юга. Выросла ее уверенность в себе и укрепилась надежда, что она сможет до конца осуществить миссию национального освобождения.

Между тем, успехи сопровождались новыми и сложными проблемами. Велики были человеческие жертвы. Только в Первой балканской войне 22 000 военнослужащих погибло и не намного меньшим было

число раненых. В то же время огромными оказались расходы военного снаряжения при скромных запасах их. Британский полковник Томпсон американскому дипломату Чарльзу Вопицке сообщал, что сербский пехотинец в течение 24 часов мог использовать максимум 80 патронов, так что за период войны с Турцией армия Сербии, численностью в 180 000, израсходовала всего «только 12 миллионов патронов». По его мнению, после Балканских войн самой большой слабостью сербской армии была «нехватка вооружения и военного снаряжения». Австрийский военный атташе в Белграде излагал ему оценку, согласно которой во всей Сербии имелось «не более 150 000 пригодных к использованию винтовок». Дело в том, что с июля 1913 года «сербь не получали абсолютно никаких боевых средств, вооружения и снаряжения, хотя в тылу у них находился солунский порт их друзей-греков. Сам Чарльз Вопицка добавлял, что сербские солдаты, мобилизованные в конце Балканских войн, получали «по динару денег, шапку и винтовку, а после этого им говорилось, что их отправляют на войну»³¹.

На основании приведенных и многих других свидетельств современников можно сделать вывод, что скудность людских, материальных и финансовых ресурсов, как и сложность внутренних проблем, Королевство Сербия не могло скрыть. И нужно было создать «новые сферы», реформировать и модернизировать военные силы, понесшие потери в ходе войн, стабилизировать финансы и экономику. Одной из приоритетных задач было урегулирование отношений между гражданскими и военными властями, лишив армию возможности вмешиваться в политику. Не менее трудные дела ждали Сербию и во внешнеполитическом плане, поскольку предстояло закрепить границы и урегулировать отношения с соседями – прежде всего с Австро-Венгрией. Кстати, Никола Пашич считал, что в интересах Сербии, чтобы монархия Габсбургов существовала еще лет 25–30, пока присоединенные земли не будут интегрированы полностью. Дело в том, что до Балканских войн 98,6% населения Сербии составляли сербы православного вероисповедания; а из новых граждан сербского государства более 47% пользовалось не сербским языком и принадлежало к иным конфессиям³².

В докладе, с которым на заседании Народной Скупщины 29 октября 1913 года выступил Никола Пашич как председатель правительства

³¹ Чарлс Ц. Вопицка, *Тајне Балкана. Седам година дипломатској службовања у ејџенцију евројске олује*, Београд 2009, стр. 55–56.

³² *За балканскими фронтами Первой мировой войны*, Москва 2002, с. 13.

и министр иностранных дел, содержалась попытка оценить историческую ситуацию, возникшую после завершения Балканских войн³³. По его мнению, военными победами Сербия обеспечила будущее своему народу и «дала ему возможности для всестороннего культурного и национального развития». Он высказал благодарность союзникам – России, Франции и Англии – за то, что «справедливо оценили и поддерживали устремления сербов», а также и Германии, которая старалась, «чтобы ограничить войну и как можно скорее установить мир между балканскими странами». Основная суть доклада Пашича заключалась в той части, где речь шла о будущем, о тех делах, которые ждут Сербию после изнурительных Балканских войн: «После блестящего военного похода, после стольких жертв, наступает период мирного развития во всех сферах жизни народа. Сейчас нужно заботиться о том, чтобы повысить уровень образования народа, чтобы укрепить благосостояние народа, чтобы утвердить нравственные ценности, чтобы просвещать народ и приучать его к постоянному труду, который является основой всякого нравственного и материального прогресса». Выражая убежденность, что после войн «сербскому народу нужен длительный период мира для обустройства присоединенных краев и для всестороннего развития», Никола Пашич подчеркивал, что сербская нация стремится «со всеми соседями и остальными государствами жить в мире и дружбе, устранять все преграды, которые мешают политике мира и добрососедства»³⁴. Как свидетельства того, что Сербия заинтересована в мире на своих границах, он назвал демобилизацию армии, согласие с решениями Лондонской конференции о создании независимой Албании и границах ее, готовность отвести сербские вооруженные силы на ту линию разграничения с новообразованным албанским государством, которую определит и утвердит международная комиссия, сформированная из представителей великих держав. Следует устранить недоразумения относительно границ с Болгарией, а одновременно – поддерживать добрые отношения, восстановленные с Черногорией, Грецией и Румынией³⁵.

³³ Никола Пашић у *Народној скупштини*, III, пр. Д. Стојановић, Београд 1997, стр. 528–538; Ђ. Станковић, *Свој говора Николе Пашића*, I, Београд 2007, стр. 346–362.

³⁴ Там же, с. 359–362.

³⁵ Подтверждение заявлений Николы Пашича о необходимости мира мы находим и в письме военного министра от 31 мая 1914 года начальнику Генштаба армии по поводу греческо-турецкого спора, где говорится: «Поскольку для Сербии сейчас просто необходим мир, то наше Правительство сделает все, дабы грекам довести до

В завершение своего доклада, который был издан большим тиражом в виде брошюры, Никола Пашич определил цели Сербии следующим образом: «После всех усилий и жертв, после достигнутых блестящих успехов, благодаря которым удвоена территория Сербии и укреплена вера в светлое будущее, наступает время, когда мы должны согласованно всеми силами сохранять то, что обрели, оберегать Сербию и обеспечивать ей условия для еще лучшего, прекрасного будущего»³⁶.

Мнения Николы Пашича подтверждали иностранные дипломаты и послы, аккредитованные в Сербии. Так, Николай Гартвиг, посланник России, в середине 1913 года писал своему правительству, что Сербия изнурена, «жаждет мира» и «готова вступить в дружеские отношения со всеми соседями». В ноябре того же года австрийские военные представители сообщали Генеральному штабу в Вене, что Сербия за последний период «впала в состояние слабости», что ей потребуются значительные финансовые средства, чтобы обновить военное снаряжение, оружие, униформы и все остальное, что пришло в негодность за время Балканских войн. Донесениями от января 1914 года военные верхи Австро-Венгрии информировались о том, что Сербии «крайне необходим безусловный мир на следующие годы» и что «намеченное преобразование сербской военной структуры только началось». В конце февраля в Вену сообщалось, что «с армией и финансами у Королевства (Сербии) условия таковы, что не позволяют автоматически и реально вести какую-то политику авантюры». В первой половине апреля 1914 года Генштаб был еще проинформирован, что «искренняя устремленность к миру доминирует во всем обществе и в армии – Сербия хочет мира, потому что сейчас не может воевать; это, а также возникшее из-за прибавления территории в военном, экономическом и вообще политическом планах ослабление, которое будет длиться годы, необходимость привлекать лучшие армейские силы и финансы в Старой Сербии – успокаивающие моменты при оценке нынешнего положения Сербии». Осведомленный о состоянии сербской армии военный атташе Австро-Венгрии в Белграде оценивал, что Сербия не сможет мобилизовать более 100 000 солдат и делал вывод: «С шестью австро-венгерскими корпусами мы за четыре недели одолеем Сербию и займем всю

ведома, что они свои разногласия с Турцией должны решать мирным путем, дабы не заострять дела, так как Сербии сейчас никак не до войны». Цит. по: Никола Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом светском рату*, Београд 1977, стр. 45.

³⁶ Никола Пашић у *Народној скупштини*, III, стр. 535–538; Ђ. Станковић, *Свој говора Николе Пашића*, I, стр. 359–362.

ее государственную территорию»³⁷. Примерно тогда же, в июле 1914 года, новый российский посол в Белграде В.Н. Штрандман высказывал мнение, что «Сербия может перевооружить свою армию только за два с половиной года, и то при активной помощи своих союзников»³⁸. Об отсутствии у Сербии намерений воевать убедительно свидетельствовал и тот факт, что главнокомандующий сербской армии генерал Радомир Путник в момент объявления войны находился на лечении в одном из санаториев империи Габсбургов.

Состояние сербских финансов показывало, что Сербия не может и, соответственно, не собирается начинать войну против Австро-Венгрии. Она должна была рассчитаться по семи долгосрочным кредитам, которые в будущем почти полностью лишали ее доходов. Соглашение о займе (так называемом 2-процентном лотерейном займе) на сумму 33 миллиона динаров золотом со сроком выплаты до 1938 года было заключено в 1881 года с парижским «Обществом генерального союза» для того, чтобы покрыть внутренний заем 1876 года, вернуть России долги периода войны с Турцией в ходе большого Восточного кризиса и чтобы строить железную дорогу Белград – Вране. Вторую финансовую проблему составлял кредит 1888 года, предназначенный для выкупа монопольного права на торговлю табаком, которое было в руках иностранцев (так называемый заем на выигрыши или «Табачные билеты»). Его номинальный объем был 10 миллионов золотых динаров, которые следовало вернуть до 1960 года. По третьему кредиту – на сумму 355 292 000 французских франков в золоте (2-процентный конвертированный заем) со сроком выплаты на протяжении 1895–1974 годов – государство в качестве залога уступало доходы от железных дорог, от монополии на табак, соль и керосин, равно как и таможенные доходы³⁹. Четвертый кредит (так называемый 5-процентный) был взят в 1902 году. Его номинальная сумма составляла 60 миллионов золотых франков со сроком погашения в 50 лет; он должен был способствовать ликвидации бюджетных дефицитов и выплате так называемых «летучих»

³⁷ Цит. по: Владимир Ћоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, Београд 1992, стр. 648.

³⁸ *За балканским фронтами Первой мировой войны*, с. 13.

³⁹ Этим займом произведено принудительное репрограммирование десятка пятипроцентных займов, осуществленных в период 1881–1893 годов. Несколько лет спустя, в 1899 г., Сербия смогла концессии на доходы от железных дорог заменить доходами от монополии на спички и сигаретную бумагу (Boris Kršev, *Finansijska politika Jugoslavije 1918–1941*, Novi Sad, 2007, str. 164–166).

долгов, которые финансовой системе государства мешали почти четверть века. В 1906 году был взят и 4,5-процентный кредит на вооружение армии в размере 95 миллионов золотых франков со сроком погашения до 1956 года. Он, полученный от французской фирмы «Крезо», повлиял на возникновение так называемого «пушечного вопроса», который для Австро-Венгрии послужил поводом для развязывания таможенной войны против Сербии. В 1909 году Сербия взяла также 4,5-процентный кредит в размере 150 миллионов золотых французских франков со сроком выплаты до 1959 года на строительство железных дорог. После Балканских войн, в 1913 году, для покрытия военных расходов Сербия вынуждена была взять еще кредит в размере 250 миллионов золотых французских франков со сроком выплаты до 1963 года.

На начало января 1914 года совокупный долг Сербии составлял 910 292 000 золотых французских франков и 43 миллиона золотых динаров. Это была цена попыток ускоренной модернизации, невыгодных договоров, вынужденно подписанных после Берлинского конгресса, войн, которые она вела с Турцией и Болгарией, экономической блокады и таможенной войны, покрытия бюджетных дефицитов и других проблем⁴⁰.

В политическом плане жестокие споры вызывал конфликт офицеров-заговорщиков с представителями правительства радикалов во главе с Николой Пашичем. Конфликт этот был обусловлен соперничеством двух самых сильных партий – Народной радикальной и Самостоятельной радикальной. О масштабах распрей свидетельствовало и решение Петра I Карагеоргиевича 24 июня 1914 года передать королевскую власть сыну Александру – решение, которое показывало, что он не желает больше участвовать в столкновении части офицеров с радикалами. Ослабляя единство внутри страны, этот конфликт ставил вопрос о законопослушности армии⁴¹.

⁴⁰ Подробнее см.: Там же, с. 164–166, 172–175; Милан Стојадиновић, „Наш државни дуг“, *Нови живоић*, књ. 3, св. 9, Београд 1921, стр. 277–282; Živko Avramovski, *Britanci o Kraljevini Jugoslaviji 1920–1930, Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938*, књ. I, Београд, 1986, стр. 56–57; Драгана Ѓњатовић, *Сјџари државни дугови*, Београд 1991, стр. 99–101, 121; Иван Беџић, *Министарсџиво финансија Краљевине Јуџославије 1918–1941*, Београд 2012, стр. 306–309.

⁴¹ В. Казимировић, *нав. дело*, стр. 563–602; Јован М. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, Београд с. а., стр. 12; Д. Батаковић, „Суџоб војних и цивилних власти у Србији у пролеће 1914“, *Истџоријски часџопис*, књ. XXIX–XXX, 1982/1983, Београд 1983, стр. 477–491.

Неготовность Сербии к возможной новой войне подтверждают и другие источники, связанные с политикой, дипломатией и армией. Обосновывая для правительства Франции потребность приобрести у нее 400 000 винтовок, сербский посол в Париже подчеркивал: «С учетом политических условий, которые существуют сейчас на Балканах и в Европе, нам крайне нужно, чтобы из этого количества минимум 250 000 винтовок поступило в течение двух лет, а остальные, т.е. 150 000, на протяжении третьего года». Перед самым началом войны военный министр, полковник Душан Стефанович, констатировал, что не хватает понтонов, боеприпасов, военного снаряжения и обмундирования, отметив, что военное снаряжение «находится в самом жалком состоянии». О том, что Сербии нужен мир, говорится и в письме военного министра начальнику Генерального штаба, которое было отправлено 31 мая 1914 года и в котором по поводу кризиса в отношениях Греции с Турцией говорится: «Поскольку для Сербии сейчас необходим мир, то наше правительство сделает все, дабы довести до сведения греков, что им следует все свои противоречия с Турцией решать мирным путем, не обострять ситуации, так как Сербия сейчас никак не может воевать». «После двух тяжелых войн и серьезного столкновения с Албанией Сербия к новым военным действиям не готова ни в финансовом отношении, ни в боевом. Она не может призывать народ к борьбе, которая не по силам ему, без риска серьезных осложнений внутри страны...» По этим причинам 18 июня 1914 года, за десять дней до покушения в Сараеве, Народная Скупщина приняла решение о необходимости взять кредит для обеспечения армии. Вскоре после этого, в июле 1914 года, престолонаследник Александр проинформировал Николая Гартвига о том, что вся сербская армия имеет не более 100 000 винтовок, подчеркивая, что такое положение в армии может оказаться «большой приманкой» для врагов Сербии⁴².

ВИНОВНИКИ ВОЙНЫ И КОРОЛЕВСТВО СЕРБИЯ

Имперские амбиции Германии склоняли ее к тому, чтобы через Балканы совершить прорыв на Восток. «Претензии на мировое могущество» вели Европу и мир к войне, которая приобрела масштабы мировой катастрофы. Это особенно проявилось в последнее десятилетие XIX века, когда после устранения канцлера Отто фон Бисмарка германскую политику стал вести молодой правитель Вильгельм II.

⁴² Цит. по: В. Ђоровић, *нав. дело*, стр. 648–651; Н. Поповић, *нав. дело*, стр. 45.

Учитывая существенные причины внешнеполитического и внутривнутриполитического характера, канцлер Бисмарк не допустил, чтобы объединение Германии охватило и Австро-Венгрию. Он считал старую Монархию «источенной червями баржей» и боялся, что та будет мешать общественному развитию Германии, а одновременно старался, чтобы Германия была ключевым фактором в системе европейских союзов, но не гегемоном Европы. После формирования новой Германской империи, осознавая, что этому государству уже достаточно войны и после присоединения Эльзаса и Лотарингии ему не нужны новые столкновения с соседями, он стремился поддерживать в Европе *status quo*, которому в будущем не угрожали бы никакие «кошмарные коалиции» против Германии. В своих внешнеполитических планах Бисмарк опирался на заключенный в 1879 году Двойственный Союз с Австро-Венгрией, к которому в 1882 году присоединилась Италия, таким образом превратив его в Тройственный Союз. А дружба, которую он пытался поддерживать с Россией, основывалась на подписанном в 1887 году тайном «Договоре о дополнительном обеспечении безопасности», согласно которому подписавшиеся стороны в случае возможной войны обязывались сохранять нейтралитет. Его положения были в противоречии с договором о союзничестве, который Германия имела уже с Австро-Венгрией⁴³.

После смены канцлера Бисмарка в 1890 году во внешней политике Германии произошел заметный поворот. Его преемники стали разрушать старательно создававшуюся систему союзничества, целью которой было сохранить мир и не позволить соседним государствам создавать коалиции против Германии. Союзнические отношения с Россией были прерваны, а процесс тесного взаимодействия с Австро-Венгрией ускорен. Усилились подозрения относительно политических, экономических и военных угроз для Германии, нехватки экономического пространства и помех для развития. Недовольство задержками в дележе колоний рождало амбиции любыми средствами занять такое «место под солнцем», которое бы соответствовало экономическому уровню, численности населения и военной мощи. На этих основаниях сложилась политика, будоражившая и пугавшая соседей. По отношению к России, бывшей союзнице, нагнеталась враждебность, а пропагандистское подогревание нетерпимости к другим народам, особенно славянам, начало приобретать расистские тона. Страх перед будущим – когда, согласно оценкам аналитиков, мощь Германии, по сравнению

⁴³ А. Дž. П. Tejlor, *Borba za prevlast u Evropi 1848–1918*, Sarajevo, 1963, str. 248–268.

с европейскими соперниками ее, будет падать – усиливал позиции сторонников превентивной войны⁴⁴.

Социальной структуры, которая бы соответствовала гигантскому росту экономики, в Германии не существовало. Устаревшие общественные отношения выражались, среди прочего, в готовности аристократии принять как партнеров у власти только представителей крупной капиталистической элиты. Правящим верхам чужды были идеи социальной справедливости. В обществе все более распространялись убеждения, что позиции, занятые благодаря экономической мощи, должны вести и к приобретению статуса мировой державы. Потребность в сырье и новых рынках дополнительно подогревала стремление немецких элит к мировому господству. Внешняя политика стала непредсказуемой, создавая угрозы для существующего в Европе равновесия сил⁴⁵.

Связи аристократическо-аграрных и индустриально-гражданских элит с армией и стремление их сохранить позиции в германском обществе во внешней политике привели к милитаристскому курсу и постановке наступательных целей⁴⁶. Союз «рыцарских имений» и «доменных

⁴⁴ A. Dž. P. Tejlor, *nav. delo*, str. 306–323.

⁴⁵ О причинах, которые привели к войне в 1914 году, см. подробнее: Hew Strachan, *The First World War*, vol. 1: *To Arms*, Oxford 2001, стр. 1–102; Holger H. Hervig, *Origins: How or Never*, в книге *The first World War: Germany and Austria-Hungary 1914–1918*, London 1997, pp. 6–42; Jems Joll, *The Origins of the First World War*, London 1992; M. S. Seligmann, R. R. McLean, *Germany from Reich to Republic, 1871–1918*, London, 2000; F. Fišer, *Savez elita. O kontinuitetu struktura moći u Nemačkoj 1871–1945. godine*, Beograd, 1985, str. 61–88; A. Dž. P. Tejlor, *Borba za prevlast u Evropi 1848–1918*, Sarajevo, 1968, str. 248–506; P. Kenedi, *Uspon i pad velikih sila, Ekonomska promena i ratovanje od 1500. do 2000. godine*, Beograd–Podgorica, 2003, str. 223–291; P. M. Kennedy (ed), *The War Plans of the Great Powers 1880–1914*, London, 1979; Barry Hunt and Adrian Preston (ed.), *War Aims and Strategic Policy in The Great War 1914–1918*, London, 1972, pp. 105–123; I. Geiss, *July 1914, The Outbreak of the First World War: selected documents*, London, 1967, pp. 17–53; Д. Фромкин, *Последње лейџо Европје, Ко је зайочео Велики рајџ 1914*, Београд, 2006, стр. 25–67.

В последнее время появились книги, стремящиеся пересмотреть причины, которые привели к Первой мировой войне. Приводим следующих авторов: A. Watson, *Ring of Steel: Germany and Austro-Hungary in World War I*, Basic Books, London, 2014; G. Wawro, *A Mad Catastrophe: The Outbreak of World War I and the Collapse of the Habsburg Empire*, Basic Books, London, 2014; M. MacMillan, *The War that Ended Peace: the Road to 1914*, Random House, London, 2013.

⁴⁶ Fric Fišer, *Savez elita. O kontinuitetu struktura moći u Nemačkoj 1871–1945. godine*, Beograd, 1985, str. 58. Дворянство имело ведущие роли в армии, высшей государственной администрации, дипломатии. Элита прединдустриальной эпохи была носителем власти и ключевым фактором в армии; но экономическая власть находилась в руках

печей», как это метафорически определили современники, составлял «крепкое реакционное ядро», выполнявшее ключевую функцию в событиях, которые вели к Первой мировой войне⁴⁷. Соединением «консервативного роялизма» и «либерального патриотизма» формировался новый немецкий патриотизм, проявлявший силу, амбиции и бесцеремонность. Внешняя политика, которую хотела вести Германия, неизбежно меняла баланс сил великих держав и ставила под вопрос существующую систему международных отношений⁴⁸.

Постоянная «напряженность» германской внешней политики, которая была вызвана желанием сохранить полученную роль в Европе, а вне ее – удержать добытые новые колониальные владения, вела к конфликту с остальными европейскими державами, прежде всего – Францией на Западе и Россией на Востоке. Такая позиция, особенно после 1892–1894 годов и сближения Франции с Россией, усиливала агрессивный дух германской внешней политики, который подпитывался настроениями, вызванными тем, что государство находится «в кольце» опасных соседей. С другой стороны, укрепление Германии в экономическом, финансовом и военном отношениях, особенно на море, беспокоило Великобританию, понуждая ее отказаться от «роскошной изолированности», которой она придерживалась. Решающий момент в этом процессе обусловлен стремлением Германии создать мощный военный флот. Такое намерение, которое сама Германия считала проявлением естественной потребности для страны, желающей стать великой державой, в Великобритании воспринималось как серьезная угроза ее владычеству на морях, контролю над проливами и водными путями, да и самими колониальными владениями⁴⁹. Обоюдные подозрения подстегивали гонку вооружений и перемены во внешней политике,

---

промышленников, хотя они не принимали соответствующего участия в политической власти. Взаимодействие «старой» и «новой» элит вело к их срастанию.

⁴⁷ Там же, с. 64–65.

⁴⁸ Там же, с. 65–68; Hew Strachan, *The First World War*, pp. 1–102; H. Hervig, *Origins: Now or Never*, pp. 6–42; P. M. Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860–1914*, London–Boston, 1980; A. Dž. P. Tejlor, *nav. delo*, str. 306–370.

⁴⁹ О реализации планов адмирала фон Тирпица и последствиях, которые обостряли противоречия между Великобританией и Германией, см. подробнее: Paul M. Kennedy, *The Development of German Naval Operations Plans against England, 1896–1914*, London, 1976; P. M. Kennedy (ed.), *The War Plans of the Great Powers, 1880–1914*, London, 1979; P. M. Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism*, London, 1980; V. R. Berghahn, *Germany and the Approach of War*, London, 1993; V. R. Berghahn, *Imperial Germany, 1871–1914: Economy, Society, Culture and Politics*, Oxford, 1994.

усугубляли враждебность. Так, из-за политики Вильгельма II, в числе потенциальных противников Германии оказалась Великобритания. И основные принципы ее дипломатии в последующие годы обусловлены были тем, чтобы не допустить возникновения центра силы, который бы на пространстве континентальной Европы стал доминирующим, способным одолеть разные комбинации сил, объединяющихся против него. По этой причине любой новый мировой кризис, который мог перерасти в военный конфликт, укреплял ее отношения с Францией, а позднее – и с Россией. Опасения, что Германия станет слишком могущественной, все более предопределяли британскую внешнюю политику⁵⁰.

Контуры нового военного союза Франции, России и Великобритании в основе меняли международное положение Германии⁵¹. Усиливались ощущения опасности, а с ними – и потребности как можно быстрее вооружаться и завоевывать пространство. Германская внешняя политика развивалась на сопряжении двух факторов: желания обрести мировое могущество и страха из-за окружения. Государственные верхи ее как будто даже и не пытались задуматься над тем, что именно их агрессивная политика является причиной возникновения союзов, направленных против Германии. Стремясь обеспечить себе зоны влияния и новые колонии, Второй Рейх воспринимал Францию, Россию и Великобританию лишь как силы, мешающие его общему подъему, а это вело к тому, что сам он являлся инициатором многих экономических, дипломатических и военных кризисов, которые потрясали мир в начале XX века. Такое развитие событий укрепляло уверенность, что война является законным средством внешней политики, расширяющим результаты действия дипломатии⁵².

Причины для войны существовали и во внутривосточной ситуации. Ведущие элиты боялись роста активности социалистов. Расходы

---

⁵⁰ F. Fišer, *nav. delo*, str. 65–68; Hew Strachan, *The First World War*, стр. 1–102; Holger H. Hergig, *Origins: How or Never*, стр. 6–42; Paul M. Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism*.

⁵¹ Великобритания в 1902 году вышла из своей «великолепной изоляции». Два года спустя она заключила соглашение с Францией, в знак памяти о краткосрочном англо-французском союзе 1840 года, названном «Entente Cordiale». A. Dž. P. Tejlor, *nav. delo*, str. 371–414.

⁵² F. Fišer, *nav. delo*, str. 71–80; R. J. Crampton, *The Hollow Détente: Anglo-German relations in the Balkans, 1911–1914*, London, 1980; Paul M. Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860–1914*, London, 1980; Terence Zuber, *The Real German War Plan 1904–1914*, Stroud, Gloucestershire, 2011, pp. 10–60.

на создание военного флота обременяли бюджет страны и подталкивали к социальным протестам. Аристократия и военные верхи были убеждены, что война решит проблемы социального расслоения, нейтрализует потенциалы политических партий и объединений левого толка, а укрепит власть. В войне многие видели средство для очищения нации, ее биологического укрепления, закалки коллективного характера и накопления мощи. В этом контексте война рассматривалась как вполне подходящее «лекарство», которое будет способствовать внутреннему «выздоровлению» Германии.

На то, чтобы начать войну, имелось согласие короны, армии, землевладельческой аристократии, фабрикантов, высокой государственной бюрократии, интеллектуальной среды и политических структур германского государства. На тот период, когда ускоренно вооружались почти все страны, Германия вкладывала в это дело больше любой из них; она с 1870 по 1914 гг. расходы на военные нужды увеличила в 11 раз⁵³. Одной из важнейших целей ее было ослабить в военном и экономическом отношении Францию – до такой степени, чтобы та в предстоящий период не смогла подняться на уровень великой державы. А одновременно и отодвинуть Россию на Восток, «как можно дальше от германских границ». Кроме того, Россию нужно было уменьшить за счет отделения Финляндии, Польши, Украины и Кавказа – земель, которые бы как «брустверы» защищали Германию в будущем. Германские промышленники рассчитывали в скором времени, после краткого и мощного удара по противнику, завладеть французскими рудными бассейнами, осуществить давние колониальные замыслы – установить гегемонию Германии в Центральной Европе и властвовать над ее экономическим пространством, которое обеспечит надежное будущее. В предстоящей войне Германия рассчитывала на свое превосходство в военной стратегии и тактике, на офицерские кадры, на систему военной подготовки, на современное и качественное вооружение. Генералитет предпосылкой успеха считал быструю мобилизацию и наступательную стратегию ведения «молниеносной войны». В общей эйфории предполагалось, что Великобритания не может остаться в стороне от военного конфликта, позволяя изменить равновесие сил, установить гегемонию одного государства – прорыв Германии в Средиземноморье и угрозу для своих колониальных владений в Африке, германское доминирова-

⁵³ Č. Popov, *Grđanska Evropa (1770–1914). Društvena i politička istorija Evrope (1871–1914)*, Beograd, 2010, str. 33.

ние на Балканах и в Малой Азии. Таким образом, если имелось желание избежать войны, то нужно было найти ответ на существенный вопрос: обезвредят ли Германию «завистливые», «злые» и «агрессивные» соседи ее, или же она самоустранится за счет политического выбора? У каждой из великих держав был свой ответ⁵⁴.

В начале XX века Европе довелось пережить ряд международных кризисов. Поражение в войне с Японией 1904–1905 годов и революция 1905 года ослабили Россию. Развитие событий побудило Германию в 1905 году противопоставиться французской политике в Марокко. Берлин таким образом Парижу и Лондону дал понять, что в будущем, когда будут приниматься важные решения, касающиеся колоний, его нельзя обходить, игнорировать. Позиция, которую заняла Германия во время первого Марокканского кризиса, должна была символически означать, что она больше не позволит, чтобы «ей наступали на пальцы», как это определил дипломат Фридрих фон Гольштейн. Ослабленная Россия поддержать свою союзницу Францию при первом Марокканском кризисе не могла. А достигнутые дипломатические результаты были благоприятными для Берлина. Окружение Вильгельма II считало, что Европе дано ясное представление о силе Германии, а также о том, что с ней нужно быть в союзничестве. Однако «насильническая тактика», использованная в ситуации первого Марокканского кризиса, убедила Францию и Великобританию в правомерности договора, который заключен между ними. Так что изоляция Германии усилилась, а достигнутый ею успех оказался временным⁵⁵.

Аннексионный кризис 1908 года изменил status quo на Балканах и создал новые условия для того, чтобы великие державы взвесили свои дипломатические и военные силы. В то время как Младотурецкая революция, выявив, сколь слаба Османская империя, ускорила исторические процессы, ведущие к распаду ее, Австро-Венгрия, столкнув-

⁵⁴ P. M. Kennedy, *The Rise of the Anglo-German Antagonism 1860–1914*, London, 1980; T. Zuber, *The Real German War Plan 1904–1914*, Stroud, Gloucestershire, 2011, pp. 10–60.

⁵⁵ Аника Момбауер, *Узроци Првої свейскої рати, Сјорена и сајласносџи*, Београд, 2013, стр. 12–13; J. Joll, *The Origins of the First World War*, London, 1992; V. R. Berghahn, *Germany and the Approach of War*, London, 1993; M. S. Seligmann, R. R. McLean, *Germany from Reich to Republic, 1871–1918*, London, 2000; Hew Strachan, *The First World War, Vol. 1: To Arms*, Oxford, 2001, pp. 1–102; M. Војводић, *Сјојан Новаковић у служби националних и државних интереса*, стр. 60–61, 131–132; A. Dž. P. Tejlor, *nav. delo*, str. 391–415; T. Zuber, *op. cit.*, str. 26–51; Д. Фромкин, *нав. дело*, стр. 25–42.

шись со многими внутренними проблемами, пыталась агрессивным прорывом на Балканы погасить недовольство в стране и проявить себя как великую державу. Балканский вопрос открылся после поражения России на Дальнем Востоке и возобновления интереса ее к Балканам. Столкнувшиеся на полуострове интересы давали великим державам две возможности: либо вступить в войну, либо подписанием договора свои аппетиты удовлетворить за счет других стран. Эту вторую возможность в 1908 году попытались использовать Австро-Венгрия и Россия. Подписав тайный договор, Россия позволила монархии Габсбургов аннексировать Боснию и Герцеговину, а взамен получила поддержку своим интересам на Босфоре и Дарданеллах⁵⁶. Между тем, поскольку Австро-Венгрия осуществила аннексию Боснии и Герцеговины 5 октября 1908 года, до того, как Россия своей политикой на Балканах смогла обеспечить поддержку со стороны балканских стран, действия Вены в Петербурге интерпретировались как вероломство и отказ выполнять условия подписанного договора. Не имея достаточно сил, чтобы нанести ответный удар, Россия вынуждена была сделать дипломатический шаг назад, отступить. Частью политики ее стало «обуздание Сербии», в итоге чего удалось избежать войны⁵⁷. Так исчезла почти идеальная возможность, чтобы Балканский кризис стал своего рода «спусковым крючком» для войны, которой хотела Германия.

Однако эти события привели к тому, что Двойственный союз Германии и Австро-Венгрии впервые из оборонительного превратился в наступательный блок для «достижения побед». Германия пыталась заявить о себе как великой державе и в 1911 году, во время второго Марокканского кризиса. То, что Франция решила отправить свой военный контингент в Марокко для подавления восстания, она интерпретировала как нарушение подписанных ранее соглашений, с учетом расширя-

⁵⁶ Samuel R. Williamson, *Austria-Hungary and the Origins of the First World War*, London 1991.

⁵⁷ По мнению части сербской интеллектуальной элиты, Аннексионный кризис являлся моментом, когда следовало начать защиту Боснии, «но не оружием, а защитными средствами права и науки». Стоян Новакович в дискуссиях, которые он вел в Парламенте, задавал вопрос, может ли Сербия оставаться без Боснии и Герцеговины. И, отвечая на него, подчеркивал, что ее долг – защищать сербскую народность, язык и имя, несмотря на то, что Австро-Венгрия это будет толковать как «великосербскую пропаганду». Столкновение Сербии с Австро-Венгрией он считал неизбежным (М. Војводић, *Сјојан Новаковић у служби националних и државних интереса*, стр. 343–359).

шегося влияния Франции в Марокко, требуя для себя компенсации во французском Конго. В итоге, после угроз оружием и демонстрации сил, кризис был разрешен мирным путем. Германия получила небольшую часть французского Конго, но ее агрессивная политика повлияла на укрепление союза Великобритании с Францией.

Марокканский кризис показал, что Германия может рассчитывать на полную поддержку Австро-Венгрии только в случае возникновения нового кризиса на Балканах, в котором Двойная монархия была заинтересована. Несколько лет спустя, когда начались Балканские войны, Германия была готова, как утверждали ее военные верхи, вести войну на два-три фронта. Однако в том, 1912-м, году не появился достаточно «удобный момент», чтобы начать войну.

Между тем, Вена старалась найти убедительный повод, чтобы использовать Германию для осуществления своих планов на Балканах. Победа балканских союзников, особенно Сербии, представляла угрозу Двойной монархии. В Вене Сербию воспринимали как врага, который оказался на пути дальнейшего расширения империи Габсбургов. Там считали, что она свое национальное меньшинство и остальных югославы подстрекает к бунту против Австро-Венгрии, а сейчас нужно воспользоваться ее изнуренностью от войн. В повестке дня истории оказался вопрос о начале войны. Это было не в интересах Сербии, а вот Германия и Австро-Венгрия стремились именно к такому развитию событий, что в декабре 1912 года подтвердил и Военный совет в Берлине, потребовав от Министерства иностранных дел, чтобы оно поспособствовало возникновению дипломатического кризиса, который может быть использован как повод для превентивной войны. Осенью следующего, 1913, года Вильгельм II во время встречи с австро-венгерским престолонаследником Францем Фердинандом и министром иностранных дел графом Леопольдом фон Берхтольдом пришел к выводу, что Австро-Венгрия находится под «невыносимым» давлением славянского населения. Поскольку он в своей надменности придерживался мнения, что «славяне рождены, чтобы не хозяевами быть, а слугами», то решил, что у Австро-Венгрии «с Сербией не может быть отношений иных, нежели отношения зависимости – меньшего от большего, как в системе планет». А в том случае, если Сербия не проявит покорности, ее нужно принудить к этому. Наказ, который он давал Вене, выражался следующими словами: «Если Его Величество император Франц Иосиф чего-то требует, сербские власти должны покориться; а ежели этого не сделают, тогда

Белград нужно подвергнуть артиллерийскому обстрелу и держать его осажденным до тех пор, пока не будет исполнена воля Его Величества... Можете быть уверены, что я стою за вами и готов взяться за саблю в любой момент, когда в соответствии с вашими действиями это станет нужным»⁵⁸.

Хотя приведенные слова дипломатичными назвать нельзя, они соответствовали несдержанному характеру Вильгельма II. С другой же стороны, отражая попытку улучшить охладевшие за лето отношения с Веной, они ясно указывали на политическую ориентацию, которую следовало избрать⁵⁹. В декабре 1913 года Вильгельм II до ведома австрийской стороны еще раз довел, что «сербы должны быть запряжены в воз Монархии так или иначе». Резкость, с которой он относился к сербам, вытекала из глубокой антиславянской настроенности, а также из того, что в Сербии он видел представительницу России на Балканах⁶⁰.

Судьба Габсбургской монархии, самой верной союзницы Германии, на протяжении десятилетий зависела от ее внешней политики и от поведения народа внутри ее границ. Оба фактора стабильности государства в последние десятилетия XIX века и в первые годы XX века подвергались серьезным испытаниям⁶¹. Аристократия и дворянство, из которых рекрутировались высшие кадры армии, дипломатического корпуса и государственного аппарата, связывали свои судьбы с Веной и составляли ядро власти. Идеалом многочисленного чиновничества, неоднородного в национальном и социальном планах, тоже было единое государство. Формировалось сословие, распространявшее культуру немецкого языка и посредством государственного аппарата осуществлявшее германизацию общества⁶².

⁵⁸ «Славяне рождены, чтобы не хозяевами быть, а слугами, это им нужно вбить в головы, а выбить у них из голов ожидания от Белграда помощи. Со славянами следует обходиться так, как прежде: разделяй и властвуй», – считал Вильгельм II (J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 15).

⁵⁹ Там же, с. 13; A. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 156–160.

⁶⁰ На формирование таких взглядов влияли и донесения германского посла в Вене, в которых, накануне войны, помимо прочего указывалось: «События на Балканах взбудоражили все австрийское феодальное дворянство; оно с испугом смотрит, как накатывается славянская волна, и спрашивает, что же будет с Австрией. Это конец для немцев в Австрии». Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 14.

⁶¹ Подробнее см.: Ален Џ. П. Тејлор, *Хабзбуршка монархија*, Београд 2001.

⁶² Там же, с. 9–36.

В стремлении обеспечить «прочность и мощь» правящая династия Габсбургов на протяжении истории безоглядно манипулировала своими народами, меняла идеи, методы правления, союзников и политиков. Когда ее вынуждали на уступки, Монархия делала их неохотно и, как правило, запоздало, да и были они всегда слишком малыми для того, чтобы удовлетворить подвластные народы. Такие политические шаги вызывали все больше проявлявшееся недовольство, которое перерастало в постоянную борьбу за децентрализацию империи. Носителем недовольства было мелкопоместное дворянство Венгрии, отличавшееся упорным национализмом. Складывалось сословие, которое получало свойства нации и традиционный патриотизм которого перерастал в национализм нового типа, поставленный на службу сохранения классовых привилегий. В итоге индустриального развития классовые противоречия приобретали и национальный характер. Промышленникам, преимущественно немцам по национальности, противостояли рабочие различных национальностей. Распространение грамотности и просвещения привело к массовости национальных движений. Интеллектуалы, не принадлежавшие к ведущим народам Монархии, взялись пробуждать «уснувшее национальное сознание своих отцов». Такие учреждения, как театры, библиотеки, общества культуры, издательства и журналы, способствовали быстрому созреванию национальных движений. В этих условиях свои устремления и амбиции оформлялись, подобно как у других народов Монархии, у южных славян. Исповедующие римско-католическую веру словенцы и хорваты чувствовали себя в Австро-Венгрии более других «как дома», из-за чего Вена с этой частью славянской популяции легче могла найти взаимопонимание. Искусной политикой их программы направлялись – вместо борьбы за разрушение Монархии – на приобретение благосклонности властей и получение мест в государственной бюрократии. Более прочному привязыванию к Вене способствовала также «миссия», которую на пользу Габсбургской монархии осуществляли римско-католические клерикальные круги⁶³. Православное сербское население воспринимало Монархию как власть чужую, стремясь от

⁶³ В письме, которое 15 декабря 1886 года епископ Юрай Й. Штроссмайер направил папскому нунцию в Вене Серафино Банутелли, среди прочего сказано: «Я часто заявляю и повторяю, что мы, хорваты-католики Богом предопределены подобно дрожжам все тесто южных славян пропитать и мало-помалу его к святому единству Католической церкви привести» (В. Крстић, *Бискуп Штроссмайер у свейлу нових извора*, Нови Сад 2002, стр. 61).

нее освободиться. Сербь и к Вене, и к Будапешту, да и к Загребу, относились без доверия⁶⁴.

Во внешнеполитическом плане Австро-Венгрия старалась уменьшить российское влияние, «укротить» славянские народы, освободившиеся от многовекового турецкого рабства, и устранить результаты их побед над Турцией. Частью этой политики было и более глубокое проникновение на Балканы в 1878 году. Австро-Венгрия при возможности раздела Турции, в страхе от усиления сербского фактора, на Берлинском конгрессе отвоевала для себя право оккупировать Боснию и Герцеговину, населенную преимущественно сербским народом⁶⁵. Так что оккупация эта была первым шагом австро-венгерского империалистического прорыва на Балканы. Таким образом предопределялась та политика, которая народы Австро-Венгрии, а также балканских стран, с каждым днем приближала к войне. С другой стороны, такая внешняя политика Вены, особенно после отстранения канцлера Бисмарка, встраивалась в германские проекты по обретению мирового могущества и становилась зависимой от намерений Берлина. Между тем, если Австро-Венгрия свои планы связывала с Балканами, для Германии это пространство являлось только этапным для дальнейшего продвижения на Восток.

Ориентация Габсбургской монархии на Германию подкреплялась внутривнутриполитическими условиями. Считалось, что при существующем противоборстве с венгерским национализмом удаление от политики, которую ведет Германия, в сущности означает разрыв с другим преобладающим народом Монархии и конец правления Габсбургов. Отсутствие самостоятельной внешней политики было очевидно и в 1907 году, когда снова дал о себе знать «восточный вопрос»⁶⁶.

Национализм среднего сословия граждан, обусловленный процессом индустриализации, разорения мелких поместий и упадка сельского хозяйства, в начале XX века вызвал в Австро-Венгрии глубокий политический кризис. Национальная борьба, в основе которой были и классовые противоречия, ослабила Габсбургскую монархию как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом планах, мешая ей вести курс, независимый от Германии. В таких условиях Монархии ну-

⁶⁴ Ален Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 9–36; Ч. Попов, *Велика Србија – сјиварносћ и мии*, стр. 84–91; Владимир Скарић, Осман Нури-Хаџић, Никола Стојановић, *Босна и Херцеговина под аустро-угарском ујравом*, Београд s. a.

⁶⁵ А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 171–172.

⁶⁶ Ђ. Stanković, *нав. дело*, стр. 9; А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 173–179, 209–234.

жен был внешнеполитический успех, который, как казалось, мог быть достигнут лишь на Балканах.

Югославянская идея, судя по всему, среди народов Австро-Венгрии имела резонанс меньший, нежели та реакция, которую она вызвала в Будапеште и Вене⁶⁷. Требования, изложенные в Риечкой и Задарской резолюциях, по сути не являлись угрозами Вене, поскольку национальные свободы, о которых шла в них речь, уже были предоставлены большинству народов государства. Сближению сербов с хорватами и росту югославянского движения, столь беспокоившего власти, в значительной степени поспособствовал страх перед насильственной мадьяризацией, которая создавала угрозу идентичности иных национальностей. А у представителей хорватов были также ощущения, что проявленная ими верность Двойной монархии недостаточно оценена. Раздоры между сербами и хорватами сдерживались идеями о сербах и хорватах как одном народе, о союзе с независимой Сербией, о Сербии как Пьемонте южных славян. Независимо от их реального содержания, идеи эти в Вене вызывали панику и беспокойство за сохранность империи. В таких условиях страх перед Сербией, сербским народом и возможным югославянским экстремизмом решительно влиял на выбор внешнеполитических приоритетов Монархии. Единственный способ решения проблемы Вена видела в применении силы, из-за чего и стало преобладающим мнение о необходимости войны. На повестке дня истории, как казалось высшим офицерам и чиновникам, было силовое «решение» сербского и югославянского вопросов⁶⁸. И расходы на армию, по сравнению с 70-ми годами XIX века, были увеличены в четыре раза⁶⁹.

Сербия – вследствие своего положения и политики, которую она вела – объективно была преградой для Австро-Венгрии с ее устремлениями контролировать все Балканы, заняв центральные части их. Враждебность, становившаяся день ото дня все более явной, усиливалась из-за разраставшегося югославянского движения, а также надежд, которые все больше возлагали южнославянские народы Габсбургской

⁶⁷ А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 237–239; Жан Пол Блед, *Франц Јозеф*, Београд 1997, стр. 563.

⁶⁸ А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 239–242; Видный французский историк Жан Поль Блед также считает, что идея объединения южных славян на пространстве Австро-Венгрии не имела бы широкого отклика, кроме как у сербов, если бы предварительно вся политическая ситуация в Двойной монархии, особенно национальный вопрос, не была «заминирована» венграми (Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 563).

⁶⁹ Ч. Попов, *Грађанска Евроја (1770–1914)*, стр. 33.

империи на Сербию. Опасаясь возможного влияния Сербии на них, а также слабо скрываемого ее намерения собирать «раздробленное сербство», Австро-Венгрия начала разрабатывать планы по уничтожению сербского государства и по компрометации политики югославянского движения⁷⁰. В основе их была позиция, согласно которой решение балканского вопроса для Монархии, после утраты доминирующей роли по сравнению с Германией и Италией, становится жизненно важным. Выдавливание Габсбургской монархии из пространства Центральной Европы оставляло для нее единственную возможность утвердиться в качестве великой силы – на Балканах. Именно это ее делало естественным противником Сербии. Политическое и пропагандистское влияние Австро-Венгрии стало заметным и во многих действиях Болгарии, Албании, а отчасти и Турции. Важным советником ее в вопросах политики по отношению к сербам и Сербии был Ватикан. Двойная монархия открыто начала играть роль государства, вокруг которого собираются враждебно по отношению к Сербии и сербскому движению настроенные соседи. Распространялся страх перед «сербской опасностью», а под этим понималось прежде всего объединение сербского народа. Поддерживался великохорватский шовинизм, который пропагандировали сторонники Йосипа Франка и Партии права⁷¹. С того момента, когда стало ясно, что набирающее силу югославянское движение повернется к Сербии и примет ее в качестве «Пьемонта национального единения», Сербии как государству вынесен смертный приговор⁷².

В Сербии такие тенденции укрепляли понимание, что главным ее врагом является именно Австро-Венгрия. Одновременно это подтверждало оправданность ранее высказываемого Николой Пашичем мнения относительно судьбоносного столкновения славян и германцев с преимущественной ролью России в войне, которую следует ожидать. А тот факт, что лидер Радикальной партии в данный период несколь-

⁷⁰ Первые планы о подчинении Балкан себе в Вене появились в 1844 году (Ч. Попов, *Велика Србија – сиварности и мий*, стр. 105).

⁷¹ Среди членов Партии права имели распространение идеи о формировании террористических отрядов, задачей которых была бы расправа с сербским народом. О масштабах упомянутых геноцидных замыслов свидетельствовали предупреждения бана Павла Рауха: «Мы не можем уничтожить 700 000 людей» (В. Крстић, *Грађа о Србима у Хрватској и Славонији 1848–1914*, II, Београд 1995, стр. 644–650).

⁷² Подробнее см.: М. Екмечић, *Дујо крейшање између кљава и орања*; 2008; Sima M. Ćirković, *Srbi među evropskim narodima*, Београд, 2004; Р. Самарцић, *нав. дело*; М. Екмечић, *Сиварање Југославије 1790–1918*, I–II.

ко раз был председателем правительства или министром иностранных дел, бесспорно показывает, что внешнеполитическая ориентация Сербии была прорусской. Среди интеллектуалов из Самостоятельной радикальной партии, которым было чуждо российское самодержавие, имелись и те, кто звал повернуться к западноевропейским демократиям, но практически все занимали одинаковые позиции по отношению к Австро-Венгрии, считая ее «тюрьмой народов», особенно славянских.

Развитие событий подтверждало все опасения, связанные с далеко идущими планами Австро-Венгрии на Балканах. Смена династии, произошедшая в 1903 году, в корне изменила те отношения Двойной монархии с Сербией, которые были определены решениями Берлинского конгресса. Как особостораживающий воспринимался тот факт, что династический переворот осуществила группа офицеров, не согласных с политикой Александра Обреновича и положением подчиненности Австро-Венгрии. Вена боялась, что Сербия станет представительницей тех европейских сил, которые противостоят интересам Двойной монархии в Европе и на Балканах. В этом контексте ее особо беспокоило стремление новых (сербских) властей вместо политики «послушности» Вене больше внимания уделить реализации национальной программы и опору обрести в России. Зафиксировано, что император Франц Иосиф, получив вест об убийстве Александра Обреновича, спросил у тогдашнего министра иностранных дел Голуховского: «Можем ли мы что-то сделать в связи с этим?». И получил краткий ответ: «Нет». Хотя это «нет» не означало, что Австро-Венгрия в последующие годы прекратила попытки остановить процессы, начавшиеся в Сербии, и препятствовать движению, которое привело к смене династии, обусловило переориентацию сербской внешней политики. А все выглядело так, что условия для этого благоприятны, так как Германия этому бы не противилась, а Россию отвлекал Дальний Восток.

В Вене были убеждены, что Сербия на самостоятельные действия против Австро-Венгрии не способна, поэтому политические и экономические меры вначале носили превентивный характер. Сам император Франц Иосиф, учитывая внутривосточные условия, старался достичь желаемых результатов дипломатическими средствами и экономическим давлением, без военного риска. При встрече с российским императором Николаем II, в октябре 1903 года, ему удалось включить в зону австро-венгерского влияния западную часть Балкан – взамен дав России гарантии безопасности границ на западе, пока она воюет с Японией. Так что, несмотря на династический переворот и новый вектор внешней

политики, Сербия и далее оставалась в зоне интересов Вены⁷³. Двойная монархия уже в 1904 году развалила сербско-болгарский таможенный союз, которым два балканских государства попытались защитить свои экономики. Считая, что достигнутые соглашения наносят ущерб ее экономическим интересам, Австро-Венгрия потребовала от Сербии, чтобы договор был расторгнут. И добилась этого, закрыв свои границы, через которые в основном осуществлялся вывоз сербских товаров.

Двумя годами позднее, т.е. в 1906, когда правительство Сербии отвергло невыгодные для него условия торгового договора, Австро-Венгрия вновь прибегла к средствам экономического давления: закрыла границы для ввоза сербского скота, тем самым начав многолетнюю Таможенную войну (1906–1911). Экономические санкции как способ «удушения» Сербии оказались весьма тяжелыми, поскольку Австро-Венгрия была самым главным торговым партнером Сербии – почти 80% сербского экспорта шло на ее рынок. Так Вена пыталась вернуть Сербию под свое «экономическое покровительство», а при этом нанести политическое поражение. Предпринятые меры включали также интересы Венгрии, страны по преимуществу аграрной, которая таким образом избавлялась от конкуренции с дешевой сельскохозяйственной продукцией из Сербии и, соответственно, покрывала этот сегмент внутреннего рынка. И все это осуществлялось с надменностью и презрением, характерными для отношения европейских держав к колониям. Понимая, что под вопрос поставлена независимость экономическая, а через нее и политическая, Королевство Сербия оказало сопротивление. В драматических условиях общей экономической и финансовой блокады нужные кредиты исходатайствованы были у Франции. С большими усилиями и проблемами, используя Дунай как водный путь, а также Солунские порт и железную дорогу, Сербия переориентировала свою торговлю на Западную Европу. Кроме того, построив новые фабрики, прежде всего бойни, она прекратила традиционный вывоз живого скота и стала продавать мясные продукты. В противоборстве с Австро-Венгрией это была весьма значительная победа и основа для процесса экономически-политического освобождения от диктата мощной соседней державы. К той же цели вело укрепление собственной экономики, заключение торгово-экономических соглашений с Болгарией и Черногорией, строительство железных дорог, привлечение иностранного капитала – не только французского, но и британского, и германского,

⁷³ Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 562–563.

освоение новых рынков, покупка вооружения у Франции. Австро-Венгрия же этот явный экономический подъем воспринимала как свидетельство враждебности⁷⁴.

Стремясь выверенной внешней и внутренней политикой поднять себя в ранг великой державы, Габсбургская монархия с 1907 года стала все более агрессивно вести балканскую политику. В Вене считали, что дальнейшее присутствие Турции на Балканах скоро будет поставлено под вопрос. Чтобы развития событий дожидаться в готовности, был предпринят ряд политических мер. Во внутривосточном плане – Соглашение 1906 года, которое позволяло частично устранить существующие противоречия. Австрия стремилась в большей мере подключить Венгрию к решению югославянского вопроса, столкнуть ее с Италией на Адриатике и противопоставить Сербии на Балканах, прочнее привязывая ее к центральной власти. Таким образом решение сербского вопроса было поставлено в самую непосредственную зависимость от равновесия между господствующими народами Монархии – немцами и венграми. В плане внешнеполитическом решено было использовать активность югославянского движения как повод для того, чтобы ограничить «великосербскую пропаганду» в Боснии и Герцеговине, ослабить «силу притяжения Белграда» и обострить отношения с Сербией. Казалось, что напряженность в отношениях с Сербией можно уменьшить, если Боснию и Герцеговину крепче привязать к короне. Этот вопрос приобрел особую актуальность после разрыва тесных связей между Веной и Белградом и начала Младотурецкой революции. Частью той же политики являлись и усилия сделать Загреб центром единения южных славян из Монархии, чтобы он как таковой стал мощным противовесом Белграду. Поворот в балканской политике наблюдался также в попытках решать югославянский вопрос в границах венгерской части монархии Габсбургов, да так, чтобы это решение своей привлекательностью в скором времени вовлекло Сербию в сферу габсбургского влияния и экономически вынудило ее вступить в австро-венгерский таможенный союз. С этой целью Вена планировала комбинировать дипломатические и политические нажимы, экономический шантаж и объединительную силу югославянской идеи. Решение югославянского вопроса в рамках Габсбургской монархии должно было послужить и «благоприятному

⁷⁴ Подробнее см.: Д. Ђорђевић, *Царински рай Аустро-Угарске и Србије 1906–1911*, Београд 1962.

формированию отношений на южных границах Монархии в случае крушения турецкой власти», и «обеспечению влияния Монархии на воротах Ориента». В этом контексте возникали и соображения о ее триалистическом устройении⁷⁵.

Агрессивная внешняя политика Монархии по отношению к Сербии служила задачам прорыва ее на Балканы – пространство, где она должна была добиться давно желаемых и категорически необходимых внешнеполитических успехов. Поэтому Вена все планы свои по отношению к Сербии подчиняла одной главной цели – доказать, что Монархия представляет собой великую силу. С другой стороны, политика, которую вела Сербия, противодействие, которое она оказывала прорыву Австро-Венгрии на Балканы, нежелание пребывать в экономической зависимости, поддержка югославянскому движению и бунтарская настроенность ее населения обостряли отношения с Габсбургской монархией, а тем, кто в Вене и Берлине планировал войну, предоставляли возможность обосновывать уже заготовленные обвинения⁷⁶.

Военный министр, генерал Конрад фон Хётцендорф, в своих меморандумах в декабре 1907 года подчеркивал, что лишь «агрессивная политика» может спасти Австро-Венгрию и принести ей успех. А имелись в виду аннексия оккупированных областей и «присоединение Сербии, включая ее центральные территории с Нишем...». Согласно тексту меморандума от 31 декабря 1907 года, «покорение центрального района с Нишем обеспечивает решающее влияние на все балканские события; и овладение Рашкой, которая нам несомненно принадлежит, может тогда безопасно последовать и приобрести свою настоящую значимость». Иными словами, уничтожение сербского государства было предпосылкой овладения центральными областями Балкан и установления гегемонии на этом пространстве. Это был главный пункт политики, которая должна была вернуть Монархии престиж великой силы. Данный меморандум содержал и план укрепления флота на Адриатическом море, и предоставление Черногории определенных льгот и привилегированного статуса, а также возможность превентивной войны ради того, чтобы сломить сопротивление Италии⁷⁷.

⁷⁵ Согласно переписи населения 1910 года, в Габсбургской монархии насчитывалось 51 356 465 жителей. Из этого числа немцев и венгров было 22 077 661 (42,9%), славян – 24 388 413 (47,8%), а остальных народов – 4 089 391 (9,3%).

⁷⁶ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 69–79; М. Екмечић, *Сјиварање Југославије 1790–1918*, књ. 2, стр. 680.

⁷⁷ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 72–73.

Только на первый взгляд казалось, что, начиная с 1907 года, позиции дипломатов и военных по сербскому вопросу отличаются. Министр иностранных дел, Алоиз фон Эренталь, также планировавший включение части Сербии в состав Монархии, предполагал остальную территорию, которую он называл «болгарской частью», уступить Болгарии. Уничтожение Сербии, по этому плану, могло быть осуществлено посредством ее раздела, при этом военные верхи настаивали на том, чтобы в состав Монархии вошел Ниш. Как следует из имеющихся мемурандумов, австро-венгерский Генштаб и разрабатывал военные планы прорыва на Балканы, считая, что Сербии следует «быстро, неожиданно и с максимальной решительностью» нанести удар, от которого она бы не смогла оправиться⁷⁸.

Младотурецкая революция обозначила новую фазу в балканской политике Габсбургской монархии. По мнению венских правителей, на ослабление Османской империи нужно было надлежащим образом прореагировать. Вена пугало то, что новые стамбульские власти планировали реафирмацию положений конституции 1878 года и обещали выборы на всей территории Турции. Именно этот процесс требовалось предупредить ради «высших целей». Решение было найдено в аннексии территорий Боснии и Герцеговины. Цель ее – окончательно присвоить земли, оккупированные на основании решений Берлинского конгресса, чтобы укрепить линию обороны со стороны Сербии и «разрушить мечты» о создании сербского государства на пространстве между Дунаем, Савой и Адриатическим морем. Аннексия, в представлениях Вены, должна быть этапом пути окончательного решения задачи объединить всех южных славян в границах Двойной монархии. Считалось, что таким образом Сербия определенно утратит притягательность для южных славян на территории Австро-Венгрии и перестанет быть «Пьемонтом», к которому обращены их взоры. Уменьшенная, окруженная и подвергнутая давлению южно-славянской общности, созданной в границах Двойной монархии, она была бы вынуждена с Австро-Венгрией сблизиться, а то и попроситься в ее состав. Из этих соображений Габсбургская монархия перестала выступать за целостность Османской империи. Создававшаяся международная ситуация также отвечала интересам Вены и ее намерению осуществить аннексию. Единственным,

⁷⁸ Там же, с. 72–76; А. Раденић, „Аустро-Угарски планови против Србије у вези са анексијом Босне и Херцеговине“, у: *Југословенски народи пред Први светски рат*, стр. 800–805.

что беспокоило и могло помешать планируемой аннексии, был договор, который Россия в конце 1907 года заключила с Великобританией, и, соответственно, возможность создания фронта великих держав, которые бы этому противостояли.

Намерения Вены со всей очевидностью раскрывались в Меморандуме, который, по предложению министра Эренталя, принял Совет министров⁷⁹. В соответствии с ним, изменена была функция австро-венгерского военного гарнизона, который с 1878 года размещался в Ново-Пазарском санджаке с целью не допустить территориального единения Сербии с Черногорией и создания «большого славянского государства на юге». Отвод воинских подразделений с этой территории имел целью специфически побудить Сербию, чтобы она нарушила определения Берлинского конгресса и таким образом получить желанный повод для войны, результатом которой стало бы уничтожение сербского государства. Определяющим шагом в политике, которую Австро-Венгрия намеревалась осуществить, была аннексия Боснии и Герцеговины. В Вене надеялись, что этот шаг вызовет протест Сербии, но не конфронтацию с Россией⁸⁰.

На очередном этапе планировалась поддержка «болгарского дела» на Балканах и создание Великой Болгарии, которая должна быть создана за счет отторжения от Сербии части ее территории. А в удобный для Монархии момент была бы захвачена и оставшаяся часть Сербии. Одновременно в планах на будущее делался расчет на «поддержку традиционной враждебности между албанцами и славянами» и на более прочную привязь Черногории к Габсбургской монархии. Через эти балканские государства осуществлялся бы контроль над центральной и западной частями Балкан. Бесспорно, Вена в своей балканской политике планировала возбуждение и стимулирование противоречий между балканскими государствами. Свое место во всех этих планах занимало и удовлетворение амбиций Петрограда – чтобы он за получение свободного прохода через морские проливы согласился на аннексию Боснии

⁷⁹ Заседание Совета министров состоялось 19 августа, а Меморандум был полностью оформлен в Министерстве иностранных дел десятью днями ранее, 9 августа 1908 года.

⁸⁰ Тогдашний министр иностранных дел Эренталь был сторонником хороших отношений с Россией. Судя по всему, он планировал, что России, взамен за согласие на аннексию, будет предложена поддержка в удовлетворении ее требований получить свободное передвижение по морским проливам (Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 565; Д. Фромкин, *нав. дело*, стр. 70–74).

и Герцеговины⁸¹. По отношению к Сербии реализация упомянутых планов была начата еще до самого осуществления аннексии. Заседание Совета министров 19 августа 1908 года являлось ключевым моментом, когда было принято политическое решение об уничтожении сербского государства⁸². В этих намерениях Вена получила поддержку Германии, которая, не имея «особых интересов по отношению к Сербии», готова была ее судьбу предоставить на волю Австро-Венгрии.

Желая как можно быстрее реализовать свою программу балканской политики, а при этом нарушая определения Берлинского конгресса и равновесие сил в Европе, Австро-Венгрия в октябре 1908 года объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Поспособствовал этому осуществленный незадолго до того государственный переворот в Турции, то есть Младотурецкая революция. Одновременно почти с аннексией провозглашена и независимость болгарского государства. Аннексирование Боснии и Герцеговины еще раз публично было представлено как «миссия», которую Австро-Венгрия выполняет от имени цивилизованного мира, а при этом сознательно умалчивалось, что длившаяся три десятилетия оккупация этих областей населению их не принесла ничего хорошего⁸³.

Аннексия подтвердила готовность Габсбургской монархии допустить разрушение Турецкой империи. С другой стороны, это был повод для ухудшения отношений с Великобританией, которую рост военной и экономической мощи Германии вынуждал по-новому смотреть на связи Вена и Берлина, корректируя отношение к Двойной монархии⁸⁴. «Водоворот», вызванный аннексией Боснии и Герцеговины, начал стремительно расширяться, а возникший кризис стал поворотным пунктом, от которого мир направился к новой войне.

На тот момент, когда решилась на аннексию, Австро-Венгрия находилась в глубоком социальном и экономическом кризисе. Усилившиеся национальные движения грозили дезинтеграцией. Славянское население

⁸¹ Об этой возможности в августе 1908 года во дворце в Карлсбаде вели переговоры министры Эренталь и Извольский (*Там же*, с. 566).

⁸² А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 75–76. О Сербии говорится как о «сербском революционном гнезде», которое следует полностью уничтожить.

⁸³ А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 243–245.

⁸⁴ Великобритания, начиная с 1901 года, безуспешно старалась отдалить Австро-Венгрию от Германии. Во время аннексионного кризиса Лондон был определенно уверен в безуспешности своей затеи, что самым непосредственным образом отразилось на отношениях с Веней.

стремилось добиться национального равноправия⁸⁵. Ультимативные требования венгров расширить права – в числе которых особо выделялись создание собственной армии, привилегии на подписание самостоятельных договоров, установление таможи и контроля части границы – вели к полной самостоятельности. Противоречия между аристократией, которая пользовалась правом на высокие посты в армии и чиновно-государственном аппарате, как и многими другими привилегиями, и низшими общественными слоями, которые стремились получить основные социальные права, сотрясали фундамент государства. Усугублялся кризис отставанием Монархии от более развитых соседей в экономике, производстве и технологиях. Конкурентные политические и экономические отношения с Италией на Адриатическом море и на Балканах изнуряли государственный организм, а германская идея о «большом экономическом пространстве» в Средней Европе, т.е. пространстве, которое охватывало и территорию Монархии, вызывала беспокойство и страх. Связи, установленные с Германией во внешнеполитическом и военном планах, способствовали укреплению влияния, но представляли также угрозу независимости политики, которую проводила Вена.

Аннексия Боснии и Герцеговины разрушала надежды Сербии на то, что после распада Турецкой империи эти две области будут принадлежать ей, из-за чего возникли большие опасения и разочарования. Всего через несколько дней после того, как аннексия была провозглашена, в Белграде прошли массовые демонстрации, в которых принимал участие народ из разных краев. Во время тех больших волнений звучали призывы к войне с Австро-Венгрией, а впоследствии прошла и запись в добровольцы. В условиях, когда ожидалась «всеобщая война южных славян против Австрии» сформировалась организация «Народная оборона» (*Narodna odbrana*), в которую вступали не только сербы, но и многие добровольцы из России, Италии и балканских стран⁸⁶. Среди организаторов всего этого движения было много известных представителей интеллигенции, писателей, ученых. Оживилась также деятельность иных патриотических организаций – таких, как «Сокол»,

⁸⁵ Подробнее см.: F. Cwitter, J. Šidak i V. Bogdanov, *Nacionalni problemi u Habsburškoj monarhiji*, Ljubljana, 1962; Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 559–608.

⁸⁶ По доступным сведениям, Народная оборона в короткий срок собрала от 150 000 до 300 000 членов. По завершении кризиса она продолжила заниматься культурно-национальными делами, выдвинув лозунг: «Всё для сербства и отечества» (М. Радојевић, „Сведочанства о Народној одбрани“, *Војноисторијски гласник*, бр. 1–2, 2004, стр. 110–116).

«Круг сербских всадников», «Круг сербских сестер», «Стрелковая дружина». За национально-революционные методы борьбы и за войну, которую бы вели Сербия и Черногория, выступала газета «Славянский Юг» (*Словенски Југ*), вокруг которой объединилось много сербской интеллигенции и которая звала к «братскому сотрудничеству» боснийцев, хорватов, далматинцев, черногорцев и словенцев. Сербское правительство, будучи осторожнее, чем растревоженный народ и часть интеллектуальной элиты, вела многомесячную дипломатическую борьбу, без особых видов на успехи.

Аннексионный кризис до пределов обострил и без того плохие отношения между Австро-Венгрией и Сербией. С одной стороны проявлялось намерение Австро-Венгрии подчинить себе пространство Балкан и таким образом проявить себя как великую, ведущую силу; а с другой – стремление балканских народов к независимой государственной жизни. Хотя Сербия была значительно меньше территориально и по численности населения, слабее экономически и культурно более отсталой, ее противостояние Австро-Венгрии, с учетом российских, французских и британских интересов, было намного сложнее, чем локальный конфликт.

Интерес к Балканам у России возобновился после поражения, которое она потерпела в войне с Японией. Чтобы защитить свои интересы, Россия тайно согласилась на аннексию Боснии и Герцеговины с условием, что будет иметь беспрепятственный выход на Босфор и Дарданеллы. Между тем, поскольку аннексия была осуществлена до того, как российская дипломатия смогла заручиться поддержкой балканских государств, нарушенные договоренности усилили неприязненность отношения Петербурга к Вене, создав угрозу для мира в Европе⁸⁷. При всем этом Россия в разрешении возникшего кризиса не готова была поддержать Сербию. Ее министр иностранных дел Извольский несколько раз предупреждал Белград о «пределах» российской поддержки и об опасности, что Сербия, перейдя их, останется в одиночестве⁸⁸.

⁸⁷ В письме, адресованном министру иностранных дел Эренталю, председатель императорско-королевского правительства граф Берхтольд всю ситуацию прокомментировал следующим образом: «Накопилось взрывчатых веществ достаточно для того, чтобы вызвать, причем в самых благоприятных для этого условиях, взрыв, в пламени которого Россия будет призвана, чтобы отпраздновать свое распрямление». Цит. по: Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 571.

⁸⁸ Samuel R. Williamson, *Austria-Hungary and the Origins of the First World War*, London 1991; Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 570.

Однако, хотя равновесие сил в Европе было нарушено, ни одна из них не готова была пойти на решительное обострение взаимоотношений.

Интересам Германии отвечало прежде всего обострение ситуации в связи с Аннексионным кризисом. По оценкам берлинских аналитиков, победа на дипломатическом уровне обуславливалась тем, что Россия не готова к войне и вынуждена будет согласиться на уничтожение Сербии. Германия осуществляла давление на Россию и решительно поддерживала Австро-Венгрию, используя возникший кризис для того, чтобы с ней заложить «прочные общие основы для дальнейшего направления и действия Центральных сил». Не считая идею об уничтожении Сербии ошибочной и признавая, что все идет к войне, она своему самому надежному союзнику обеспечивала поддержку безоговорочную, хотя и очень скрытую. Особо не выставляясь, Берлин решил «спокойно выждать, пока плод созреет»⁸⁹. А в ожидании соответствующего момента для начала войны он свою политику старался представлять как миролюбивую, миротворческую.

В самой же Вене помимо тех, кто выступал за войну с Сербией, были также те – в их числе и сам император Франц Иосиф, – кто считал, что «попирание» Сербии со стороны Австро-Венгрии означает одновременно и унижение России. Вполне вероятной реакции Петербурга, активизации «механизмов» военных соглашений и возможного расширения конфликта они все же опасались⁹⁰.

Турция вынуждена была согласиться на денежную компенсацию за утраченные владения. Сербия, поняв, что ее национальные интересы в Боснии и Герцеговине признаны не будут, также стала размышлять о возможных компенсациях и попыталась в итоге одобрения строительства железной дороги обеспечить себе выход к Адриатическому морю. Но самое большое, чего она смогла добиться, – то, что боснийско-герцеговинский вопрос обсуждался как часть сербского вопроса.

⁸⁹ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 86–87.

⁹⁰ О необходимости для Вены вести рациональную политику говорилось и в письме престолонаследника Франца Фердинанда майору Брошу фон Арену, первому адъютанту Конрада фон Хётцендорфа, в частности: «Сдерживайте, прошу вас, Конрада. Нужно, чтобы он избавился от своей военной лихорадки. Было бы прекрасно и весьма приятно растереть этих сербов и черногорцев. Но к чему дешево приобретенные лавры, если за них нам придется платить европейским кризисом, если впоследствии мы должны будем сражаться, возможно, на два или три фронта, не имея возможности этому соответствовать». Цит. по: Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 570.

После долгих и мучительных дипломатических переговоров, под давлением великих держав, сербское правительство в марте 1909 года на заседании Народной скупщины вынуждено было зачитать составленное в Вене и присланное в Белград на подпись заявление о том, что аннексия признается как свершившийся факт⁹¹. Это было полное поражение Сербии, однако, согласно донесению австро-венгерского посланника, воспринято оно «угрожающе спокойно». Германский император Вильгельм II считал, что Австро-Венгрия «в итоге одного удара стала ведущей силой на Балканах». Правящие круги Вены праздновали дипломатическую победу, подчеркивая, что под суверенитет Монархии поставлены две новые области. А все-таки во многом это была Пиррова победа⁹². В позднейших анализах историков присутствовало даже мнение, что вызванный аннексией кризис Австро-Венгрии унизил, поскольку ее, великую державу, «опустил на уровень Сербии», малой балканской страны. Кроме того, дополнительно увеличилась ее зависимость от Германии. А кризис поспособствовал сближению России с Италией. Заключенное между ними в октябре 1909 года соглашение, подтверждавшее намерение сохранять на Балканах существующее территориальное положение и противостоять любым попыткам изменить его, несло угрозу для Австро-Венгрии, вынуждая нести новые военные расходы и ослабляя Тройственный союз. Несмотря на поражение, авторитет Сербии существенно не пострадал, хотя Вена упорно распространяла мнение, что во всех проблемах, с которыми столкнулась Двойная монархия, виноват «югославянский Пьемонт». В этой ситуации, когда Сербия желала «реванша», вызревало понимание необходимости собирать «разорванные части» сербского народа и вести «политику братства и союзничества» со всеми балканскими народами, особенно – южными славянами. В числе сторонников «пьемонтистической» политики Сербии была и тайная

⁹¹ В заявлении, которое приняло сербское правительство, было подчеркнуто: Сербия признает, что австро-венгерской аннексией Боснии и Герцеговины ущерб ее запросам не нанесен; она принимает советы великих держав прекратить протестное поведение; обязуется изменить свою политику по отношению к Австро-Венгрии и в будущем с ней поддерживать добрососедские отношения (*Велики рай Србије 1914–1918*, пр. Д. Живојиновић и М. Војводић, Београд 1970, стр. 5; М. Војводић, *Ситојан Новаковић у служби националних и државних интереса*, стр. 359).

⁹² Министр Берхтольд писал императору Францу Иосифу: «Не стоит обманываться, что способ, которым мы осуществили аннексию Боснии и Герцеговины, не пробудил во всех канцеляриях великих сил чувств недоверия к Монархии и не вызвал доселе невиданного согласия между ними в плане оценок нашей восточной политики». Цит. по: Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 581.

организация «Объединение или смерть». В странах Тройственного союза, по ходу кризиса не готовых к войне, с особым вниманием анализировались последствия нарушений Берлинского договора⁹³.

Аннексионный кризис вызвал у Вены озабоченность относительно сербской опасности как вопроса, который непременно следует решить. Начиная с 1908 года, уничтожение Сербии военными средствами стало одной из важнейших внешнеполитических целей Австро-Венгрии. В начале 1909 года казалось, что все уже идет к войне. С целью оправдать применение против Сербии оружия в Вене фабриковались ложные свидетельства, разжигались антисербские настроения. В страхе перед «сербской опасностью», якобы представлявшей угрозу для существования Монархии, почти полностью была утрачена способность вести политику рационально. В качестве единственного средства решения проблемы навязывалась сила. Мало внимания обращалось на то, что же в итоге такой войны Австро-Венгрия может получить. Было ясно, что возможная аннексия Сербии увеличит численность недовольных южных славян внутри границ Монархии. А из Сербии война, по мнению критично настроенной части общества, сделает соседку, еще более недоброжелательную, озлобленную, которая, независимо от венской пропаганды, таковой ее уже теперь представляющей, действительно станет центром собирания всех врагов Монархии. Не было желания прислушаться и к голосам, напоминавшим, что военные действия поменяют на Балканах *status quo*, который интересам Монархии отвечает больше всего. Рациональные ответы на упомянутые вопросы пришли только тогда, когда оказалось, что война с Сербией – дело ясное. Тогда лишь появилось понимание, что Австро-Венгрии следовало бы застраховать результаты, достигнутые в итоге аннексии Боснии и Герцеговины. Важной была также оценка правящих верхов, что Монархия на тот момент, из-за внутривнутриполитических условий, не в состоянии «переварить» Сербию, так что аннексирование территорий ее следует отложить на будущее.

Когда было решено отказаться от военных действий и воинские части вернуть в казармы, Австро-Венгрия начала обвинять сербских и часть югославянских политиков в измене, фабрикуя против них судебные дела и организуя соответствующие процессы. Выдуманные

⁹³ А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 243–245; М. Војводић, *Стијојан Новаковић у служби националних и државних интереса*, стр. 355–359; Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 582–583.

«доказательства» дискредитировали власть, лишали ее нравственного авторитета и опровергали мнение об империи как государстве цивилизованном, в котором существует власть права. «Изменнический процесс» в Загребе, а затем «процесс Фридунга» в Вене явились отражением нравственного краха Австро-Венгрии. Этими событиями, как отметили историки, окончательно разрушено было «впечатление цивилизованного поведения, которое придавало добропорядочный вид». Монархии уже не оставалось ничего иного, на что можно было бы опереться, кроме силы и насилия⁹⁴. А таким образом она все ослабевала и в еще большей мере становилась инструментом германского доминирования в Европе⁹⁵. На этот процесс влияли также национальные страсти, разбушевавшиеся в политической жизни страны. Неуклонная мадьяризация вызвала сопротивление у славянского населения, а власти на него ответили давлением и террором в различных формах⁹⁶.

С началом балканских войн оживился интерес великих держав к этой части европейского континента. Быстрая победа союзнических армий изменила политическую карту Балкан, повлияв на соотношение сил и полностью изменив картину балканских условий⁹⁷. Тем самым и Монархия, в предшествующие годы стремившаяся сохранить на Балканах status quo, вынуждена была наново определять свои приоритеты и цели. Пока шла Балканская война 1912 года, Вена, вместе с другими европейскими государствами, вынуждена была наблюдать за разрушением Османской империи. Однако она, в отличие от остальных, считала создание и успешное существование Балканского союза направленным не только против Турции, но и против нее самой. Опасным ей пред-

⁹⁴ А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 248.

⁹⁵ Там же, с. 248–255.

⁹⁶ Политика мадьяризации, которая достигла апогея с принятием законов 1907 года о просвещении, не была прекращена. По доступным сведениям, в период с 1880 по 1914 годы под влиянием насильной мадьяризации численность мадьярского населения в Венгрии увеличилась с 41,2% до 48,1% (Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 580).

⁹⁷ О Балканских войнах подробнее см.: группа авторов, *Prvi balkanski rat 1912–1913. Operacije srpske vojske*, knj. 1, Beograd, 1959; М. Ђуришић, *Prvi balkanski rat 1912–1913. Operacije crnogorske vojske*, knj. 3, Beograd, 1960; В. Ратковић, М. Ђуришић, С. Скоко, *Srbija i Crna Gora u Balkanskim ratovima 1912–1913*, Beograd, 1972; В. Ратковић, *Prvi balkanski rat 1912–1913. Operacije srpske vojske*, knj. 2, Beograd, 1972; М. Ј. Милићевић, *Рај за море: гејсјива српских јурија у северној Албанији и на Приморју од 23. октобра 1912. до 30. априла 1913. године*, Београд, 2011; *Први Балкански рај 1912/1913. године: друштвени и цивилизацијски смисао*, Ниш, 2013.

ставлялось и то обстоятельство, что события на Балканах развиваются без ее влияния. Монархия была готова к ведению малых войн, но без риска дать повод для большой европейской войны. Хорошее знание балканских обстоятельств показывало, что союзничество балканских стран долго не продержится, и с целью скорейшего его разрушения нужно активно действовать, используя способствующие тому обстоятельства. По мнению военных кругов, роль пассивного наблюдателя снижала престиж Вены в балканских столицах и создавала угрозу ее гегемонии на Балканах. Армия, с 1911 года получившая увеличенный военный бюджет, определяла создавшееся положение как политическое и моральное поражение⁹⁸.

Бесспорно, у Австро-Венгрии были военная мощь, индустриальный потенциал и дипломатический опыт, которые позволяли ей контролировать исторический процесс вытеснения Турции с Балкан; однако не было национального согласия и патриотизма для такого значительного дела. К концу Первой балканской войны для ее гегемонии угрозу несла не только Сербия, но и весь балканский союзнический блок, в котором сербское государство имело позицию «срединного вызова». Сербия в ходе войны с Турцией, благодаря сильной армии, хорошей организации и высокому моральному духу населения, стала на Балканах соперницей Габсбургской монархии. По оценкам Вены, победа в Балканской войне усилила влияние армии на политику сербского государства, укрепила национальное сознание сербов как в Сербии, так и в Австро-Венгрии, подняла авторитет Сербии для югославянского движения, а в то же время понизила престиж Монархии, поспособствовала тому, что сближение сербов с хорватами получило перевес над религиозным и национально-политическим разделением. Правящие круги Монархии опасались такой Сербии, а ситуацию, возникшую в итоге поражения Турции, оценивали как «трагическую» и «пагубную», что вело к реанимации планов уничтожения Сербии. Австро-венгерской дипломатии удалось вынудить Сербию, чтобы она отступила с территорий, которые вошли в состав новообразованного албанского государства, однако не смогла остановить ее продвижение в других направлениях.

⁹⁸ После победы на выборах 1910 года граф Тиса как одну из первых мер, которые он осуществил в должности председателя правительства, принял закон об увеличении военного бюджета и формировании регулярной армии. Это соответствовало и проектам Конрада фон Хётцендорфа, который настаивал на том, что нужно укреплять армию и проводить ее модернизацию (Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 581–588).

Сторонников «счастливой войны», которая бы способствовала установлению авторитета великой державы, решению югославянского вопроса и нормализации положения внутри Монархии, было много. За партией войны стоял генералитет, считавший, что империя при пассивной позиции теряет «престиж». По мнению офицеров, это вело ее к экономическому ослаблению, охлаждению патриотизма, падению доверия со стороны союзников, увеличению неправомерных требований со стороны врагов, росту симпатий к великосербским притязаниям, утрате веры в себя, потере югославянских областей. Между тем, в политической жизни давала о себе знать также сила тех кругов, которые были против «преждевременной войны», а к ним принадлежал и сам император. Имея весьма преклонный возраст и осознавая как внешние, так и внутренние проблемы страны, он таким образом пытался защитить свое владычество. Против войны выступал и престолонаследник Франц Фердинанд, веривший, что Австро-Венгрия может легко «рас топтать» Сербию, но не имел ответа на вопрос, что же потом делать с побежденным противником. Дипломатические и экономические круги в основном также стремились к тому, чтобы их интересы на Балканах были реализованы, но чтобы Монархия обошлась без военного конфликта и без затрат, которые станут обременительными для государственной финансовой системы и налогоплательщиков. Дипломаты придерживались мнения, что следует дождаться удобного момента⁹⁹.

Идеи и решения, предлагавшиеся заинтересованными сторонами, были не новы, особенно, если учесть, что возникли они из планов, складывавшихся во время кризисов 1878 и 1908 годов. А то, что они продолжали существовать, укрепляло политические фронты и усиливало их непримиримость. Этому способствовало и обострение международных отношений. Но власть в Вене все никак не могла найти решения проблемы, обусловленной потребностью, чтобы Монархия показала свою силу на Балканах и утвердила себя как великую европейскую державу, а в то же время не вызвала такого военного столкновения, которое бы могло закончиться для нее крахом.

Германия после Первой балканской войны пыталась, по крайней мере – какое-то время, смотреть на происходившее по-новому. В течение

---

⁹⁹ В дипломатских кругах, близких Францу Фердинанду, часто давал о себе знать следующий стереотип: «Сербия – как слепая кишка, нужно ее вырезать, и тогда будешь спокоен... а до тех пор нужно создавать как можно большие затруднения». Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење*, стр. 13; J. M. Јовановић, *Сјиварање заједничке државе Срба, Хрватша и Словенаца*, књ. 1, стр. 9–12.

1912 года у нее не было интереса превращать возникший балканский кризис в общеевропейскую войну; она верила, что участников балканского союза может привлечь на свою сторону. Император Вильгельм II не готов был в 1912 году вмешиваться в балканские конфликты и оказаться втянутым в возникшие противостояния. Кроме того, в существовании Балканского союза он видел способ ослабить влияние панславизма на Балканах. Некоторое время в Берлине даже помышляли о поддержке возможных «Соединенных штатов Балкан», которые бы вели политику, близкую Германии. Стабильные Балканы можно было рассматривать и как преимущество, поскольку они были желанны для части германских промышленных кругов, готовых поставлять на это пространство свои товары, капиталы и технологии.

Из указанных соображений Берлин готов был в некоторой степени менять свою политику на Балканах. Правящие круги Германии придерживались мнения, что балканские страны, особенно Сербию, можно привлечь к себе и соответствующей политикой, без особых акцентов на том, что их нужно уничтожить. Короче говоря, Германия не соглашалась с тем, чтобы отношение Вены к Сербии как противнику стало основой политики Центральных сил. Считая, что изменение политики принесло бы несомненную пользу Австро-Венгрии, она готова была посредничать в том, чтобы отношения с Сербией улучшились. Конкретная заинтересованность ее в сотрудничестве с Сербией обусловлена была экономическими, коммуникационными и стратегическими причинами¹⁰⁰.

Итоги Первой балканской войны опосредованно повлияли на окончательное решение Германии вступить в войну. Крах Турции и заявление Великобритании, что она не будет наблюдать пассивно за столкновением между Германией и Францией, коль до него дойдет, Берлину показывали, что британцы тверды в желании не допускать появления на европейском пространстве превосходящей их политической, военной и экономической силы. Такая политика ставила Вильгельма II перед дилеммой: либо отказаться от намерений сделать Германию государством, которое будет стоять во главе «Соединенных штатов Европы», либо усилить и ускорить меры по вооружению и подготовке к войне армии, особенно сухопутных войск. Выбрано второе. А решение принято 8 декабря 1912 года на заседании «военного совета». Тогда генералитет

¹⁰⁰ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 137–142; J. М. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 6.

выразил уверенность, что Германия способна вести войну с двумя, а если понадобится, то и с тремя, большими государствами одновременно. Таким убеждениям, которые разделял монарх, гражданские власти не могли противопоставиться. После этого началось интенсивное увеличение численности армии и укрепление мощи ее. Армии ставилась задача обеспечить континентальные интересы Германии на западе, юге и востоке Европы, но победа на материке одновременно должна была служить и обеспечению интересов Рейха за океаном¹⁰¹.

Позиция Берлина по отношению к Балканам на тот момент была сущностно неприемлема для правящих кругов Вены, которые «уничтожение Сербии» отождествляли с «жизненными интересами» Монархии. По их мнению, конфликт был непримиримым из-за фанатичных устремлений Сербии добиться объединения всех сербов, из-за ее сепаратистских намерений отделить от Монархии территории, населенные сербами и югославянами, из-за мечты о великом сербском государстве. Осуществление же великосербской идеи, национального идеала всего сербского народа, возможно было, как считали в Вене, только за счет Монархии, а это никак не сочеталось с сохранением ее целостности. Упомянутые позиции в 1912–1913 годах заметно охладили отношения между Веней и Берлином. У союзников не было расхождений насчет того, что Австро-Венгрия должна стать гегемоном на Балканах, однако они некоторое время расходились во мнениях, каким способом этого достичь¹⁰².

Влияния Монархии было достаточно для того, чтобы создать албанское государство, остановить прорыв сербов к Адриатике, установить границы балканских государств и их соседей, поддерживать новые раздоры и интриги между балканскими народами. Но не больше того. Защищая собственные интересы на Балканах, дипломатические и военные круги Вены старались представить себя в качестве защитников албанского народа¹⁰³. Из-за этого участились протесты против того, чтобы Сербия и Черногория претендовали на территории, где преобладало албанское население. Вена особенно настаивала на том, что Сербии нельзя позволить выход к Адриатическому морю. Кризис в отношениях обострился и уже грозил войной в связи с тем, что Черногория заняла Скадар, а сербские воинские силы оказались на территории Албании.

¹⁰¹ F. Fišer, *nav. delo*, str. 77–79.

¹⁰² A. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 137–142.

¹⁰³ В мемуарной записи, сделанной 21 июня 1914 года, барон Конрад ясно подчеркнул, что албанское государство создано в противовес Сербии, а не его самого ради (В. Торовић, *nav. дело*, стр. 670).

Между тем, Берлин в этой ситуации не выступал за войну, и на его поддержку Вена не могла рассчитывать. По мнению Вильгельма II, это немислимо, чтобы европейская война была начата «из-за какого-то вопроса, который вообще не важен»¹⁰⁴. Не имея возможности оспорить территориальные приобретения Сербии, австро-венгерская дипломатия в мае 1913 года на Лондонской конференции, которая стала завершением Первой балканской войны, все же достигла значительных успехов. Монархия смогла добиться для Албании международного признания и того, чтобы Скадар вошел в состав албанского государства, а Сербию вынудила вывести свои войска с территории Албании¹⁰⁵.

Не меняя установки, что независимое сербское государство представляет опасность для Монархии, австро-венгерская дипломатия старалась убедить Россию, чтобы та не препятствовала ее решительным действиям на Балканах, стремлению к войне против Сербии приобщить Германию и разрушить союзнические отношения между Сербией и Болгарией. В Риме также она прилагала усилия, чтобы велась совместная борьба по защите от Сербии¹⁰⁶. При решении названных задач Вена смогла умело использовать сербско-болгарский конфликт вокруг Македонии, однако ее старания добиться контроля над Сербией с использованием амбиций Болгарии в 1913 году успехом не увенчались.

Австро-Венгрия не готова была принять итоги Балканских войн и условия мира, заключенного 10 августа 1913 года в Бухаресте, и стремилась их любым способом обесценить. В тот же день, когда договор был подписан, ее представители заявили сочленам Тройственного союза – Германии и Италии – о намерении напасть на Сербию¹⁰⁷. Граф Хойош,

¹⁰⁴ По мнению Вильгельма II, было немислимо, чтобы европейская война началась «из-за какого-то вопроса, который вообще не важен». Германский император был уверен в невозможности убедить немцев, «что им нужно сражаться из-за того, что Скадарская долина или Скадарское озеро должны стать вместо черногорских албанскими» (A. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 137).

¹⁰⁵ М. Војводић, *Сјојан Новаковић у служби националних и државних интјереса*, стр. 360–379.

¹⁰⁶ Италии весной 1913 года предлагалось «совместно изгнать сербов и черногорцев из Скадара».

¹⁰⁷ В телеграмме, которую министр иностранных дел Сан Джулиано прислал председателю правительства Джолитти, говорилось: «Австрия сообщила нам и Германии о намерении напасть на Сербию; она определяет это как оборонительную акцию и надеется, что Тройственный союз будет смотреть на это как на *causus foederis*, чего, по моему мнению, не может быть. Я пытался вместе с Германией отворотить Австрию от этой акции...» Отвечая на это, в день подписания Бухарестского договора, председа-

шеф кабинета министра Берхтольда, объяснял возникшую ситуацию следующим образом: «Для нас любое решение, позволяющее, чтобы и далее сохранялось создавшееся в итоге Бухарестского мира положение, которое неослабленную Сербию, под покровительством России, делает центром собрания всех югославян и которое Румынию держит в лагере наших противников, означало бы отрицание не только нашего статуса великой державы, но и нашего права на существование... Коалицию Бухарестского мира следовало бы разрушить, Болгарии вновь вернуть былую мощь, если Австрии надлежит существовать»¹⁰⁸. Таких же взглядов придерживался и император Франц Иосиф. В мае 1914 года, разговаривая с послем в Стамбуле, он высказался о мировой войне как неизбежной. «Центральные силы, – говорил он, – не примут Бухарестский договор как договор для решения балканской проблемы, и тогда ее сможет решить всеобщая война»¹⁰⁹.

Упомянутые позиции четко отражали политику, которую Австро-Венгрия вела после Первой балканской войны и которая неизбежно воздействовала также на Германию. В то же время, поддержка оказанная Болгарии во Второй балканской войне, опустила ее на уровень государства, которое ведет политику не европейскую, а балканскую. Между тем, после поражения Болгарии общая враждебность к Сербии дополнительно сблизила Вену и Софию. Сербские победы вызывали у Вены подавленность и страх, что после Турции будет уничтожена и Габсбургская монархия¹¹⁰.

тень правительства Джолитти подчеркнул: «Если Австрия нападет на Сербию, то не возникает *causus foederis*. Это была бы ее собственная акция, а не оборона... Это следует заявить Австрии самым четким образом; надо надеяться, что Германия предпримет усилия, чтобы Австрию склонить к отказу от такой очень опасной авантюры». Цит. по: J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, стр. 14.

¹⁰⁸ В. Ћоровић, *нав. дело*, стр. 673. О подчиненности идее уничтожения Сербии свидетельствуют и объяснения, которые Вена давала румынскому суверену Каролю I с намерением разорвать сербско-румынское союзничество: «Между нами и нынешней Сербией стоит большая югославянская проблема, а ее можно... только силой решить; паллиативы бесполезны... Или от Сербии едва-едва что останется, или Монархия до основания расшатается». Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 13.

¹⁰⁹ Цит. по: J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. 1, стр. 13. Такой способ рассуждения объяснял намерения Вены, высказанные еще в августе 1913 года, что Австро-Венгрия под предлогом «регулирования границы» должна занять Ново-Пазарский санджак и активно поработать в Афинах и Софии, чтобы распространить недоверие к Сербии.

¹¹⁰ М. Екмечич, *Дуо крешање између клана и орања...*, стр. 347. О распаде Австро-Венгрии говорилось, однако накануне Первой мировой войны мало кто верил, что

Сербия после Балканских войн пыталась улучшить отношения с Двойной монархией. Не давшие в ноябре-декабре 1912 года результатов попытки Николы Пашича добиться встречи с министром иностранных дел Берхтольдом увенчались успехом в сентябре 1913 года. Для этого была подготовлена специальная программа, содержащая следующие положения: «а) Сербия – экономически и политически независимая страна, однако с Австро-Венгрией она может поддерживать самые лучшие отношения; б) Раздел Албании, но если Австрия желает автономии, Сербия согласится; в) Выход к Адриатическому морю и коридор, необходимый для этого выхода, с обязательствами, что он никогда не переутверждается и не отдается в распоряжение другому государству; г) Выгодное для Австрии торговое соглашение – участие в займе, уменьшение пошлин, поставки. Если этого добиться невозможно, Сербия все-таки не будет применять силу для выхода к Адриатическому морю, а установит связь с Солуной, укрепит Балканский союз и не станет ничего закупать у Австрии».

Причины для улучшения отношений имелись и у Австро-Венгрии. Они были связаны с вопросами вот какими: размеры железнодорожных тарифов, выкуп восточных железных дорог, вывоз скота и продуктов питания из Сербии через порт Сплита по железной дороге Ужице – Вардиште – Сплит, каботаж австрийских и венгерских судов в сербских портах на Дунае и Саве, строительство железнодорожных линий Кленак – Шабач и Пожаревац – Неготин, концессии в горнорудной промышленности, приобретение учебной литературы, установление новых концессий для разных сфер государственного управления и др. Для всего этого нужны были денежные средства, время и добрая воля, которой, как оказалось, не было¹¹¹. Во время

это может случиться в близком будущем, а тем более считал это «неизбежностью». Даже самые ярые критики ее, типа Томаша Масарика и Эдварда Бенеша, считали, что ее нужно реформировать. Особенно подчеркивалось, что Австро-Венгрия представляет единое целое в экономическом плане, несмотря на очевидные различия, которые имеются между индустриальными и сельскохозяйственными областями. Наряду с национальным плюрализмом, как существенный элемент интеграции существовала австрийская культурная идентичность.

¹¹¹ Говоря о способе, которым могут решаться спорные вопросы, германский посол в Вене заявил тогдашнему сербскому послу Йовану М. Йовановичу: «У вас с Австро-Венгрией дела не могут идти хорошо до тех пор, пока не будет войны. Австро-Венгрия должна прежде войной усмирить Сербию, а тогда уже все дела легко завершить с вами...» (J. M. Јовановић, *Сјваранье заједничке државе Срба, Хрватша и Словенаца*, стр. 16–17).

встречи обсуждались двусторонние отношения, албанский вопрос, возможность выхода Сербии к морю и получения коридора, по которому это может быть осуществлено, торговля¹¹². Для Австро-Венгрии с ее планами на Балканах наибольшую важность имел вопрос Албании. Хотя казалось, что по вопросам, вынесенным на обсуждение, найдено согласие, однако через две недели после встречи Пашича с Берхтольдом, Австро-Венгрия выдвинула ультимативное требование, чтобы Сербия в течение семи дней отвела свои войска из стратегических пунктов в Албании к своей границе.

Осенью 1913 года и Берлин, и Вена считали, что возникающий международный кризис нужно использовать для войны. Рост военной мощи Антанты вынуждал Берлин с войной «поспешить», поэтому было принято решение, что под прикрытием мирной политики Германия должна ускоренно готовиться к войне. В связи с этим укреплялись союзнические отношения с Австро-Венгрией, хотя вопрос отношения к Сербии для Берлина все еще оставался «открытым». Вильгельм II говорил о том, что ее нужно «впрячь в воз Монархии», «тем или иным способом». Соответственно, Германия могла согласиться как на уничтожение Сербии, так и на привлечение ее к Центральным силам, на экономическое привязывание, заключение военных соглашений и формирование элит в немецком духе¹¹³.

В начале октября 1913 год под давлением общественности и сторонников войны, Совет министров Австро-Венгрии дал согласие начать приготовления к войне с Сербией. Решено было в качестве повода использовать первую же возможность, которая бы позволила Монархии заявить, что она «определенно оскорблена» поведением Сербии. Между тем, и далее оставался открытым вопрос, что делать с побежденным противником. Генштаб на основании опыта из прежних кризисов уже имел четыре решения, как обеспечить «долгосрочное владение». Пер-

¹¹² Сербское правительство в течение 1912 года пыталось через Томаша Масарика организовать встречу Николы Пашича с министром Берхтольдом, но это не дало результатов (J. M. Јовановић, *Стиварање заједничке државе Срба, Хрватша и Словенаца*, стр. 15).

¹¹³ A. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 156–160. Часть германской элиты никогда не была лишена сомнений в реальной мощи союзницы, каковой являлась Двойная монархия. В мае 1914 года германский посол из Вены писал в Берлин: «Оправдывается ли то, чтобы мы так прочно привязывались к этому государству, которое стреляет во все стороны, и чтобы мучились, таща его с собой». Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 10.

вое из них, которое Генштаб считал наилучшим, предусматривало, что Сербию нужно силой уничтожить и «проглотить». Согласно второму плану, после войны ее, наказав, следует включить в состав Монархии, но так, чтобы она сохраняла видимость независимости. Имея в таком случае правителя, правительство, скупщину, существующие институты, границы и территорию, она была бы лишена права на самостоятельную политическую, экономическую и культурную жизнь. Третий план предполагал раздел Сербии между Австро-Венгрией и соседними государствами – Румынией и Болгарией. Монархия бы забрала центральную часть с Нишем и Ново-Пазарский санджак, тогда как Албания замкнула бы свои «естественные границы». По мнению генералитета, для Монархии самым худшим являлось то решение, которое бы привело к военному поражению и разоружению.

В среде сплотившихся вокруг Франца Фердинанда противников аннексии Сербии преобладало мнение, что Сербию следует военными средствами наказать, но не «отнимать ни пяди земли», «ни одного квадратного метра», «ни одной сливы, ни одной овцы». Такое мнение основывалось на сделанных ранее оценках, согласно которым Габсбургская монархия была не в состоянии «переварить» Сербию, так что аннексия ее вызвала бы мощные ирредентистские тенденции. Важным было и опасение, что расправа с Сербией на длительное время воспрепятствовала бы установлению более близких отношений с Россией, сдержала бы восстановление солидарности между тремя империями (Германия, Россия и Австро-Венгрия), помешала бы Австро-Венгрии приблизиться к Италии, чтобы ослабить ее и освободиться от имеющегося неискреннего союза с ней. Поэтому эрцгерцог Фердинанд считал, что для «нейтрализации» Сербии имеются средства лучше, эффективнее, чем применение силы.

Против аннексии выступали и самые высокие представители Венгрии. Не ставя под вопрос то, что Сербию нужно сурово наказать военными средствами, они выражали беспокойство из-за предположения, что аннексия неминуемо привела бы к появлению славянского большинства в Венгрии, а также к неприемлемому для нее триалистическому устройению Монархии. В политических кругах Габсбургской монархии обсуждался также план, согласно которому Сербию, после военного наказания, следовало значительно уменьшить, но так, что ее территории будут отданы исключительно австро-венгерским союзникам на Балканах. Сторонники упомянутой идеи считали, что таким образом можно избежать опасностей, которые несет аннексия, сосе-

ди Сербии будут удовлетворены территориальными приобретениями, албанское государство получит границу с Монархией, а сама Сербия будет сведена «к минимуму» и вынуждена впредь во всем опираться на Монархию. В основе этого плана, возникшего как комбинация идей сторонников и противников аннексии Сербии, лежал важный принцип политики Вены на Балканах: стимулировать враждебность между балканскими государствами, а исторические конфликты делать трудно-разрешимыми, вследствие чего Австро-Венгрия царила бы на этом пространстве как гегемон¹¹⁴.

В то же время, Вена не проявляла ни готовности, ни способности решать югославянский вопрос. Умеренные политики определяли режим в Боснии и Герцеговине как «военно-полицейский», считая, что он «без смысла». И задавали вопрос, как следует вести политику против этого народа – сербов, у которых «национальные чувства усилены последними военными успехами» и которые, по их мнениям, «стойки и упорны», «очень трудолюбивы и бережливы». Власти могли всего лишь одним распоряжением ликвидировать все их с большим трудом созданные национальные и культурные учреждения; и как возможность это выглядело вполне реализуемым. Между тем, именно меры, предпринятые Австро-Венгрией в связи со Скадарским кризисом и открытая подготовка к войне против Сербии укрепляли сербов в убеждении, что лишь «национальное государство» может обеспечить «существование и развитие нации» в будущем¹¹⁵. Стремление к свободе и национальной государственности формировало целое поколение, готовое на жертвы, чтобы идеалы свои реализовать.

¹¹⁴ Подробнее см.: А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 156–160; В. Торковић, *нав. дело*, стр. 566–578; Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 595–604.

¹¹⁵ В. Скарић, *Босна и Херцеговина под аустроујарском ујравом*, стр. 149–155.

ГЛАВА ВТОРАЯ

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

САРАЕВСКОЕ ПОКУШЕНИЕ И ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС

В июне 1914 года австро-венгерская армия проводила возле Тарчина в Боснии большие военные маневры, которые должны были продемонстрировать мощь, запугать противников и предупредить Сербию о намерениях Двойной монархии. Вследствие этого войска были при полном боевом снаряжении, а план осуществления маневров имитировал нападение на Сербию с включением операций, которые должны были отразить возможный боковой удар армии Черногории. Это явилось поводом прибытия в Сараево австро-венгерского престолонаследника, эрцгерцога Франца Фердинанда с супругой Софией именно в день святого Вида. Английский историк А. Дж. П. Тейлор сравнил такое решение эрцгерцога с возможным парадом британского короля на улицах Дублина в день святого Патрика¹. Восприняв это как вызов², участники тайной молодежной революционной организации «Молодая Босния» (*Млада Босна*), которая сопротивлялась аннексии, организовали покушение на эрцгерцога³.

¹ А. Dž. P. Tejlor, *Borba za prevlast u Evropi 1848–1918*, Sarajevo, 1968, str. 468.

² Йован М. Йованович, сербский посол в Вене, в конце мая 1914 года предупредил министра по делам Боснии и Герцеговины в правительстве Австро-Венгрии, что прибытие престолонаследника Фердинанда на маневры, причем именно в большой сербский праздник, является своего рода вызовом для сербов. Полицейские власти Сараева также считали, что приезд престолонаследника в Видов день «многие, а особенно экстремистские элементы считают вызовом». Несмотря на это, генерал Потьорек не соглашался отложить этот визит, подчеркивая, что все заботы по встрече эрцгерцога лежат на военных властях (J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе СХС*, књ. 1, стр. 201; В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 652–653).

³ «Млада Босна» была частью широкого молодежного движения, которому свойственны были ученический бунт против ограничений в школах, поколенческий

Сама мысль о том, что в Боснии и Герцеговине нужно совершить покушение на какую-то высокую особу уже присутствовала среди участников молодежного движения. Как они считали, за молодым человеком, который был бы готов его осуществить, стояла «тысяча единомышленников». Недовольство режимом чувствовалось на каждом шагу, так что Босния и Герцеговина жила «в постоянной нервозности», усилившейся из-за поведения властей. Их отказ ввести на внутреннем железнодорожном транспорте вместо немецкого языка сербский рассматривался как унижение, а закрытие сербских национальных обществ и учреждений считалось следствием недоверия и враждебности. Вена сомневалась в лояльности сербского населения, осуществляла нажим на чиновников сербского происхождения и использовала различные формы давления. Поскольку данные сербам обещания ликвидировать феодальную зависимость крестьян остались невыполненными, то утверждения насчет «цивилизаторской миссии» Габсбургской монархии в Боснии и Герцеговине воспринималось как оскорбление. Озлобленность сербского населения все возрастало, и австро-венгерские чиновники в своих донесениях указывали, что Босния и Герцеговина представляет собой вулкан, который в скором времени даст извержение. В повестке

конфликт со старшими, убеждение, что история делается за школьными партами, принадлежность к «массовому типу национализма», стремление идентичность доказывать «индивидуальным жестом». Идеиные влияния шли от опыта германского молодежного движения, идей Джузеппе Мадзини, идеологии социализма – прежде всего русского, хорватского «праваштва»... Название «*Млага Босна*» стало использоваться после 1907 года, означая «новый дух взбунтовавшихся молодых писателей». Поворот наступил после аннексии Боснии и Герцеговины, когда молодые люди решили дать ответ на насилие, совершенное Австро-Венгрией. Весь край был наводнен тайными студенческими обществами, которые противостояли попыткам создания боснийской нации, а стремились к культурному объединению югославян, а также и созданию единого югославянского государства. Младобоснийцы имели связи с газетой «Славянский юг» (*Словенски југ*), которая отстаивала те же идеи, и организацией «Черная рука» (*Црна рука*). Мощные импульсы им дали успехи Сербии в балканских войнах. Подробнее см.: *Сјоменица Данила Илића*, Сарајево, 1922; Станоје Станојевић, *Убиство аустријског пресјолонаследника Фердинанда*, Београд, 1923; Богољуб Јевтић, *Сарајевски аџендај*, Сарајево, 1924; *Sarajevo, Zagreb*, 1926; Перо Слијепчевић, *Најор Босне и Херцеговине*, Сарајево, 1929; Божо Черовић, *Босански омлагинци и Сарајевски аџендај*, Сарајево, 1930; Branko Ćubrilović, *Petar Kočić i njegovo doba*, Banja Luka–Zagreb, 1934; Dobrosav Jevđević, *Sarajevski atentatori*, Zagreb, 1934; Владимир Дедијер, *Сарајево 1914*, Београд, 1966, стр. 395–526; В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 622–646; М. Екмечић, *Сјварарење Југославије 1790–1918*, књ. 2, стр. 523–546; Р. Гаћиновић, *Млага Босна*, Београд, 2014; В. Маслеша, *Млага Босна*, Београд, 1945.

дня истории значилось освобождение, а способы, как прийти к нему, были многочисленны. Представители молодежного движения считали, что решительную борьбу может вести только молодежь, а старшие поколения уже «списаны» вследствие усталости и согласия на вынужденные компромиссы с властями. Часть членов «Молодой Боснии», сербских и югославянских революционеров, верила, что процесс освобождения южных славян может стимулироваться индивидуальным террором и личным самопожертвованием, что, как идея, было достаточно распространено в тогдашней Европе. Такие убеждения их подкреплялись культом Богдана Жераича, который в 1910 году совершил самоубийство после неудачного покушения на «поглавара» Боснии и Герцеговины Мариана Варешанина. В 1913 году младобоснийцы планировали покушение на генерала Оскара Потиорека, нового «поглавара» Боснии и Герцеговины, но от этого плана отказались, когда узнали, что Сараево посетит Франц Фердинанд. Покушение на престолонаследника было доверено троим членам этой организации: Недельку Чабриновичу, Трифку Грабежу и Гаврилу Принципу, который и совершил его 28 июня 1914 года. Помимо них в состав «передовой группы» входили Данило Илич, Мухаммед Мехмедбашич, Васа Чубрилович и Цветко Попович. Все они были очень молоды; лишь трое достигли совершеннолетия, а сам Гаврило Принцип – 1894 года рождения⁴.

Сараевское покушение – искра, брошенная в «склад, заполненный порохом»⁵, как назвал тогдашнюю Европу один современник, привлекло внимание не только Европы, но и всего мира. Однако на тот момент не было известно, в какой мере выстрелы Гаврилы Принципа ускорят многие исторические процессы.

Вокруг Франца Фердинанда были сплочены высшая аристократия, военная элита и государственная бюрократия – общественные слои, которые формировали политику и определяли военно-стратегические цели Австро-Венгрии. В дипломатических кругах его считали «буссолью», при помощи которой следует ориентироваться в будущем. Для германского императора Вильгельма II и для германской милитаристской политики он был «неудобным союзником», поскольку пытался освободить Австро-Венгрию от внешнеполитической зависимости по отношению к более мощным союзникам с их собственными намере-

⁴ М. Екмечић, *Сиварање Југославије 1790–1918*, књ. 2, стр. 685.

⁵ *Мемоар принца Лихновској, с коменџаром Алберџа Тома, бив. фран. министра наоружања*, s. a., стр. II.

ниями и устремлениями. Поэтому Вильгельм II старался «держать в узде» его и таким образом сдерживать эмансипацию Австро-Венгрии. Престолонаследник не пользовался и особым доверием высших феодалов Венгрии, которых возмущала его политика «крепкой руки» и намерение путем замены дуалистического государственного устройства триалистическим улучшить положение народов – невенгров. Среди более широких слоев населения он также был не очень любим, а сам император Франц Иосиф воспринимал его как конкурента и «противоправителя», не разделяя взглядов, которых тот придерживался. Именно поэтому император старался держать его в стороне от военных функций, не вводил в тонкости государственного управления, не желал делить с ним власть. Императору, да и многим другим высокопоставленным лицам мешали неконтролируемые и нескрываемые амбиции престолонаследника. В его действиях проявлялась предрасположенность к насилию, почти болезненная подозрительность и склонность во внешней и внутренней политике искать радикальные решения. В государственной администрации у него было много противников, а еще больше – лиц, которые боялись его, учитывая то, что он взойдет на престол. Особо принималось во внимание то, что у него военная душа и что свой авторитет в армии он использует, чтобы влиять на принятие политических решений. И поскольку его влияние чувствовалось в министерствах, в военных кругах, в дипломатических и государственных структурах, то смерть его вызвала «крах параллельной власти в Монархии». А в то же время современники отмечали, что мало кто его искренне оплакивал⁶.

По сути своей Сараевское покушение относилось к категории политических преступлений, осуществленных участниками молодежного национального движения⁷. Этот заговор полностью был осу-

⁶ По свидетельству графа Парра, первого императорского адъютанта, сам Франц Иосиф после получения депеши о трагическом происшествии сказал: «Бог наконец все направил на путь истинный. Теперь я могу спокойно умереть» (J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе СХС*, књ. 1, стр. 70). Согласно другой записи, он выразил по сути то же чувство: «Ужасно! Нельзя Всевышнего искушать. Высшая сила установила порядок, который я не сумел поддержать». Цит. по: Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 609.

⁷ Об условиях, в которых члены «Молодой Боснии» решили совершить покушение, Сэтон-Уотсон писал: «Их головы были уже так переполнены террористическими мыслями, что достаточно было простого побуждения со стороны товарищей в своем кругу, дома, чтобы они двинулись на дело. Это является одновременно и наилучшим доказательством, что инициатива исходила из Боснии, а не со стороны Сербии». Цит. по: *Sarajevo, Zagreb, 1926*, str. 48; В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 629.

ществлен молодежью Боснии и Герцеговины. Нет фактов, которые бы свидетельствовали, что сербские власти знали о подготовке покушения, тем более что они были в остром конфликте с группой офицеров, объединившихся в тайной организации «Объединение или смерть», отдельные члены которой поддерживали контакты с заговорщиками из «Молодой Боснии». С другой стороны, имеются доказательства, что полиция Сараева еще в октябре 1913 года получила информацию о подготовке покушения и намерениях младобоснийцев, но никаких мер не предпринимала. Позднейшие расследования и судебные процессы показали, что за этим покушением стояло общее национально-освободительное движение, которым вдохновлялся и поддерживался также ряд покушений в Венгрии.

Хотя серьезный конфликт с Австро-Венгрией в будущем ожидался, но Сараевское покушение Сербию застало совершенно неподготовленной. Расследование не дало доказательств, что сербское правительство было причастно к нему, но, судя по всему, к подготовке покушения опосредованно подключался подполковник Драгутин Димитриевич Апис, начальник разведывательного отдела Генерального штаба сербской армии. Используя свое положение в армии, а также главную роль в организации «Черная рука», подполковник Апис, вопреки той политике, которую белградское правительство обязалось вести в 1909 году, установил в Боснии и Герцеговине сеть своих доверенных лиц, влияя таким образом на события там. В то время как правительство пыталось воспрепятствовать тайным делам, которые велись на этом пространстве у него за спиной, представители военных кругов, сплотившиеся вокруг «Черной руки», вели себя так, словно гражданской власти не существовало. На конфликт гражданской и военной властей в связи с боснийской границей обращали внимание и австрийские шпионы по ту сторону Дрины. Время от времени с границы приходили известия о контрабанде оружия, которую контролировали члены «Черной руки». Так, стало известно, что в Боснию были переправлены два гимназиста с шестью гранатами и четырьмя револьверами. Это были, вероятно, Гаврило Принцип и Трифко Грабеж. Приняв во внимание участвовавшие известия такого содержания, Никола Пашич 15 июня 1914 года потребовал от военного министра «воспрепятствовать всем таким делам, поскольку они весьма опасны для нас». Примерно такое же требование он высказал и 24 июня 1914 года. Эти и многие другие источники указывают на то, что правительство и его председатель старались

препятствовать переправке оружия и людей через границу с Боснией и Герцеговиной⁸.

Генеральный штаб сербской армии, как и руководство Народной обороны, также не были вовлечены в эти дела. С другой стороны, неоспоримо то, что национальные революционеры и идеалисты оружие добывали при посредстве майора Воислава Танкосича – известного борца за свободу, близкого соратника подполковника Аписа, а также, что переправку его через границу организовал майор Любомир (Любо) Вулович. Следствие, между тем, не смогло доказать, что гранаты, которые оказались у участников покушения, были из воинских складов. Вероятнее всего, они были взяты из запасов, которые четники сделали на протяжении балканских войн. Лео Пфедфер, судебный следователь по делу Гаврилы Принципа, указал на важный факт: «что осуществившие покушение перед официальной Сербией скрывали свои намерения и приготовления к покушению, что по Сербии они пробирались с фальшивыми документами как таможенники, а когда прибыли в Боснию, в Тузлу, тогда выступили под своими настоящими именами». Контакты с представителями организации «Объединение или смерть» они установили уже после того, как было решено осуществить покушение⁹. Был ли осведомлен об этом Драгутин Димитриевич Апис и насколько осведомлен, в имеющихся исторических источниках надежные свидетельства найти невозможно, вследствие чего имя его напрямую с организаторами покушения не связывалось.

⁸ На одном из заседаний, состоявшихся в июне, правительство Сербии постановило: «1. Министру внутренних дел принять самые строгие меры, чтобы всякого рода неконтролируемые и недозволенные переходы нашей и австро-венгерской границ исключить, а также провести как можно быстрее работу по увольнению членов «Черной руки» с важных должностей в армии. 2. Пашичу наиболее подходящим способом оповестить кого следует в Вене и обратить больше внимания на боснийскую молодежь, чтобы она, увлеченная великосербской пропагандой, не устроила какую-нибудь неподобающую демонстрацию и авантюру в связи с большими сараевскими маневрами, которые австро-венгерская армия необычайной численностью 250 000 человек с австро-венгерским престолонаследником Фердинандом во главе демонстративно организовала на нашей западной границе». Цит. по: В. Торовић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 655.

⁹ Подробнее см.: В. Дедијер, *Сарајево 1914*, стр. 473–540; Milan Ž. Živanović, *Pukovnik Apis. Solunski proces hiljadu devetsto sedamnaeste. Prilog proučavanju istorije Srbije od 1903. do 1918. god.*, Beograd, 1955, str. 553–561; Андреј Митровић, *Србија у Првом светском рату*, Београд 1984, стр. 38–43; В. Торовић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 632–638.

Весть о происшествии в Сараеве взбудоражила Сербию, которая восприняла это с серьезностью и озабоченностью. Соболезнования, которые направили ее государственные верхи в Вену, австро-венгерская сторона приняла «весьма сдержанно». В имперской столице преобладало мнение, что выстрелы в эрцгерцога Фердинанда представляют собой нападение на Двойную монархию, так что император Франц Иосиф потребовал резкой реакции против Сербии. В военных кругах сложилось мнение, что великие державы, ошеломленные случившимся, оставят Сербию «на волю ее судьбы». В то же время все посольства и правительства были засыпаны донесениями и прогнозами возможного развития событий.

Германский посол в Королевстве Сербия информировал Берлин об атмосфере, сложившейся в сербской столице, и все более распространявшемся мнении, что «отвечать придется не только братьям из Боснии, а *всему Сербству*»¹⁰. Австро-венгерские же дипломаты в Белграде с первых донесений отстаивали позицию, что главная причина возникшей катастрофы – великосербская пропаганда, которую власти Вены «годами терпели». Не допуская сомнений относительно того, что «нити заговора» ведут в Белград, они в своих информациях обращали внимание на распространенный «культ Обилича» – героя, который приносит себя в жертву за отечество, и на то, что представители молодого поколения себя идентифицируют с этим национальным идолом. Особенно доставалось Белградскому университету, как центру, где молодежь воспитывалась в национальном духе. Российский посол оповещал власти в Петербурге о появлении в австрийских источниках намеков, что исполнители покушения являются «воспитанниками Белградского университета».

Поэтому Никола Пашич уже первые опубликованные в венских и пештских газетах тексты о покушении объяснял как имеющие цель «уничтожить высокий моральный кредит Сербии, которым она пользовалась в Европе, а безумное дело одного молодого экзальтированного фанатика использовать политически до предела против Сербии»¹¹. Сербское посольство в Вене сообщало о «явной тенденции» представить покушение как заговор, спланированный в Сербии. По мнению

¹⁰ J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. прва, стр. 74.

¹¹ Цит. по: Н. Поповић, *Оноси Србије и Русије у Првом свейском рају*, стр. 45–46.

Йована М. Йовановича, власти Австро-Венгрии в возникшей ситуации имели две возможности: отнестись к покушению как делу внутреннему, призвав Сербию помочь найти виновников, или выдвинуть Сербии обвинение и начать войну. Он, имея солидный опыт и хорошо зная суть международных отношений, считал второй вариант более вероятным. Матей Бошкович, сербский посол в Британии, был уверен именно в таком исходе, считая, что Австро-Венгрия готовит вооруженное нападение на Сербию. Посол в Петрограде Мирослав Спалайкович полагал, что австро-венгерская пропаганда имеет целью подготовить общественное мнение Европы к войне против Сербии. На протяжении июля 1914 года, в атмосфере ожидания, какие шаги предпримет Вена, сербское правительство решило идти навстречу в связи со всеми оправданными претензиями, но не принимать «требований, которые направлены против достоинства Сербии и которые не могло бы принять ни одно государство, уважающее и сохраняющее свою независимость»¹².

Когда вести о случившемся в Сараеве с большой скоростью разносились по Европе, вызывая различные реакции и комментарии, вместе с ними распространялись и пропагандистские утверждения об ответственности Сербии, а также обвинения, что покушение на Франца Фердинанда было «режиссировано» в Белграде¹³. Хотя для такого рода утверждений доказательств не было, по всей Габсбургской монархии начались массовые гонения на сербов, объявленных виновными в смерти престолонаследника – как народ. Физические расправы, аресты, нападения на мастерские, запреты газет ставили под угрозу их жизни и собственность. Воцарялись шовинистические настроения, а пропаганда, которую вели средства печати, стимулировала, как отмечалось иностранными дипломатами, «слепое бешенство против Сербии». Противопоставление остальных народов монархии сербскому разрывало тонкие нити доверия, связывавшиеся в предшествующее десятилетие. Писатели, экономисты, философы и иные интеллектуалы

¹² Там же, 45–48.

¹³ Европейское общественное мнение было насыщено предрассудками и анти-славянскими настроениями, которые нашли выражение и в материалах печати по поводу покушения в Сараеве. В этом контексте почти вся британская печать непосредственно после известий о покушении ответственность за убийство приписывала сторонникам Великой Сербии. Спустя несколько дней информация изменилась, и корреспонденты из Вены, Берлина и Сараева начали указывать на задний план «необоснованных обвинений» против Сербии.

выступали с трактатами, призывавшими к расплате, к «мужественному шагу» – войне. Особенно затронутые гибелью Франца Фердинанда, распространяли нетерпимость и клерикальные круги. Считая, что с Сербией нужно рассчитаться «раз и навсегда», что следует нанести удар, который лишит ее «силы и будущности», власть поддерживала это недовольство. С другой стороны, разжигая антисербскую пропаганду, для зарубежного мира Вена старалась создать впечатление, что это, якобы, общественное мнение так давит, обязывая наказать Сербию. В стремлении скрыть истинные причины войны и навязать собственные интерпретации событий венские власти давали указания дипломатам, чтобы привлекали на свою сторону влиятельные издания в зарубежье и влияли там на печать с целью поддержки обвинений против Сербии¹⁴.

В самой Монархии сербы подвергались ужасным притеснениям и погромам, особенно в краях, где они проживали смешанно с представителями римско-католического и мусульманского вероисповеданий. Демонстрации в Загребе, за которыми стояли местные власти, военные и клерикальные круги, имели явно антисербский и антиюгославянский характер. Так, «франковцы», лидируя в насилии, в качестве целей, которых считали нужным достичь, называли «расправу», «уничтожение» сербов. Они выкрикивали имя Франца Фердинанда, призывая к войне и к мести сербам, которых чохом объявляли «государственными изменниками», и при этом требовали уничтожить их имущество. Подобная атмосфера, насыщенная нетерпимостью и насилием, царила также в Сараеве. «Власти предоставили план и список домов сербов, – писал Йован М. Йованович, – они назначили главарей шаек в каждом районе

¹⁴ О событиях в ходе «июльского кризиса» подробнее см.: L. Albertini, *The Origins of the War of 1914*, Vol. 3, Oxford, 1952–1957; I. Geiss, *July 1914: The Outbreak of the First World War, Selected documents*, London – New York, 1967; F. Fischer, *War of Illusions: German Policies from 1911 to 1914*, London, 1975; Z. S. Steiner, *Britain and the Origins of the First World War*, New York, 1977; F. H. Hinsley, *The British Foreign Policy under Sir Edward Grey, 1905–1916*, Cambridge, 1977; K. M. Wilson, (ed.), *Decisions for War 1914*, London, 1995; D. Stevenson, *The Outbreak of the First World War*, London, 1997; A. Mombauer, *Helmuth von Moltke and Origins of the First World War*, Cambridge, 2001 (глава 4); S. McMeekin, *July 1914: Countdown to War, Basic Books*, London, 2014; S. R. Williamson, R. Van Wyk, *Soldiers, Statesmen and July 1914*, Bedford, London, 2003; G. Martel, *The Month that Changed the World: July 1914*, Oxford University Press, London, 2014; T. Otte, *The World's Descent into War, Summer 1914*, Cambridge University Press, London, 2014; W. Jannen, *The Lions of July: Prelude to War*, Presidio Press, Luton, 1996.

Сараева, она дала и оружие – кому-то топор, кому-то кирку, кому-то кол, кому-то револьвер. Рано утром после Видова дня начали действовать шайки-четы, во главе которых два «четника» несли портрет императора и шли на разбой, выкрикивая: «Долой Сербию! Долой Сербию! Долой короля Петра!» Топоры стучали по воротам во дворы православных сербов, слышались треск и грохот разрушения, а также визги подвергшихся нападению перепуганных людей, женщин и детей...»¹⁵. Демонстрациям в Сараеве предшествовали объявления, в которых содержались призывы расправиться с «мятежными элементами», чтобы горожане «смыли позор», легший на город¹⁶. Разгром и разграбление сербских магазинов сопровождалось выкрикиванием антисербских лозунгов. Сербов называли «мятежными элементами», «бандитами», «убийцами». Клерикальная печать вела речь о «сербском заговоре» и призывала к линчу. «По требованию Собора объявлено чрезвычайное положение и введен полевой суд. Потюрек требовал от венских властей, чтобы закрыли все банковские и просветительские учреждения сербов, все культурные сербские общества, чтобы ликвидировали церковно-образовательную автономию, чтобы Собор безотлагательно был распущен, чтобы армия все взяла в свои руки»¹⁷.

Погромная атмосфера царила во время демонстраций и в других городах Боснии и Герцеговины, Хорватии. Клерикальные круги Словении также требовали, чтобы «тяжелый кулак словенского солдата... разбил череп того серба, в котором живет ненасытная мегаломания». В оглушительном шуме, который подняли сторонники войны и мести, трудно было услышать голоса тех, кто призывал к сдержанности. Гонения на сербское население, аресты, уничтожение имущества и запреты на политическую деятельность, начавшиеся до передачи ультиматума, с началом войны усилились. Подвергавшиеся преследованиям, арестам и гонениям сербы объявлялись лицами, «недостаточно

¹⁵ J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. прва, стр. 83.

¹⁶ К. Херман, один из виднейших представителей военных и клерикальных кругов в Боснии и Герцеговине, а позднее – заместитель гражданского комиссара в оккупированной Сербии, призывал к расправе следующими словами: «Сотнями виселиц невозможно было бы рассчитаться за драгоценные головы убитых». О погромах подробнее см.: В. Ћоровић, *Црна књија. Пајће Срба Босне и Херцеговине за време свейској райа 1914–1918*, Београд–Сарајево 1920, стр. 25–51.

¹⁷ J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. прва, стр. 83.

лояльными», «представляющими угрозу для общественной безопасности», а критерии, по которым их признавали «сомнительными», были весьма растяжимыми и охватывали весь народ. Аресты и интернирования осуществляло специальное учреждение «по военному надзору». Настало время страха, отправки в тюрьмы и трудовые лагеря, мобилизации на фронт.

Австро-Венгрия до сараевского покушения в пропагандистских материалах особо подчеркивала доброе расположение и предупредительность по отношению к Сербии. А впоследствии, представляя себя жертвой сербских планов, она особо выделяла явления, которые это ее расположение делало вроде бы напрасным – особенно «упрямое», «непримиримое», «агрессивное», «враждебное» поведение Сербии. После покушения ближайшие соратники министра Берггольда заявляли, что «вовсе не убийство создало новую ситуацию; оно было лишь поводом, чтобы решение сейчас принято было как можно скорее». Сам генерал Конрад подчеркивал, что на Сербию нужно напасть не для того, чтобы ее наказать за убийство эрцгерцога Фердинанда, а чтобы предотвратить «возникновение самостоятельных национальных государств, которые бы к себе привлекали соплеменные края Австро-Венгрии и тем самым вызывали распад Монархии»¹⁸.

Непосредственно сразу после покушения дипломаты Вены обсуждали возможности, которые это событие предоставило для внешней политики Габсбургской монархии. Потребность оценить внутренние и внешние условия не противоречила уверенности, что возникшая ситуация открывает возможности «для решения сербского вопроса». Позиция, согласно которой на покушении, осуществленном представителями «Молодой Боснии», нужно «проектировать войну с Сербией», начала оформляться всего лишь день спустя после события в Сараеве, чтобы уже к 30 июня 1914 года стать окончательно определенной. Это был результат сделанных высшей государственной администрацией оценок, согласно которым покушение являлось «последним моментом», когда славянское население Габсбургской монархии, особенно хорватов, можно привлечь для войны против Сербии. На принятие решения влияла также предоставленная военным министром Александром Кробином информация, что «армия в полной готовности». Хотя на сей счет не имелось никаких доказательств, военные круги не допускали

¹⁸ В. Торовић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 671–672; В. Торовић, *Црна књија...*, стр. 25–53.

сомнений в том, что покушение направлено против Монархии и является «делом рук Сербии», вследствие чего нужно объявить ей войну. «Война» – единственное слово, которое военные верхи использовали в разговорах с иными структурами власти Австро-Венгрии. Расследовать покушение и его подоплеку не было нужды, так как заключение сделано еще до того, как следственные действия по-настоящему начаты. По этим причинам и в дипломатических кругах предпочтение отдавалось военному решению.

Как следует из содержания письма, которое председатель венгерского правительства граф Иштван Тиса направил 1 июля 1914 года императору Францу Иосифу, министр иностранных дел Берхтольд тогда уже принял решение «сараевское преступление сделать поводом для расправы с Сербией». Сам министр Тиса в тот день, на аудиенции у императора, предупреждал, что против Сербии не надо ничего предпринимать до тех пор, пока следствием не будет установлено, что ее власти причастны к покушению. А тем временем, как он считал, нужно заручиться поддержкой Берлина и провести работу по сближению с Софией. С оценками Министерства иностранных дел, что «положение в Боснии и Герцеговине в связи с сербской политикой ненадежное» и что «политика терпения дала отрицательные результаты, нанесла большой урон нашему авторитету», соглашался и Франц Иосиф. Двойственная природа Монархии обязывала его считаться с позицией графа Тисы, однако император разделял мнение своего министра иностранных дел, что по отношению к Сербии нельзя проявлять слабость. Хотя у Вены беспокойство вызывали, помимо Сербии, как экспансивная политика Италии, так и поведение других балканских государств, прежде всего – Румынии, свой «подъем» она планировала начать с наказания непокорного балканского соседа. В таких условиях было принято решение выработать по отношению к Сербии «четкую программу действий». В то же время стало очевидным, что сараевское покушение занимает важное место в значительно более широких рамках политики Вены. И это было поводом для решительных действий против Сербии, которой нельзя было позволить, чтобы она «довела до конца свое разрушительное дело», но важную предпосылку именно такого курса составляли также потенциальные приобретения в более широких рамках внешней политики¹⁹.

¹⁹ A. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 33–34; Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 612–613; I. Geiss, *op. cit.*, pp. 54–69.

За то, чтобы действовать, выступал и комендант Боснии и Герцеговины генерал Поттиорек, который 2 июля 1914 года направил военному министру предложение о «радикальном устранении внешних интриг». По его мнению, любое «промедление в дальнейшем» представляет угрозу для военной позиции Монархии в Боснии и Герцеговине до такой степени, что находящиеся в его распоряжении военные силы и он сам не смогли бы «нести ответственность за надлежащее отстаивание важнейших интересов по защите государства». При похоронах эрцгерцога Франца Фердинанда 3 июля 1914 года возглавитель «военного течения», начальник Генштаба, генерал Конрад фон Хётцендорф открыто заявил, что «теперь заслуженная кара постигнет Сербию». Хотя и проявлял наибольшее ратоборство среди политиков, дипломатов и военных Австро-Венгрии, на этой позиции он был не одинок.

В то же время и Германия по дипломатическим каналам осуществляла давление на Вену, указывая, что в данной ситуации нет места «расслабленности», а по отношению к Сербии нужно принимать самые решительные меры. О решительности Вены «сейчас окончательно рассчитывать с Сербией» уведомленный в тот же день Берлин был готов оправдать ожидания Австро-Венгрии и «мощно поддержать» габсбургскую политику на Балканах.

Часть этих ожиданий излагалась в письме, которое 2 июля 1914 года император Франц Иосиф послал Вильгельму II. Подчеркнув, что покушение в Сараеве является «непосредственным последствием» российской и сербской агитации, которая велась с целью ослабить Тройственный союз и австро-венгерское государство, он делал вывод, что это не «злодеяние одного человека». По мнению императора, это «хорошо организованный заговор, нити которого ведут в Белград» и суть которого составляет «систематическая великосербская деятельность подрывного характера». Хотя и выражал неуверенность, что на основании проведенного до тех пор расследования сможет доказать причастность сербских властей к покушению, он акцентировал то, что «невозможно сомневаться... что ее политика объединить всех югославян под одним знаменем поддерживала такие преступления и сохранение в дальнейшем такого положения представляет неизменную опасность для моего дома и моей страны». Ожидания Франца Иосифа, что Вильгельм II поддержит его в стремлении «Сербию изолировать и уменьшить», несомненно, появились еще до того, как было совершено покушение на Франца Фердинанда. Это следует из той части письма, где он в качестве первых шагов избираемой политики видит привлечение Болгарии

к Тройственному Союзу, доведение до ведома Румынии, что «друзья Сербии не могут быть нашими друзьями», примирение Греции с Турцией и втягивание будущего балканского союза в рамки Тройственного союза. В заключительной части письма выражена суть политики, которую Вена собиралась вести, причем Вильгельм II представлялся как ее субъект. «И ты после самого нового страшного события в Боснии, – писал австро-венгерский властитель, – убедишься, что больше нельзя думать о примирении противостояния, которое отделяет Сербию от нас и что под угрозой окажется ныне действующая политика мира всех европейских монархов, если безнаказанно продолжит существовать это гнездо преступной агитации в Белграде». Иными словами, император Франц Иосиф свое государство и себя определил как главную цель выстрелов, произведенных в Сараеве²⁰.

Пока оформлялись планы ведения войны, активизировались дипломатические контакты и политические консультации между Германией и Австро-Венгрией с целью использовать покушение как оправдательный повод войны против Сербии. Просматривая донесения, поступавшие из Вены, германский император Вильгельм II записал фразу, ставшую впоследствии крылатой: «Сейчас или никогда», а в продолжение добавил: «С сербами нужно рассчитаться, и действительно побыстрее. Все понятно само по себе и просто, как фасоль»²¹. Подстегивая Австро-Венгрию, чтобы Сербии объявила войну, Германия предлагала ей безоговорочную поддержку. В возникшей ситуации политические круги Берлина видели идеальную возможность добиться важной политической и даже военной победы над двумя главными соперницами – Россией и Францией. Давление, чтобы началась война и Россия была отодвинута на восток, исходило прежде всего от военных кругов, также убежденных, что для Германии в будущем «не предвидится лучших условий и предпосылок». По этим причинам и в Берлине заключение об ответственности Сербии сделано было еще до того, как расследование покушения, «дела сторонников велико-сербской идеи», начато. Вместо расследования, которое бы раскрыло второй план покушения и дало хоть какие-то доказательства вины

²⁰ Цит. по: В. Ћоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 669; Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 612–613; *За балканскими фронтами Первой мировой войны*, с. 63–66; I. Geiss, *op. cit.*, pp. 70–88.

²¹ Цит. по: А. Митровић, *Продор на Балкан...*, стр. 41; В. Ћоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 670.

Сербии, от властей Белграда потребовали, чтобы они предоставили «убедительные доказательства своей невиновности». Используемые формулировки показывали, что в Берлине Сербия уже была осуждена. И стоял вопрос только о том, какую меру наказания выбрать осужденному.

Готовая к превентивной войне против России²², Германия 6 июля 1914 года через своего посла в Вене оповестила императора Франца Иосифа, что ее властитель будет «отстаивать любую твердую позицию Австро-Венгрии», а день спустя министру иностранных дел Берхтольду было доведено до сведения, что «только действенное выступление против Сербии может привести к цели». С германской стороны поощрения начать «акции против Сербии» предполагали и возможность начала «большой войны». С одной стороны, Берлин стремился пропагандистской кампанией «отсечь» для Вены всякую возможность отступления. Этому служила и позиция, согласно которой для «Монархии» вопрос существования заключается в том, насколько она допустит, чтобы преступления были наказаны и Сербия была уничтожена», равно как и предупреждение, переданное дипломатическими каналами, что Германия и ее суверен безусловно поддерживают Австро-Венгрию, независимо от того, что печать «трубит о мире». Поскольку сам эксплуатировать покушение в Сараеве не мог, Второй Рейх поощрял Австро-Венгрию начать войну с целью, чтобы он тоже стоял за этим, включившись в конфликт. С другой стороны, по сравнению с Австро-Венгрией, которая свое желание начать войну наступательную объясняла потребностью дать ответ на «неслыханный вызов Сербии», Германия стремилась представить себя как государство, проводящее миролюбивую политику, но в силу обстоятельств вынужденное вести войну оборонительную. Поддерживая Австро-Венгрию в намерении провести «малую войну» на Балканах, она использовала ситуацию, чтобы нанести удар по своим противникам на западе континента и повести «большую войну» на востоке Европы²³.

²² Германская историография и политика уже с 1919 года старались доказать, что на Германию в 1914 году было осуществлено нападение, что она вступила в «превентивную войну» и вынуждена была «наступательно вести войну оборонительную» (А. Момбауер, *Узроци Првої свејскої рајџа*, Београд, 2013; J. Winter, A. Prost, *The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present*, London, 2005.).

²³ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 42–44; А. Митровић, *Србија у Првом свејском рајџу*, стр. 52–55; В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у ХХ веку*, стр. 678; *За балканским фронтами Первой мировой войны*, с. 67–68.

Менее осведомленные слои австро-венгерского общества считали, что война с Сербией будет иметь локальный характер. Они ожидали, что военные действия со скорой победой остановят процессы распада Монархии, обеспечив быстрое оздоровление и оживление старого и уже больного государственного организма. В то же время, по оценкам, сделанным на то время в Берлине, начатая против Сербии война, с вероятностью в 90%, должна будет перерасти в войну мировую. Однако Германия такой войны не только не избегала, но ее желала, учитывая то, что приготовления к ней завершала. В начале июля 1914 года император Вильгельм II отмечал, что он бы «опечалился, если бы нынешний, такой благоприятный момент остался неиспользованным». По этой причине союзникам в Вене он давал наказ, что действия против Сербии «не следует слишком откладывать». В строго конфиденциальной телеграмме от 5 июля 1914 года, информируя о встрече с Вильгельмом II, австро-венгерский посол в Берлине сообщал Францу Иосифу, что германский император попросил его известить своего монарха, что «в данном случае, как и во всех иных», Габсбургская монархия может рассчитывать «на полную поддержку Германии». Не допуская «и тени сомнения» в том, что с этим согласится также канцлер Бетман Гольвег, германский император высказывал мнение, что «ничего не следует откладывать». Да, «Россия наверняка будет враждебно настроена, однако мы годы к этому готовимся, и если война между Россией и Австро-Венгрией неизбежна, он заверяет нас, что Германия, наш давний преданный союзник, будет на нашей стороне. В настоящий момент Россия не готова к войне, и она дважды подумает прежде чем взяться за оружие... Если мы действительно уверены, что нужно вступить в войну против Сербии, он... считает что нужно использовать нынешний момент, ибо мы имеем преимущество»²⁴.

Ту же тенденцию имели также сведения, поступающие по дипломатическим и военным каналам. Общим мнение было мнение, что Германия безусловно поддерживает Австро-Венгрию, ожидает ее энергичного решения и желает, чтобы Вена отбросила висящий над ее головою «югославянский Домоклов меч». Более открытой поддержки невозможно было и ожидать. Генералитет тоже считал, что войну следует «начать как можно скорее», пока Россия не окрепла. Заверения, что момент благоприятен «для принятия великого решения», поступали и

²⁴ Цит. по: А. Момбауер, *нав. гело*, стр. 17; I. Geiss, *July 1914: Selected Documents*, 17. В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 680.

от министерства иностранных дел²⁵. Прежде чем окончательно стать на сторону Австро-Венгрии, Берлин, конечно же, основательно изучил вероятные перспективы столкновения, его европейские масштабы и последствия, а это значит, что развязывание войны было результатом умысла, намеренного планирования и осознанного риска²⁶.

Помимо официальной переписки имелись и устные донесения, основной смысл которых был тот же: войну следует начать как можно скорее, лучше сейчас, «нежели через год-два, когда Антанта станет намного мощнее, чем теперь». Используя сараевское покушение как повод, Вена и Берлин спешили начать военную авантюру вследствие разных побуждений. Но все же объявление Австро-Венгрией войны было самым непосредственным образом связано с позицией Германии, ее готовностью принять на себя «абсолютную обязанность» по отношению к своей союзнице. А решение было принято и соответствующим образом обнародовано 5–6 июля 1914 года.

В меморандумах, отражавших цели войны, Австро-Венгрия требовала для себя «ведущей роли в балканских вопросах». Такого рода планы существовали уже давно, а в возникшей ситуации их предстояло реализовать. В соответствии с ними, речь шла о жесткой каре, «полном уничтожении» и «устранении Сербии» под предлогом, что она представляет угрозу для мира. В отдельных пунктах плана предусматривались ее «уменьшение», «ограничение суверенитета», «изоляция», раздел территорий и «подчинение» до той степени, которая бы не позволяла существовать самостоятельно. Планы охватывали и формирование своеобразного союза балканских стран, в котором бы не было уменьшенной и разделенной Сербии, а он бы защищал эту часть европейского континента от панславизма²⁷. Все это свидетельствовало, что политика Австро-Венгрии тяготела к установлению гегемонии на Балканах, а это делало ясными истинные причины войны.

Решение использовать покушение как повод войны против Сербии формально принято на заседании Объединенного совета министров 7

²⁵ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 49–50; А. Момбауер, *нав. дело*, стр. 18; I. Geiss, *July 1914: Selected Documents*, 77.; В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 678–679.

²⁶ А. Момбауер, *нав. дело*, стр. 15–16; В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 681; *За балканским фронтами Первой мировой войны*, с. 67–71.

²⁷ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 48–55.

июля 1914 года, однако тогда не была определена основная цель войны. В качестве официального было принято заключение, что Сербию нужно уменьшить, но, принимая во внимание Россию, «не уничтожить совсем». Уменьшенная Сербия должна была стать «унизительно зависимой» от Двойной монархии. Часть министров считала, что планируемую военно-полицейскую акцию наказания Сербии следует сопроводить серьезной дипломатической подготовкой, которая бы предотвратила подозрения, что виновницей войны является Австро-Венгрия. Все присутствовавшие высказались за принятие быстрого решения по вопросу о конфликте и за то, «что мобилизацию нужно провести сразу после того, как Сербии будет предъявлен ультиматум и он будет отвергнут». Достигнуто было также согласие по поводу того, что дипломатического успеха и унижения недостаточно, так что нужно составить такой ультиматум, который обеспечит «радикальное решение посредством военной акции»²⁸.

На тот момент даже самые ярые сторонники войны, типа главы Генштаба генерала Конрада Хётцендорфа, не верили, что Австро-Венгрия способна участвовать в войне, в которой союзниками Сербии будут Россия, Черногория и Румыния. Несмотря на оптимизм, который проистекал из сознания, что Германия поддерживает военную кару для Сербии, мало кто из осведомленных политиков верил в нейтральность России и в отсутствие опасности европейской войны. Министр Тиса 8 июля 1914 года оповестил об этом императора Франца Иосифа, указав на необходимость умелыми действиями вину за развязывание войны свалить на Сербию. Чтобы этого добиться – избежать обвинений за развязывание войны, обеспечить благосклонность Великобритании и нейтральность России – Монархия должна была ясно высказаться, что Сербию «не желает уничтожить, а тем более аннексировать». По мнению министра, после «удачной войны» Сербию следует уменьшить, уступая ее территории Болгарии, Греции

²⁸ Министр Берхтольд поставил вопрос, «наступил ли момент, чтобы Сербию навсегда сделать безвредной тем, что ей будет продемонстрирована сила». В дискуссии участвовал и министр Тиса, выступавший против какого бы то ни было военного удара по Сербии без предварительных дипломатических действий, которые убедили бы европейские державы в необходимости интервенции. Предлагая, чтобы требования, выставляемые Сербии, были «тяжелыми, однако не невыполнимыми», он считал, что в противном случае Австро-Венгрия окажется в очень трудной ситуации – будет обвинена в развязывании войны (В. Торовић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, стр. 690–695).

и Албании. А Габсбургской монархии для себя нужно будет потребовать «прежде всего стратегически важных изменений границ» и компенсации военных затрат, «которая бы стала средством, с помощью которого мы могли бы Сербию долгое время крепко держать в руках». Соответственно, в то время когда Вена – после уничтожения Сербии, аннексии ее территорий и включения в состав Монархии – намеревалась югославянский вопрос решать как «внутренний», министр Тиса и венгерская аристократия выступали за уменьшение, но не уничтожение, Сербии и восстановление ее вассальной зависимости от Австро-Венгрии. Решение, предлагавшееся Веной, для Будапешта было началом конца дуализма, из-за чего эти два центра силы расходились во мнении, следует ли Сербию военными действиями уничтожить²⁹.

Независимо от этой разницы в позициях, после решения, принятого 7 июля 1914 года, война стала неизбежной. Сам император Франц Иосиф подтвердил это два дня спустя, 9 июля, словами, адресованными министру Берхтольду: «Назад уже невозможно»³⁰.

Существенным ободрением для Вены послужило письмо, которое Вильгельм II прислал Францу Иосифу 14 июля 1914 года, подтверждая оправданность ожиданий Вены. Назвав поддержку Двойной монархии своим «нравственным долгом», он русскую и сербскую пропаганду клеймил как угрозу, которую нужно устранить. Такая выразительная решительность основывалась на оценках, что Россия не готова к войне³¹. В тот же день в Вене определили требования, которые следовало предъявить Сербии; принято и решение составить ультиматум до 19 июля, а передать его 23 июля. Назначен был также срок в 48 часов для

²⁹ Там же, с. 696–697.

³⁰ Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 619; *За балканскими фронтами Первой мировой войны*, с. 68–71; Император Франц Иосиф 8 июля 1914 года обещал министру Тисе, что не будет аннексировать территорию Сербии, таким образом вынудив его отказаться от требования, чтобы территориальные претензии Вены до начала военной интервенции были дипломатически засвидетельствованы в европейских столицах.

³¹ В письме, которое 18 июля 1914 года германский министр иностранных дел фон Ягов отправил К. П. Лихновскому, послу в Лондоне, открыто указывалось, что Россия не готова к войне и что ей для комплексного перевооружения армии потребуются несколько лет. Тогда бы она была готова Германию «задавить... численностью своих солдат», построенным флотом и выстроенной стратегией. А к тому времени германская группировка становилась бы «все слабее и слабее». Цит. по: Ю. А. Писарев, *Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны*, Москва, 1986, с. 254–255; I. Geiss, *op. cit.*, pp. 89–131.

дачи ответа. Сценарий, таким образом, был написан и передан дипломатии, чтобы его осуществляла.

Поскольку Франц Иосиф принял часть предложений из меморандума министра Тисы, Совет министров 17 июля 1914 года вынес решение оповестить иностранные государства, что Австрия не будет вести против Сербии войну захватническую. По мнению членов Совета, это объяснение не исключало для Монархии возможностей производить «стратегически нужное исправление границ», уменьшать Сербию в пользу других государств и временно оккупировать остатки сербских территорий. Спустя два дня, 19 июля, желая примирить сторонников и противников аннексии, Совет министров особо отметил, что после успешного похода на Сербию «нежелательны большие приобретения территорий». Таким образом перечеркивался распространявшийся в дипломатических кругах пропагандистский тезис, согласно которому война против Сербии не была захватнической. Между тем, оказалось, что наиболее влиятельные политические и военные круги Монархии за несколько дней до того, как белградскому правительству был направлен ультиматум, уже приняли решение относительно будущей войны и определили ее цель – уменьшение Сербии, изменение границ ее, уступка ее территорий соседним государствам и оккупация оставшихся земель. С этими положениями согласился и министр Тиса³². Текст ультиматума был представлен Францу Иосифу, который его «без колебаний» одобрил 21 июля 1914 года³³.

Несколько недель ведя переговоры, получившие название «Июльский кризис», Австро-Венгрия выжидала, когда президент Франции Раймон Пуанкаре завершит свой визит в Россию, так как не желала представителям этих двух стран предоставлять возможность после ознакомления с ультиматумом устно договориться о совместных действиях в будущем³⁴. Ультиматум Королевству Сербия она вручила 23 июля 1914 года.

³² A. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 186–197; I. Geiss, *op. cit.*, pp. 132–159.

³³ По изложенному в позднейших мемуарах свидетельству министра иностранных дел Берхтольда, «император полностью осознавал большую серьезность... даже трагичность этого исторического момента... Но как ни трудно, пожалуй, было ему принять решение, в связи с которым мог бы не сомневаться, что оно будет иметь тяжелые последствия, он принял его с достоинством, спокойно и дал, без колебаний, приказ об исполнении» (Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 615).

³⁴ *За балканскими фронтами Первой мировой войны*, с. 67–71; А. Момбауер, *нав. дело*, стр. 18; J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 23–25.

Министерство иностранных дел Австро-Венгрии работало над текстом ультиматума почти четыре недели. С большой осторожностью подбирались слова и стилизованные фразы. Цель заключалась в том, чтобы четкостью изложения какой-то из противостоящих сил предоставить возможность отказаться от войны, а в то же время чтобы содержание ультиматума унижало Сербию, вынуждая ее отвергнуть ультиматум и дать отрицательный ответ. Вена при таком результате получала бы «моральное оправдание» по поводу развязывания войны.

Вводной своей частью ультиматум напоминал о «признании», которое Сербия должна была сделать в марте 1909 года³⁵. Габсбургская монархия обвиняла ее в потворствовании «мятежному движению», которое стремилось к отделению части земель Монархии, в осуществлении террора на ее территории, в стимулировании «преступных интриг разных обществ и объединений», направленных против Австро-Венгрии. Сербию считали виновной в развертывании враждебной пропаганды, подогревании ненависти у молодого поколения, возвеличивании исполнителей убийства, участии офицеров и чиновников в его подготовке и неисполнении взятых на себя обязательств. Особое значение имела та часть ультиматума, в которой сообщались «результаты расследования» и подчеркивалось, что из признаний исполнителей покушения видно, «что сараевское убийство подготовлено в Белграде, что убийцы огнестрельное оружие и гранаты, которыми они были вооружены, получили от офицеров и чиновников, принадлежавших к «Народной обороне», и что, в конце концов, сербские пограничные службы сделали так, чтобы убийцы с их оружием были переправлены в Боснию». Все это, как указывалось, не позволяет властям Австро-Венгрии далее пребывать в состоянии «предупредительной терпимости» по отношению к Королевству Сербия, а вынуждает предпринять решительные меры, чтобы «интригам, представляющим постоянную опасность для мира в Монархии», положить конец. От Сербии требовалось,

³⁵ Сербия признает, что положением, создавшимся в Боснии, ее права не ущемлены и что вследствие этого она подчинится решениям, которые великие державы примут с учетом п. 25 Берлинского договора. Следуя рекомендациям великих держав, Сербия обязуется прекратить политику протеста и сопротивления, которую вела с сентября прошлого года в связи с аннексией, а в дальнейшем обязуется изменить направление своей прежней политики по отношению к Австро-Венгрии и впредь с Австрией сосуществовать на основе дружественных соседских отношений» (*Велики рай Србије 1914–1918*, пр. Д. Живоиновић и М. Војводић, стр. 5).

чтобы она предоставила «официальные заверения, что осуждает пропаганду против Австро-Венгрии, т.е. что осуждает все устремления, конечной целью которых является отторжение от Австро-Венгрии монархии принадлежащих ей территорий, и что сербские власти обязуются всеми средствами подавлять эту преступную и террористическую пропаганду»³⁶. Требовалось от Сербии также, чтобы она устраняла всякую публикацию, которая «возбуждает ненависть и презрение к Австро-Венгрии» и содержание которой направлено против «целостности монархии». Вена давала Сербии указание немедленно распустить «Народную оборону» и конфисковать ее средства пропаганды, а таким же образом поступать и с другими организациями, которые своей пропагандистской деятельностью противопоставляются Австро-Венгрии. Она требовала, чтобы уволены были из армии и с государственной службы все офицеры и чиновники, участвовавшие в пропаганде против Австро-Венгрии, а также чтобы «органы императорской и королевской властей участвовали в подавлении движения против территориальной целостности монархии». Ультиматум содержал требование, чтобы «безо всяких отлагательств» были арестованы майор Воислав Танкосич и государственные чиновники, скомпрометированные расследованием. Сербии давалось также указание эффективными мерами пресечь контрабанду оружия и взрывчатых веществ

³⁶ Чтобы унижить, Австро-Венгрия от Сербии требовала, чтобы она этим названным обязательствам придала «торжественный характер» и на первой странице официальных газет 26 июля 1914 года опубликовала следующий текст:

«Власть Королевства Сербия осуждает пропаганду, которая направлена против Австро-Венгрии, т.е. осуждает все те тенденции, целью которых является отделение от ей принадлежащей, австро-венгерской, территории, выражая самые искренние сожаления из-за ужасных последствий этих преступных действий.

Власть Королевства Сербия сожалеет, что сербские офицеры и чиновники принимали участие в упомянутой пропаганде и тем самым поставили под вопрос дружественные соседские отношения, которые сербская власть нотой от 31 марта 1909 года самым торжественным образом обязалась поддерживать.

Власть Королевства Сербия, осуждающая всякий помысел и всякую попытку вмешательства в судьбу населения какой бы то ни было части Австро-Венгрии, считает своим долгом офицеров, чиновников и все население Королевства Сербии категорически предупредить, что впредь будет с крайней строгостью поступать по отношению к тем лицам, которые бы не прислушались к этому, и что будет стараться всеми силами делать такое невозможным и его подавлять».

Приведенный текст особым распоряжением требовалось довести до ведома армии, опубликовать его в официальной военной газете (*Велики рай Србије 1914–1918*, стр. 6–7).

через границу с Боснией и Герцеговиной, дать объяснения по поводу заявлений сербских чиновников, которые после совершенного покушения оскорбляли Австро-Венгрию. Изю всех обязанностей, которые налагались ультиматумом, для сербских властей особенно тяжелым было требование провести «следственные действия по отношению ко всем находящимся на сербской территории участникам заговора 28 июня». Как приказ в ультиматуме излагалось и следующее: «В расследовании, к этому относящемся, будут участвовать органы, которые императорская и королевская власть для сего определит»³⁷.

При вручении ультиматума сербским властям был предоставлен срок в 48 часов, чтобы они дали ответ, и сделано примечание, что в нем должно содержаться только сообщение: правительством «Условия принимаются» либо «Условия не принимаются»³⁸.

³⁷ Наиболее спорные требования австро-венгерского ультиматума гласили:
«...Власть Королевства Сербия обязуется...

4. Согласиться, чтобы в Сербии органы импер. и королевской власти участвовали в подавлении движения против территориальной целостности монархии;

5. Провести следственные действия против тех соучастников заговора 28 июня, которые находятся на сербской территории. В расследовании, к этому относящемся, будут участвовать органы, которые импер. и королевская власть для сего определит» (*Документи о сйольној йолийници Краљевине Србије*, књ. VII, св. 2, 1/14. Мај – 22/4. август 1914, пр. Владимир Дедијер и Живорад Анић, Београд 1980, стр. 628–631; *Велики рай Србије 1914–1918*, стр. 7–8; J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. прва, стр. 150–154; I. Geiss, *op. cit.*, pp. 160–217).

³⁸ Посылая ультиматум прежде всего барону Гизлю, австро-венгерскому послу в Белграде, который должен был вручить его сербскому правительству, министр Берхтольд послал ему также инструкцию, как себя вести в сложившейся ситуации. От Николая Пашича, например, нужно было требовать, чтобы он в случае публикации искомого заявления предоставил его сербский перевод, который можно было бы проверить. «Кроме того, барону Гизлю ранее уже указано, что по истечении срока в 48 часов после передачи ноты он должен отправить еще одну ноту, в которой уведомит сербское правительство, что поскольку срок в 48 часов истек, он с персоналом посольства, по указанию своего правительства, покидает Белград, а ведение дел и заботу о подданных передает германскому посольству, для которого будет выделен один императорско-королевский канцелярист». Прочитав ультиматум и инструкцию, барон Гизль, по свидетельству одного чиновника, от «радости прыгал». Потому что «его желания и как воина, и как австрийца, наконец-то стали исполняться; его работа в Стамбуле, в Цетине, в Лондоне и Белграде должна была завершиться войной против Сербии» (J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. прва, стр. 136–138). И действительно, когда Никола Пашич, сопровождаемый взглядами журналистов, зашел в здание австро-венгерского посольства, за 15 минут до истечения срока, чемоданы дипломатов и чиновников уже были упакованы.

Даже германские дипломаты считали, что ультиматум этот был составлен так, что ни одно европейское правительство не могло бы принять его условия. Британцы охарактеризовали его как «самый ужасный из документов, которые когда-либо одно государство вручало другому государству». Ознакомившись с его содержанием, Россия предупредила Вену, что это документ, который «конституционное государство» принять не может. Австро-Венгрию в Петербурге однозначно определили как государство, которое желает войны и этим Европу толкает «в огонь». Французские дипломаты считали, что ультиматум содержит «чрезмерную резкость». С учетом того, что он составлялся для унижения, которое Сербия будет не в состоянии принять, 25 июля в Вене проведено было совещание представителей военного и дипломатического верхов, где обсуждались меры, которые следует принимать тогда, когда придет ответ Сербии³⁹.

Силы Антанты – Франция, Великобритания и Россия – все время следили за развитием кризиса, вызванного покушением в Сараеве, но на сцену вышли только тогда, когда ключевые решения по поводу начала войны уже были приняты. Российская дипломатия уже 5 июля 1914 года предупредила Вену об опасности, кроющейся за ее намерением самой искать вдохновителей покушения в Сербии. Иностранным дипломатам в Петербурге доведено до сведения, что Россия не допустит, чтобы независимость и целостность Сербии была поставлена под вопрос, но министр Сазонов вплоть до 19 июля 1914 года не сообщал этого непосредственно в Вену. Австро-Венгрия в этот период через свои дипломатические службы пыталась убедить Россию, что ее выступление против Сербии имеет целью сохранение европейского монархизма, который в результате краха Габсбургской монархии был бы поставлен под угрозу. С позицией России относительно кризиса, вызванного покушением в Сараеве, французский президент Раймон Пуанкаре ознакомился во время посещения России 21–23 июля 1914 года. На переговорах, которые тогда были проведены, Франция подтвердила готовность выполнить обязательства перед Россией, которые она взяла на себя, подписав Тройственное соглашение. То же самое потребовалось и от Великобритании. Франция и Россия были согласны, что в поисках мира нужно быть едиными и непоколебимыми. Поскольку дело касалось отношения

³⁹ Формулирование ультиматума было поручено Александру фон Мусулину (А. Митровић, *Србија у Првом светском рату...*, стр. 70–73, 181; А. Момбауер, *нав. дело*, стр. 16–17).

к Сербии, президент Пуанкаре с начала кризиса сообщал российскому правительству, что «крайне необходимо, чтобы Сазонов держался твердо, а мы бы его поддержали». «Солидарность» Франции была обусловлена не только готовностью соблюдать договоренности о союзничестве и сопровождать политику России на Балканах, а являлась результатом оценки, что после поддержки, которую Берлин оказал Вене в «акции» против Сербии нельзя было ожидать политического удаления Австро-Венгрии от Германии. От политики Парижа, которая считалась с этим, не осталось «камня на камне». Поэтому во время визита ее президента в Россию был устроен совместный француско-российский демарш Вене – рекомендована «умеренность». Россия, со своей стороны, через посла в Вене предупредила власти Австро-Венгрии о последствиях, к которым может привести унижающий ультиматум Сербии⁴⁰. И правительство Франции в первой своей реакции отметило, что «нехорошо, что Сербии выдвигаются требования, которые противны ее достоинству и суверенитету»⁴¹.

Россия до того, как была ознакомлена с содержанием ультиматума, советовала Сербии принять все требования, которые приемлемы для суверенного государства. Первые встречи, которые Василий Штрандман, новый посол России в Белграде, имел непосредственно после предъявления австро-венгерского ультиматума с министром финансов Лазарем Пачу, регентом Александром Карагеоргиевичем и Николой Пашичем, подтверждали, что такие настроения имеются и у сербских политиков. Регент Александр в ту же ночь посетил российское посольство в Белграде и выразил «свое отчаяние в связи с австрийским ультиматумом». Согласно донесению посла Штрандмана, регент не видел возможности, чтобы ответ сербских властей был положительным. По мнению Николы Пашича, ультиматум невозможно было принять, но нельзя было и отвергнуть, а следовало принять все, что не унижает достоинства государства. Все политики, с которыми российский посол в те дни встретился, выражали надежду, что Россия защитит Сербию и

⁴⁰ Подробнее см.: *Документи о сѐлној њолицији Краљевине Србије*, кн. VII, св. 2, 1/14. Мај – 22/4. август 1914, стр. 635–637; Н. Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом светском рату*, стр. 48–50; *За балканским фронтами Первой мировой войны*, стр. 64–65. В акте, который российским временным поверенным был передан 22 июля 1914 года, правительство в Вене предупреждалось «дружественно и ясно об опасных последствиях, если предполагаемыми требованиями Сербия будет унижена». Цит. по: J. М. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 20.

⁴¹ Там же, с. 27.

в этом видели единственную надежду на спасение, о чем посол Штрандман и уведомил Петербург. То же самое сделал и регент Александр Карагеоргиевич. Оповещая российского царя о получении ультиматума от Австрии и прося помощи, он сообщил, что при ответе Сербия готова учесть любой совет России. «Требования в австрийской ноте унижают Сербию без всякой надобности и не согласуются с ее достоинством независимого государства, – писал регент. – Мы готовы принять те требования Австро-Венгрии, которые соответствуют положению независимого государства, а также те, которые бы нам посоветовало Ваше Величество»⁴².

В первых реакциях официального Петербурга на содержание ультиматума обращалось внимание на его оскорбительность и абсурдность. Министр иностранных дел Сазонов считал, что европейская война неизбежна. Более того, в разговоре с австрийским послом 24 июля он поставил под вопрос намерения тех лиц, которые этот ультиматум задумывали и писали. По его убеждению, содержание ультиматума не могло защитить Австро-Венгрию от подрывной деятельности сербских националистов, зато могло вызвать непредвидимые последствия. Поэтому он советовал, чтобы Вена, если желает решения существующей проблемы, отозвала ультиматум и поменяла его форму. В тот же день на заседании правительства он докладывал об австро-венгерском ультиматуме, определяя его как неприемлемый. Тогда российское правительство приняло следующее решение: 1) вместе с другими государствами требовать продления срока для ответа, чтобы великие державы имели возможность ознакомиться с документами о покушении в Сараеве; 2) посоветовать Сербии, чтобы она в том случае, если не в состоянии собственными силами защититься от агрессора, не противопоставлялась, а заявила, что подчиняется силе и свою судьбу отдает на волю великих держав. Министр Сазонов ознакомил с приведенным решением сербского посла в Петербурге Спалайковича, а тот телеграммой известил Николу Пашича, замолчав вторую часть решения российского правительства. Вечером 24 июля 1914 года через посла в Белграде Сазонов сообщил Николе Пашичу, что войны можно было бы избежать, если бы сербское правительство обратилось за посредничеством к Великобритании. Он посоветовал также, чтобы

⁴² Н. Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом свешком рају*, стр. 52–54; *За балканским фронтами Первой мировой войны*, с. 73–74; Василиј Штрандман, *Балканске усјомене*, Београд 2009.

по дипломатическим каналам с ситуацией были ознакомлены правительства в Париже, Риме и Бухаресте. Николе Пашичу было выслано и заверение, что Россия Сербию не оставит; а с позицией, что Российское царство не испугается «риска войны», были ознакомлены также дипломатические представители Великобритании, Австро-Венгрии и Германии в Петербурге⁴³.

Уже на следующий день, 25 июля 1914 года, российское правительство опубликовало так называемое «Правительственное сообщение», которое показывало, что Россия при вероятном столкновении Австро-Венгрии с Сербией не может остаться в стороне. В тот же день министр Сазонов оповестил британского министра иностранных дел Эдварда Грея, «что Россия не может допустить, чтобы Австрия уменьшила Сербию и стала доминирующей силой на Балканах», поэтому готова, если будет поддержана Францией, принять все риски войны. При встрече с царем Николаем II как основную цель ультиматума он указал уничтожение Сербии и нарушение политического равновесия на Балканах. В то же время он был убежден, что в предстоящем конфликте Великобритания окажется на той же стороне, что и Россия, поскольку их общей целью было не допустить австро-венгерской и германской гегемонии на Балканах и поддержать нарушаемое политическое равновесие в Европе. Российская сторона была вполне довольна ответом, который Сербия дала на ультиматум Австро-Венгрии, считая, что он «превосходит» все ожидания. В соответствии с этим Россия продолжила свои активные действия по поиску мирного решения. Петербург предлагал весь спор Австро-Венгрии с Сербией передать на рассмотрение Международного арбитражного суда в Гааге. Как запасной вариант предлагалось провести австрийско-российские переговоры, основой которых станет сербский ответ на ультиматум. Вена, между тем, отвергла оба предложения⁴⁴. День спустя после ответа на предъявленный Австро-Венгрией ультиматум посол Спалайкович оповестил правительство в Белграде: Военный совет России принял решение, что в защите Сербии нужно «идти до конца». Весть о том, что объявлена мобилизация около 1,7 миллиона военнослужащих, пришла в Белград 27 июля 1914 года, через два дня после ответа Сербии на ультиматум. В тот же день получена и ободряющая телеграмма

⁴³ Н. Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом свейском рају*, стр. 55–56. *За балканским фронтами Первой мировой войны*, с. 74–75.

⁴⁴ Там же, с. 75.

российского императора, который обещал, что «Россия ни в коем случае не останется равнодушной к судьбе Сербии»⁴⁵. Связанные с Балканами конкретные интересы России – проливы и контроль транспортных путей, связывающих Европу с Ближним Востоком – были «прикрыты» традиционными объяснениями относительно заботы России о малых славянских народах.

Печать Великобритании с первого же дня сопровождала развитие кризиса, вызванного покушением в Сараеве. Влиятельные газеты (*The Morning Post*, *The Times*, *The Standard*, *The Pall Mall Gazette* и другие) очень быстро расстались с изначальными, навязываемыми из Вены, предубеждениями относительно преступления как «задуманного в Белграде», начав писать об австро-венгерско-сербских отношениях с большей аналитичностью и фактологичностью. День ото дня в печати усиливалось сомнение насчет истинности объявляемых Веней намерений. Убийство эрцгерцога Фердинанда и далее рассматривалось как «преступное безумие», но акценты информации смещались на «необоснованные обвинения Вены» – обвинения, которые «весь народ представляют виновным», на подготовку военных действий и на политику Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине как сущностную причину кризиса. Появились в печати и открытые предостережения Вене, чтобы не вздумала использовать силы, которые бы поставили под угрозу «мир в Европе», не предпринимала самовольных тиранических акций, угрожающих независимости Сербии. На страницах влиятельной «*The Times*» авторитетный журналист Генри Уикхэм Свид предупреждал Австро-Венгрию, что, если она начнет войну, будучи не в состоянии доказать личную причастность к покушению представителей Сербии, то будет осуждена как агрессор и виновница войны. Британская печать считала неубедительными заверения австро-венгерских дипломатов об интервенции против Сербии как «локальной войне» и писала об опасности, что Австро-Венгрия развяжет «европейскую войну». Когда предъявленный Сербии ультиматум был обнародован, британская общественность недвусмысленно отметила, что Австро-Венгрия сделала все возможное, «чтобы развязать длительную, отвратительную, евро-

⁴⁵ Решение поддержать Королевство Сербию военными средствами Россия приняла 25 июля 1914 года, о чем регент Александр был оповещен телеграммой два дня спустя. В период с 27 по 31 июля правительство Франции неоднократно подтвердило намерение выполнить все обязанности, которые вытекали из договора о союзничестве с Россией (Б. Станковић, *Сво јовора Николе Пашића...*, II, стр. 22; Н. Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом светском рату*, стр. 56–58).

пейскую войну». С этой целью, как писали газеты, она фальсифицировала доказательства против Сербии и стремилась ее унижить. Наряду с этой позицией британская печать не отвергала распространенного мнения об ответственности Сербии за покушение в Сараеве. Если одни осуждали ультиматум как неприемлемый удар по независимости и национальному достоинству Сербии, «действие агрессии» и попытку оправдать «уничтожение целого народа», то другие, отягощенные стереотипами и антиславянскими настроениями, предупреждали, что нельзя допустить, «потопления нашей западной цивилизации в море крови ради того, чтобы замить сербский заговор». О Сербии писалось и как о государстве, которое представляет «бессмыслицу» в Европе, как о стране, которая должна быть оттащена на средину океана и потоплена»⁴⁶.

Для министра иностранных дел Эдварда Грея и для ведущих политиков Великобритании с самого начала было очевидно, что Австро-Венгрию, если она хочет сохранить статус великой державы, покушение в Сараеве побудит реагировать решительно. По их мнению, убийство может быть использовано ради расправы с Сербией, но одновременно это несет и опасность европейской войны. Сообщения о решимости Габсбургской монархии покарать Сербию и готовности Германии поддержать ее в этом Эдвард Грей получил 6 июля 1914 года от германского посла в Лондоне Лихновского. Тогда он, осознавая неизбежность конфликта, обещал сделать все, чтобы это «смягчить», «загладить недоразумения» и «предотвратить грозу». В последующие дни сведения аналогичного содержания поступили из Парижа, Рима и Петербурга. Считая, что позиции Вены и Берлина в данный момент трудно «смягчить» прямым дипломатическим влиянием и что предпринятые меры могут дать эффект, противоположный желаемому, Эдвард Грей обратил свои усилия в сторону России, пытаясь удержать ее в стороне от конфликта между Веной и Белградом. У петербургских властей он просил терпения и понимания в случае, если Австро-Венгрия пойдет на расправу с Сербией. По его мнению, сдержанность России должна убедить Германию, что на нее нападение не готовится, и таким образом опосредованно повлиять на ослабление поддержки мерам, которые Вена собирается предпринять. Веря, что укреплением доверия между Россией и Германией можно влиять на

⁴⁶ Д. Живојиновић, *Нагмени савезник и занемарено српство...*, стр. 319–323, 329–330.

ослабление поддержки, которую Берлин оказывает Вене, Эдвард Грей был убежден, что «опасности» и соответствующей реакции России можно избежать, если Австро-Венгрия в своих требованиях к Сербии будет благоразумной. Когда Великобритания пыталась дипломатическими усилиями и своим влиянием предотвратить конфликт больших масштабов, судьба Сербии находилась на втором плане и о ней речь шла разве что косвенно⁴⁷.

Информация, поступавшая на протяжении июля 1914 года в Лондон, не оставляла много места для надежды, что большой войны можно избежать. Однако и помимо Эдварда Грея имелись влиятельные политики, надеявшиеся на силу дипломатии. Премьер-министр Герберт Асквит не верил, что убийство эрцгерцога Франца Фердинанда может вызвать серьезные нарушения порядка в Европе, и был спокоен. Дэвид Ллойд Джордж, управляющий государственного казначейства, осознавая возможные последствия, все же надеялся, что возникший кризис будет преодолен⁴⁸. Уинстон Черчилль, первый лорд Адмиралитета, не считал, что покушение в Сараеве является введением в войну, хотя определял его как событие «достаточно мощное, чтобы всех вразумить». Выступая за предотвращение конфликта между Россией и Австро-Венгрией дипломатическими средствами, он замечал, что «глаза Германии вдруг загорелись особым огнем», однако не считал, что и Великобритания будет втянута в войну. Действия Лондона были парализованы заявлениями Австро-Венгрии о том, что Сербия должна безусловно и безоговорочно принять ультиматум, неготовностью Германии к сотрудничеству, чтобы погасить кризис, отказом России вести с Веной прямые переговоры о разрешении кризиса, а также нежеланием Франции, как и самой Великобритании, непосредственно включаться в конфликт до тех пор, пока существует надежда, что его разрешить смогут Австро-Венгрия и Сербия сами. Действия последовали тогда лишь, когда всем стало известно содержание австро-венгерского ультиматума Сербии, явно свидетельствующее, что Вена хочет войны, а Берлин ее в этом поддерживает⁴⁹.

⁴⁷ Там же, с. 323–324; M. Ekstein, *Some Notes on the Sir Edward Greys Policy in July 1914*, *The Historical Journal*, XV, 2, 1977, 322; Z. S. Steiner, *Britain and the Origins of the First World War*, New York, 398–399.

⁴⁸ В речи, произнесенной 17 июля 1914 года, Дэвид Ллойд Джордж заявил, что «хотя во внешней политике никогда не существовало полностью голубого неба... трудности будут преодолены» (Дејвид Лојд Џорџ, *Рајне усјомене*, I, Београд 1938).

⁴⁹ Д. Живојиновић, *Надмени савезник и занемарено српство*, с. 325–329.

Получив ультиматум, сербские власти поняли, какие последствия возникший кризис мог бы иметь в ее отношениях с Двойной монархией⁵⁰. Никола Пашич ознакомил с его содержанием политические и военные верхи, а также дипломатических представителей союзных государств. В обращении к российскому царю было подчеркнуто, что Австро-Венгрия концентрирует войска на границах с Сербией и что нападение с ее стороны может последовать в любой момент по истечении отведенного на ответ срока. С объяснением, что Сербия не в состоянии сама защититься, к царю была обращена просьба «как можно раньше предоставить свою помощь». Британского посла просили, чтобы его правительство оказало воздействие на правящие круги Вены с целью «уравновесить требования» Австро-Венгрии⁵¹. После проведенных обсуждений все министры правительства, королевский двор, армия и руководители партий согласились с тем, что согласие на требования Австро-Венгрии, чтобы ее полицейские органы искали виновных за покушение на территории Сербии, явилось бы угрозой для независимости государства. Понимание, что Сербии не был оставлен выход, содержался в словах, которыми текст ультиматума комментировал министр Лазарь Пачу: «Не останется ничего иного, как погибать».

Союзнические силы великих держав советовали проявлять сдержанность, при этом не ограничивая свободы в формулировках ответа. Однако на тот момент, 25 июля, когда председатель правительства передавал миролюбивый ответ австро-венгерскому послу, Королевство Сербия не знало, на какую поддержку союзников может рассчитывать в случае войны с Австро-Венгрией⁵². Сербский ответ на устрашающий ультиматум удивил всех. Даже германский император счел его

---

⁵⁰ Министр финансов Лазарь Пачу, который при отсутствии Николы Пашича в числе первых был ознакомлен с содержанием ультиматума, оповестил иностранные посольства следующим образом: «Сербское правительство не приняло никакого решения, поскольку всех министров нет в Белграде, но уже сейчас я могу сказать: требования таковы, что их в целом не сможет принять никакое сербское правительство». Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 25.

⁵¹ Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 26.

⁵² Первый знак поддержки пришел в запоздалой телеграмме российского царя Николая II, в которой, наряду с иным, говорилось: «Пока будет надежда избежать пролития крови, все мои усилия будут устремлены к этой цели, но и если не удастся, вопреки нашим самым искренним желанием... даже в этом случае Россия не оставит Серию». Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 31–32.

миролюбивым до такой степени, что он мог быть приемлемым для властей Австро-Венгрии. Вильгельм II отметил, что таким образом «исчезает повод для войны» и что сам он после такого ответа никогда бы не «объявлял мобилизацию». Великобритания предлагала решить спор за столом конференции, и так сдержатъ неконтролируемое расширение кризиса»⁵³.

Отвечая на требования, сербское правительство сначала пыталось показать бессмысленность тех пунктов ультиматума, в которых содержались обвинения, что Сербия по отношению к Австро-Венгрии вела себя враждебно и не выполнила обязанностей, которые на нее возлагались после завершения Аннексионного кризиса. Утверждая, что протесты против аннексии Боснии и Герцеговины «пресечены» заявлением от 31 марта 1909 года и что органы власти Сербии не предпринимали мер и действий, целью которых было бы «изменение политического и правового положения в Боснии и Герцеговине» 1908 года, оно отвергало обвинения по поводу продолжительного враждебного отношения к Австро-Венгрии. В то же время указывало на усилия, которые были предприняты ради того, чтобы развить с могущественным соседом отношения, которые способствуют миру в Европе. Оно также снимало с себя ответственность за «манифестации частного характера», за появление текстов, которые Вена толковала как враждебные, за манифестации, не подлежащие контролю государства, пропагандистские действия патриотических обществ и организаций. Не принимая обвинения, которые связывали его с организацией покушения, сербское правительство выражало готовность сотрудничать и проявлять максимальную корректность в следственных действиях против лиц, причастных к покушению. Более того, оно обязывалось предать суду любого из сербских подданных, «независимо от его статуса и ранга, за участие в сараевском преступлении, если будут представлены доказательства». И, наконец, оно было готово на страницах «Сербских новостей» (*Српских новина*) опубликовать незначительно откорректированное заявление, которого требовала Вена⁵⁴.

⁵³ *Документи о сјољној политици Краљевине Србије*, књ. VII, св. 2, 1/14. Мај – 22/4. август 1914, стр. 633–658; *Велики рат Србије 1914–1918*, стр. 5–8; Branko Petranović, Momčilo Zečević, *Jugoslavija 1918–1988, Tematska zbirka dokumenata*, Beograd, 1988, str. 28; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 72–76; Petar Tomac, *Prvi svetski rat 1914–1918*, Beograd, 1973, str. 17–18.

⁵⁴ Заявление, которое сербское правительство было готово обнародовать, гласило:

Во имя мира сербское правительство обязывалось уже при первом созыве Народной скупщины внести в Закон о печати определение, в соответствии с которым наистрожайше карались бы провокации, возбуждающие ненависть и презрение к Австро-Венгрии, подлежали бы запрету и изъятию публикации, направленные «против территориальной целостности» Двойной монархии. Хотя и подчеркивало, что доказательства антиавстрийской деятельности «Народной обороны» отсутствуют, правительство соглашалось распустить это патриотическое общество. То же самое – по отношению к иным организациям, которые бы Вена определила как действующие против интересов Австро-Венгрии. В ответе на ультиматум правительство Сербии выразило готовность из программ народного просвещения убрать «все, что служит или могло бы послужить усилению пропаганды против Австро-Венгрии, если по этому поводу ему будут предоставлены доказательства Императорско-королевской власти из Вены». Вполне ясно выражено было намерение сербского правительства отстранить от службы офицеров и чиновников, в отношении которых «сербскими следственными органами будут получены доказательства, что они виновны в деяниях, направленных против сохранения территориальной целостности Австро-Венгерской монархии», а власти Вены предоставят их имена и укажут на незаконные деяния, ими совершенные. Вечером того же дня, когда был получен ультиматум, сербское правительство дало распоряжение арестовать

«Правительство Королевства Сербия осуждает всякую пропаганду, которая была бы направлена против Австро-Венгрии, т.е. совокупность устремлений, которые настраивают в конечном итоге на отделение от Австро-Венгерской монархии территорий, принадлежащих ей, и сожалеет искренне о роковых последствиях таких преступных действий.

Королевское Правительство сожалеет, что некоторые офицеры и чиновники участвовали, по сообщениям Императорского и королевского правительства, в упомянутой выше пропаганде и компрометировали этим отношения добрососедства, поддерживать которые королевское правительство торжественно обязалось своим заявлением от 31. 3. 1909 года.

Правительство, не одобряющее и отвергающее всякую идею или попытку вмешательства в судьбу населения какой бы то ни было части Австро-Венгрии, считает своим долгом официально уведомить офицеров, чиновников и весь народ Королевства, что впредь будет применять самые строгие меры по отношению к лицам, которые будут виновны в подобного рода действиях, в связи с которыми будут предприняты все наши усилия, чтобы их предотвратить и подавить» (*Велики рай Србије 1914–1918*, стр. 9–10).

майора Воислава Танкосича и других упоминавшихся в ультиматуме лиц, запросив у Вены, чтобы как можно скорее были предоставлены доказательства их виновности. Наряду с этим сербское правительство обязывалось «усилить и расширить меры» по предотвращению нелегального оборота оружия через границу с Боснией и Герцеговиной, а также предоставить «добровольные объяснения» относительно заявлений, которые после покушения в Сараеве давали его чиновники внутри страны и за рубежом и которые, по мнению Вены, были враждебными.

Особую значимость имела та часть ответа, в которой правительство пыталось «примирить» вещи, едва ли примиримые – требования ультиматума, попирающие суверенитет Сербии, и готовность пойти навстречу Австро-Венгрии до пределов, которые допустимы для независимого государства при условии, чтобы его независимость не была уничтожена. По этой причине в ответе указывалось, что сербское правительство «не вполне понимает смысл и пределы требований Императорско-королевского правительства относительно того, чтобы Сербия на своей территории включилась в сотрудничество с органами Императорско-королевского правительства», однако готово «согласиться на сотрудничество, которое будет отвечать принципам международного права, связанным с криминальными процедурами, а также с добрососедскими отношениями». Правительство Сербии считало своим долгом начать следственные действия «по отношению ко всем тем, кто предположительно был причастен к заговору 28 июня, находясь на территории Королевства» (Сербии). По вопросу же «участия в этом расследовании органов австро-венгерских властей, которые были бы делегированы Императорско-королевским правительством, королевская власть не может на него согласиться, поскольку это было бы нарушением Конституции и уголовно-процессуального кодекса». Оно, тем не менее, считало возможным «в конкретных случаях» предоставлять органам Австро-Венгрии «информацию о результатах расследования». Приняв, собственно, все поставленные условия, сербское правительство отвергло только те, которые содержали требования Австро-Венгрии, чтобы ее полиция на территории Сербии проводила расследование всех обстоятельств, связанных с подготовкой и осуществлением покушения⁵⁵. Поскольку ультиматум

⁵⁵ *Документи о самој полицији Краљевине Србије*, књ. VII, св. 2, 1/14. Мај – 22/4. август 1914, стр. 633–658; *Велики рат Србије 1914–1918*, стр. 8–12; В. Petranović,

Австро-Венгрии составлен так, чтобы всю вину свалить на Сербию, то ответ сербского правительства был таким, что на Сербию вину свалить никак нельзя.

В Манифесте, обращенном к народу непосредственно после передачи ответа, первых отрицательных реакций австро-венгерского посла в Белграде и заявления о разрыве дипломатических отношений, сербское правительство подчеркнуло, что Сербия шла навстречу Австро-Венгрии «до крайних границ уступчивости, которые не может переступить ни одно независимое государство». Это делалось, как было подчеркнуто, «согласно вашим желаниям и с пониманием потребности в мире, которую чувствует, мы уверены, не только Сербия, но и вся Европа». Гордость не позволяла государству и народу в уступках идти дальше указанного в ответе на ультиматум. В сложившихся обстоятельствах Сербия полагалась на «Божью помощь», «свою правду» и «дружественность великих держав», надеясь, что конфликт «завершится мирно». И все-таки, вынужденное быть предусмотрительным, правительство объявило общую мобилизацию и призвало граждан в случае нападения защищать отечество. В обращении к народу было ясно сказано, что в случае нападения «армия ... будет выполнять свой долг», а гражданам, которые не призваны «под знамена», рекомендовалось оставаться в своих домах и «спокойно заниматься своими делами». Заканчивался манифест выражением надежды, что возникший конфликт «разрешится мирным путем». Вместе с тем, сербская дипломатия принимала все меры, чтобы в зарубежных столицах нейтрализовать действие австро-венгерской пропаганды, разъясняя истинные намерения Габсбургской монархии. Правительство дало указание об эвакуации государственных учреждений, банков и Государственного архива, а свое место пребывания перенесло в Ниш⁵⁶.

Вечером 25 июля 1914 года в Вене вышел указ о частичной мобилизации против Сербии и Черногории. Касался он трех армий и восьми корпусов – в совокупности, двадцати трех пехотных и трех кавалерийских дивизий. Одновременно были мобилизованы для активных действий флоты на Адриатическом море и на Дунае. В разговоре с

М. Zečević, *nav. delo*, str. 28; А. Митровић, *Србија у Првом свейском рату*, стр. 72–76; Р. Томас, *nav. delo*, str. 17–18.

⁵⁶ *Документи о сјољној политици Краљевине Србије*, књ. VII, св. 2, 1/14. Мај – 22/4. август 1914, стр. 595–598, 689–690; *Велики рат Србије*, стр. 12–13; Ferdo Šišić, *Dokumenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914–1918*, Zagreb, 1920, str. 1; А. Митровић, *Србија у Првом свейском рату*, стр. 67–69.

министром Берхтольдом император Франц Иосиф потребовал в отношениях с Сербией «идти до конца»⁵⁷.

Ознакомившись 24 июля 1914 года с содержанием предъявленно-го Сербии ультиматума, Эдвард Грей записал, что это «самый ужасный документ», когда-либо «предъявлявшийся одному независимому государству другим». В тот же день он ознакомил с этим текстом членов правительства. Грей считал, что Сербия, «приняв такие условия, перестала ... бы быть независимой». Помимо всего, он был уверен, что опасность европейской войны станет совершенно определенной, «если Австрия вторгнется в Сербию»⁵⁸. По мнению Уинстона Черчилля, ультиматум был составлен так, что «абсолютно невозможно какому бы то ни было современному государству мира его принять или удовлетворить нападающую сторону, если бы его приняло, несмотря на величайшее унижение»⁵⁹. День спустя, реагируя на происходившее, премьер-министр Герберт Асквит заявил, что «Сербия капитулировала в важнейших вопросах», но высказал сомнение в том, что Австрия согласится на предлагаемые переговоры, поскольку она решила

⁵⁷ Мобилизованы были корпуса, штабы которых находились в Праге, Литомержицах, Граце, Загребе, Будапеште, Темишваре, Сараеве и Дубровнике (Р. Томас, *nav. delo*, str. 17; Ж. П. Блед, *nav. дело*, стр. 618).

⁵⁸ J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 26.

⁵⁹ Известие об австро-венгерском ультиматуме Сербии поступило в то время, когда в парламенте Великобритании обсуждался ирландский вопрос и решалось политическое будущее Объединенного Королевства. «Дискуссия завершалась безо какого-либо решения, – записал Уинстон Черчилль, – и члены Министерского совета собрались расходиться, когда сэр Едвард Грей, сдержанным тоном своего голоса, начал зачитывать документ, который ему как раз в тот момент был принесен из Министарства иностранных дел. Это была австрийская нота Сербии. Он уже несколько минут читал или говорил, а на мой мозг все еще давила досадная и невероятно утомительная дискуссия, которая только что закончилась. Все мы были утомлены; но в итоге постепенного выстраивания звучавших фраз, одной за другой, в моем сознании начали создаваться впечатления совсем иной природы. Эта нота явно была ультиматумом; причем ультиматумом такого рода, какого, по способу составления, не бывало в современной истории. По ходу дальнейшего зачитывания выяснилось, что абсолютно невозможно какому бы то ни было современному государству мира его принять или удовлетворить нападающую сторону, если бы и приняло его, несмотря на величайшее унижение. Перед этой ситуацией исчезали в туманах и бурях ирландские приходы Ферманаха и Тайрона. И сразу же на карту Европы стал падать, постепенно распространяясь, некий странный свет» (Винстон Черчилль, *Свейска криза 1911–1918*, I, Београд 1936, стр. 172; Александар Раковић, *Јуџословени и Ирска револуција 1916–1923*, Београд 2009, 30–31).

Сербию до конца унижить. Предвидя, что Россия выступит в защиту Сербии, вследствие чего возникнет катастрофа, он считал ультиматум «самым значительным событием в европейской политике за последние десятилетия»⁶⁰. Британский суверен Георг V считал, что мир находится «на грани общеевропейской войны», однако выражал надежду, что Великобритания «сохранит нейтральность». В этих условиях Эдвард Грей стремился добиться согласия России и вынудить Сербию, чтобы та приняла требования Австро-Венгрии, а обе противостоящие стороны усадить за стол переговоров для решения спора мирным путем. Основной «принцип», которому он следовал, сводился к тому, что великие державы не должны вмешиваться до тех пор, пока конфликт Австро-Венгрии с Сербией «ограничен». Политика, которую он отчаянно проводил, должна была убедить правительство в Петербурге занять «сдержанную позицию», чтобы избежать столкновения Австро-Венгрии с Россией. Тот факт, что российские и французские власти были солидарны – причем солидарности они требовали и от Лондона – во мнении, что Австро-Венгрии нельзя позволить, чтобы покушение было использовано как повод для вмешательства во внутренние дела Сербии, дополнительно осложнял положение Великобритании. В таких обстоятельствах главной целью Министерства иностранных дел стало не решение спора между Австро-Венгрией и Сербией, а то, как продуманной политикой сохранить одновременно «свободу решений» для Лондона, мир в Европе и Тройственное соглашение. Чтобы достичь этого, Эдвард Грей обращался к четырем европейским державам (Германии, Франции, Италии и Великобритании), чтобы они совместно выступили в Вене и Петербурге, способствуя смягчению требований и предотвращению войны. В этом контексте от Германии ожидалось, что она посоветует Австро-Венгрии не торопиться с военными действиями. По мнению Грея, это был последний шанс избежать столкновения Тройственного союза и Тройственного соглашения.

⁶⁰ Герберт Асквит в своих комментариях записал, что австрийцы – «самый глупый народ в Европе, поскольку их brutальный поступок будет способствовать тому, что большинство мира сделает вывод: в данном случае великая держава намеревается своевольно унижить малую страну». Сам ультиматум он оценил как «оскорбительный и унижающий», выразив сомнение в том, что Сербия может его принять и на него ответить в течение 48 часов (Д. Живојиновић, *Нагмени савезник и занемарено српство...*, стр. 335–336; Н. Н. Asquith, *Memoirs and Reflections 1852–1925 by the earl of Oxford and Asquith*, II, London 1928, стр. 5, 80–81).

В то время как лихорадочно велся поиск способа обеспечить защиту жизненных интересов Великобритании, у высоких британских чиновников не возникало сомнений в том, что ультиматум изменил природу всего спора и что уже «дело не в Сербии», а в «столкновении между Германией, которая стремилась установить свою политическую диктатуру в Европе, и силами, которые хотели этому помешать». По этой причине Лондон не был готов принять внушаемые через германского посла Лихновского идеи относительно ограниченной «локальной войны» между Австро-Венгрией и Сербией. Чиновники Министерства иностранных дел не верили в возможность контроля над такой войной, тем более что понимали: согласие с пунктом 5 ультиматума означает «конец Сербии как независимого государства». В кратком сроке, который был предоставлен для ответа, они видели намерение не позволить великим державам посредничества в деле сохранения мира. Из-за всего этого Лондон не принял четкого решения относительно шагов, которые следует предпринять, если Австро-Венгрия, не приняв ответа Сербии, решит начать войну⁶¹.

Хотя британское Министерство иностранных дел советовало сербскому правительству ответить «примирительно и в сдержанном духе», было ясно, что к обвинениям оно должно относиться в соответствии с собственными интересами. Лондон, без сомнения, должен был удовлетвориться ответом, который на ультиматум дала Сербия, но никак не позицией Вены и крахом намерений на основании этого ответа провести переговоры. Опыт британской дипломатии подсказывал, что события будут развиваться как по цепной реакции, с большой скоростью, без возможности подлежать контролю. Вести, приходившие с Балкан, были для Лондона «очень плохи». Эдвард Грей опасался европейской войны и старался убедить Россию, чтобы она прекратила мобилизацию и таким образом в последний момент избежала столкновения с Австро-Венгрией и Германией. Его подчиненные предвидели, что Россия не может хладнокровно наблюдать за нападением Австро-Венгрии на Сербию. А великим державам оставаться в стороне, пока Австро-Венгрия «не задушит Сербию», он считал «преступным делом»⁶².

⁶¹ Д. Живојиновић, *Нагмени савезник и занемарено српство*, стр. 330–332; I. Geiss, July 1914, 162–216.

⁶² Д. Живојиновић, *Нагмени савезник и занемарено српство*, стр. 330–344; I. Geiss, *op. cit.*, pp. 218–335.

Когда «Июльский кризис» достиг пика, Великобритания вела себя сдержанно. Ее нерешительность была обусловлена стремлением не позволить кризису расширяться. А должная реакция последовала только тогда, когда Германия нарушила нейтралитет Бельгии. У Великобритании не было конкретных интересов в Сербии, и ее общественное мнение никогда бы не согласилось на то, чтобы вступить в войну из-за этой балканской страны. А отказ от нейтралитета был следствием ее стремления сохранить собственные жизненные интересы.

Через месяц после покушения в Сараеве, 28 июля 1914 года, Австро-Венгрия объявила Сербии войну⁶³. В открытой телеграмме, посредством которой это было сделано, указывалось, что Габсбургская монархия, не удовлетворенная данным ответом, «вынуждена опереться на силу оружия ради сохранения своих прав и интересов». Таким образом закончилось многолетнее напряженное состояние отношений Австро-Венгрии и Сербии.

Уже на следующий день было обнародовано военное воззвание Франца Иосифа, в котором указывалось, что «козни» Сербии стали причиной, вынудившей Габсбургскую монархию военными средствами защищать свою честь и статус великой державы. «Ненависть», стремление насильственным путем добиться «отторжения» неотъемлемых частей Монархии, «тайные дела», которые нарушали существующий порядок на юго-востоке Австро-Венгрии, определялись как «неслыханные вызовы Сербии» и причина объявления войны. Пропаганда, сопровождавшая воззвание, осуществлялась в ключе лозунга: «Сербия должна издохнуть». За этим явно стояла и Германия, помогавшая поскорее Сербию «убрать с Балкан как политический фактор». До 28 июля 1914 года такую позицию занимали и самые сдержанные политики – такие, как министр Тиса, давший императору совет: «Даже малейшее промедление или нерешительность могут серьезно снизить оценки энергии Монархии, способности ее к действиям, повлиять на поведение наших друзей и наших противников, а также и на неопределившиеся элементы имели бы пагубное воздействие»⁶⁴.

Первой жертвой войны, которую избрала Вена, стала правда. Австро-Венгрия в ноту, посредством которой объявила Сербии войну, внесла очень много неправды, чтобы Моравское Королевство как

⁶³ М. Екмечић, *Дујо крейшање између клања и орања*, стр. 350.

⁶⁴ Ж. П. Блед, *нав. дело*, стр. 620; Ј. М. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 21.

можно быстрее обвинить. Наибольшую тяжесть имело обвинение в том, что Сербия стоит за покушением в Сараеве, хотя убедительных доказательств, которые бы это утверждение аргументировали, не было⁶⁵. Но подстрекаемые продолжительной военной пропагандой массы граждан Габсбургской монархии за войну «голосовали ногами» – как это позднее метафорически обозначено было историками, – с воодушевлением в большой численности маршем направляясь в сторону Сербии⁶⁶.

В тот же день, когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, начальник ее Генштаба генерал Конрад фон Хётцендорф открыто назвал истинные причины и цели нападения: «С учетом *политической точки зрения*, исключительно опасно позволять, чтобы Королевство Сербия продолжило существовать вне Монархии, а при этом граничило с югославянскими областями Монархии; оно облекается в славу национального героизма и национального прогресса, таким образом становясь привлекательным для югославян из Монархии и союзником для всех врагов Монархии... С учетом *военной точки зрения*, ясно, какую опасность представляет армия численностью 500 000 человек, ведомых единым национальным духом – армия, постоянно готовая напасть с юга на Монархию... «С учетом *экономической точки зрения*, Сербия для Монархии, не имеющей колоний, является важным рынком, и Монархия вынуждена была согласиться, чтобы, вытеснив ее, здесь заняли свои позиции Германия, Италия и Франция; возместить этот экономический ущерб можно только лишь включением Сербии в

⁶⁵ В донесении, которое советник Ф. Визнер, направленный в Сараево для расследования, прислал 13 июля 1914 года графу Берхтольду, писалось: «Материалы времени атентата не дают никаких оснований считать, что пропаганду поддерживало сербское правительство. В подтверждение того, что это движение подпитывают обшества из Сербии, а также, что сербское правительство это терпит, имеется достаточно материалов, хотя и скудных. То, что руководство сербского правительства знало о покушении либо что его готовило или передавало оружие, ничем не доказано, а может лишь предполагаться. Более того, имеются предпосылки считать, что это исключено (В. Ђоровић, *Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку*, Београд 1992, стр. 699; Ј. М. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 47). В исследовании Андрея Митровича перевод приведенного текста гласит: «что соучастие сербского правительства в организации атентата, в его подготовке или передаче оружия не могло быть ничем доказано и невозможно это предположить. Более того, существуют обстоятельства, которые это исключают» (А. Mitrović, *Pro-dor na Balkan...*, стр. 21).

⁶⁶ А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 262–269.

Монархию; не следует также упускать из вида то, что Сербия исключительно богата и весьма пригодна для экономического развития, так что не следует допускать, чтобы другие государства использовали ее богатства; соответственно, присоединение Сербии имеет для Монархии не только большую важность, но является именно условием ее существования»⁶⁷.

Между тем, наряду с Австро-Венгрией, Германия старалась также с первых дней войны вину за ее развязывание возложить на Сербию и на государства, которые бы оказали ей поддержку. Хотя момент для начала столкновения она оценивала как благоприятный, считая, что Россия воевать все еще не готова, а Великобритания не имеет интереса вмешиваться из-за какой-то балканской страны⁶⁸, император Вильгельм II 28 июля 1914 года направил телеграмму Николаю II, внушая, что тот может предотвратить «беду, которая сейчас грозит всему цивилизованному миру». Доказательством якобы мирных устремлений Германии должно было послужить и заявление канцлера Бетмана Гольвега, сделанное им 4 августа 1914 года: «Даже если все наши усилия ... напрасны, даже если нам насильно вкладывают меч в руки, мы пойдем на поле боя с чистой совестью, осознавая, что не хотели войны». В то время, когда канцлер произносил эти слова, германские войска уже нарушили суверенитет Бельгии и Люксембурга, что стало поводом для вступления в войну Великобритании⁶⁹.

Вопреки этим заявлениям, бывший посланник Германии в Лондоне принц Лихновский категорически утверждал: «С нашей стороны ничего, абсолютно ничего не было сделано для того, чтобы сохранить мир... из-за нашей жесткой позиции, позиции графа Берхтольда Россия перестала нам доверять и объявила мобилизацию. Странники войны победили... Такую политику можно понять лишь при том условии, что нашей целью была война, и ни в коем ином случае»⁷⁰. Более того, принц

⁶⁷ А. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 163.

⁶⁸ В Берлине существовало убеждение, что Россия, из-за огромных потерь престижа во внутреннем и внешнем планах, должна поддержать Сербию в кризисе, который был вызван Сараевским покушением. Оценивалось, что война с Сербией на 90% означает одновременно и войну с Россией.

Ф. Фишер, *нав. дело*, 82.

⁶⁹ А. Момбауер, *нав. дело*, стр. 23.

⁷⁰ *Мемоар йринца Лихновској с коменџаром Алберџа Томе*, стр. 13–69. Желая умалить свою роль в развязывании войны, германское правительство уже 3 августа 1914 года составило «Белую книгу», под обложками которой были собраны докумен-

Лихновский поведение Германии во время Июльского кризиса считал составной частью и ожидаемым следствием ее ошибочной политики по отношению к великим державам, балканским странам и Австро-Венгрии. Виновной за войну Лихновский считал Германию, помимо прочего, из-за того, что она поддерживала Габсбургскую монархию в намерении напасть на Сербию, «хотя все мы знали, что в этом у Германии нет интереса и что существует опасность мировой войны». «В период с 23 по 30 июля 1914 года, – писал он, – когда Сазонов решительно заявил, что не может потерпеть нападения на Сербию, мы отвергли предложение британцев о посредничестве, несмотря на то, что Сербия под давлением России и Британии приняла ультиматум почти полностью и легко можно было достичь согласия по двум спорным вопросам, а граф Берхтольд был готов даже принять ответ Сербии. Днем 30 июля, когда граф Берхтольд изъявил готовность сменить курс, мы послали в Санкт-Петербург ультиматум лишь в связи с российской мобилизацией, хотя нападения на Австро-Венгрию не было, а 31 июля мы объявили войну России, хотя царь дал слово, что не позволит ни одному человеку вступить в войну, пока идут переговоры. Поэтому мы намеренно уничтожили всякую возможность мирного решения. В свете этих неоспоримых фактов отнюдь не удивительно, что весь цивилизованный мир вне Германии на наши плечи взваливает всю ответственность за развязывание мировой войны»⁷¹.

В дискуссиях по вопросу ответственности за войну, которые возникли уже в самом начале ее, участвовали многие современники, причем все те, кто представлял сторону Антанты, сходились во мнении,

---

ты, доказывавшие, что Германия за войну ответственности не несет. У этой книги имелся подзаголовок: «Как Россия и ее правитель обманули доверие Германии, таким образом вызвав европейскую войну». Уже в середине 20-х годов XX века часть критически настроенной германской общественности считала это произведение «самой лживой» книгой о причинах войны.

⁷¹ *Мемоар принца Лихновской с коменшаром Алберта Томе*, стр. 13–69. Роль Германии в развязывании войны критиковал и социалист Карл Либкнехт, по мнению которого, это было империалистическое столкновение, начатое ради установления контроля над промышленным и банковским капиталом. С точки зрения гонки вооружений Либкнехт определял это как «превентивную войну, которую совместно вызвали Германия и Австрия во мраке полуабсолютизма и тайной дипломатии». Немецкий генерал граф Макс фон Монжеля усматривал «тройную вину Германии»: пытаясь сохранить мир все увеличивающимся вооружением, она сознательно вызвала войну, которую назвала «превентивной», а при этом имела военные цели, которые ни один честный противник «не мог принять». Цит. по: А. Момбауер, *нав. дело*, стр. 26–31.

что Сараевское покушение стало лишь поводом, а причины были намного сложнее. «Мировая война началась на Балканах, – подчеркивал Чарльз Вопицка, – однако настоящие корни ее следует искать в намерениях безоглядных автократов, жестокие амбиции которых не считались ни со справедливостью, ни с ограничениями. Тех, кто считал, что покорение свободных народов – лишь первый шаг в «игре» за достижение экономического и политического превосходства и, в конце концов, установление доминации в мире. Сербы оказались только «бойком» в спусковом механизме, и их следовало без сожаления устранить как первую преграду на пути завоевания мира»⁷².

По словам британского премьера Ллойд Джорджа, «Россия вступила в войну, приняв на себя все ужасы войны, чтобы – верная своей традиционной политике покровительства меньшим родственным ей народам – защитить Сербию от заговора, подготовленного с целью лишить ее независимости. Эта святая жертва втянула в войну не только Россию, но и Францию». Не затрагивая вопрос о вызванных амбициями Германии добиться мирового могущества стратегических угрозах для Великобритании и Франции, вступление их в войну Ллойд Джордж объяснял благородными побуждениями. Ведь «Франция, верно соблюдая условия своего договора с Россией, присоединилась к своему Союзнику в распре, которая не касалась ее непосредственно. Ее рыцарское отношение к договорным обязанностям вызвало дерзкое вторжение в Бельгию, а договорные обязанности Великобритании по отношению к этому небольшому государству толкнули и нас в войну»⁷³.

Получив 28 июля 1914 года ноту с объявлением войны, сербское правительство собралось на свое историческое, первое военное, засе-

⁷² Ч. Д. Вопицка, *нав. дело*, стр. 19. С большим пониманием балканских проблем американский дипломат далее писал: «Балканы получили название «кризисный центр европейской политики». Кого-то, недостаточно знающего реальность, это название, пожалуй, могло бы подтолкнуть к выводу, что в самой природе населения данного региона заложено свойство постоянно создавать проблемы; что здесь зачинаются все раздоры и конфликты; а также что события на Балканах держат в состоянии постоянного напряжения и волнения миролюбивые народы вне данного региона. Но истина в ином – из-за своих природных ресурсов и географического положения Балканский полуостров с давних времен был притягательной 'наградой', которую нужно добыть путем завоевания. Вследствие этого Балканы и становились жертвой многочисленных вторжений и разорений, сопровождавших эти вторжения, значительно чаще, нежели какой бы то ни было иной цивилизованный регион на Земле» (*Там же*, с. 21).

⁷³ *Građa o stvaranju jugoslovenske države (1. I – 20. XII 1918)*, pr. D. Janković i B. Krizman, tom I, Beograd, 1964, str. 13–14.

дание. По природе сдержанный и не склонный к горячим речам, Никола Пашич в этой ситуации сказал: «Мы не хотели войны, потому что слишком утомлены и измотаны двумя прошлыми войнами, 1912 и 1913 годов. Однако мы вынуждены навязанную войну принять для защиты чести народа и суверенитета государства. И отдельный человек, когда на него кто-то нападет, даже более сильный, должен защищаться и сражаться, если имеет хоть сколько-то чести и гордости. Впрочем, мы надеемся, что вся Европа нас все-таки не оставит на милость и немилость Австро-Венгрии. Но будь что будет, мы, даже оставшись в одиночестве, будем защищаться до последней капли крови». Зная, что из-за интересов великих держав Сербия не останется одинокой в конфликте, на упорные вопросы министров о том, какие государства определенно будут в состоянии войны, он все же ответил кратко: «Мы и Австрия»⁷⁴. В войне, которая тогда началась, противником Сербия имела государство с 51 миллионом населения, способное мобилизовать 6 миллионов военнослужащих. А сама она в то время имела около 4 550 000 населения.

Несмотря на огромные несоответствия масштабов, численности населения и сил, регент Александр в своем первом военном воззвании, выразив сожаление, что Габсбургская монархия решила начать войну, призвал соотечественников сплотиться «под сербским трехцветным знаменем» и всеми силами защищать «сербский очаг и сербское племя»⁷⁵. Подобным же образом поступил и черногорский властитель Никола Петрович. В воззвании от 6 августа 1914 года он осудил Австро-Венгрию за намерение «уничтожить» югославян и «затоптать» Сербию и Черногорию, призывая все сербство следовать традиции предков и противостоять агрессору⁷⁶. Так, уже первые военные манифесты свидетельствовали о двух тенденциях: о стремлении Вены осуществить прорыв на Балканы и о готовности Сербии и Черногории безоговорочно защищать свою независимость.

И Вена, и Берлин учитывали, что война не ограничится территорией Балкан. «Мы осознали, – подчеркнул германский канцлер в речи перед Рейхстагом всего через несколько дней после объявления

⁷⁴ Ђ. Станковић, *Никола Пашић, савезници и сиварање Јуџославије*, Зајечар 1995, 51.

⁷⁵ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 6; F. Šišić, *nav. delo*, str. 2–3.

⁷⁶ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 6; F. Šišić, *nav. delo*, str. 26–27.

Австро-Венгрии войны Сербии и включения в нее других государств, – что какие бы то ни было военные действия против Сербии вызовут непосредственное вмешательство России, а также то, что и нас, в соответствии с нашими обязательствами, втянут в войну»⁷⁷.

КОАЛИЦИИ И ФРОНТЫ

Война, объявленная прежде всего Сербии, ставила на испытание заключенные в предшествовавшие десятилетия союзы и тайные соглашения, которые подписывались великими европейскими державами. Противоречивые интересы государств, как входящих в Тройственный союз, так и связанных Тройственным соглашением (Антанта) испытывались совместностью действий и имели множество неизвестных. Германия, например, не рассчитывала на лояльность Италии, тогда как Австро-Венгрия, столкнувшись с итальянскими притязаниями на значительную часть ее территории, имела планы нападения на свою адриатическую соседку.

Военные планы Германии формировались с 1906 года как часть программы развития армии и экономики. Потребности германской индустрии, финансового капитала и производства, обусловленные взаимозависимостью от экономик стран-противников, диктовали условия, независимо от военных планов, чтобы война была непродолжительной и завершилась успешно. Высказывались оценки, что длительная война, помимо невозможных человеческих потерь и материального ущерба, грозит революционными волнениями, губительными для существующих властей. Германские стратеги ключом к победе считали наступательные действия, будучи уверенными в превосходстве германской военно-оперативной мысли. Они надеялись, что сила удара уменьшит риск изнурительной окопной войны и губительных действий артиллерии. Оценки, что можно победить и превосходящего по силам противника, основывались на уверенности, что Германия располагает преимуществами в стратегии, тактике, военном руководстве, подготовке, вооружении и моральном состоянии военнослужащих⁷⁸.

⁷⁷ Цит. по: J. M. Јовановић, *Борба за народно уједињење 1914–1918*, стр. 32–33.

⁷⁸ P. Томас, *nav. delo*, стр. 30–38; T. Zuber, *The Real German War Plan 1904–1914*, pp. 174–186.

План войны предусматривал, что следует избегать одновременных действий на два фронта – против Франции и против России. Поэтому с Францией предполагалось провести подобную «сильной, но кратковременной буре» молниеносную войну, в которой бы приняла участие главная часть германских оперативных войск. Ключевой удар планировался через территории Бельгии и Люксембурга с уклонением от фронтального нападения на восточные, укрепленные, границы Франции, где существовали возможности для прочной защиты и ведения долговременной окопной войны. Нападение на Россию включалось в существующий военный план дополнительно, и осуществить его нужно было всей военной мощью после победы над Францией. В этих условиях Германия тешила себя надеждой, что в условиях континентальной европейской войны Великобритания останется в стороне; но, как оказалось, это было ошибочное предположение.

Военные планы Австро-Венгрии предусматривали боевые действия против Сербии, Черногории и России. Вена рассчитывала на медлительность России в мобилизации, что австро-венгерской армии предоставляло бы достаточно времени для того, чтобы нанести поражение Сербии. После этого войска были бы переброшены на Восток, и на том направлении они бы сдерживали российские дивизии до тех пор, пока туда не придут, после победы над Францией, и германские силы.

Основу Антанта составлял союз России и Франции, а также соглашение, которое, без желания принимать на себя другие обязательства, заключила с ними Великобритания.

Военный план Франции, опирающийся на обновленную конвенцию с Россией от июля 1913 года, предполагал защиту француско-германской границы с участием 1 300 000 солдат и наступление, которое должна была с Востока осуществить Россия.

Военные же планы России включали два варианта. Первый связывался с начальным ударом Германии по Франции, из-за чего российские войска бы концентрировались на столкновении с Австро-Венгрией. Согласно второму плану, предусматривавшему нападение Германии на Россию, основная часть войск должна была сосредоточиться в этом направлении. В обоих случаях предполагалась наступательная война против Германии – при том, что в первом случае предполагалось предварительное уничтожение австро-венгерских сил⁷⁹.

⁷⁹ Там же, с. 38–48.

По сербскому плану, составленному в 1908 году, главным было «держаться в обороне, пока политическая и стратегическая обстановка не выяснится, а тогда действовать по ситуации». Основной удар противника ожидался с севера (на линии Обреновац – Белград – Пожаревац), из-за чего главные оборонительные силы концентрировались за пограничными реками Савой и Дунаем, тогда как вспомогательные линии обороны были сосредоточены возле Дрины. С этого направления, где много различных горных преград и нет хороших дорог, решающего нападения не ожидалось. Этот план предусматривал изначально оборону, пока не будет осуществлена консолидация линии обороны и не сконцентрируются войска, а после этого – переход в наступление и прорыв в Срем и Боснию⁸⁰.

Защищая свои интересы на Балканах и стремясь предотвратить возможный прорыв Германии на Восток, прежде всего к Босфору и Дарданеллам – проливам, по которым вывозилось ее зерно, Россия мобилизацией войск продемонстрировала, что не оставит Сербию на произвол. Руководствуясь конкретными интересами и рациональными расчетами, она не могла допустить краха Сербии, завоевания Германией Балкан и проливов, преграждения связи со Средиземноморьем и прорыва ее на Средний Восток. В возникшей ситуации мобилизация войск показала четко определенный выбор России – что она, став рядом с Сербией, защищает собственные позиции. Но и когда 29 июля 1914 года уже начался артиллерийский обстрел Белграда с австро-венгерских боевых кораблей, Россия все-таки сделала еще раз попытку, безуспешную, чтобы спор между Сербией и Австро-Венгрией был разрешен Гаагским судом. Объясняя впоследствии решение оказать поддержку Сербии, министр Сазонов на заседании Государственной думы заявил, что Россия не могла допустить, чтобы «воля» Австро-Венгрии и Германии становилась «законом в Европе». В то же время, если бы осталась глухой по отношению к мольбам Сербии о помощи, это бы означало, что она отказывается от многовековой роли защитницы балканских народов⁸¹.

Германия в ближайшие дни объявила общую мобилизацию, «угрожая состоянием войны» в случае, если Россия не прекратит мобилизации у себя. Вечером 31 июля 1914 года она ультимативно потребовала от Франции заверений, что та в предстоящем германско-русском

⁸⁰ Р. Томас, *nav. delo*, str. 48–51.

⁸¹ *За балканскими фронтами Первой мировой войны*, с. 64.

конflikте останется нейтральной. А как залог нейтральности потребовала сдачи крепостей Верден и Тул. В первый день августа 1914 года Германия объявила войну России, а два дня спустя, 3 августа 1914 года, – и Франции, которая тоже объявила мобилизацию. Таким образом Берлин оказался в ситуации, когда нужно было осуществлять заранее составленный план военных действий: нападение и молниеносная война против Франции на западе Европы, а после этого – переброска войск на Восток и война с Россией. Сразу же после объявления войны Франции германские войска вторглись на территорию Бельгии. На следующий день, 4 августа, в войну вступила Великобритания. Поддержав Сербию, Черногория 5 августа объявила войну Австро-Венгрии, а затем и Германии. Всего за несколько дней почти вся Европа оказалась в состоянии войны⁸².

На момент начала войны для Австро-Венгрии было оптимальным, чтобы конфликт оставался в локальных пределах, без вмешательства других сил. Поэтому австро-венгерская дипломатия старалась убедить Петербург, Париж, Лондон и Рим в том, что война с Сербией не имеет захватнических целей, что это своего рода «полицейская акция», проводимая с целью наказания и уничтожения «очага заговоров». Соответственно, войну представляли как вынужденную самооборону. С другой стороны, Германии нужно было такое решение, чтобы без большой войны, через Балканы и Турцию осуществить прорыв на Средний Восток. Между тем, она готовилась также к войне, в ходе которой можно было бы рассчитаться и с Францией, и с Россией. Стремление к мировому могуществу вело к новому разделу мира и установлению порядка, при котором Германия получила бы доминирующую роль.

Силы Антанты включились в войну с целью защитить свои имперские интересы. Россия стремилась взять под свой контроль Балканы и морские проливы, открывая путь к южным морям. Поражение Австро-Венгрии принесло бы ей доминирование на Паннонской низменности, в Восточной и Средней Европе. А Франция и Великобритания защищали свои колониальные владения и надеялись на новые территориальные приобретения. Их интересы включали также контроль над источниками нефти на Среднем Востоке, укрепление позиций в Европе, прибыли, обусловленные доминированием на морях, и устранение конкуренции

⁸² P. Томас, *nav. delo*, str. 20–27. В течение 1914 года Бельгия и Япония присоединились к членам Антанты, а Турция – к Центральным силам. Болгария и Италия вступили в войну в 1915 году, Румыния – в 1916, а США и Греция – в 1917.

в морской торговле. По этим причинам Сараевское покушение стало поводом для начала войны, которой прежде мир не знал⁸³.

С самого начала войны в Европе определилось три театра военных действий или фронта: Западный, Восточный и Балканский.

В соответствии с изначально разработанным планом, германские войска в начале августа вторглись в нейтральный Люксембург, быстро захватили Бельгию и оттуда совершили нападение на Францию с целью уничтожить позиции союзников на Марне, занять Париж и оттуда диктовать условия перемирия. Успехи, достигнутые в приграничных боях вблизи Льежа, в Лотарингии, в Арденнах и возле Монса, вызвали у воевавших на французском фронте германских генералов и высших офицеров уверенность, что война продлится еще всего недель шесть; вследствие этого началась переброска германских войск на Восток. Между тем, в начале сентября германское наступление было остановлено, а контратакой примерно 900 000 французских и британских воинов на Марне защищена столица Франции. Победе союзников поспособствовало то, что к этому времени российские войска предприняли наступление в Восточной Пруссии и Галиции, вынудив германское военное командование часть сил перебросить с запада на восток. Таким образом, Германия была вынуждена вести длительную и изнурительную войну на два фронта, Западный и Восточный, деля между ними свои части, размещенные на огромных пространствах. Сформированный в 1914 году Западный фронт, сплошь в окопах, растянулся на 700 километров от Ламанша до Швейцарии.

В другой части Европы, на Востоке, российская армия еще до завершения мобилизации должна была реагировать на постоянные требования Франции как можно скорее пойти в наступление. И она пошла, в двух направлениях: против сил германских – в Восточной Пруссии, а также против австро-венгерских – в Галиции. Несмотря на первоначальные успехи, с обеих сторон терпела поражение, а после

---

⁸³ Всего воевало 36 государств, в которых проживало три четверти тогдашнего населения мира. Самые тяжелые боевые столкновения происходили в Европе, но война велась также в некоторых частях Азии и Африки. Военные действия шли на земле, на мировых морях и океанах и, впервые, в воздухе. Для уничтожения людей и материальных ценностей использовались новые виды вооружения: боевые отравляющие вещества, танки, самолеты и подводные лодки. Охватив зоны боевых действий и тылы, военнослужащих и гражданское население, война стала тотальной. Современники называли ее Великой, а иногда также «войной для окончания всех войн».

проигранных битв возле Таненберга и Мазурских озер вынуждена была отступить.

Потери, которые уже в первый год войны понесла Австро-Венгрия, были тоже велики. К середине сентября, когда было завершено сражение в Галиции, у нее насчитывалось около 250 000 убитых и раненых, а также примерно 100 000 попавших в плен. В конце 1914 года на этом театре военных действий был сформирован Восточный фронт, растянувшийся от Балтийского моря до Карпат. Он был значительно подвижнее Западного фронта, а главную слабость его для союзников составляла постоянная нехватка оружия, боеприпасов и снаряжения у российской армии. Многочисленная, она нередко терпела и голод, что существенно отражалось на ее боеспособности.

Союзники в течение 1914 года начали также борьбу за германские колониальные владения, успев захватить все колонии, принадлежавшие Германии на Дальнем Востоке и в Тихом океане, а также Того в Африке⁸⁴.

Планы, с которыми великие державы включились в войну, были наступательными, сосредоточенными на больших сражениях, которые в краткие сроки должны определить победителей. А ход операций и итоги борьбы в 1914 году показали, насколько осуществленное отличается от запланированного. Германский план не соответствовал стратегической ситуации в Европе и как таковой требовал огромного напряжения. Он, помимо всего, не предусматривал включения в войну Великобритании. Французские генералы предвидели вторжение Германии во Францию через территорию Бельгии. Планы России не были согласованы с военными, экономическими и организационными возможностями страны. Ожидания Австро-Венгрии, особенно на Восточном фронте, не соотносились с реальностью. Генеральные штабы всех великих держав запланировали такие операции, в ходе которых нужно было окружать и уничтожать силы противника, что обусловило растягивание фронтов и превращение их в линии непрерывных столкновений. Часто получалось так, что противник недооценивался, а это оборачивалось болезненными поражениями. Уже в первый год войны так получалось у Германии в сражениях с Россией и Францией,

⁸⁴ О войне в 1914 г. подробнее см.: С. Р. М. Ф. Cruttwell, *A History of The Great War 1914–1918*, Oxford, 1969, pp. 1–136; А. J. P. Teylor, *The First World War, An Illustrated History*, London, 1966, pp. 14–66; P. Buttar, *Collision of Empires: The War on the Eastern Front in 1914*, Osprey Publishing, London, 2013.

равно как и у Австро-Венгрии в боях с Сербией. Окопная война, в которой ни одна из воюющих сторон не имела достаточно сил для прорыва фронта, изнуряла обе противоборствующие стороны, а некоторые рода войск в такой войне вообще теряли смысл. Неизменность положения на фронтах, осознание, что война затянется надолго, большие потери, падение производства и уровня жизни, обеднение и другие проблемы актуализировали вопрос о заключении «частного» (сепаратного) мира, который Германия, при определенных условиях, была готова предложить как России, так и Франции. Поставленные перед проблемой, как одолеть противника, военные стратеги не находили нужного ответа. Вновь активизировалась тайная дипломатия, которая пыталась нажимами и предложениями различных компенсаций привлечь еще остававшиеся нейтральными государства на сторону одного из воюющих блоков.

ОСЕНЬ 1914 ГОДА В СЕРБИИ

Вступая в навязанную войну, сербское государство мобилизовало от 350 000 до 400 000 военнослужащих. Оперативный армейский состав включал первый и второй призывы. Первым охватывались мужчины возраста от 21 до 31 года, а вторым – от 32 до 37 лет. Помимо них были мобилизованы ратники и более молодые, и более старые – новобранцы и «третьепризывники»⁸⁵.

Сербские вооруженные силы были организованы в три армии, Ужицкое войско и части Обороны города Белград. Верховным главнокомандующим был регент Александр Карагеоргиевич, а среди офицеров преобладали обученные и в боях закаленные командиры. Во главе Верховного командования стоял воевода Радомир Путник, а его заместителем был генерал Живоин Мишич. Первой армией командовал генерал Петар Боёвич, Второй – генерал Степа Степанович, Третьей – генерал Павле Юришич Штурм, а Ужицким войском – генерал Милош Божанович.

Войска испытывали недостаток в вооружении, снаряжении. Не хватало винтовок, пулеметов, пушек, боеприпасов. Несмотря на то, что в начале сентября из России было получено около 120 000 винтовок,

⁸⁵ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 94, 103; М. Екмечић, *Дуго крейшање између клавња и орања*, стр. 355.

недоставало еще приблизительно 60 000. Очень чувствовалась нехватка артиллерийских боеприпасов, полевого снаряжения, обмундирования, обуви. Правительству не удалось полностью обеспечить снаряжением даже солдат первого призыва; второй призыв только «слегка покрыт» шинелями, в то время как третий призыв не имел почти ничего из казенного обмундирования. Это, однако, не влияло на высокий боевой дух воинского состава. Поскольку призывался он по преимуществу из областей, составлявших Сербию до балканских войн и являлся национально-государственно однородным, у него было развито государственное и национальное сознание. Независимость страны считалась наибольшей ценностью, и вследствие этого население имело готовность защищать ее.

По воспоминаниям современников, национально и социально «однородная масса», исполненная исключительной уверенности в себе, выступила «плечом к плечу», чувствуя, что в войне, которая начиналась, дело касается не расширения границ, «а существования, места под солнцем». Отечество защищали крестьяне и их трибуны, чиновники, адвокаты и доктора из парижской Сорбонны. Все вместе, «за ночь мобилизованные, но униформой еще не уравненные», «в соломенных шляпах и в белых крестьянских рубахах», они были готовы «бить императорскую армию»⁸⁶. Иностранец, американский военный корреспондент и писатель Джон Рид, оказавшись в Сербии в разгар войны, записал: «Изумляет молодость Королевства Сербия. Менее ста лет прошло со времени его появления как свободного государства, после пяти веков турецкого господства, – а за этот период какую историю оно обрело! Тайной мечтой каждого серба является объединение всех сербских народов в одно большое государство... Каждый крестьянин, солдат, знает, за что борется»⁸⁷.

Патриотизму в рядах войск способствовало и установившееся военное сотрудничество с Черногорией. В тактическом плане важным был и тот факт, что в начале августа был разработан совместный план действий сербских и черногорских войск.

Австро-Венгрия для нападения на Сербию определила свои балканские части (Пятую и Шестую армии), которыми командовал генерал Оскар Поттиорек). Вторая армия была сосредоточена в Среме, готовясь к переброске в Галицию. Составляя свои военные планы, сербское Вер-

⁸⁶ М. Грол, *нав. дело*, стр. 13–14.

⁸⁷ Джон Рид, *Райї у Србији 1915*, Цетиње 1975, стр. 34.

ховное командование ожидало главного наступления с севера, из-за Савы и Дуная, в направлении Моравской долины, однако оно было произведено по боснийскому направлению, из-за Дрины. Быстрым прорывом до Ниша сербская территория должна была стать разделенной на две части, а сама Сербия в военном отношении разгромленной. В то же время, добившись этой победы, австро-венгерские войска могли быть больше задействованы на Востоке, в войне против России. Поэтому план, предусматривавший нападение со стороны Дрины, должен был являться стратегической неожиданностью, а боевые операции предполагалось использовать для наказания Сербии и этнической чистки территории вдоль Дрины. Вена также планировала, чтобы в военном контингенте, задействованном для похода на Сербию, большинство составляли югославы. В состав Пятой армии, например, входили корпуса 13-й Загребский и 8-й Пражский, в состав Шестой армии – 15-й Сараевский и 16-й Дубровницкий. А призыв во Вторую армию осуществлялся на территории Венгрии. В отдельных частях на сербском фронте до 25% боевой силы составляли сербы, а около 50% – хорваты, вследствие чего военная расправа включала столкновение между Сербией и южнославянскими народами Монархии, то есть провоцировала долгосрочную вражду и раздоры⁸⁸.

По пограничным городам и районам Сербии были открыт убийственный оружейный огонь при использовании пуль «дум-дум» уже в сам день объявления войны, 28 июля 1914 года, вечером. В последующие дни со стороны Земуна и Бежанийской косы, с катеров и больших судов на Саве, в действие вступила и тяжелая артиллерия, принося огромные материальные разрушения и многочисленные людские жертвы. Жители Савамалы и Дорчолы – частей Белграда, находящихся под наибольшей угрозой, вынуждены были покинуть свои дома. Австро-венгерские войска обстреляли два пассажирских поезда с детьми и женщинами, которые бежали из столицы, а также похоронные процессии, колонну пациентов психиатрической лечебницы на Врачаре, Общую государственную больницу, в которую помещали раненных гражданских лиц и которая была обозначена белым флагом с красным

⁸⁸ А. Митровић, *Србија у Првом свейском рају*, стр. 100–108; М. Екмечић, *Дујо крејшање између клања и орања*, стр. 354. Около 25% военнослужащих Габсбургской монархии составляли австрийцы и немцы, 23% – венгры, 13% – чехи, 9% – хорваты и сербы, 8% – поляки, 8% – украинцы, 7% – румыны, 4% – словаки, 2% – словенцы и 1% – итальянцы (Р. Томас, *nav. delo*, стр. 53).

крестом. Улицы Белграда, в том числе и главное городское место для прогулок – от Князь-Михайловой до Славии, систематично подвергались разрушению. Подобную судьбу извели также Шабац, превратившийся в груды развалин, Гроцка, Обреновац, Смедерево...⁸⁹

После такой вот «подготовки», 12 августа 1914 года начались операции балканского контингента австро-венгерских войск. Его целью было сломить сопротивление сербов быстрым захватом Валева и Ужича, взять ситуацию в Сербии под контроль и обеспечить сухопутную связь с Турцией. Генерал Поттиорек принял решение, что наступление следует производить Пятой армией, не дожидаясь, пока к военным действиям будет готова и Шестая армия. Военная операция была должна начаться, а возможно и закончиться, до переброски Второй армии австро-венгерских войск из Срема в Галицию.

Первый удар вражеских сил приняли на себя части Третьей сербской армии, к которым вскоре присоединилась и Вторая армия под командованием Степы Степановича. Австро-венгерские части продвигались не запланированными темпами, выдерживать которые мешали характер местности, плохие коммуникации и сопротивление сербских войск. Выстояв перед эффектом внезапности и собрав силы, Верховное командование Сербии приняло решение о контрнаступлении. Тяжелые бои велись 13 и 14 августа. Не имея точных сведений о положении, в котором находились основные силы, обе стороны приказали 16 августа войскам занять позиции, которые уже были в руках противников.

⁸⁹ Поскольку артиллерийский обстрел Белграда продолжался и в последующий период, Джон Рид летом 1915 года записал: «Везде были видны последствия артиллерийского огня. Большие воронки диаметром по метров пять зияли посреди улиц. Снаряд разрушил крышу Военной академии и взорвался внутри, разбив все окна; западная стена Министерства обороны обрушилась под сконцентрированным огнем тяжелых орудий; итальянское посольство было издырявлено и сплошь в шрамах от шрапнели, а флаг на нем висел со сломанного флагштока отрезьями. В частных домах – без дверей, с крышами, которые посползали ступенеобразно на тротуары – оконные рамы произвольно раскачивались, кое-как вися на петлях, без единого стекла. На извивающемся бульваре, который является главной и единственной вымощенной улицей Белграда, ущерб был еще большим. Снаряды пробили кровлю королевского дворца и разворотили внутреннюю часть... В этом городе не избежало артиллерийского огня почти ничто – дома, сараи, конюшни, гостиницы, рестораны, магазины и общественные здания... Белградский университет представлял собой массу зияющих дырами развалин. Для австрийцев он был особой целью, так как здесь находилась колыбель пансербской пропаганды, а в среде его студентов создана тайная организация, члены которой убили эрцгерцога Франца Фердинанда» (Ц. Рид, *нав. дело*, стр. 41–42).

Так, ночью с 15 на 16 августа у села Текериш, на горе Цер, произошло сражение, которое изумило обе стороны. В жестокой битве сербские части уже 16 августа нанесли решающее поражение австро-венгерским войскам. И завершилась битва на Цере 20 августа 1914 года полным поражением Пятой австро-венгерской армии и ее отступлением в Боснию. В сообщениях с фронта отмечалось, что австро-венгерские войска отступили «в величайшем беспорядке», что они были побеждены и обратились в «безрассудное, дикое, хаотичное бегство», что элитные части австро-венгерских войск напоминали «толпу», которая «в безумном страхе» неслась к границе. И несколько дней спустя, 24 августа, на территории Сербии уже не было австро-венгерских солдат.

Сербские войска в боях потеряли 260 офицеров, около 16 500 унтер-офицеров и солдат, в то время как потери неприятельской стороны составили около 600 офицеров и от 22 000 до 23 000 унтер-офицеров и солдат. Около 5 000 австро-венгерских военнослужащих было взято в плен. Сербам от противника досталось примерно 50 пушек и гаубиц, а также легкое оружие, боеприпасы и снаряжение. Победа на Цере прекратила операции австро-венгерских войск и на черногорском фронте. После захвата города Плевля австро-венгерские части вынуждены были отступать. Церская битва, принеся первую победу сербам и союзникам в этой войне, укрепила уверенность Сербии в себе и пробудила веру в дальнейшие успехи⁹⁰.

После победы на Цере, 27 августа 1914 года, Верховное командование сербских войск предприняло наступательные действия против Австро-Венгрии. Под давлением союзников и правительство считало, что успех, которого сербские войска могли добиться по ту сторону границы, «хорошо бы повлиял как на балканскую ситуацию, так и на общую европейскую». С намерением, чтобы Сербия как можно активнее участвовала в войне против общих врагов, Ужицкому войску была доверена задача в содействии с черногорским Санджакским войском совершить прорыв к Вишеграду и Восточной Боснии. Силы Второй и Третьей армий размещены были на Дрине. После короткой подготовки части Первой армии 6 сентября 1914 года с боем перешли Саву, закрепились на левом берегу реки и совершили прорыв в

⁹⁰ Об операциях в 1914 году подробнее см.: *Велики рат Србије*, кн. 1, Београд 1924, стр. 254–269; Р. Томас, *nav. delo*, стр. 65–76; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 109–111; Саво Скоко, Петар Опачић, *Војвода Стјепан Стјепановић у ративима Србије*, 1–2, Београд 1985.

Срем. Вторжение на территорию Монархии было частью подготовки операции против австрийских армий, сосредоточенных вдоль Дрины. В тот же день, когда сербские части «форсировали» Саву, на Западном фронте началась битва на Марне, тогда как на восточном театре военных действий шли последние бои так называемой Галицийской операции под Городком⁹¹.

Переброска через Саву была осуществлена с исключительным профессионализмом, из-за чего противник на главном направлении удара у Нового Села, где наступала Первая армия, был застигнут врасплох. Нехватка понтонов и снаряжения помешала так же успешно провести операцию на вспомогательной переправе возле Митровицы. Некоторые части Второй армии, которая совершила внезапное нападение на вспомогательную переправу и поставила предместное укрепление вблизи Митровицы, оказались отрезанными боковым ударом австро-венгерских войск, без возможности получить помощь. В итоге жестоких боев они были уничтожены либо взяты в плен⁹².

Сербское наступление продолжилось после короткой задержки. Спустя несколько дней подразделения Первой армии вошли в Земун, заняли Нову Пазову, подошли совсем близко к Руме и Инджии. Наступление сопровождалось большими потерями, нехваткой соответствующего снаряжения, артиллерии и боеприпасов, а вскоре и появлением сыпного тифа. Особенно ожесточенные бои велись с частями «шутцора». Боевые операции, которые войска австро-венгерских армий в те дни начали на Дрине, вынудили основные силы сербских войск отступить из Срема, но в боях, которые в связи с этим велись, австро-венгерские части понесли значительные потери⁹³. Силы Обороны Белграда в конце сентября снова заняли Земун, но не смогли его долго удерживать. А вот предместное укрепление на австрийском берегу Савы удерживалось до

⁹¹ Р. Томас, *nav. delo*, str. 120–121.

⁹² В операциях возле Митровицы было захвачено в плен 62 офицера и 4 880 сербских солдат. Позднейший анализ событий показал, что основными причинами поражения, помимо прочего, были: неготовность подразделений и офицеров к такого рода операции; нехватка понтонов; недостаточная артиллерийская поддержка; слишком краткая подготовка подразделений Тимочской дивизии, незадолго до этого перевооруженной русскими винтовками, которые для солдат были непривычны; ширина предместного укрепления, не позволявшая вести концентрированную оборону (*Там же*, с. 120–122).

⁹³ Шумадийская дивизия при отступлении нанесла тяжелый урон 92-му полку австро-венгерских войск, который потерял 32 офицера и около 1 200 солдат.

второй половины октября 1914 года. Местные сербы встретили сербские войска с воодушевлением, за что после отступления сербских войск были жестоко наказаны.

Наступление Австро-Венгрии на Дрине началось 8 сентября 1914 года. Сербские силы, которыми командовал Степа Степанович, в готовности приняли удар вражеской Пятой армии, нанесли ей тяжелый урон (более 4 400 погибших), задержав ее продвижение и, соответственно, разрушив наступательные планы генерала Потioreка. А в то же время Шестой армии австро-венгерских войск удалось за первую неделю возобновившихся боев занять стратегически важные пункты между Ядром и Дриной. В последующие недели сентября тяжелые бои развернулись на правом берегу Дрины, в особенности на Гучеве и Мачковом Камне. Спротивление частей Третьей армии сербских войск на Гучеве было сломлено в середине сентября, когда к Шестой армии в операциях присоединилась и Пятая, которой удалось перейти Дрину только 14 сентября 1914 года. При осуществлении контрудара сербских сил, начатого Верховным командованием во второй половине сентября 1914 года, шли самые кровопролитные бои, которые сербским войскам пришлось вести с войсками Австро-Венгрии. Случалось, что за один день стратегически важные позиции на горе Ягодня по нескольку раз захватывались и сдавались. Современники отмечали, что высота Мачков Камень была «вся красной от крови», и на ней лежало более двух тысяч погибших солдат обеих войск. Согласно австро-венгерским данным, ее Шестая армия потеряла тогда свыше 30 000 бойцов. Главнокомандующий австро-венгерскими войсками на сербском фронте, генерал Потioreк, считал бои на Дрине «решающим наступлением». Прорыв австро-венгерских войск на территорию Сербии не означал, что битва выиграна. Человеческие потери были несоизмеримы с временными территориальными приобретениями. Непланированно длительная задействованность австро-венгерских вооруженных сил на сербском театре боевых действий внесла свою лепту в поражение, которое тогда Монархия потерпела в Галиции. Фронт стабилизировался к концу сентября. На пространстве от Любовии до Мачвы противоборствующие стороны окопались и пребывали в «тесном контакте», ибо расстояние между их окопами составляло примерно 50 метров. Несмотря на то, что линия фронта не менялась, боевые действия шли ежедневно, и потери были значительными, что истощало силы обеих сторон. Кроме того, осенние дожди и холода, а на возвышенностях даже снегопады, усугубляли ситуацию на фронте.

В течение сентября, когда сербские войска вели бои в Среме и на Дрине, объединенные сербские и черногорские силы совершили прорывы через Дрину возле Фочи, Горажда и Вишеграда, начав наступление в восточной Боснии. Против них, в направлении Сараева, находились части австро-венгерских пограничных войск и шутцкора. В ходе операций на протяжении сентября и октября в районах Хан Пиеска, Власеницы, Калиновика, Гласинца и гор Яхорина и Романия велись бои, в которых австро-венгерское командование вынуждено было задействовать дополнительно части, дислоцировавшиеся в Герцеговине и предназначавшиеся для выполнения иных оперативных задач. Черногорское Санджакское войско и сербское Ужицкое войско оставались в этом районе до конца октября 1914 года, пока не были вынуждены отступить. Результаты этих наступательных операций не были особо значительными, но все же они обусловили прекращение битвы на Дрине, а также некоторую отсрочку наступательных действий против Сербии⁹⁴.

В конце октября 1914 года атакой из Мачвы генерал Поттиорек повел новое наступление, на этот раз в двух направлениях: через Дрину и из Срема. Балканские войска Австро-Венгрии были усилены и артиллерией, и численностью состава. Главный удар на сербские линии фронта начался 6 ноября 1914 года, и в результате его сербские части стали постепенно отходить. Несмотря на то, что австро-венгерские войска продвигались медленно, с трудом, их перевес обусловил некоторые изменения в тактике обороны. Сербские части неоднократно вынуждены были планомерно отступать по всей линии фронта, таким образом делая неосуществимыми намерения противника окружить и уничтожить их. Зверства, которые австро-венгерские войска в ходе своего наступления чинили над гражданским населением, вынуждали его отступать вместе со своими войсками, угоняя скот и унося домашний скарб. Так что в сторону отступления, смешавшись с военными частями, по размытым и грязным дорогам двинулись массы беженцев.

Весьма большие потери в сражениях понесла Первая сербская армия. Ее боевой состав был изнурен ежедневными боями, слабо вооружен и не имел резерва, который дал бы возможность перевести дух и хотя бы отдельным частям на короткое время сняться с фронта, отдохнуть, переформироваться. В то же время, когда сербские воинские части отступали к Валеву, был нанесен удар с севера возле

⁹⁴ P. Tomac, *nav. delo*, str. 125–126.

Смедерева, но очень быстро австро-венгерские войска были отеснены за Дунай⁹⁵.

Положение на фронте стало особенно критическим в начале ноября 1914 года, когда пришлось задуматься даже о сепаратном мире. Было очевидно, что сербские войска, истощенные боями и маршами, с поредевшими рядами под многомесячным натиском врага и без возможности ответить как следует, совсем изнемогли. Сербские политические и военные верхи беспокоило равнодушие союзников, а солдат деморализовало «молчание» артиллерии, для которой не было боеприпасов. Вместо ожидаемой помощи оружием, боеприпасами и снаряжением, во время самых тяжелых боев за сохранение позиций на фронтах, которые под натиском австро-венгерских войск изгибались и грозили распадом, европейские державы усилили политический нажим на Сербию, чтобы она уступкой части своей территории поспособствовала вступлению Болгарии в войну на стороне Антанты⁹⁶.

В данных обстоятельствах терялось из вида, что позиция великих держав-союзниц была частично обусловлена серьезностью положения на Западном фронте, где уже на пределе сил сражениями в Пикардии, при Аррасе и во Фландрии были сорваны планы немцев прорывом к Ла-Маншу смягчить поражение на Марне и окончательно одержать победу над Францией. На Восточном же фронте велись важные сражения в Варшавско-Ивангородской, Лодзьской и Ченстохово-краковской операциях. А в то же время вступление Турции в войну создавало угрозу для границ России на Кавказе и влияло на изменение стратегического равновесия на фронте.

Несмотря на разочарование в союзниках, политические и военные верхи Сербии 8 ноября 1914 года на совместном заседании в г. Валево приняли решение: продолжить борьбу до конца. От союзников была запрошена помощь в военном снаряжении и артиллерийских боепри-

⁹⁵ Там же, с. 127–128.

⁹⁶ Россия еще 5 августа 1914 года первая указала на необходимость территориальных уступок для Болгарии в Македонии. В течение следующего года это делали и другие союзнические страны (*Говор Николе Пашића на њвој њајној седници Народне скупштинe у Нишу 7/20. августa 1915. њогоне*, Ђ. Станковић, *Сво њовора Николе Пашића...*, II, стр. 23; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, Zaječar, 1995, str. 125–171; Ž. Avramovski, „Opređeljenje Bugarske za Centralne sile u Prvom svetskom ratu (1914–1915)“, *Jugoslovensko-bugarski odnosi u XX veku*, zbornik radova, 1, Beograd, 1980, str. 61–99; N. Popović, „Antanta i srpsko-bugarski odnosi (1914–1918)“, *isto*, str. 101–125).

пасах. Обороняя свои позиции в чрезвычайно тяжелых сражениях, сербские войска пытались сохранить высоты Гучева, Ягодни и Соколских гор.

В итоге двухмесячных окопных боев на Дрине линия фронта спустилась южнее реки Колубары, к району горы Суворор. За короткое время был оставлен ряд городов (Валево, Лайковац, Обреновац), а неприятельские силы завладели узкоколейной железнодорожной линией Обреновац – Валево. С намерением «сократить фронт обороны» последовал быстрый отход Первой армии и Ужицкого войска на новые позиции. Сербские силы ночью 14–15 ноября 1914 года перешли полноводную Колубару и установили новую линию обороны: Колубара – Лиг – Мален – Ужице. Для австро-венгерского генералитета, проинформированного, что боевой дух сербских солдат падает и в войсках развал, столь решительное сопротивление на Колубаре стало большой неожиданностью. Генерал Потioreк не предполагал, что воевода Путник именно Колубару выбрал как место для сербской контратаки. Жестокие бои велись за доминировавшие в долине Колубары высоты. Поначалу сербские части на Колубаре несли большие потери, будучи не в состоянии сдерживать напор врага на «растянутых позициях», вследствие чего оптимальным шансом представлялось контрнаступление. А для его подготовки необходимо было осуществить тактический отход – чтобы вывести свои силы из тесного соприкосновения с противником, сосредоточить их на более узком участке фронта, пополнить и сконцентрировать. Поэтому и части Обороны Белграда должны были отступить, из-за чего столица временно была покинута. Потоки беженцев направились в центральные и южные области Сербии; в Ниш стекло около 60 000 покинувших свои дома людей, и большинство из них ночевало под открытым небом. Казалось, что Сербии нет уже спасения. Австро-венгерские военные и гражданские власти, веря в скорую победу, начали готовить оккупационную управу, которая бы правила Сербией после военного поражения. Должность генерал-губернатора предназначалась для пользующегося дурной славой, известного враждебностью к сербам генерала Стиепана Саркотича.

Верховное командование Сербии в тот переломный момент руководство Первой армией поручило генералу Живоину Мишичу. Осуществив быстрый отход, он сократил линию фронта и таким образом выиграл драгоценное время для концентрации частей и передышки. Отход сербских частей с гребня Суворора, сделать который 28 ноября 1914 года Мишич приказал, вопреки указаниям Верховного командова-

ния, генерал Потиорек истолковал как следствие ослабления сербских войск и знак скорого распада фронта. Поэтому он некоторым своим частям дал короткую передышку, чтобы они как можно лучше подготовились и перегруппировались, а другие отправил в Белград, где 3 декабря 1914 года состоялся триумфальный парад. А в это время Первая сербская армия на новых позициях, избавленная от натиска врага, получила время, необходимое для передышки. Войска несколько дней отдохнули, приняли пополнение – новобранцев, а из Франции и Греции прибыли артиллерийские боеприпасы. Лишь за несколько дней был поднят боевой дух солдат, а сокращение линии фронта позволило лучше укомплектовать части. Решившись на судьбоносную оборону, Сербия отправила сражаться учащихя, унтер-офицеров из военного училища в Скопье – ставших известными как 1 300 капралов. Уверенный в возможности перелома, генерал Мишич отдал приказ сербским войскам 3 декабря перейти в контрнаступление. Его уверенность разделяло и сербское Верховное командование, готовое отдать приказ о наступлении одновременно и другим армиям, а также Ужицкому войску. Так получилось, что в тот день, когда австро-венгерские войска триумфально маршировали по Белграду, сербские войска начали наносить решительный контрудар⁹⁷.

Вторая фаза сражения в бассейне реки Колубары началась мощной артиллерийской подготовкой, за которой последовал внезапный удар Первой армии, отбросивший неприятеля к восточным склонам Суворора. В последующие дни, пока остальные сербские силы вели бои без заметных успехов, войска, которыми командовал генерал Мишич, заняли Сувороборский гребень. Развязка всей продолжившейся военной операции была исключительно быстрой. Известия, поступавшие с фронта, за границей оценивались как «невероятные», а сербское наступление как «блестящее». В донесениях сербского командования сообщалось, что враг «отступает к Саве и Дунаю», оставляя большое количество оружия, боеприпасов и снаряжения, а также, что численность взятых в плен офицеров и солдат растет изо дня в день. Решающее сражение произошло на горе Суворор и реке Колубаре.

Успех Первой армии стал стимулом и для остальных частей сербских войск. Тесня врага, они остановились только после того, как австро-венгерские войска, в полном беспорядке, покинули территорию

⁹⁷ Подробнее см.: Ж. Павловић, *Битка на Колубари*, Београд 1928; Р. Томас, *nav. delo*, str. 156–162.

Сербии: Шестая армия перешла Саву 12 декабря, а Пятая – 15 декабря 1914 года. Белград был освобожден спустя 12 дней после начала контрнаступления. В Директиве сербского Верховного командования от 16 декабря 1914 года указывалось, что враг «разгромлен, разбросан, побежден и окончательно изгнан с нашей территории». А в то же время Вена, желая спасти свою честь и престиж великой силы, поражение на Колубаре и беспорядочное отступление из Сербии пыталась подать как часть «тактики единой мировой войны», в которой пространство Балкан представлял собой лишь «второстепенный театр боевых действий».

Об изнурительных сражениях и серьезности ситуации на сербских полях сражений впечатляюще свидетельствовали цифры. Сербские войска взяли в плен 323 австро-венгерских офицера, 42 215 унтер-офицеров и рядовых (солдат), захватила 43 знамени, 142 пушки, 71 пулемет, около 60 000 винтовок и большое количество военного снаряжения⁹⁸. Данные же о сербских потерях до настоящего времени не установлены⁹⁹.

Сражения показали, в какой мере сербские войска являются серьезным противником, а их командиры способными. Колубарская битва завершилась победой, которая восхитила союзников и напугала противников¹⁰⁰. К концу 1914 года в Сербии было примерно 70 000 авс-

⁹⁸ А. Mitrović, *Srbija u Prvom svetskom ratu*, str. 113–115. Данные сербского Верховного командования несколько отличаются от тех, которые собрал начальник Верховного штаба генерал Живко Павлович. По ним, за 12 дней ведения военных действий взяты в плен 270 офицеров и более 40 000 солдат, захвачено 130 пушек (Р. Томас, *nav. delo*, str. 164; Ж. Павловић, *Бийка на Колубари*).

⁹⁹ Согласно одному документу, Верховное командование до декабря 1914 года имело на учете 22 000 погибших, 91 000 раненых и 19 000 попавших в плен военно-служащих (Р. Томас, *nav. delo*, str. 164).

¹⁰⁰ Чрезвычайно впечатляющее описание Колубарской битвы оставил американский военный корреспондент Джон Рид: «А тогда, в последний момент, что-то произошло... Генерал Мишич отдал приказ о наступлении. До тех пор подавленные сербы, выскочив из своих окопов, ринулись на стройные австрийские колонны, которые подходили по узким горным ущельям, и пошли в атаку... Австрийцы неистово защищались, но были вынуждены отступить. Фронт был прорван. Срединные силы фронта напором Первой армии Мишича были разбиты и в панике бежали по полям, бросая обозы, пушки и боеприпасы, оставляя за собой тысячи мертвых и раненых, а госпитали переполнились людьми в бреду от тифа. Таким образом, тиф, который возник где-то вдали, на равнинах Венгрии, пришел в Сербию вместе с австро-венгерской армией. Некоторое время левый фланг ее пытался удерживать Белград, но ликующие, оборванные сербы буквально столкнули его в Саву и стреляли вслед, когда враги переплывали реку. Эта великая битва, о которой воевода Мишич лаконично рапортовал гордой телеграммой: 'На территории Сербии больше нет австрийских

тро-венгерских военнопленных, среди которых – свыше 20 000 было югославын по происхождению¹⁰¹.

Победа в Колубарской битве явилась безусловным вкладом Сербии в военные успехи сил Антанты, чьи позиции на Балканах после победы сербских войск дополнительно упрочились. Великие державы-союзицы на некоторое время прекратили давление на Сербию, чтобы она уступила Болгарии часть своих территорий. С другой стороны, оценив масштаб сербских побед, Болгария приняла решение и далее сохранять нейтральную позицию в войне, в то время как Румыния все больше отстранялась от Центральных сил. Поражение на Колубаре нарушило также немецкие планы быстрого прорыва на Восток, в соответствии с которыми они рассчитывали овладеть Балканами, установить сухопутные связи с Турцией и эксплуатировать нефтяной потенциал Среднего Востока.

Величие и значимость военной победы, между тем, накрылось мрачными тенями. Австро-венгерские военные, захватившие было Сербию, принесли разорение, а к населению, которое заставляли в селах и городах, проявляли чудовищную жестокость. Уже при первых вторжениях на Мачву, Ядар и Посавину, в августе 1914 года, они убили примерно 4 000 стариков, женщин и детей. Как приказы, которые им давались, так и жестокие их поступки, показывают, что война велась не только против Сербии как государства, но и против всего сербского народа. Это подтверждает приказ генерала Хорштайна, командира 9 армейского корпуса австро-венгерских войск, изданный после вступления его войск в Сербию:

«Война привела нас во вражескую страну, которая населена людьми, исполненными по отношению к нам фанатичной ненавистью; в страну, где подлое убийство, как это показывает катастрофа в Сараеве, позволительно даже для высших классов и где оно именно как героизм прославляется.

К такому населению всякая гуманность и благородство ни в коем случае не к месту; более того, они вредны, поскольку, будучи во время войны иногда уместными, в данных обстоятельствах ставят под большую угрозу безопасность наших войск.

солдат, кроме пленных, не получила своего названия. Кто-то называет ее битвой на Колубаре, другие – Валиевской битвой. Однако она, пожалуй, является наибольшим воинским подвигом всей большой мировой войны» (Ц. Рид, *нав. дело*, стр. 36–37).

¹⁰¹ Подробнее см.: В. Hrabak, „Austro-ugarski zarobljenici u Srbiji 1914–1915. godine i prilikom povlačenja kroz Albaniju“, *Historijski institut Slavonije – Zbornik*, br. 2/1964, str. 107–204.

Приказываю на протяжении всей военной операции обращаться со всеми с максимальной строгостью, максимальной твердостью и максимальным недоверием...

Прежде всего недопустимо, чтобы не обмундированных, но вооруженных, граждан этой неприятельской страны – где бы ни находились они, в группах или по отдельности – брали в плен; их следует безоговорочно уничтожать.

Кто в таких случаях проявит милость, тот будет строжайше наказан. С захваченными в плен солдатами, напротив, нужно обращаться хорошо, и только при попытках к бегству уничтожать...»¹⁰²

Прилагая усилия, чтобы мир узнал о таких намерениях и преступлениях, которые на основании подобных приказов были совершены, сербское правительство пригласило группу криминологов во главе с известным швейцарским врачом Арчибальдом Райсом, чтобы она исследовала их характер и масштабы.

«С самого начала войны, – написал впоследствии профессор Райс, – раздался из Сербии крик об огромной опасности. Вторгнувшуюся австро-венгерскую армию сербы обвиняли в ужасных преступлениях, однако общественность, особенно нейтральных стран, оставалась скептической. Признаюсь, что и сам я не был уверен в справедливости того, что писалось в текстах жалоб сербов. Однако, получив приглашение от сербского правительства, счел своим долгом его принять». В Сербии Райс общался с сотнями австрийских пленных, с сербами, которые были очевидцами событий и выжившими из числа пострадавших, посещал места преступлений, вскрывал могилы и изучал трупы. На основании собранных фактов он составил свой первый отчет из Сербии, дав ему заглавие «Как австрийцы и венгры воевали в Сербии» (*Како су Аустро-Мађари рајовали у Србији*). Среди прочего, он привел и следующие данные: «В ходе своих обследований я ознакомился с 1 308 обнаруженными трупами гражданских лиц в селах и городах, куда сам выезжал. Помимо этого 2 280 граждан считаются пропавшими. Зная 'манеру' завоевателя, можно предположить, что по крайней мере половина этих заложников убита. На то время часть Шабачкого округа... была еще в руках австрийцев, из-за чего невозможно было узнать численность мертвых. Следует еще добавить, что я посетил

¹⁰² Родолф Арчибалд Рајс о злочинима Аустроујаро-Бујаро-Немаца у Србији 1914–1918. *Изабрани радови*, пр. Слађана Бојковић и Миливој Пршић, Београд 1997, стр. 31.

не все общины, где были совершены преступления. Таким образом, я оценил, что число убитых граждан на захваченной территории может быть от 3 000 до 4 000... а можно представить масштабы ужаса в тех уездах, где работа по переписи убитых и пропавших завершена». Только в трех уездах – Ядарском, Поцерском и Мачванском, численность убитых составила 1 253, среди них – 288 женщин. Кроме того, австро-венгерские войска увели 554 лица, включая «значительное количество женщин и детей»¹⁰³.

«Способы убийства, которые избирали палачи, очень разнообразны, – указывалось в отчете. – Очень часто жертвы уродовались до или после смерти. Я сфотографировал следующие способы убийства и обезображивания жертв: расстреляны, убиты, заколоты ножом, изнасилованы и затем убиты, засыпаны камнями, повешены, избиты прикладами или палками, распороты, заживо сожжены; у жертв отрублены либо оторваны ноги или руки, отрезаны уши или ноги, выдраны глаза, отрезаны груди, кожа порезана на полосы или плоть отделена, и наконец – трехмесячная девочка была брошена свиньям.

Чтобы оправдаться, австро-венгерские военные утверждали, что гражданское сербское население стреляло по их войскам, и поэтому они были вынуждены расстреливать. Это оправдание не может быть принято, ибо достаточно бросить взгляд на вышеизложенную статистику, чтобы увидеть большое количество детей до десяти лет, стариков за шестьдесят лет и женщин, которые определенно не принимали активного участия в борьбе. К тому же я сам констатировал, что примерно половина гражданских жертв – убитые не выстрелами, а прикладом или штыком, и что многие из них были обезображены дополнительно. Между тем, армия, которая соблюдает правила войны, не будет никогда опускаться до того, чтобы исполнять необходимые казни иначе, нежели винтовочными пулями, так как, в конце концов, вовлеченные в войну граждане делают не что иное, как защищают свою страну»¹⁰⁴.

Отчеты Арчибальда Райса, подтвержденные также другими докторами и очевидцами, вызвали изумление у цивилизованного мира.

¹⁰³ Родолф Арчибалд Рајс о злочинима Аустироујаро-Бујаро-Немаца у Србији 1914–1918, стр. 60–61.

¹⁰⁴ Там же, с. 62. См. также: Арчибалд Рајс, Аустиро-Бујаро-Немачке њовреде райних закона и њравила, Крф 1918; С. Бојковић, М. Пршић, Сйрадања српској народа у Србији 1914–1918, Београд 2000.

Поразительные факты преступлений, совершенных в Сербии, представляли и многие иностранные корреспонденты.

«Я сам лично обошел край, распростирающийся между Валево и Дриной, – писал военный корреспондент французского издания «*Le Journal*» (Газета), – и там... только констатировал с ужасом, какие... акты садизма и жестокости неоднократно совершались.

На северо-запад от Валева... жители Завлаки показали мне трупы восьмерых молодых человек, которые веревками были связаны друг с другом и штыками исколоты.

Пятью километрами далее, в Белой Церкви, выжившие сельчане, в отчаянии, которое никакими словами невозможно передать, хоронили четырнадцать невинных жертв кровожадности венгров. Эти четырнадцать девочек, из которых самая старшая еще не достигла шестнадцатилетнего возраста, были зарезаны и животы у них были распороты холодным оружием!

Можно было бы сказать, что катаклизмы обрушились на все края, в которых находились австро-венгерские войска. В Мачве, богатой области, которая напоминает нашу Нормандию, все села, утопающие в зелени и красиво раскинувшиеся по долинам, теперь уничтожены. Некоторые издали еще радуют взгляд, но когда человек приблизится к любому из них, он останавливается в оцепенении от ужаса и возникающих чувств. Повсюду австрийцы и венгры людей убивали, вырезали, повсюду насиловали женщин и девушек; повсюду грабили; повсюду жгли; повсюду опустошали, разоряли и уничтожали все, что не могли забрать, сжигая даже то, что уродило на полях!

Та область, которую называли Мачвой Передовой, теперь – Мачва уничтоженная»¹⁰⁵.

И сам в ужасе, охваченный эмоциями, Анри Барбюс описал целый ряд преступлений, пытаясь хотя бы таким способом выразить человеческую солидарность с невинными жертвами.

«Возле Маова, в Евремовце, – записал он, – в одном доме убиты две женщины и четверо малых детей.

В Богосавце, в доме Николы Антича, обнаружены: его труп, труп его жены (20 лет), труп его снохи, трупы *трех мальчиков (от 3 до 7 лет)*, *девочки (около 3 лет)*, а в другой комнате – изуродованный труп старика!

¹⁰⁵ Анри Барби, *Са српском војском*, Горњи Милановац 1986, стр. 96.

В другом доме – восемь зарезанных свалены в кучу: три женщины, двое мужчин и *три маленьких мальчика*.

Немного дальше, в третьем доме, беременная женщина скорченная, разрезанная; и австрийки *из утробы вырвали зародыши, мальчика...* (выделено в оригинале)».

По словам Анри Барбюса, народ был «потерявшим рассудок от ужаса и страха». Ведь австро-венгерские войска начали «свою уничтожительную работу уже с самого вступления в Сербию», применяя жестокость и «адские оргии». «Сколько раз я сам цепенел от ужаса, – подчеркивал он, – видя результаты убийственного пьянства, поджогов и садизма тех солдат, которые представляют большую страну, гордящуюся своей цивилизованностью! Австрия, большая и мощная нация, набросившись на малый народ, хотела одного – уничтожить Сербию, и намерилась делать это систематично, огнем и мечом, разрушая и сжигая города и села, а также истребляя, вырезая сербский народ»¹⁰⁶.

Американский журналист и писатель Джон Рид, хотя в Сербию приехал на несколько месяцев позднее, также везде наталкивался на доказательства и следы преступлений.

«Шабач являлся богатым и важным городом, – писал он, в ошеломлении от картины, которую увидел, и в ужасе от рассказов, которые услышал, пытаясь разобраться в увиденном, – метрополией Мачвы, самого богатого края Сербии, центром развитой торговли фруктами, вином, шерстью и шелком. В городе насчитывалось две с половиной тысячи домов. Некоторые из них разрушены артиллерийскими снарядами, еще больше варварски сожжено, а все были взломаны и ограблены. Теперь пройди по улицам километры и километры: каждый дом разорен. Захватчики унесли белье, картины, детские игрушки, мебель, а то, что было слишком тяжелым или габаритным, чтобы унести, порубили топорами. Они ставили своих лошадей в спальнях богатых домов. Книги личных библиотек валялись по полу в мусоре, без аккуратно оторванных переплетов. Этому подвергнуты были не отдельные дома, а *каждый* дом. И на это страшно было смотреть.

Во время первого вторжения многие жители Шабца оставались на местах, надеясь, что будут в безопасности. Но солдаты набросились на город, как дикие звери, сжигая, грабя, насилая. Мы видели опустошенную гостиницу «Европа» и почерневшую и обезображенную церковь, в которую было согнано три тысячи мужчин, женщин и детей. Там их

¹⁰⁶ Там же, с. 94, 101, 103.

без еды и воды продержали три дня, затем разделили на две группы – одну отправили в Австрию как военнопленных, а вторую погнали перед войсками, наступавшими в южном направлении на сербов. Это отнюдь не отвлеченный рассказ или истерическое обвинение, что нередко случалось во Франции и Бельгии; это факт, подтвержденный множеством свидетельств, которые под присягой дали сотни участников того ужасающего марша. Мы разговаривали с несколькими из них; одна – очень старая женщина, которую штыками заставили пешком идти перед войсками более пятидесяти пяти километров до Валева. Обувь у нее развалилась на ногах, и пятнадцать километров она шла босиком по каменистой дороге.

В уездной управе мы просмотрели сотни сообщений, заявлений и фотографий – с именами, указаниями возраста, адресами жертв и описаниями деталей ужасов, которые чинили австрийцы. На одной фотографии, которая сделана в селе Лешницы, более ста женщин и детей, цепями вместе связанных, а головы у них отрублены и свалены в кучу отдельно. В Кравице стариков, женщин и детей мучили, подвергая зверскому насилию, а затем изрубили. В Ерменовце пятьдесят человек было согнано в один погреб и заживо сожжено. Пять беззащитных городков сровнены с землей, сорок два села разрушены, а большая часть их жителей массово уничтожена. Тиф, который в страну принесли австрийские войска, еще неистовствовал в Шабце и по всему краю. А здесь не было ни врачей, ни больниц».

Взяв пример «со своих диких предков, гуннов», венгры, «когда отступали из Шабца, в декабре, собрали... во дворе аптеки Гачича три сотни пленных в сражении сербских солдат, не спеша расстреляли их, а после этого ломали им шеи. Бельгия не может припомнить ужасов столь мрачных, как эти... Хладнокровные маньяки, их учинившие, утверждали, что горожане покрывали комитов, которые, по словам их офицеров, – это дикие бандиты, в которых надо стрелять, как только их заметишь. Но в этом крае не было комитов, их там вообще никогда не было. Вне городов австро-венгерские военные делали вид, что сербскую деревенскую национальную одежду приняли за комитскую униформу, а поскольку все гражданское население – мужчины, женщины и дети – носили такую одежду, то всех их зарезали. За убийство военнопленных и оправданий не требовалось.

В этом приятном городке, некогда процветавшем, теперь осталось менее двухсот душ населения, которое влачило жалкое существование в своих разрушенных домах, даже еды не имея вдоволь. Мы шли без

определенной цели по... опустевшим улицам, рядом с площадью, на которой когда-то проходили ярмарки всей северо-западной Сербии и на которую собирался народ из богатых горных долин и плодородных равнин, на сотни километров удаленных... И сегодня как раз день базарный. Несколько бедных женщин в лохмотьях стояло печально у корзины с завядшими овощами. На ступеньках разбитой уездной управы сидел парень, у которого венгерскими штыками были выколоты глаза...»¹⁰⁷

В Прняворе Джон Рид слышал рассказ одного местного жителя о том, как венгры собрали там около ста горожан. Поскольку «не могли всех их загнать в дом», то оставшихся веревками привязали к зданию, которое затем подожгли, убивая тех, кто пытался бежать. Их могила представляла собой «длинную, невысокую грудку мусора». Принимая во внимание, что эта история «казалась слишком ужасающей, чтобы вообще быть возможной», Рид внимательно проверил и убедился, что она была «в буквальнойности верной». Дело в том, что «швейцарские врачи обследовали место и сфотографировали трупы, прежде чем они были захоронены; все это были старики, женщины и дети»¹⁰⁸.

Джона Рида поражало и то, что массовые захваты в плен и интернирование сербского населения, невзирая на возраст или пол, австрийские офицеры объясняли тем, что это была «карательная экспедиция против сербов, а не война!»¹⁰⁹

Наряду с жестокими репрессиями по отношению к захваченным в плен и раненым солдатам, а также безвинным гражданским лицам, которых затем интернировали, австро-венгерские войска оголтело уничтожали, разграбляли государственное и частное имущество. Находясь в Белграде со 2 по 4 октября 1914 года, Арчибальд Райс констатировал, что этот «неукрепленный город» до того времени подвергался артиллерийскому обстрелу уже 36 дней и 36 ночей. Непрерывно падающими снарядами Белградский университет был «почти полностью разрушен, сербский национальный музей не существует больше, старый королевский дворец поврежден; то же самое с гостиницей лотереи и вокзалом. Фабрика табачной монополии полностью

¹⁰⁷ Ц. Рид, *нав. дело*, стр. 55–57. О преступлениях, которые австро-венгерские части совершили в Шабце, подробнее см.: Dr. Ferenc Pollman, „Austro-hungarian Atrocities against Serbians during the WWI (Šabac, 17 th of August, 1914)“, *Први свейски райи и Балкан – 90 година касније*, Тематски зборник радова, Београд 2011, стр. 135–141.

¹⁰⁸ Ц. Рид, *нав. дело*, стр. 60.

¹⁰⁹ Там же, с. 53.

сгорела от зажигательных снарядов.» Повреждены здания российского и английского посольств, хотя над ними развевались испанские флаги. Главную государственную больницу обстреливали четыре раза. Снаряды попали в 60 государственных зданий и 640 частных домов, но Арчибалд Райс особое внимание обратил на обстрелы университета, музея и больницы, напоминая, что эти учреждения науки, искусства и культуры были защищены Гаагской конвенцией. Более того, стрельба по университету шрапнелью, которая «используется в нормальной войне не иначе как против вражеских сил, и никогда для обстрела открытых городов», показывала, что ее целью было «поразить гражданское население Белграда»¹¹⁰.

Лозницу засыпали зажигательными снарядами и тогда, когда город покинули и солдаты, и горожане; а в Шабце от большинства домов остались только фасады, почерневшие от пожаров. В одних только четырех уездах Шабацкого округа было сожжено 1 658 домов¹¹¹.

Одновременно с этим бушевал террор над сербским населением в югославянских областях Монархии, усилившийся плохими известиями, которые приходили с фронтов¹¹².

Запланировав «малую войну» на Балканах, Австро-Венгрия использовала отряды «шуцкора», в которые набирались люди с сомнительными прошлым и уровнем нравственности, а предназначались они для того, чтобы вести гражданскую войну и осуществлять террор по отношению к противникам власти. В условиях безвластия, которое воцарилось после Сараевского покушения, эти отряды, особенно в Боснии и Герцеговине, были вершителями насилия над сербским населением. Жестокие незаконные действия их основывались на позиции, что сербский народ и Сербская Православная Церковь не принимают габсбургской власти. В октябре 1914 года генерал Поттиорек потребовал, чтобы в общественной жизни было запрещено использование

¹¹⁰ Родолф Арчибалд Райс о злочинима Аусџроујаро-Бујаро-Немаца у Србији 1914–1918, стр. 46–47.

¹¹¹ Там же, с. 47.

¹¹² О преступлениях против сербского народа в Первой мировой войне подробнее см.: В. Торовић, *Односи између Србије и Аусџро-Ујарске у XX веку*, Београд 1936; В. Торовић, *Црна књија, Пајинье Срба Босне и Херцеговине за време Свейској райа*, Београд 1920; Тодор Искруљев, *Расџеће српској народа у Срему 1914. године*, Нови Сад 1936; А. Митровић, *Србија у Првом свейском райу*, стр. 100–108; М. Екмечић, *Дујо крејшање између клања и орања*, стр. 351–353; В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918, Сећање на време бола и поноса*, Београд 2006.

сербского флага и герба, а название «Сербская Православная Церковь» заменить на «Боснийская». На всей территории отменялось сербское именование, запрещалось употребление кириллического письма и функционирование учреждений культуры, отнимались гражданские права, совершалась высылка целых семейств, организовывались сфабрикованные судебные процессы, создавались концентрационные лагеря, менялась этническая и вероисповедная структура целых областей. Власть находила поддержку у части клерикальных кругов. Удар направлялся прежде всего против интеллектуальной и экономической элиты сербского народа. Террор не миновал ни так называемых «лояльных сербов», что свидетельствовало о масштабах репрессий, в основе которых лежала сербофобия.

После отступления сербских войск из Срема, венгерские солдаты – с позволения – расстреливали сербов, грабили их имущество, оскверняли и разрушали церкви, сожгли монастырь Фенек и целые селения. А в Венгрии и Хорватии была запрещена работа всех сербских союзов и обществ, даже благотворительных. Прекращено издание сербских газет и сожжено большинство библиотечных фондов сербских читален. В Нови Саде и окрестностях, где действовал полевой суд, список запрещенных видов деятельности был очень длинным, включая звон в церквях, бой церковных часов, свист и оклики. Кириллические вывески на частных предприятиях были убраны¹¹³.

Почти одинаковые условия преобладали и во всех областях с сербским населением. Простор для деятельности получили клерикалы и экстремисты, а преследования велись по тотальному обвинению – что сербы в Монархии являются «подрывным элементом». В атмосфере мощной сербофобии начались массовые переселения, участились судебные процессы и учреждены были полевые суды, осуществлялись расстрелы, повешания, интернации. Под ударом властей оказалась и кириллица. На территории Хорватии, начиная с октября 1914 года, она могла употребляться только в связи с вероучением, тогда как в общественной жизни была запрещена.

Военные победы сербских войск устранили на некоторое время непосредственную опасность новых ударов австро-венгерских армий и дали возможность Сербии оформить свою военную программу. Победы, одержанные в течение 1914 года, достались весьма высокой ценой. Сербские войска потеряли 163 557 личного состава, среди которых было

¹¹³ В. Ђ. Крестић, *Срби у Ујарској 1790–1918*, Нови Сад 2013, стр. 481–482.

и 2 110 офицеров. От ран и болезней погибло и умерло 69 022 бойца. В то же время на сербских полях битв из строя выведено 273 804 военнослужащих австро-венгерских войск, в том числе 7 592 офицера¹¹⁴.

СЕРБИЯ И СОЮЗНИКИ

Балканский театр боевых действий в начале войны считался периферией столкновения, особенно при учете уверенности, что война будет завершена в нескольких решающих битвах между миллионными армиями на главных фронтах. Между тем, поскольку время шло, а вместо «краткой войны» наступил застой в военных операциях, он приобрел значимость, став предметом внимательного наблюдения и анализа всех воюющих сторон. Военные специалисты союзников были убеждены, что целесообразно оказать военную поддержку Сербии, однако в течение первых месяцев войны верховные командования сил Антанты были всецело озабочены положением на своих театрах действий. Согласно их оценкам положения на фронтах, которое на тот момент считалось тяжелым и непрогнозируемым, нужно было не допустить какого бы то ни было «распыления» военного потенциала. Поэтому и не осуществлялась отправка союзнических военных частей на Балканский фронт. Помимо указанного существовали также причины политической природы, которые не позволяли задействовать войска Антанты были на Балканах. Поскольку ни одно союзническое государство не могло свои военные части в соответствии с собственными конкретными интересами направить на балканское поле боевых действий без согласия или участия остальных членов Антанты, то в европейских столицах склонились к мнению, что необходимо подключить войска нейтральных балканских государств. А такие планы самым непосредственным образом задевали интересы Сербии¹¹⁵.

В момент, когда Сербия получила объявление войны, у нее формальных было только два союзника: Черногория и Греция, с которыми имелись договорные отношения, имеющие силу и в случае войны. Кроме того, Королевство Сербия «тесно сотрудничало с Россией»¹¹⁶.

¹¹⁴ *Zapisnici sa sednica Delegacije Kraljevine SHS na mirovnoj konferenciji u Parizu 1919–1920*, (priredili V. Krizman i B. Hrabak), Beograd, 1960, 371; P. Tomac, *nav. delo*, str. 164.

¹¹⁵ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 8.

¹¹⁶ Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 72.

Между тем, лишь Черногория была готова выполнять союзнические обязательства, тогда как Греция объявила о нейтралитете, объясняя, что п. 1. Военной конвенции касается только оказания помощи в случае нападения, которое бы осуществила Болгария¹¹⁷. И такое положение сохранялось на протяжении всей войны. Хотя Сербия прилагала сверхчеловеческие усилия, чтобы защитить государственную независимость, связывая судьбу свою с победой сил Антанты, великие державы не поддержали упорных настояний Николы Пашича, чтобы за ней официально был признан статус государства-союзника. Этому последовательно противилась и наибольшая защитница сербов – Россия¹¹⁸.

¹¹⁷ Идея о заключении сербско-греческого союза исходила от сербского правительства в августе 1912 года, как следствие подписания болгарско-греческого договора. Греция сразу дала понять, что договор оборонительного характера сможет иметь силу только в том случае, если речь идет о Турции, но не об Австро-Венгрии. Учитывая то, что Белграду было нужно соглашение, которое обязывало бы Грецию защищать Сербию, после длительных переговоров в Афинах 5 мая 1913 года был подписан Протокол о заключении договора о союзе между Сербией и Грецией, а 14 мая в Солуни – и Военная конвенция. Текст Военной конвенции, которая предусматривала совместную оборону в случае, если на одну из подписавшихся сторон «будет совершено нападение третьей силой», своим п. 1 ясно показывал, что под «третьей силой» имеется в виду Болгария. Иными словами, Греция не разделяла сербской точки зрения относительно необходимости оказания военной помощи и в случае нападения Австро-Венгрии. Вообще же, протоколом было предусмотрено, что Договор о дружбе и оборонительном союзе будет подписан через 20 дней. Поскольку же этого не произошло в установленный срок, переговоры продолжались. Сербия в ходе этого процесса пыталась изменить содержание п. 1 Военной конвенции, предлагая, чтобы оно приобрело и направленный против Австро-Венгрии характер. Представители Греции в окончательном тексте приняли сербское предложение, которое гласило: «В случае войны между одним из союзнических государств и какой-то третьей силой, если начнется она при условиях, предусмотренных Договором о союзе между Грецией и Сербией, либо в случае внезапного нападения более мощных сил, по крайней мере, двух дивизий – болгарской армии против греческой или сербской армий, то два государства, Сербия и Греция, обещают друг другу взаимную военную помощь: Греция всеми своими сухопутными и морскими силами, а Сербия всеми своими сухопутными войсками». С началом Первой мировой войны эти договорные обязательства в Белграде и Афинах толковались по-разному (Миладин Милошевић, *Србија и Грчка 1914–1918. Из историје дипломатских односа*, Београд 1997, стр. 15–18; С. Скоко, *Друђи балкански райи 1913*, Београд 1913, стр. 196–205).

¹¹⁸ См. подробнее: Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, стр. 63–74; М. Екмечић, *Стварање Југославије 1790–1918*, књ. 2, стр. 667–839; Д. Живојиновић, *Надмени савезник и занемарено српско. Бриџанско-српски односи (1875–1914)*, Београд 2011, стр. 317–454; Д. Живојиновић, *У појрази за империјом. Италија и Балкан почетком XX века*, Београд 2013, стр. 15–118; Д. Живојиновић, *У појрази за заштитником. Студије о српско-америчким везама 1878–1920. године*, Београд 2010, стр. 155–464.

Сербия финансовые нужды для ведения навязанной войны попыталась удовлетворить в своих эмиссионных банках, используя все средства, разрешенные Законом о продлении преференций Национального банка от 1908 года. Но так как последствия Балканских войн не были санированы, а при этом началась и новая война, Министерству финансов не удалось собрать более 58% от запланированных доходов. Одновременно оказалось, что и союзники не готовы были финансово поддержать Сербию. Материальных средств, выданных по 5% займу в 1913 году, в размере 250 миллионов франков золотом и предназначенных для устранения последствий, которые возникли в результате Балканских войн, было недостаточно, чтобы покрыть расходы, связанные со вступлением в войну. Никола Пашич непосредственно после вручения ноты от 28 июля 1914 года поручил Миленку Весничу, послу в Париже, чтобы тот попросил финансовой помощи у французского правительства. Но, как ответил министр финансов, «такие расходы не были предусмотрены в бюджете на текущий год», и Франция отказала Сербии в предоставлении займа, а таким образом и в финансовой поддержке ее военных усилий. Решение не изменилось даже после давления, которое на Сенат оказал влиятельный Жорж Клемансо. Бóльшее понимание ситуации, в которой оказалась Сербия, пришло лишь после 3 августа 1914 года, когда немцы объявили войну Франции. Потребность иметь надежного военного союзника повлияла на правительство Франции, и оно в срочном порядке одобрило для Сербии заем в размере 100 миллионов французских франков золотом¹¹⁹.

Сербии с самого начала войны союзники постоянно выдвигали требования, чтобы она часть своей территории – прежде всего области, присоединенные в итоге Балканских войн, уступить Болгарии ради того, чтобы ее склонить к вступлению в войну на стороне Антанты. Болгария считалась страной, важной для обеих военных коалиций не только на Балканах, но и в более широких их планах. С одной стороны, ее воспринимали как своего рода стратегический коридор, который соединяет Сербию и, соответственно, западных союзников с Россией. Важным было привлечение Болгарии также потому, что ее решение повлияло бы на выбор Румынии и других государств региона¹²⁰.

¹¹⁹ В. Kršev, *Finansijska politika Jugoslavije 1918–1941*, str. 172–175.

¹²⁰ *За балканскими фронтами Первой мировой войны*, с. 80–82.

Россия уже в начале войны попыталась на основании территориальных компенсаций заручиться военной поддержкой Болгарии, правительство которой 1 августа 1914 года подтвердило объявленное прежде решение о нейтралитете. В соответствии с такой политикой, российский министр иностранных дел Сазонов 5 августа 1914 года предложил правительству Сербии срочно устранить все недоразумения с Болгарией и помириться. По его мнению, Болгарию за активную помощь в борьбе против Австро-Венгрии следовало отблагодарить частью территории, по линии Крива Паланка – Охрид (со Стругой), а за «дружественный нейтралитет» уступить Штип, Радовиште и пространство до Вардара. В связи с этим предложением Россия обязывалась, что по окончании войны поддержит Сербию в реализации ее «национальных идеалов». Министр Сазонов, принося в жертву территорию Сербии, пытался способствовать осуществлению «мечты жизни» России – достичь всеславянского братства и прочной дружбы между сербами и болгарами. В Петрограде существовало убеждение, что это единственный способ в ближайшем будущем избежать военного краха Сербии, а балканский вопрос решить без участия союзников и в соответствии с интересами России. Для самого Николы Пашича российский план не был реальным. По мнению этого опытного политика и хорошего знатока политических обстоятельств вокруг Сербии, правящие круги Болгарии, болезненно переживавшие поражение во Второй балканской войне и побуждаемые общим настроением нации, стремились использовать первый подходящий момент для военного реванша над Сербией и отторжения Македонии. Но все же, чтобы удовлетворить союзников, в ответе, данном 6 августа 1914 года, он намекнул о готовности Сербии взамен за «доброжелательный нейтралитет» по окончании войны и при согласии союзников уступить Болгарии Штип и Радовиште с территорией от Брегалници до горы Градешкой. При этом Пашич считал, что уступки должны сделать и Румыния, и Греция, а не только Сербия¹²¹.

¹²¹ В Петрограде считали, что войну следует использовать так, чтобы после победы над Германией и Австро-Венгрией Россия стала арбитром в отношениях между балканскими государствами. Имелись также планы восстановления Балканского союза 1912 года, который бы действовал в соответствии с интересами России (Н. Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом свейском рату*, стр. 140–146; *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 гг.*, серия III, том VIII, с. 11).

После победы на Цере нажимы на Сербию, чтобы она уступила Болгарии часть территорий, полученных в результате Балканских войн, несколько ослабли, но не прекратились. С еще большей настойчивостью они возобновились в начале ноября 1914 года, чему поспособствовало вступление Турции в войну на стороне Центральных сил и одновременно повышение стратегической значимости Болгарии для обоих противостоящих лагерей. Уже 4 ноября 1914 года министр Сазонов в качестве компенсации предлагал Софии часть Фракии по линии Энос – Мидия за участие в войне против Турции, а также часть Македонии по линии Крива Паланка – Охрид в качестве уступки за военные действия, которые болгарские войска вели бы совместно с сербской армией. Сделанных предложений все же было недостаточно, чтобы Болгария изменила позицию относительно нейтралитета и вступила в войну на стороне сил Антанты. В то же время, несмотря на тяжелую ситуацию на фронте, и сербское правительство не было готово к уступкам.

После победы в Колубарской битве на некоторое время спала дипломатическая активность союзников по вовлечению Болгарии в войну, ослабло также давление, которое союзники оказывали на Сербию. Между тем, требования России послужили в течение последующих военных месяцев основой, на которой и другие союзнические государства дипломатически «давили» на Сербию, требуя уступок, которые бы удовлетворили Софию и повлияли на ее решение вступить в войну против Центральных сил.

Переговоры, которые союзники вели с Италией и Румынией, касались также территорий, населенных южными славянами – восточное побережье Адриатики и Банат, но проходили они без консультаций с сербским правительством. Российский министр иностранных дел Сазонов уже 7 августа 1914 года в обмен на вступление в войну против Австро-Венгрии предлагал Италии Трст (Триест), Трентино и доминирующее положение на Адриатическом море. Поскольку в тот момент невозможно было с уверенностью предвидеть, кто выйдет из начатой войны победителем, Рим колебался, на какую сторону стать. Из этих соображений правительство Италии в ответе от 13 августа 1914 года сообщило, что Италия не примкнет к военным устремлениям Австро-Венгрии и Германии и что в сложившихся обстоятельствах останется нейтральной. Такое решение усилило позиции Италии, а ее правительству предоставило возможность начать переговоры со всеми противоборствующими сторонами. Критерии

для принятия решения были очень простыми, основывающимися на том, «кто больше даст» и кто имеет «больше шансов» выйти из войны победителем¹²². В сущности, Италию больше всего устраивало, чтобы война завершилась значительным ослаблением Габсбургской монархии, а также чтобы в послевоенной Европе установилось равновесие сил и влияния великих держав. Что же касается Балкан, то у нее были нескрываемые намерения завладеть восточным побережьем Адриатики, безоговорочно господствовать на всем Адриатическом море, превратив его в итальянское озеро, и доминировать на балканском пространстве. В достижении указанных целей, вероятно, больше всего можно было получить, примкнув к Антанте и участвуя в войне против Австро-Венгрии.

Заявления российского министра Сазонова от 14 сентября 1914 года об уступках, которые следовало бы сделать Сербии в Боснии и Герцеговине, Далмации и Албании, обеспокоили Рим. Возможность, что частью Адриатического побережья завладеет сильное славянское государство, Италия считала угрозой для своих жизненных национальных интересов. По этой причине она свое участие в войне не стороне Антанты начала обуславливать потребностью устранения возможности выхода Сербии на Адриатическое море, формирования югославянского государства и присутствия России на Балканах. Уже в конце сентября министр иностранных дел Сан Джулиано, в случае вступления в войну и победы, требовал от союзников присоединения всех итальянских провинций в рамках Австро-Венгрии, от водораздела Альп до Кварнера, иных территориальных приобретений и овладения стратегически важными пунктами в Далмации и Албании¹²³. Спустя два месяца Италия начала подготовку к вступлению в войну на стороне Антанты, а новый министр иностранных дел Соннино постарался использовать ситуацию, в которой союзникам казалось, что вовлечение Италии было бы решающе важным для того, чтобы изменить равновесие сил на полях сражений. Его стремление «как можно

¹²² Несмотря на то, что формально имела договор о союзе с Центральными силами (державами), Италия 3 августа 1914 года заявила о нейтралитете (Д. Живојиновић, *У њојрази за империјом. Италија и Балкан њочейком XX века*, стр. 15–28; Dragovan Šepić, „Srpska vlada, Jugoslavenski odbor i pitanje kompromisne granice s Italijom“, *Jugoslavenski istorijski časopis*, br. 3/1964, str. 37–55; D. Šepić, *Italija, saveznici i jugoslavensko pitanje 1914–1918*, Zagreb, 1970).

¹²³ Д. Живојиновић, „Сан Ђулијано и италијанске претензије на Јадрану на почетку светског рата 1914–1918“, *Историјски часопис*, бр. 1/1973, стр. 307–317.

дороже продать свое союзничество», по сути, означало расширение территориальных требований. Итальянские претензии на всю Истрию, Далмацию до реки Неретвы, острова вдоль всего восточного побережья Адриатики и ограничение выхода Сербии и Черногории только пространством южной части Адриатического моря создавали прямую угрозу для Сербии¹²⁴.

В середине сентября 1914 года после начальных успехов союзников на всех трех фронтах и надежд, что силы Антанты одержат скорую победу без помощи новых союзников, российская дипломатия выступила с проектом послевоенного устройства Европы. По плану, который предусматривал уничтожение Германии, переустройство Австро-Венгрии на триалистической основе и занятие русскими Галиции, предполагалось, что Сербия должна получить Боснию и Герцеговину, Далмацию и северную Албанию. Часть Македонии, которую она приобрела после Второй балканской войны, была бы предоставлена Болгарии. Греции досталась бы южная Албания без Валоны, которая была бы отдана Италии. Упомянутый план претерпел определенные изменения после вступления Турции в войну на стороне Центральных сил. В переговорах, которые царь Николай II вел во второй половине ноября с дипломатическими представителями союзнических государств, было сообщено о намерении России овладеть Константинополем и проливами. При условии участия в войне на стороне Антанты Петроград был готов уступить Болгарии часть Фракии до линии Энос–Мидия. В новом сценарии предполагался распад Австро-Венгрии, освобождение всех славянских народов от ее власти и сведение Австрии к старым наследственным владениям. В этих российских планах не рассматривались вопросы о хорватах и словенцах, проблема Баната, судьба югославянского объединения, несмотря на то, что Петроград по дипломатическим каналам был осведомлен о стремлениях Сербии достичь в итоге войны своих целей¹²⁵.

Планы России по уничтожению Германии, а также разделу Австро-Венгрии и Туции, не устраивали ее союзников, Великобританию и Францию. Опасаясь усиления российского влияния в Средней Европе и на Балканах, оба государства выступали за сохранение старых

¹²⁴ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 15; Д. Живојиновић, *У ипојрази за империјом. Италија и Балкан почетаком XX века*, стр. 51–56.

¹²⁵ Н. Поповић, *Русија и Србија 1914–1918*, стр. 34–40; М. Екмечић, *Рајини циљеви Србије 1914. године*, стр. 34–52.

империй. Для Лондона и Парижа приемлемы были расширение Сербии за счет Боснии и Герцеговины и выход ее на Адриатическое море, но не создание сильного югославянского государства. Их интересам больше всего отвечало, чтобы на Балканах и после войны сохранилось больше отдельных стран, что исключало бы любого вида славянского доминирования и предоставляло бы возможность быть арбитром в их междоусобных конфликтах. Особенно пугала их возможность, что после войны и вероятного раздела Турции, Константинополь достанется России.

Между тем, поскольку война продолжалась, а ситуация на полях сражений все больше осложнялась, то стало ясно, что союзничество может вызвать изменение даже самых твердых позиций. В середине ноября, после вступления Турции в войну на стороне Центральных сил, Великобритания была вынуждена изменить свои позиции и согласиться уступить России по вопросу овладения Константинополем и проливами. Как считали британские дипломаты и политики, это была цена, которую, с одной стороны, необходимо было заплатить за отказ России от амбиций добиться доминирования в Средней и Юго-Восточной Европе, а с другой – за предотвращение того, чтобы Германия получила господство над Ближним и Средним Востоком. В Лондоне расценили, что именно Россия могла быть государством, которое, контролируя проливы, станет на пути немецкого прорыва на Восток. В то же время от России ждали, что она откажется от планов по разделу Германии и Австро-Венгрии, согласится, чтобы эти государства, уже ослабленные, после войны сохранили статус великих европейских держав, и что сама она откажется от покровительства славянским государствам Балкан. Лондон в сохранении Германии, Австро-Венгрии и Турции видел противовес усилению российского влияния на Балканах и в Центральной Европе. По этим причинам Великобритания и Франция были склонны поддерживать неславянские государства – Италию, Румынию и Грецию¹²⁶.

Об упомянутых позициях союзников, которые самым непосредственным образом касались и судьбы Сербии, правительству в Белграде официально не сообщалось, однако многое можно было узнать и пред-

¹²⁶ В. Черчил, *Свейски райи*, I, Београд 1936, стр. 456–460; Херман Вендел, *Борба Југословена за слободу и јединство*, Београд 1926, стр. 626–628, 645; Н. Поповић, *Русија и Србија 1914–1918*, стр. 34–37; М. Екмечић, *Рајини циљеви Србије 1914. године*, стр. 44–52; А. Ц. П. Тејлор, *нав. дело*, стр. 491–492.

положить на основании публикаций союзнической прессы, заявлений политиков, тайных предложений, дипломатических нажимов и поведения дипломатов. Особенное беспокойство вызывали территориальные притязания Болгарии и Италии, которые ставили под угрозу территорию Сербии, ее планы на будущее, а также готовность союзников их удовлетворять.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА СЕРБИИ

Сербия не хотела войны со своим большим и сильным северо-западным соседом. После истощающих балканских войн ей были нужны десятилетия мирной жизни, когда она могла бы осуществить общую консолидацию политических и экономических факторов, создать соответствующие институты, административный аппарат и законодательство, провести интеграцию новоосвобожденных областей в политическую, экономическую и общественную жизнь всей страны, активизировать процесс модернизации общества, сформировать элиту, способную ответить на вызовы XX века, взять такой цивилизационный темп, чтобы идти в ногу с миром. Занятая этими проблемами, она готовилась и к предстоящим парламентским выборам, на которых еще раз предстояло политическую силу проявить радикалам и самостоятельным радикалам. Однако война сделала так, что история пошла в другом направлении, вынудив защищать свою независимость. Одновременно она открыла возможности, чтобы реализован был исторический шанс объединения югославян, как перспективы существования в будущем. Эти две составляющие – защита государственной независимости и стремление создать более широкое сообщество – являли сущность идеологии сербского государства в 1914 году.

Опыт европейской истории предостерегал, что противостоящие интересы великих держав игнорируют публично провозглашенные принципы решения вопроса, из-за которого началась война. Сербское государство в предыдущие десятилетия уже ощутило последствия явной и тайной дипломатии, закулисного дележа территорий и зон влияния, «торговли» территориями малых народов, «согласования» интересов, политических давлений, принуждений отказаться от жизненно важных государственных и национальных потребностей. Это было дополнительной причиной того, чтобы сербские политики, дипломаты

и интеллектуалы уже в первые месяцы войны приняли одну развитую «систему взглядов», которая должна была обосновать военные усилия и истощение государства до предела. Государственная идеология опиралась на твердую убежденность в необходимости защищать отечество, сохранить государственную независимость и освободительную миссию среди сербов, хорватов и словенцев, на долгий срок устранить германскую угрозу, создать большое государство на Балканах с Сербией как центром единения. Из этого корпуса убеждений – в соответствии с историческими традициями, положением на фронтах, пропагандистскими потребностями, расположением союзников, знаниями и способностями ведущих общественных сил – сформировалось видение будущего государства и места Сербии в нем¹²⁷.

Вызревание государственной программы прошло много фаз. С первых дней войны превозносилась «сербская идея», акцент делался на «защите Отечества» и сохранении целостности ее. На протяжении лета и осени, поначалу очень сдержанно, речь пошла о единении сербов как цели войны. В начале сентября 1914 года, в близких ко двору и правительству кругах, была сформулирована программа «из Сербии создать сильное юго-западное славянское государство, в состав которого вошли бы и все сербы, и все хорваты, и все словенцы». Это государство, «сильная и большая Сербия, увеличенная за счет сербских и хорватских земель Австро-Венгрии», союзникам рекомендовалась как «всегда надежная основа для мира на Балканах» и сила, которая обеспечит «равновесие на Адриатическом море и отчасти в Средиземном». В составленном 21 сентября 1914 года «проекте» нового государства, стали видимы контуры национальных мечтаний Сербии. Согласно инструкциям, которые Никола Пашич направил Мирославу Спалайковичу, послу в России, будущее государство должно было включать весь Банат с Тимишоарой, Бачку с Суботицей, Баранью, Славонию, Меджимурье, Словению с частью Корушки (без словенского приморья), Хорватию без части Истрии. В инструкциях не упоминались Босния и Герцеговина и Черногория, но известно, что их Никола Пашич считал исключительно сербскими землями, нераздельно связанными с югославянским пространством. В упомянутых государственных притязаниях Сербии, которые обосновывались этническими обстоятельствами, стратегическими причинами и историческими условиями, указанные территориаль-

¹²⁷ А. Митровић, *Србија у Првом свейском рају*, стр. 94–100.

ные рамки были югославянскими¹²⁸. Формулирование югославянской программы сопровождалась и собиранием ученых, которые эту идею могли защищать надежными аргументами.

Новый этап в развитии процесса объединения наступил в конце октября 1914 года, когда создавалась часть программы, касающаяся внутреннего устройства. Будущее сообщество задумывалось как «единое государство... без каких бы то ни было отдельных государственно-правовых автономий», в котором гарантированы «равноправие религиозное», «равноправие письма», «полное гражданское равноправие». Речь шла о конституционной, централистски устроенной монархии с общим правительством и парламентом. Сербское правительство гарантировало все надлежащие права «добросовестным чиновникам» с территории Австро-Венгерской монархии, предусматривало отражение хорватской исторической индивидуальности в эмблемах, допускало упоминание хорватского имени в названии государства. Если потребуется, оно соглашалось и на коронацию югославянского правителя хорватской короной. Однако лишь в «крайнем случае» оно соглашалось вести переговоры об «особом краевом хорватском соборе», считая, что такие «уступки» бы не способствовали единству государства, но и ставили бы под вопрос окончательное формирование югославянской нации. Аналогично было и с уступками, предусмотренными для словенцев, а ученые получили задание сформулировать основы будущего государства¹²⁹.

Способ учреждения общего государства свидетельствовал о том, что Сербия рассматривалась как срединный элемент объединения. Временное распространение действия сербской конституции на все области будущего государства, сохранение существующего законодательства и строя, «поскольку они не находятся в противоречии с целями единого государства», представительство новых краев в «центральном управлении», скорые выборы в Велику народну скупштину, «которая утвердит новый конституционный порядок» и иное – вот элементы, которые предлагало правительство Королевства Сербии.

Объединение Сербии и Черногории также было составной частью программы. Несмотря на выявившиеся различия, оно чаще всего мыс-

¹²⁸ М. Екмечић, *Рајини циљеви Србије 1914. године*, стр. 84–89; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 136–146.

¹²⁹ Там же, с. 148–155; Д. Јанковић, *Србија и југословенско питање 1914–1915*, стр. 254–256; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić i jugoslovensko pitanje*, knj. 1, str. 203–206; М. Радоевић, *нав. дело*, стр. 132–137.

лилось как «реальный союз», при котором каждое государство сохраняло бы свою особенность, при объединении военных дел, внешней политики, торговли, коммуникаций и финансов. Об этом, как о способе осуществления «единства сербского племени», в двусторонних переговорах должны были принимать решения исключительно два независимых государства, отвергая любую возможность интернационализации этого вопроса¹³⁰.

Указания от 27 октября 1914 года сжато выражали несколько важных элементов государственной программы. Из них было понятно, что будущий государственный союз – не расширенное прежнее Королевство Сербия, а новое государство, которое будет создано отнюдь не простым присоединением югославянских земель. Не намереваясь отказываться от ведущей роли в процессе объединения, Сербия была страной, которая определяла существенные условия общей государственной жизни. Отвергая федерализм как элемент, который бы «портит» единство государства, сербское правительство не навязывало и жесткого централизма, а с ним и принудительной национальной унификации всех частей населения. Более того, оно подчеркивало необходимость «сохранения национальных особенностей каждого племени»¹³¹.

Окончательный поворот в сербской государственной политике обозначила Нишская декларация. Правительство Королевства Сербии, образованное в результате расширения кабинета радикалов и состоящее из представителей наибольших сербских гражданских партий, 7 декабря 1914 года в Народном представительстве сделало заявление, в котором говорилось, что во времена, которые наступают, оно все свои силы поставит «на служение великому делу Сербского Государства и Сербско-Хорватского и Словенского племен». Выражая уверенность «в решимости всего сербского народа выстоять в святой борьбе по защите своего очага и своей свободы», оно подчеркивало, что «свою главнейшую и в такой судьбоносный момент единственную задачу видит в том, чтобы обеспечить успешное завершение этого великого военного противостояния, которое с момента его начала стало одновременно борьбой за освобождение и объединение всех наших неосвобожденных братьев сербов, хорватов и словенцев».

¹³⁰ Подробнее см.: Novica Rakočević, *Politički odnosi Crne Gore i Srbije 1903–1918*, Cetinje 1981; N. Rakočević, *Crna Gora u Prvom svetskom ratu 1914–1918*, Cetinje, 1969; Dimo Vujović, *Ujedinjenje Crne Gore i Srbije*, Titograd, 1962.

¹³¹ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 163–174; Д. Јанковић, *Србија и југословенско питање 1914–1915*, стр. 464–480.

Придавая соответствующее значение этой важнейшей части Декларации, в которой четко сформулированы цели войны, правительство «с безграничным почтением» преклонилось «перед светлыми жертвами, героически и добровольно принесенными на алтарь Отчизны». Всей армии «и всем в ней, от тех, кто руководит и командует, до рядовых солдат в сторожевом охранении», оно выразило доверие, восхищение и благодарность «за усилия, которые они прилагают, и за жертвы, которые для отчизны приносят». «Блестящий успех, которым должно увенчаться это сражение, – говорилось дальше в Декларации, – воздаст обильно за те жертвы, которые нынешнее поколение сербов приносит.

В этой борьбе у сербского народа нет выбора, так как между смертью и жизнью не выбирают. Его к этому вынудили, и он вел борьбу с такой же несокрушимой энергией, как сто лет назад боролся за свое воскрешение из косовского гроба. Правительство постарается быть надлежащим выражением этой решимости народной и, верное своим могущественным и героическим союзникам, с надеждой будет ждать часа победы.

Правительство знает о страданиях и тяготах, которые испытывают армия и большая часть народа, и будет делать все, что в человеческих силах, чтобы их облегчить. Оно будет принимать, быстро и решительно, все меры для того, чтобы обеспечения армии и забота о раненых становились все лучше, ничего для этого не жалея. В согласии с вами, Господа Посланники, будут также предприняты меры, посредством которых после войны можно облегчить положение народа, чтобы он восстановил истраченные силы и привел в порядок свое имущественное состояние, а пока враг еще здесь, оно к наилучшим силам нашей страны от всего сердца обращается с призывом:

Вперед, с Божьей помощью, на врага, в бой за свободу!»¹³²

До обнародования Нишской декларации, сербские гражданские партии в своих югославянских взглядах преимущественно ориентировались на решение сербского вопроса. От программы, которая предусматривала освобождение и объединение частей соседних земель, где проживают сербы, впоследствии они перешли к задачам общегосла-

¹³² Д. Јанковић, „Нишка декларација. Настанак програма југословенског уједињења у Србији 1914“, *Историја XX века*, Зборник радова, X, 1969, стр. 103–104; Ђ. Станковић, *Сво јовора Николе Пашића. Вештина јоворништва државника*, књ. 2, стр. 5–7; В. Petranović, М. Zečević, *Jugoslavija 1918–1988*, стр. 37.

вянского объединения. Незавершенность документа не уменьшала перспектив, которые он предвещал. Нишской декларацией правительство Королевства Сербии прокламировало государственную военную программу, которая связывалась и по важности приравнивалась к «борьбе за освобождение родного очага» и усилиям по «освобождению и объединению неосвобожденных братьев наших Сербов, Хорватов и Словенцев». Тем самым война определенно перестала быть только борьбой за существование и независимость¹³³.

В условиях войны сербская политическая элита идею о «трех племенах одного народа» положила в основу своей политической философии и будущей государственности, чтобы через нее преодолеть многочисленные политические, религиозные, экономические, культурные, исторические, национальные и ментальные различия. Одновременно в ней выражались стремления Сербии из малого государства перерасти в государство большое, а сербы, как полицентричный народ, чтобы собораны были в границах единого и независимого государства. Ради этой цели жертвовались идентичность сербского государства, собственная государственность.

Молчание, с которым официальные союзнические круги встретили появление Нишской декларации, для Николы Пашича было верным знаком, что пропагандистскими акциями необходимо ознакомить с ее содержанием общественность государств Антанты и заручиться их поддержкой. Уже 19 декабря 1914 года председатель правительства известил регента Александра Карагеоргиевича о необходимости привлечь влиятельных английских общественных деятелей и публицистов для пропаганды идеи объединения всех югославянских народов в рамках общего государства. Он предусматривал, что после войны, в которой союзники одержат победу над Центральными силами, в Европе наступит «новый порядок вещей и новое положение», целью которых будет «прочный мир» и «как можно более прочная стабильность». А «новое положение» на Балканах могло установиться в том случае, если будет создано «одно национальное государство, географически достаточно большое, этнографически сбитое, политически сильное, экономически независимое, чтобы могло самостоятельно жить и развиваться постоянно в соответствии с

¹³³ Там же, с. 37–38; А. Митровић, „Питање стварања југословенске државе као међународни проблем у рату 1914–1918“, *Стварање југословенске државе 1918. тогине*, Београд 1989, стр. 21–22.

европейской культурой и прогрессом»¹³⁴. Такое государство, способное противостоять силам, которые будут стремиться разрушить положение, установленное войной, должно, по его мнению, отвечать интересам союзников. Требования, чтобы на послевоенных Балканах установилось равновесие «между сербами и болгарами», он отклонял, используя ряд аргументов. С другой стороны, он соглашался, чтобы в новом государстве хорваты и словенцы, как часть этнически единого народа, получили все политические и религиозные права, которыми пользуются сербы.

Союзников такая программа не интересовала, она и не вписывалась в их представления о послевоенной Европе и Балканах. По их мнению, дипломатическая активность с целью склонить нейтральные пока балканские государства ко вступлению в войну на стороне Антанты, при предоставлении значительных концессий за счет Сербии, вынуждала о военных целях Сербии не высказываться, а с сербским правительством обязывающих переговоров не вести. Иными словами, отношение сил Антанты к Сербии определили два момента: – тот факт, что дело касалось небольшого государства; и то обстоятельство, что у Сербии не было договора, который бы регулировал ее союзничество. Для Сербии это означало, что помимо защиты страны она должна вести и дипломатическую борьбу с союзниками.

---

¹³⁴ Границы этого государства Никола Пашич намечал так: «От Оршавы на Дунае, так, чтобы с Румынией имели географическую границу, которая бы проходила по Моришу до впадения в Тису; оттуда почти по прямой линии до Дуная, так, чтобы Суботица и Бая остались нам; оттуда ломаной линией до впадения в Муру, так, чтобы Мохач и Печуй с В. Канижей остались нам, затем по Муре до мест выше Морбурга; оттуда – кривая граница на запад, чтобы Целовец остался новому государству; западно от Целовца свернуть к югу до моря Адриатического, так, чтобы Горица и Градишка с Триестом вошли в состав этого государства; оттуда по морю до реки Семени в Албании; а тогда по Семени до нашей нынешней границы». Цит. по: П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 14.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЕННЫЙ 1915 ГОД

ВОЙНА НА СУШЕ И НА МОРЕ

После закрепления фронтов развитие событий на Западном театре военных действий ознаменовалось длительными изнурительными боями – прежде всего, в так называемой окопной войне. Воюющие стороны с беспокойством осознали, что война продлится гораздо больше, чем казалось в ее начале. На действующих фронтах солдаты с обеих сторон копали и колючей проволокой опоясывали километры глубоких траншей, в которых нужно было жить, из которых нужно было ходить в атаки на позиции противника сотням тысяч солдат. Жизнь в окопах была на грани выносимого, особенно в дождливые и зимние дни, с крысами и вшами, которые неимоверно быстро размножались и разносили заразу. Атакам предшествовали устрашающие артиллерийские обстрелы, в результате которых окопы заваливались, а пространство, которое разделяло противоборствующие войска, покрывалось глубокими воронками. Атаки пехоты останавливались пулеметным огнем, и при попытках малейшего продвижения в сторону противника гибли тысячи солдат. А с апреля 1915 года начались и военные действия с использованием отравляющих веществ¹.

Французские генералы не отказывались от намерения начать наступление. С этой целью стягивались резервы личного состава, подвозились боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Передовые линии обороны занимали наилучшие части, и это еще больше сказывалось на общем состоянии войск. Повсюду, где наступательные операции

---

¹ О войне в 1915 г. подробнее см.: С. R. M. F. Cruttwell, *A History of The Great War 1914–1918*, Oxford, 1969, pp. 137–279; A. J. P. Teylor, *The First World War, An Illustrated History*, London, 1966, pp. 67–118.

возможны, окопы противников были сближены на расстояние, позволяющее эффективно атаковать (до 150 метров), а это, в свою очередь, вызывало потребность в дополнительном фортификационном обеспечении. В наступательные операции, замышляемые с величайшими амбициями, вовлекалось большое количество живой силы и техники, но в итоге все сводилось к множеству бессвязных действий, которые вызывали большие потери. Такими были бои у Артуа, сражения в Шампани, наступления у Нев-Шапелья, Ипра и на других участках Западного фронта. Французы только в зимнем наступлении потеряли около 250 000 солдат, без видимого результата. Однако оказываемый нажим не давал возможности немецкой стороне перебросить желаемое количество частей на Восточный фронт, где проводились крупномасштабные операции. Размеры человеческих потерь обеспокоили союзническую общественность и политиков, внеся разлад в отношения военных и политиков.

Сражения продолжались на протяжении весны, лета и осени 1915 года, однако наступления союзных войск у Артуа и в Шампани не приносили желаемых результатов. В позднейших анализах как причины неудач назывались недостаточная подготовленность войск, преждевременное привлечение военных резервов, путаница в командных отношениях, слабое взаимодействие артиллерии с пехотой. Окопная война повлияла на изменение военных планов, проведение новых наступлений и на усиленную дипломатическую активность с целью привлечь на свою сторону те государства, которые все еще сохраняли нейтралитет².

В 1915 году возобновились и сражения на море. Германию не устраивала ситуация, при которой ее флот был заблокирован в Финском заливе и Балтийском море и лишен контроля над ключевыми торговыми путями. Экономические и военные причины повлияли на принятое в январе 1915 года решение, чтобы немецкий флот, наряду с подводными и минными боевыми действиями, активнее привлекался к операциям в Северном море, но избегал столкновений со значительно превосходящим противником. Однако первые же столкновения показали превосходство британского военного флота и неспособность Германии защитить свой торговый флот. Блокада, осуществляемая Великобританией, могла совсем прервать германскую морскую торговлю. По этой причине в феврале 1915 года была принята декларация, согласно ко-

² P. Tomac, *nav. delo*, str. 187–192, 258–271.

торой воды, окружающие Великобританию и Ирландию, объявлялись военной зоной. Было дано понять также, что все оказавшиеся в этом пространстве торговые суда, как неприятельских, так и нейтральных стран, будут потопляться.

Свой ответ силы Антанты дали в постановлении от марта 1915 года, согласно которому Германии полностью запрещались ввоз и вывоз товаров по морю. Так началась ограниченная подводная война, в которой из-за давления, оказываемого на Берлин, не участвовали только корабли США и некоторое время Италии. Ее развитие в течение 1915 года показало, что и по количеству подводных лодок, и по техническому уровню Германия была не в состоянии вести эффективную торговую войну и одержать победу на море³.

Не имея сил быстро победить на Западном фронте, немецкое верховное командование в 1915 году перебросило большие свои силы на фронт Восточный, планируя после неудач Австро-Венгрии в Галиции и на Карпатах общими усилиями нанести поражение России. Германский удар, направленный из Восточной Пруссии, имел целью вместе с австро-венгерскими войсками, которые двигались от Карпат и находились на расстоянии почти 600 километров, взять российские войска в «клещи». Многомесячные операции обеих воюющих сторон, в которых менялись наступающие, прекратились весной 1915 года без особых сдвигов линии фронта, но с потерями, превышающими 100 000 человек. Результатом немецких и австро-венгерских попыток окружить российские части, сдержать прорыв их на Карпаты и в Восточную Пруссию стало всеобщее истощение сил. Новые наступательные операции Германия предприняла в конце весны и начале лета. В итоге многомесячного наступления, закончившегося в сентябре 1915 года, была прорвана российская оборона всего фронта общей длиной более 1 000 километров, и фронт сдвинулся почти на 400 километров к востоку. Русская армия вынуждена была покинуть Галицию, потеряла Польшу и часть Литвы, вследствие чего командование принял на себя сам царь Николай II. Несмотря на миллионные потери и тяжелое поражение, русские смогли восстановить боеспособность и продолжили воевать⁴.

³ Там же, с. 206–212.

⁴ Данные о количестве погибших на Восточном фронте очень разнятся. По информации, которую российская сторона предоставила французскому послу Палеологу, в боях российские войска в период с мая по июль теряли около 350 000 солдат ежемесячно, а в августе – 450 000, что составило около 1 500 000. В то же время австро-венгерские потери составили около 500 000 убитых, раненых и плененных.

Активность немцев на Восточном фронте ослабила натиск на союзников на фронте Западном, но без шансов прорвать его. Поэтому французское и британское командование пыталось переправить войска по морю, высадить их на полуострове Галлиполи, нанести поражение Турции как союзнице Центральных держав и соединиться с российскими войсками (Дарданелльская операция). Боевые действия союзников начались в феврале 1915 года нападением флота на турецкий гарнизон в Дарданеллах. Эта операция несколько изменила планы верховного командования Германии в отношении Балкан. С целью оказать помощь Турции и предотвратить разгром ее, перекрыть пути, через Балканы связывающие Россию с ее западными союзниками, повлиять на нейтральные балканские государства, чтобы они оставались нейтральными или примкнули к Центральным силам, было запланировано уже весной начать наступление, задачей которого станет военное уничтожение Сербии. Этот план пришлось отложить, но не отменить, из-за наступления русских в районе Карпат, которое началось весной 1915 года⁵.

В это же время начались и активные действия союзников на Галлиполи. За последнюю неделю апреля 1915 года ценой больших потерь были заняты мелкие предмостные укрепления, которые союзные части постепенно расширяли в тяжелых боях с серьезными потерями. На Галлиполи развернулась окопная война, которая только за первые несколько недель унесла десятки тысяч человеческих жизней. В начале августа последовало новое наступление союзников, а также контрудар турецких сил. Проходящие с февраля по октябрь бои, в которых принимало участие около полумиллиона бойцов союзнических сил, в конце концов завершились тяжелым поражением. Больше всего потерь понесли австралийские воинские части, сражавшиеся в составе британской армии. Решение об эвакуации войск с Галлиполи было предусмотрено в сентябре, а окончательно принято в декабре 1915 года. В сражениях погибло 210 000 союзнических и 253 309 турецких военнослужащих. Последние солдаты союзников были вывезены отсюда в начале января 1916 года. Из остатков экспедиционного корпуса был сформирован Солунский фронт⁶.

С другой стороны, союзники склонили на свою сторону Италию, пообещав ей, в соответствии с подписанным в апреле 1915 года тайным

⁵ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 7.

⁶ Р. Томас, *nav. delo*, стр. 216–225.

Лондонским договором, большое территориальное расширение на восточном побережье Адриатического моря. Италия уже в мае включилась в войну на стороне сил Антанты, но ее военная поддержка на новом фронте, установленном на реке Соча, не стоила обещанного территориального приобретения⁷.

Болгария, которой Центральные державы предлагали территориальное расширение за счет Македонии и Сербии, что было больше обещанного силами Антанты, в сентябре 1915 года стала их военной союзницей. Переговоры были долгими, что обусловлено ситуацией на важных фронтах. Болгария свою подпись под договором с Центральными державами поставила только тогда, когда стало ясно, что России нанесено катастрофическое поражение при летнем наступлении немцев, что операция на Дарданеллах потерпела крах, а Германия достигла первых успехов в ограниченной подводной войне⁸.

Боевые действия сил Антанты в 1915 году были поразительно безуспешными. Попытки вести наступления, как это было на Западном фронте, обернулись большими потерями. Галлипольская экспедиция провалилась. На Русском фронте граница сдвинулась почти на 400 километров на восток. Несмотря на приложенные усилия и большие жертвы, Италия не сдвинулась с пограничного фронта на Соче. Оказывая упорное сопротивление, сербская армия все же была вынуждена покинуть отечество. Черногория капитулировала. Однако борьба показала, что Центральные державы ни на одном поле сражений не пробили кольцо сил государств Антанты. Экономическая мощь Антанты превосходила экономику противников, а людские и сырьевые ресурсы ее тем паче. Это был «капитал», с которым Антанта вошла в новый военный год.

У Франции на Западном фронте было 2 752 000 ратников, а в тылу 280 000. По оценкам военных экспертов, в 1916 году она могла ввести в военные действия еще около 1 236 000 новых бойцов (ежемесячно призывать около 100 000). Потери, понесенные ей за первые два года войны, были исключительно большими. Из строя выведено около 50 000 офицеров и 1 911 332 солдата. В том числе, погибло 590 407 воинов (из

⁷ В 1917 году ее войска потерпели тяжелое поражение у Кобарида (Капоретто) и уже до конца войны остались неспособными к серьезным наступлениям.

⁸ Р. Томас, *nav. delo*, стр. 273–274; Ж. Аврамовски, *Ойредельивање Бујарске за централне силе у Првом свейском рају (1914–1918)*, стр. 61–97; Н. Поповић, *Анијанија и срјско-бујарски односи у Првом свейском рају*, стр. 101–125.

них 9 700 офицеров), ранено 960 416 (27 947 офицеров), пропало без вести 410 864 бойца (6 111 офицеров). Под своими знаменами Франция собрала 97 действующих дивизий. В то же время боевая мощь Великобритании составляла в начале 1916 года 86 дивизий, из которых на Западном фронте было задействовано 40, в Солуни (Салониках) – 5, в Египте – 12, в Индии – 9, в Месопотамии – 4. Российская армия состояла из 112 дивизий, но они были слабее снаряжены. Особенно ощущалась нехватка оружия. Италия, численность населения которой была приблизительно такой же, как и Франции, располагала всего 36 дивизиями⁹.

В отличие от Антанты, Центральные державы в 1915 году одержали значительные победы, хотя и не смогли выиграть войну. До середины 1915 года Германией и Австро-Венгрией прекращена морская торговля, вследствие чего у Центральных держав уменьшились источники сырья, необходимого для ведения войны. Капитал для финансирования войны стал иссякать, а промышленности не хватало сырья. Германия и Австро-Венгрия были вынуждены урезать продовольственные расходы; уровень жизни населения снижался. Боевые потери в живой силе переносились все тяжелее. Военное напряжение было доведено до предела и больше уже не могло расти.

В Германии с начала войны до конца 1915 года под ружье было поставлено около 5 миллионов человек, из которых 3,3 миллиона находились в боевых частях. Потери германской армии составили 61 300 офицеров и 2 896 000 солдат. Из этого числа погибло 629 000 солдат и 17 000 офицеров, 320 200 (3 200 офицеров) пропали без вести и были взяты в плен, 1 596 000 (29 100 офицеров) ранено, 412 000 (12 000 офицеров) заболело. Тем не менее, германская армия, несмотря на утомление и чрезмерное напряжение, в конце 1915 года была еще сильной. У нее оставалось 132 000 офицеров, 4,1 миллиона унтер-офицеров и солдат, 1,27 миллиона лошадей. В тыловых войсках насчитывалось 40 000 офицеров и 1,9 миллионов солдат, а в части возвращалось около 40% раненых и больных. Ежемесячное пополнение боевых частей за счет резервных, которое в начале войны составляло около 300 000, сократилось вдвое.

Австро-Венгрия с начала войны до конца 1915 года потеряла 3 290 200 воинов, из которых 431 000 (10 000 офицеров) погибли. Было 1 137 700 (23 400 офицеров) раненых, 1 024 300 (34 700 офицеров)

⁹ P. Tomac, *nav. delo*, str. 315.

больных, 775 000 (9 700 офицеров) попали в плен. На фронт до конца 1915 года вернулось 1 070 247 военнотружущих (37 693 офицера). Таким образом, в начале 1916 года на переднем крае было 2,7 миллиона человек, а в тылу 1 736 000, из которых только 75 000 являлись бое-способными¹⁰.

Анализ показывал, что время работает на силы Антанты и что тактика изнурения ведет Центральные державы к поражению. Однако все воюющие стороны надеялись, что 1916 год принесет им победу.

МИР И ВОЙНА В СЕРБИИ 1915 ГОДА

Сербия, несмотря на военные победы и достоинство, с которым сражалась, встретила 1915 год изможденной, разрушенной и обеспокоенной. Австро-венгерские агенты замечали, что боевой дух армии не ослабел, ядро боевого состава составляют около 260 000 солдат, а патриотический дух присутствует и у вновьпризванных бойцов. Немецкие разведчики докладывали, что часть работы на фабриках взяли на себя женщины. От их глаз не ускользнула острая нехватка военного снаряжения, санитарного материала, продовольствия, обмундирования для армии. Заметны были также экономические и финансовые проблемы, с которыми страна столкнулась. Войну в Сербии переживали как большое горе, но и как неизбежный удар судьбы. Складывалось впечатление, что Сербия готова сражаться до последнего. Воинские части пополнялись добровольцами. О боевой решимости свидетельствовал и тот факт, что до весны 1915 года Сербия мобилизовала около шестой части всего своего населения. Одновременно в армии Черногории насчитывалось около 50 000 бойцов или седьмая часть общего числа граждан¹¹.

Австро-венгерские и немецкие офицеры генерального штаба, столкнувшись с военным поражением своих войск на балканском театре военных действий и намереваясь в 1915 году использовать опыт войны с сербской армией, провели основательный анализ. И он показал, что сила сербов заключается в «безупречных» офицерских кадрах на всех уровнях, отличной специальной подготовке командиров, доверии

¹⁰ Там же, с. 315.

¹¹ Д. Јанковић, *Србија и југословенско питање 1914–1915*, стр. 223–250; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 181–187.

войск им, подготовленности унтер-офицерского состава, «живучести» и выносливости солдат, патриотизме и мотивированности в защите отечества, приобретенном военном опыте. Более того, в немецких и австро-венгерских газетах и журналах тоже можно было в военное время прочесть весьма положительные мнения о храбрости и стойкости сербских воинов.

«Немногие солдаты сражались так, как сражался сербский солдат, – написал немец Карл Ф. Новак. – Он умирал там, где ему приказывали держаться, не уступать. Да ему и не обязательно было приказывать, чтобы он держался любой ценой». По его словам, сербский солдат принадлежал к «самым стойким воинам, которых видел мировой пожар»¹². И австро-венгерское издание помещало такую же оценку, подчеркивая: «Мы должны вновь признать: Сербия в военном отношении – очень храбрый противник, достоинства которого превосходят достоинства русского солдата. Ему присуща легендарная храбрость и презрение к смерти, как у русского, но его свойства еще выше, так как они дополняются еще осознанием целей борьбы. Если русский, в общем, только орудие офицера, подчиненный, инстинктивно выполняющий команду, то сербский солдат показывает живой ум и, особенно, какую-то фанатичную любовь к отечеству – любовь, которая дает ему силы переносить все ужасы войны»¹³.

Способности сербских солдат и офицеров высоко оценивали и союзники. По словам Чарльза Вопицки, сербские солдаты, «когда отправлялись на фронт, выглядели как некая толпа бродяг, но на самом деле они были более чем исключительные воины». Его британский коллега, полковник Томпсон, разделял эту похвальную оценку. Хотя по отношению к высшим офицерам сербским был весьма критичен, о простых солдатах он высказывался почти с восхищением: «О сербской пехоте мы можем высказать только слова похвалы. Это воины храбрые, выносливые, послушные, с высокой нравственностью, и могут вынести, безо всяких, условия, от которых обычные британцы пришли бы в ужас. Они иногда идут в наступление и без приказаний своих офицеров – несмотря на то, что в основном неграмотные... обладают весьма здравым разумом, что позволяет им поступать правильно и тогда, когда действуют независимо (то есть, когда не получают определенных

¹² Цит. по: Драгиша Васић, *Каракѿер и менијалијићей једној ѿколења*, Нови Сад с. а., стр. 74–75.

¹³ Там же, с. 75–76.

команд действовать). Безо всякого преувеличения можно сказать, что нет таких позиций, которые бы лучшая дивизия сербской армии не могла бы захватить, при условии, что это сопровождается хорошей артиллерийской подготовкой»¹⁴. Поимом всего, Джон Рид записал, что в Сербии он познакомился с одним молодым, имеющим университетское образование офицером, который «уже три года живет жизнью кочевого воина, жизнью, которой ни один англичанин, француз или немец не смогли бы вынести»¹⁵.

Военное поражение Австро-Венгрии имело и конкретные политические последствия. По оценкам дипломатии, оно явилось результатом возрастающей неуверенности и ослабления веры в силу Монархии в Бухаресте, Риме и Софии. С другой стороны, отпор, который Сербия дала австро-венгерским войскам, принес ей благосклонность мирового общественного мнения. После визитов британских и французских генералов, лорда Педжета и По, после сообщений Арчибальда Райса, текстов Джона Рида и Анри Барбюса, после миссий влиятельных интеллектуалов Генри Уикхэм Стида и Роберта Сэтон-Уотсона, ученых Артура Эванса, Джорджа Тревельяна, Чарльза Омана и миллионера Рокфеллера, правда о Сербии стала доступна властям западных стран и их общественности. Репутации Сербии помогло и заступничество таких интеллектуалов и ученых, как Виктор Берар и Эмиль Оман. В западноевропейских столицах и городах России создавались комитеты и фонды, которые собирали помощь, предназначавшуюся Сербии и Черногории¹⁶.

Но если победоносные сражения первого года войны на некоторое время уменьшили военную опасность для Сербии, то проблемы, которые сербским властям пришлось решать уже в начале 1915 года, были многочисленными и тяжелыми. Людские жертвы были огромны, вооружение изношено, боеприпасов не хватало. Эпидемии заразных болезней уносили новые жертвы. В Сербии находились десятки тысяч австро-венгерских пленных, что также обременяло разрушенную войной страну. Экономика ее из-за войны и разорений оказалась в усугублявшемся кризисе. Собственно, ослабевала она из-за того, что

¹⁴ Ч. Ц. Вопицка, *нав. дело*, стр. 55–56.

¹⁵ Ц. Рид, *нав. дело*, стр. 33.

¹⁶ Подробнее см.: Д. Јанковић, *Србија и југословенско јунијање 1914–1915*, стр. 223–250; У. Остојић-Fejić, „Stav britanskih javnih i naučnih radnika prema ratnim naporima Srbije 1914–1915“, *Vojnoistorijski glasnik*, br. 2/1983, str. 253–265; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 177–181.

около 83% мужского населения в возрасте от 18 до 55 лет было мобилизовано. Большую часть поголовья скота реквизируют на нужды армии, производство продуктов питания снизилось на две трети, дорожная сеть и коммуникации были разрушены. Государственные доходы снизились на 1/5 по отношению к предвоенному состоянию, а расходы на финансирование войны были почти в восемь раз больше, чем совокупный доход, которым располагало государство. Долги Сербии союзным правительствам увеличились на полмиллиарда французских франков¹⁷.

Союзники возобновили свои требования о территориальных уступках Болгарии. Поскольку с союзными государствами договора, в котором бы регулировались обязанности и права, не было, то оказываемое политическое давление изо дня в день становилось все сильнее. Ожидалось совместное наступление австро-венгерской и немецкой армий, с возможным присоединением болгарских частей. Несмотря на победы, настоящее открывало незалеченные раны, а тревога за будущее была большой.

Когда Джон Рид со своим спутником, художником и иллюстратором Бордманом Робинсоном, прибыл в Сербию летом 1915 года, один сербский офицер сказал ему: «У нас, сербов, больше вообще нет обмундирования. Мы провели четыре войны за три года – первая и вторая балканские войны, албанское восстание, а сейчас вот эта... Три года наши солдаты не передевались». Он и сам на каждом шагу замечал, что сербские солдаты были «оборванные и грязные, во всевозможном полуобмундировании, с патронными лентами, скрещенными на груди, как у мексиканских революционеров». Со впалыми щеками, изголодавшиеся, «но с винтовками наготове», они являли собою «последний сгусток отчаянной мужской силы страны». «После двух войн, которые забрали цвет ее молодости», после отчаянной борьбы против большой военной силы, заразных болезней и вследствие других бед Сербия стала «страной мертвых»¹⁸.

Следы смерти и войны можно было увидеть на каждой пяди земли Сербии, в селах и городах которой развевались черные хоругви. На юг от Белграда «повсюду вдоль дорог стояли под маленькими крышами новые деревянные кресты, выкрашенные в золотой, зеленый и красный цвета», олицетворяя «память о людях из окрестностей, которые

¹⁷ В. Стојанчевић, *Србија у Првом свейском рају*, стр. 91–92.

¹⁸ Ц. Рид, *нав. дело*, стр. 16–18.

погибли неизвестно где и тела которых никогда не будут найдены. В горах буйно поразрастались деревья, трава и цветы. В прошлом году засеивавшиеся нивы из-за сорняков походили на джунгли. Дома с открытыми дверями и распахнутыми окнами тихо стояли среди необработанных виноградников... во всем этом крае не хватало еды даже для населения.» По обе стороны дороги почти каждая ограда перед домом «была помечена выведенным известью белым крестом, иногда и двумя или тремя. Каждый крест означал наличие в доме заболевших тифом. За неполный километр я насчитал больше ста крестов», – писал Джон Рид. – Казалось, что на этой пышной, плодородной земле нет уже ничего, кроме смерти и памяти о смерти»¹⁹.

Отправившись дальше, к Мачве, Джон Рид и его спутник ехали поездом, к которому было прицеплено четыре товарных вагона, «битком набитых несчастными беженцами, в основном женщинами и детьми, возвращающимися к своим очагам, которые шесть месяцев назад покинули, уходя без ничего, пешком, от австрийского кнута». Поезд шел «медленно по широкой плодородной равнине, белой от цветущих садов и зеленой от высокой травы и молодой листвы, среди необработанных и поросших сорняками полей, и мимо некогда белых домов, почерневших от пожаров. Весь этот край был выжжен, разграблен, а население уничтожено. Мы не видели ни одного вола, – подчеркнул Джон Рид, – а на протяжении километров и человека также. Проезжали через городки, в которых трава росла на улицах и ни одного человеческого существа не видно было. Иногда наш поезд останавливался, чтобы высадились беженцы; они стояли там, возле путей, со всем своим имуществом в мешке, закинута на плечо, и молча смотрели на развалины своих домов...» В Прняворе на улицах их ожидали «застоявшиеся лужи от шедших дождей, покрытые зеленой тиной. В воздухе чувствовался смрад от разлагающихся тел и запущенной грязи. На заборах почти перед каждым домом был известью начертан хотя бы один зловещий крест, указывавший, где есть тиф, или где он был. Во дворе одного дома, где трава была снята, чтобы вырыть большую могилу для многих сразу, стояла морщинистая, хромая женщина в окружении девятерых детей – все до пятнадцати лет. Двое из них были едва в состоянии держаться на ногах, мертвенно бледные, дрожали от какой-то лихорадки; еще трое, из них один – совсем младенец, были покрыты незалеченными ранами и струпами.»

¹⁹ Там же, с. 50–51.

На полях где-то увидели «двух волов, которых вела женщина... они тащили деревянный плуг, вытесанный из кривых дубовых веток, за которым шел солдат с винтовкой на плече. Какой-то жандарм объяснил им, что в Сербии все мужчины либо в армии, либо погибли, а все волы забраны «таскать пушки и обозные повозки». Поскольку с сентября не было боев, правительство солдат и волов посылало «по всей Сербии, где они были нужны, помогать на пахоте»²⁰.

Пугающую картину сожженной и разграбленной страны, «истребленного народа», как писал Джон Рид, дополняли виды полей тяжелейших сражений. Некогда покрытая лесом вершина горы Гучево была полностью оголена, так как «там не осталось ничего, кроме искореженных пней, окованных блестящими осколками свинца. С одной стороны... простреливаемого пространства были сербские окопы, с другой – австрийские. Их отделяло едва ли два десятка метров. Кое-где обе траншеи соединялись в огромные ямы, метров двенадцати диаметром и пятнадцати глубиной, – это места, где неприятель их подорвал, динамитом подняв на воздух. Пространство между окопами было изрыто и покрыто бесформенными кучами земли. Присмотревшись внимательнее, мы увидели ужасающее: из этих небольших куч виднелись обрывки обмундирования, черепа в покрытых грязью волосах, со свисающими кусками плоти; белые кости с гниющими кистями рук; окровавленные кости, торчащие из солдатских сапог. Над всей местностью висел ужасный смрад. Своры одичавших собак унеслись к опушке леса; и с расстояния нам было видно, как два пса дерутся за что-то, наполовину покрытое землей. Ни слова не говоря, капитан достал револьвер и выстрелил. Один пес зашатался, упал в судорогах и так остался лежать, а второй с воем скрылся за деревьями; сразу же в ответ со всех сторон из леса послышался жуткий вой волков, постепенно затихший у краев поля боя, за километры оттуда.

Мы ступали по мертвым, так много их было – иногда наши ноги проваливались в ямы с гнилыми трупами, ломали кости. Вдруг открывались уходящие далеко вглубь дыры, кишащие серыми червями. Большинство трупов было присыпано лишь тонким слоем земли, которую частично смыли дожди, а многие вообще не были захоронены. Кучи австрийцев лежали так, как упали при отчаянной атаке, распластанные на земле в позах резко остановленного движения. Среди них оказывались и сербы. В одном месте наполовину объединенные скелеты

²⁰ Там же, с. 18, 59–60.

австрийца и серба были сцеплены руками и ногами, обхватившими друг друга в смертной судороге, так что их и сейчас невозможно разнять. *Сзади* австрийской линии окопов было заграждение из колючей проволоки, свидетельствующее о духе загнанных в этот смертельный капкан людей – ведь там были по преимуществу сербы из австрийских славянских провинций, которых под дулами пистолетов вынудили воевать против своих братьев.

На протяжении целых девяти километров вдоль вершины Гучева было все устлано мертвыми – десять тысяч их, как сказал капитан».

Многочисленными родниками Гучева – «Горы вод», как ее когда-то называли турки, а сейчас «наводненной гниющими мертвецами» – была напоена вся округа; «с другой стороны они впадали в Дрину, оттуда в Саву и Дунай, через края, в которых миллионы пили эту воду, мылись ею и в ней рыбачили. В Черное море текла отравя Гучева...»²¹.

На дороге между Крупанем и Валевоm по обе стороны были разбросаны следы австрийского отступления: «сотни грузовых телег, орудийных двуколок, неисправных пушек, кучи поржавевших винтовок и неиспользованных патронов, обмундирования, головных уборов, тощих вещмешков и кожаных патронташей. Дорога шла по краю ущелья, из которого река срывалась в долину. От нее шла вонь, вызывающая у человека тошноту. В эту реку сбрасывали тела людей и лошадей, найденных мертвыми на пути отступления. Здесь река становилась шире и с грохотом переливалась через огромную плотину; посмотрев вниз, мы увидели чистую воду, текущую поверх массы сгнившей ткани и вздушихся либо размываемых тел – прямо из самого водопада торчала кость с кусками плоти и колеблющимися в потоке лоскутами одежды.

Кошмар этого путешествия продолжался еще часов пять, пока мы не прибыли в жуткое, разрушенное, разграбленное село Завлака... Весь тот день мы тащились по долине, которая была ничем иным как растянувшейся на семьдесят километров могилой погибших австрийцев»²².

Отступая, австро-венгерские солдаты оставили после себя тиф, впоследствии распространившийся из-за отсутствия общей здравоохранительной культуры, недостатка медицинского персонала, больниц и

²¹ Там же, с. 67–69.

²² Там же, с. 71.

нужных лекарств. Так Сербия столкнулась с одним из самых тяжелых выпавших в период Первой мировой войны испытаний – опасным как по охвату территории, так и по количеству заболевших. Смертность была исключительно высокой, особенно в феврале 1915 года. Рискуюя собственными жизнями, очень многие мужчины, женщины и девушки вызывались помогать больным. Среди добровольных санитарок была и Надежда Петрович, виднейшая сербская художница конца XIX и начала XX века. Она, заразившись страшной болезнью, умерла в больнице города Валево, ставшей символом массового мора.

Когда Джон Рид летом 1915 года прибыл в Валево, «один из ужаснейших очагов тифа во всей Сербии», он продолжил описание длинного ряда потрясающих картин, с которыми повсеместно сталкивался. Даже тогда, когда эпидемия значительно ослабела, «улицы Валево были только проспектами больниц». В одной из них он увидел «кошмарную комнату», набитую людьми с тифозной гангреной, «ужасной болезнью, почти в пятидесяти процентах солдатских случаев приходящей за тифом, от которой мясо гниет, а кости крошатся. Единственный шанс остановить ее – ампутация больных частей тела, и эта комната была полна людей без рук и ног, с гниющими лицами и торсами. Они стонали и кричали, причитая: «Ох, мама! Мать Божья, спаси меня!» Большинству из них уже ничто не могло помочь. Плоть отваливалась бы с них до тех пор, пока гангрена не доберется до сердца и мозга, а тогда бы наступила смерть в страшной агонии»²³.

На другом конце Сербии, в Нише, неподалеку от Челе-Кулы находились каменные здания и деревянные бараки, в которых тоже лечились больные тифом. Описывая первые впечатления, Джон Рид отметил те же почти картины и чувства: «Ветер подул в нашу сторону, неся смрад тел людей, которые обливаются потом в горячке, которые больны и принимают пищу – гниющих человеческих тел. Мы вошли в барак, вдоль стен которого одна к другой расположены койки, и при слабом свете двух лампочек смогли рассмотреть пациентов, дрожащих под своими грязными одеялами, по пять и по шесть человек лежащих на двух сдвинутых койках. Некоторые сидели и апатично ели; другие лежали, будто мертвые; а кто-то, ропща, издавал, короткие стоны или кричал, внезапно впадая в состояние бреда. Санитарами были спавшие в том же помещении австрийские пленные... Мы ходили по барaku, в котором стоял тяжелый смрад, устоялись запахи разложения и смерти, пока

²³ Там же, с. 71–72.

окончательно не изнемогли, сочувствуя этим большим и беспомощным людям и пока нас не стало тошнить от вони». Многие деревни около Ниша «пропахли формалином и были зловеще побрызганы белым – все это были очаги заразы»²⁴.

Бороться с эпидемией помогали союзнические страны во главе с Великобританией; они присылали медицинский персонал и необходимые материалы. Там находились активисты, собиравшие средства на помощь, а некоторые из них не только жертвовали собственные деньги, но и сами приезжали в Сербию, стремясь помочь. Больше всего помощи санитарными средствами, медицинским оборудованием и квалифицированными специалистами оказывали Великобритания, Франция и Россия. Приходила помощь также из нейтральных стран – Дании, Голландии, Швеции, США и Японии, благодаря чему эпидемия была остановлена. По неполным данным, в Сербию тогда прибыло около 2 000 иностранных врачей и медицинских работников. Мир таким образом по-своему исполнил моральный долг перед сербским народом, оказал поддержку сербскому государству и армии²⁵.

Когда эпидемия утасла, невозможно было установить, сколько человек заразилось, но предполагается, что из 400 000 заболевших умерло более 100 000 гражданских лиц, 35 000 солдат и около 30 000 военнопленных. От тифа пострадала половина сербских врачей и медицинского персонала²⁶.

В лечении больных участвовали и пленные австро-венгерские солдаты, которых было много, и встретить их можно было почти по всей Сербии. Отношение властей, армии и населения к ним было на удивление толерантным, несмотря на карательные экспедиции и преступ-

²⁴ Там же, с. 29, 32.

²⁵ В группе медицинских работников, которые из союзнических стран прибыли оказать помощь в борьбе с тифом, особенно следует отметить британских санитарок. Одной из них была леди Лейла Педжет, которая впервые в Сербию приехала в 1910 году как супруга тогдашнего британского посла сэра Ральфа Педжета. Возвращаясь туда, она занималась медицинской работой во время Балканских и Первой мировой войн. Известным стало ее высказывание: «Пусть меня забудут все! Мне все равно! Но мне будет тяжело, если меня забудут мои сербы!» Большим другом сербского народа была и Флора Сэндс, английская санитарка, которая позже стала первым иностранным офицером и единственной женщиной-офицером в сербской армии. Регент Александр Карагеоргиевич наградил ее за выдающиеся заслуги Звездой Карагеоргия. См.: Луиз Милер, *Наши братья. Живой кайейшана Флоре Сенгс*, Београд 2013.

²⁶ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 189–193.

ления, до этого совершенные ими против сербского народа, а также на обстоятельства общей трагедии.

Чарльз Дж. Вопицка, который в качестве американского Чрезвычайного Посла и Полномочного Министра являлся председателем Международной комиссии по контролю за содержанием австро-венгерских и немецких военнопленных в Сербии, написал в своих воспоминаниях: «Многие военнопленные в Сербии работали в частных фирмах – например, на сахарном заводе в Чуприи, либо участвовали в различных общественных работах – таких, как строительство, ремонт и обслуживание железных дорог. Работали также в сельском и лесном хозяйстве, в больницах; да и в частных домах слугами или работниками.

Я лично разговаривал с 23 900 пленными, задавая им вопросы о том, как их содержат. И убедился, что власти Сербии делают все возможное в существующих условиях, чтобы разместить и обеспечить этих военнопленных... В Ниш было интернировано около 740 пленных офицеров. Их разместили в старых турецких казармах... Во дворе там росли деревья, в тени которых стояли столы и лавки. Высших офицеров размещали по двое или по четверо в комнате. Остальные размещались в спальнях на 10–15 человек, и во всех этих помещениях была соответствующая вентиляция. У каждого офицера имелась кровать с матрасом, простыней, подушкой и одеялом. Постельное белье им меняли каждую неделю.

Каждая небольшая группа офицеров имела своего «посыльного», который тоже был военнопленным. Работало четыре кухни: на одной готовилась пища для славян, на второй – для венгров и хорватов, на третьей – для немцев, а на четвертой – для чехов и словаков. В день нашего посещения у австро-венгров было следующее меню: на завтрак хлеб и кофе, на обед суп, ростбиф и салат, а на ужин макароны с салом...

Офицеры сами выбирали и покупали еду, так как получали «жалование», три динара в день. Они для себя основали и отдельную мясную лавку, а имели также магазинчик, в котором по доступным ценам могли приобретать вещи... Из общего дохода магазина пять процентов жертвовалось на «Сербский Красный Крест»... У каждого офицера было свое постельное белье, и он мог, за умеренную плату, отдавать его в город в стирку. Единственным недостатком, который выявила комиссия, было то, что в некоторых туалетах не поддерживалось надлежащее санитарное состояние. В упомянутых казармах имелась и небольшая комната, с хорошей и чистой кроватью, которая использовалась как «арестное помещение». В соответствии с правилами, наказанным офицерам раз-

решались три часовые прогулки в день. Офицеры также пользовались привилегией еженедельно отправлять одну почтовую карточку, но никто не делал им замечаний, если отправляли и по двадцать в неделю... Офицеры выглядели здоровыми, страдали разве что от скуки... Некоторые из них... проводили время за черчением, рисованием или ваянием. Им было разрешено выходить в город. Они нашли где-то и оргán, а время от времени устраивали театральные представления... Учитывая тяжелые условия и нищету во всей Сербии, было ясно, что австро-венгерские офицеры жили лучше, нежели большинство сербов, даже из высших слоев сербского общества»²⁷.

Содержание военнопленных не было одинаковым во всех лагерях, однако не отличалось в существенном. Там, где вводились трудовые обязанности, они получали «мясо, картофель, рис, жир, сыр и шпик». Поражало, кстати, то, что обращение с пленными «всегда было хуже и «тверже» в тех лагерях, где распоряжались выборные лица из самих пленных, чем отношение к ним в лагерях, которыми управляли сербы»²⁸.

Получив достаточно полное представление обо всем, Чарльз Вопицка потребовал, чтобы комнаты проветривались, санитарные условия улучшались, а в рацион питания включалось больше овощей, во избежание однообразия питания. К примеру, «для австрийских солдат наибольшей проблемой было то, что не получали кофе на завтрак, тогда как у австрийцев с детских лет привычка пить кофе». Вопицка признавал, между тем, что сами сербы испытывали недостаток в продовольствии, а также, что Никола Пашич с пониманием отнесся к предложениям Международной комиссии, в общем заключении которой отмечалось, что отношение к заключенным в большинстве случаев было «хорошим и благожелательным»²⁹.

Джон Рид, хотя и не владел таким количеством собранных фактов, тоже заметил, что «австрийские пленные в обмундировании бродили... свободно повсюду, без охраны. Некоторые управляли повозками, некоторые копали ямы, а сотни их праздно шатались туда-сюда». Рид и его спутник узнали, что пленного можно было «взять в услужение, заплатив пятьдесят динаров властям». Брали их все посольства и консульства, а сами пленные были «счастливы работать в качестве прислуги,

²⁷ Ч. Ц. Вопицка, *нав. дело*, стр. 78–79.

²⁸ Там же, с. 82.

²⁹ Там же, с. 82–83.

ибо тогда получали и пристойное жилье, да и недостающее питание». Иногда на улицах можно было встретить австрийских офицеров, ходивших «в полной униформе и с саблей». Объяснялось это тем, что бежать пленным некуда, поскольку грязь на дорогах была в метр толщиной, а в опустевших селах, охваченных эпидемиями, не было пищи. Помимо этого, граница была хорошо защищена³⁰.

Но что особенно изумляло, так это гостеприимство сербского народа, его расположение, дружелюбие к иностранцам и союзникам, непосредственная дружба между офицерами и солдатами, вследствие чего Джон Рид пришел к выводу, что Сербия – «одна из самых демократичных стран в мире». Кроме того, несмотря на пережитое, у сербов обнаруживалось «удивительное отсутствие горечи»; «люди, похоже, считали, что тяжелое поражение австрийцев стало возмездием за все мрачные ужасы, за смерти братьев, за то, что они принесли тиф»³¹.

В месяцы мира снова стала активизироваться политическая жизнь, сконцентрированная в Нише как военной столице³². Иностранцы посла тогда в своих донесениях отмечали, что в Сербии политикой «интересуются все», она охватывает все слои общества. В политических

³⁰ Ц. Рид, *нав. дело*, стр. 26.

³¹ Там же, с. 35, 48, 52, 61.

³² В центре города располагались настоящий восточный базар, несколько ресторанов и «вонючих кабаков», «обшарпанная гостиница «Ориент», непременно американский обувной магазин», а «среди дешевых маленьких лавочек» вдруг появлялись витрины, блистающие «драгоценными украшениями и экстравагантными женскими шляпками». «На тротуарах толкалось множество странно сочетающейся публики: цыгане, разоренные крестьяне, полицейские с большими саблями в красных и синих мундирах, налоговики, обмундированные как генералы и тоже с саблями, элегантные офицеры в орденах, солдаты в грязных лохмотьях и с ногами, обмотанными тряпками, – солдаты хромые, передвигающиеся на костылях, безрукие, безногие, отпущенные из переполненных госпиталей, еще синие и трясущиеся от тифа – и повсюду австрийские пленные. Правительственные чиновники сновали с портфелями под мышкой. Толстые евреи – которые обеспечивали военные поставки – болтали с досужими политиками за безупречными ресторанными столиками. Сотрудницы министерств, жены и любовницы офицеров, изысканные дамы, толкались вместе с крестьянками». Когда правительство из Белграда перебралось в Ниш, «горное село с двадцатью тысячами жителей стало городом со ста двадцатью тысячами населения – не считая тех, что умирали. А тиф стал выметать город, в котором по шесть и десять человек проживало в одной комнате, пока в конце концов повсюду не затрепетали длинными, мрачными рядами черные хоругви, а окна ресторанов не были обклеены черными бумажными некрологами» (Там же, с. 26–27).

верхах страны, несмотря на довоенную острую критику, адресованную оппозицией властям, наступило своеобразное политическое примирение. Правительство имело сильную поддержку в войсках. Конфликт радикалов со сторонниками организации «Черная рука» временно был заморожен, хотя ни одна из сторон не отказывалась от позиций, которые обеспечивали влияние на предстоящие события. В сознании сторонников социалистического движения вступали в противоречие принципы и реальность. Сербские социалисты, хотя и были противниками войны, считая ее империалистическим столкновением, однако в обороне страны участвовали, таким образом, как говорил их вождь Димитрий Тузович, отстаивая «свободу своего народа, а не уничтожение свободы других»³³.

Внешнеполитическое положение Сербии становилось все хуже. Изнуренная сражениями, которые пришлось вести в 1914 году, страна оказалась на распятии между агрессивными врагами и эгоистичными союзниками.

Столкнувшись в 1915 году с неблагоприятными обстоятельствами на больших фронтах, союзники усилили старания склонить на свою сторону нейтральные страны, особенно Италию и Болгарию. Преследуя свои интересы, они за новые военные союзные отношения были готовы «заплатить», уступая области, в которых жили югославянские народы, и территориями самой Сербии. Соседей Сербии, в частности Болгарию, нужно было за возможное присоединение к силам Антанты наградить расширением границ.

Сербское правительство, сопротивляясь этому, положиться могло на все свои общественные, политические и военные структуры, представители которых были убеждены, что Сербия станет Пьемонтом будущего объединения всех земель, где проживает сербский народ и его «югославянские братья». Доминировали представления о Сербии как о защитнице всего сербского и югославянских народов, а также и убеждение, что все усилия имеют смысл, если в конце войны будет создано большое государство. Не соглашаясь с тем, чтобы только Сербия несла территориальные потери, таким образом становясь объектом союзнической политики территориальных уступок, государственные верхи защищались оправданием, что на изменение границ необходимо согласие большой Народной Скупщины, которую невозможно созвать в условиях войны. Ключевая политическая причина такой

³³ Д. Јанковић, *Србија и југословенско питање 1914–1915*, стр. 300–325.

реакции на давление союзников – позиция: сербский народ не готов отдать территории, за которые всего лишь какой-то год назад шел на гибель. Сербские политики, с национальной точки зрения, подчеркивали, что территории, которых союзники требовали, населены преимущественно сербским народом. К тому же, природные богатства Македонии и ее стратегическое положение на моравско-вардарском направлении являлись не менее важными причинами для того, чтобы противостоять давлению. Кроме того, обстоятельства, при которых требовались уступки, создавали нравственные ограничения. Никола Пашич считал, что сильное и большое сербское государство, являющееся фактором, который препятствует расширению германского влияния на Балканах, отвечает также интересам сил Антанты. В то же время напряженность, имеющаяся после балканских войн в отношениях балканских государств, не давала возможности союзникам эти балканские государства привлечь на свою сторону, возродить в каком-то виде Балканский союз и таким образом сделать свое влияние на Балканах доминантным. Сербия, хотя декларативно и поддерживала возрождение Балканского союза, понимала, что такое решение неминуемо навязет территориальные уступки. Несмотря на все это, приняв Нишскую декларацию, она сделала определенный выбор в пользу югославянской программы³⁴.

Свое видение, как следует обустроить балканское пространство, имелось у обоих противостоящих военных союзов. Члены Антанты приняли к сведению Нишскую декларацию, однако официально отношения к этому документу не высказали. Положения декларации затрагивали интересы Италии, которая всеми силами старалась оспорить права Сербии и в среде западных союзников посеять подозрения относительно «балканского славизма». Правительства Великобритании и Франции считали территориальные претензии итальянцев чрезмерными, но, в то же время, имели и большие надежды на включение Италии в войну. Россия же была обеспокоена итальянскими притязаниями на Балканах и политикой, которая ставила под вопрос имеющиеся планы создания славянской конфедерации на Балканах. Согласие Петрограда на активизацию переговоров с Италией последовало только после того, как британские власти подтвердили, что решение уступить Константинополь и проливы России остается в силе. Неохотно к этому договору присоединилась и Франция. Долгие переговоры членов

³⁴ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 117–122.

Антанты с Италией завершили 26 апреля 1915 года подписанием тайного Лондонского договора. Италии были обещаны Тироля, Юлийская Крайна с Триестом, Горицей и Постойной, Истрия, Кварнерские острова, Северная Далмация до мыса Планка с Задаром и Шибеником и множеством адриатических островов. В Албании ей должны были достаться остров Сазани (Сасено) и порт Валона (Влёра). Лондонский договор, таким образом, угрожал интересам Сербии и осуществлению ее югославянской программы.

Сербия не была оповещена о начале переговоров и заключении Лондонского договора между союзными государствами и Италией. Скучная информация, которую получали ее дипломатические представители и югославы из Австро-Венгрии, показывала, что дело касается важных решений, интернационализирующих югославянский вопрос³⁵.

Николу Пашича особенно беспокоили компенсации, которые союзники готовы были предоставить Италии и о которых велись разговоры в дипломатических кругах. В начале апреля 1915 года союзники предоставляли возможность Сербии договориться с Италией относительно спорных территорий, но она это отвергла, мотивируя тем, что не готова «торговать» своим народом. Воспринимая давление со стороны союзников как дело постыдное, в котором проявляется неуважение к жертвенно павшим сербам, Никола Пашич грозился, что Сербия, если будет нужно, противопоставится и «собственным союзникам». Из договора, который был готов к подписанию, в последний момент исключили

³⁵ Никола Пашич о переговорах сил Антанты с Италией узнал из письма хорватского политика Франа Супила, который на тот момент находился в России. Несколько позже он получил информацию и от сербских послов в Париже, Лондоне, Петрограде и Риме – Миленка Веснича, Матеи Бошковича, Мирослава Спалайковича и Михаила Ристича. Вначале он высказывал надежду, что Италия не откажется от «принципа национальности», на котором сама создавалась, и на этих основаниях будет отстаивать свои интересы на Адриатическом море и тем самым не пожелает доводить до «разногласий... между сербами-хорватами-словенцами и итальянцами». Он верил, что «только единение этих двух народов» способно гарантировать, «что прорыв Германии не может иметь успеха», и полагал, что итальянские политики умеют ценить дружбу, осознавая выгоду, которую она принесет в будущем. Пашич считал также, что компенсации, которые союзники предоставили бы Италии, означали бы «ужасный удар» по принципу национальности, и что по этому поводу должен быть заслушан «голос Сербии» (*Одговор Николе Пашића на југославичко питање у Народној скупштини 27. априла 1915. године*, Ђ. Станковић, *Свој говора Николе Пашића*, књ. 2, стр. 9–11).

пункт, согласно которому в итоге войны запрещалось объединение Сербии и Черногории, хотя этот процесс и не поддерживался. Договор разрешал в будущем сформировать расширенное сербское государство, в состав которого бы вошла Босния и Герцеговина и которое бы имело выход к морю, но без возможности его союза с Хорватией³⁶.

Соглашение, заключенное союзниками с Россией по поводу Константинополя, и договор, подписанный с Италией, составили основу для разработки двух военных операций – наступления итальянских частей через Альпы на Австро-Венгрию и британско-французской операции на Дарданеллах. Получилось, однако, что ни одна из этих наступательных операций не дала желаемого результата. Таким образом, дипломатические успехи Антанты по вовлечению Италии в войну и укреплению отношений с Россией теряли смысл, к тому же Антанта утратила стратегическую инициативу на итальянском, турецком и российском театрах военных действий. Все это повлияло на развитие военной ситуации на Балканах³⁷.

Пока переговоры с Италией проходили без информирования сербских властей, от Сербии продолжали требовать, чтобы она, ради привлечения на свою сторону Болгарии, отказалась от части Македонии и передала ее бывшей союзнице. Уже в середине января 1915 года, с появлением первых сведений, что Центральные державы планируют новое наступление на Сербию, союзническая дипломатия усилила давление на сербское правительство, требуя, чтобы в соответствии с сербско-болгарским договором о разделе Македонии, подписанным перед Первой балканской войной, 13 марта 1912 года, спорные территории были переданы Болгарии. В то же время Лондон и Париж не были готовы дать Сербии конкретные обещания о территориальном расширении за счет австро-венгерских областей, населенных сербами и частично иными южными славянами. Эта осторожность была обусловлена опасением вызвать нежелательную реакцию Италии, с которой в то время начинались тайные переговоры. Кроме того, Великобритания и Франция оказывали давление и на Россию, чтобы та срочно начинала переговоры с Болгарией, без согласования

³⁶ B. Petranović, M. Zečević, *Jugoslavija 1918–1988*, str. 53–65; Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 131–147; A. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 208–209.

³⁷ D. Šepić, *Italija, saveznici i jugoslavensko pitanje 1914–1918*, str. 54–75; H. Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом светском рату*, стр. 195–208.

с сербскими властями. Со своей стороны, сербские военные, политические и интеллектуальные верхи в большинстве своем были склонны считать, что из Македонии не следует уходить, тем более что союзники не пожелали подписанным договором гарантировать дававшиеся обещания.

Давление союзников на Сербию особенно усилилось весной 1915 года, после прорыва российского фронта возле Гарлица, неудачи в Дарданелльской операции и поражения Италии на Соче. Ухудшившаяся ситуация на фронтах побудила представителей сил Антанты, в обход сербских властей, в конце мая начать переговоры с представителями правительства Болгарии. В том случае, если она сразу примет сторону Антанты и нападет на Турцию, ей обещалась Вардарская Македония до линии Крива Паланка – Охрид. В уведомлении, которое министр Сазонов направил Николе Пашичу, впервые было подчеркнуто, что в качестве компенсации за уступки, сделанные Болгарии, «Россия поддержит объединение хорватов, словенцев и сербов в одно государство». Впрочем, этот впервые проявленный знак внимания к югославянской программе не означал, что Сербия смирится с уступками для Болгарии. Решительно протестуя против произвола союзников и готовности обещать другим странам в качестве вознаграждения за вступление в войну территории, входящие в состав сербского государства, Никола Пашич заявил, что Сербия не может пойти на уступки, которые стратегически угрожают ее существованию. Он подчеркивал, что вопрос Македонии можно решить только на «поле битвы» и требовал, чтобы на уступки Болгарии пошли также другие балканские страны – Румыния и Греция, настаивая, что уступки, сделанные под давлением, будут свидетельствовать лишь о готовности Сербии к «тяжелой жертве», но окажутся все-таки слишком малыми для удовлетворения appetитов Софии. Среди условий, которые он ставил союзникам, было и требование, чтобы за Сербией было признано право союзника с правом решающего голоса, была гарантирована безопасность, обещаны такие привилегии, как регулярная финансовая поддержка и выход к морю.

В начале августа союзники еще раз попытались уговорить Болгарию отказаться от нейтралитета и вступить в войну против Турции, обещая военным путем оккупировать восточную часть Вардарской Македонии и не допустить расширения Сербии на запад, пока та не уступит обещанные территории. Одновременно Софии предложили расширение за счет Эгейской Македонии, Фракии и Добруджи.

Узнав о предстоящем нападении Центральных держав, при мощнейшем дипломатическом давлении союзников и риске быть обвиненным в возможном поражении на балканском театре военных действий, сербское правительство 1 сентября 1915 года заявило, что с «болью в сердце, не отрекаясь национально от Македонии, готова уступить требуемое союзниками, то есть почти всю линию, определенную в 1912 году, с условием, что Болгария в кратчайший срок все свои силы бросит на Турцию, а союзники пообещают, что Хорватия с Риекой присоединятся к Сербии, что с правом на самоопределение будут освобождены словенские земли и что Сербия получит часть Баната»³⁸.

Болгарское правительство в то же время вело переговоры и с Центральными державами, решив наконец принять предложенное ими – всю Македонию и часть Сербии до Великой Моравы. Между прочим, это решение было и результатом упорной «подпольной работы» по привлечению на свою сторону Болгарии, которую Вена активизировала в тот же день, 23 июля 1914 года, когда предъявила ультиматум Сербии. В принятии этого решения важную роль сыграло и прогермански настроенное правительство во главе с царем Фердинандом. Договор с Центральными державами был подписан 5 сентября 1915 года. Узнав о нем, сербское Верховное командование было готово напасть на Болгарию превентивно, с целью самообороны. На такие действия, однако, не дали согласия союзники, без одобрения которых премьер-министр сербского правительства не хотел действовать³⁹.

Отчасти и те переговоры, что велись членами Антанты с Румынией, касались территорий, на которые претендовала Сербия; имеется в виду, что в числе компенсаций, обещаемых румынской стороне обо-

³⁸ Сербское правительство 6 августа 1915 года выступило с предложением: «1. Скопье и Овчье Поле должны быть стратегически обезопасены; 2. Прилеп останется Сербии; 3. Сербско-греческая граница пройдет от Перистери или Сува Планины и на запад до Албании» (*Говор Николе Пашића на првој тајној седници Народне скупштинe у Нишу 7/20. августa 1915. године, Говор Николе Пашића на другој тајној седници Народне скупштинe у Нишу 8/21. августa 1915. године, Расправа на трећој тајној седници Народне скупштинe 10/23. августa 1915. године*, Ђ. Станковић, *Свој говор Николе Пашића*, књ. 2, стр. 20–46; Ј. М. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. 2, стр. 57–65, 85; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 19–20).

³⁹ М. Екмечић, *Рајни циљеви Србије 1914. године*, стр. 219–280; А. Mitrović, „Тajни уговор између Centralnih sila i Бугарске од 6. septembra 1915“, *Међународни проблеми*, 1878, br. 3–4, str. 47–65.

ими воюющими лагерями, был и Банат. Не имея возможности надежно определить будущего победителя в только что начавшейся войне, правительство Румынии решило придерживаться нейтралитета, но в то же время вело переговоры и с одним, и с другим блоком. Более того, король Кароль побуждал Болгарию вступить в войну с Сербией, а соглашениями, которые в сентябре 1914 и в феврале 1915 года были подписаны с Италией, правительство Румынии активно включилось в борьбу против «балканского славизма». Весной 1915 года Россия заключила с Румынией тайную военную конвенцию, согласно которой последней в качестве компенсации за вступление в войну против Центральных держав обещаны румынская часть Трансильвании, Буковина и весь Банат. Поражения, которые потерпели русские войска, и быстрое отступление их частей на восток подтолкнули впоследствии Румынию изменить решение и сохранить нейтралитет. Отсрочка ее вступления в войну на стороне Антанты облегчила, таким образом, подготовку наступления, которое Центральные державы повели на Сербию осенью 1915 года⁴⁰.

Интенсивные переговоры, которые союзники тайно вели с Грецией, тоже были связаны отчасти с интересами Сербии. Король Греции Константин, преобладающая часть офицерского корпуса и монархической партии в начавшейся войне открыто выступали на стороне Центральных держав и против сотрудничества с Сербией. С другой стороны, премьер-министр Элефтериос Венизелос был убежден, что Греция может обеспечить будущее себе только в сотрудничестве с Лондоном и Парижем. Его предложения о сотрудничестве, выдвинутые в 1914 году и предусматривающие установление новых границ Греции, в которые бы вошли Константинополь, западное побережье Малой Азии со Смирной и Додеканесом, государства Антанты не могли принять из-за боязни оттолкнуть Болгарию и Турцию, а также вызвать подозрения России. Поэтому Греция сохранила нейтралитет, а ее премьер-министр в скором времени подал в отставку. Эти события, особенно в России, пекущейся о своих интересах в Константинополе, воспринимались с большим удовлетворением. Однако годом позже, в новой исторической ситуации, которую определили значительная победа Элефтериоса Венизелоса на выборах в августе 1915 года и все большая склонность Болгарии вступить в войну на стороне Центральных держав, Греция снова оказалась в центре заинтересованности

⁴⁰ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 17.

союзников. Лондон, Париж и Петроград обрадовала готовность Вензелоса прийти на помощь Сербии при условии, что союзники направят на фронт против Болгарии 150 000 солдат. Однако, в отличие от Франции, которая готова была ввести на Балканы требующийся контингент войск, Великобритания колебалась с принятием аналогичного решения.

Соглашение, посредством которого следовало отдать «долг чести» Сербии, в конце концов было выполнено 29 октября 1915 года – слишком поздно, чтобы помочь сербской армии. Кроме того, воинские части союзников не имели достаточной численности, чтобы серьезно повлиять на события на Балканах. Между тем, и король Греции Константин в поведении союзников нашел причины, чтобы отменить общую мобилизацию греческих вооруженных сил, объявить нейтралитет и сместить Вензелоса с поста. Известия, которые приходили из столиц союзников и Афин все же не поколебали сербское правительство, которое на заседании, состоявшемся 4 ноября 1915 года под председательством регента Александра Карагеоргиевича, приняло решение «безусловно остаться с нашими прежними союзниками, ибо лишь такая политика может обеспечить не только выполнение национальной задачи, но и саму независимость, и существование страны»⁴¹.

Анализ действий союзнической дипломатии, таким образом, показывает, что балканские столицы – София, Бухарест, Тирана и Афины – были своеобразными «биржами», на которых силы Антанты конкурировали с Центральными державами, предлагая в качестве награды за включение в войну территории других государств и народов. На «рынке» этом, как заметил политик и дипломат Йован М. Йованович, нельзя было понять, «кто больше просил» и кто что предлагал⁴².

Центральные державы старались также тайными переговорами и заключением сепаратного мира облегчить собственное положение. Что касается Сербии, то вопрос о заключении сепаратного мира с Австро-Венгрией возник в начале ноября 1914 года, когда казалось, что оборона страны вот-вот обернется крахом. Такой вариант предложил

⁴¹ D. Janković, B. Hrabak, *Zapisnici sednica Ministarskog saveta Srbije 1915–1918*, Beograd, 1976, str. 196–197; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 22–23.

⁴² Н. Поповић, *Односи Србије и Русије у Првом светском рату*, стр. 140–182; М. Екмечић, *Рајни циљеви Србије 1914. године*, стр. 219–280; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 147–162; J. M. Јовановић, *Сиварање заједничке државе Срба, Хрватиа и Словенаца*, књ. 2.

глава Верховного командования Радомир Путник на заседании правительства, проходившем в Валево 9 ноября 1914 года, но Совет министров под председательством регента Александра Карагеоргиевича не принял его. Предложение Верховного командования мотивировалось тем, что армии не хватает боеприпасов, а давление союзников по поводу уступки части сербских территорий Болгарии делает бессмысленным то сопротивление, которое оказывает Сербия. Премьер-министр Никола Пашич, равно как и регент, не был готов принять предложение военных, считая, что «просить о мире, значит – сдаться Австрии». Не зная о колебаниях в сербских военном и политическом верхах, Австро-Венгрия в начале декабря 1914 года начала дипломатическими путями подготовку почвы для предложения Сербии заключить сепаратный мир. Предложения эти имели актуальность до тех пор, пока не возникало сомнений, что военная кампания завершится в пользу Австро-Венгрии. За такими устремлениями Вены стояла Германия, пытавшаяся вывести Сербию из войны и таким образом нанести удар по российской политике на Балканах. Реагируя на первые сообщения о возможном предложении сепаратного мира, Никола Пашич высказал предположение, что речь идет об австро-венгерских интригах, на которые не стоит обращать внимания. Само развитие боевых действий на фронте и успешный исход Колубарской битвы отодвинули на некоторое время вопрос о сепаратном мире⁴³.

Идеи сепаратного мира вновь стали актуальны после заключения тайного Лондонского договора в апреле 1915 года, когда Сербия оказалась в положении, при котором свои жизненно важные внешнеполитические интересы вынуждена была защищать от собственных военных союзников. Мотивом предложить ей сепаратный мир стал отказ Болгарии присоединиться к Центральным державам. Судя по всему, предложения Германии в апреле и мае 1915 года предусматривали изменение границ с Боснией, присоединение к Сербии северной Албании, выход Сербии к Адриатическому морю и экономические уступки. Все вместе это было обусловлено тем, что Македонию планировалось передать Болгарии. Предложение стало следствием того, что Центральные державы после провала тактики «молниеносной войны» были вынуждены в любом случае поубавить свои военные усилия. То, что предлагалось Сербии, в сущности совпадало с планами раздела сферы интересов на

⁴³ Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 74–77; A. Mitrović, *Prodor na Balkan*, str. 226–256.

Балканах, относительно которых 13 марта 1912 года, перед началом войны балканских стран с Турцией, договорились Сербия и Болгария. В более широком контексте предложения о сепаратном мире, который касался Сербии, были частью планов, включающих выход России из войны, а причины склонения на свою сторону Сербии обуславливались мощью ее армии, стратегическим значением путей, проходящих через ее территорию, и ее союзничеством с Россией. Для Германии это пространство было важным также из-за стремления совершить прорыв на Ближний Восток.

С предложениями Германии невольно соглашалась и Вена, пытавшаяся одновременно в столкновении с Сербией реализовать свои максималистские планы. С этой целью весной 1915 года Италии в обмен за политику «свободных рук» на Балканах была предложена область Трентино; а это свидетельствовало о том, что планы военного уничтожения Сербии никогда не оставлялись. Сепаратный мир для Вены был приемлем исключительно при условии, что независимость Сербии будет подорвана. Поэтому и все рассуждения о таком мире опирались на идеи, сформировавшиеся непосредственно перед войной – уменьшение сербского государства, передача части территорий соседним странам, экономическое и хозяйственное подчинение Габсбургской монархии. В австро-венгерской столице имелись и те, кто после поражения 1914 года считал выигрышным и такое положение, при котором Монархия смогла бы сохранить довоенный *status quo* и была освобождена от уплаты военного ущерба.

Не решаясь в сложившихся условиях оставить своих союзников, Сербия с презрением отвергла предлагавшееся. Есть основания считать, что сделанное немцами предложение о сепаратном мире повлияло на планирование военного удара с целью помешать вторжению банд качаков на территорию Сербии⁴⁴. В середине 1915 года планы по заключению сепаратного мира вновь помешали намерениям Вены и Берлина предпринять военные действия с целью уничтожения Сербии, чему благоприятствовала победа немецкого оружия на Восточном фронте от Риги до границы Румынии и от Горлица до Пинска. Учитывая такие обстоятельства, Никола Пашич указывал, что нападение на Сербию представляет собой «осуществление Германской программы продвижения на Восток»⁴⁵.

⁴⁴ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 77–79.

⁴⁵ *Говор Николе Пашића на њрвој њајној седници Народне скупшћине у Нишу 7/20. августа 1915. године*, Ђ. Станковић, *Својовора Николе Пашића*, књ. 2, стр. 20.

В течение нескольких мирных месяцев 1915 года участились нереальные требования и ожидания союзников от наступательных операций сербской армии на территории Австро-Венгрии. При подготовке операции в Карпатах во второй половине апреля Россия требовала, чтобы «сербская армия перешла в наступление и перенесла военные действия на территорию Австро-Венгрии», и нажимы такого рода продолжались до начала июля. В российско-итальянской конвенции, подписанной 21 мая 1915 года, в приказной форме поручалось сербским и черногорским войскам предпринять наступление в северо-западном направлении с целью «как можно скорее соединиться с правым крылом итальянской армии, действующей в направлении Любляны». Несколько позже, на конференции, состоявшейся 7 июля 1915 года в Шантильи, сербскому военному представителю было высказано требование Антанты согласовать военные планы Сербии с Италией, чтобы обе армии могли перейти к обороне, поскольку против них будут задействованы значительные германские и австро-венгерские силы⁴⁶.

Дело в том, что часть австро-венгерской Балканской армии в те месяцы воевала на российском фронте, а сербский фронт был ослаблен из-за того, что некоторые части перебросили к Соче. В связи с этим наступление сербской армии имело смысл. Тем не менее, союзники упустили из виду, что если сербские позиции обороняло 180 000 воинов, то противостоящие им австро-венгерские военные формирования в начале мая насчитывали 240 000, а в конце мая – 177 000 человек. Оперативные возможности сербской армии даже близко не подходили к таким, чтобы начать наступление на запад. Плацдармами, на которых сербские части были готовы превентивно и наступательно действовать, являлись разве что Албания и Болгария. Но поскольку это не входило в планы союзников, вторжение в Албанию было раскритиковано, а превентивный удар по Болгарии задержан. В то же время открытая враждебность Софии вынуждала оборону границ с Болгарией усилить оперативными частями, что неминуемо влияло на защищенность фронта с Австро-Венгрией.

В месяцы мира на фронтах с Австро-Венгрией велась борьба сербских войск и гражданских властей с комитским и качакским движением. Оно являлось частью «необъявленной войны», спланированной, подстрекаемой и финансируемой из Вены и Берлина. Для нападений

⁴⁶ P. Tomac, *nav. delo*, str. 250, 277–278.

на Сербию и для организации волнений в тылу должны были использоваться и разветвленные сети подрывных организаций и агентур. Болгарские комиты на протяжении 1915 года совершали вылазки и проводили террористические акции небольшого масштаба; а самая крупная вооруженная акция была осуществлена в начале марта, когда отряды комитов численностью около 3 000 перешли границу и с большими потерями вели ожесточенные бои с сербскими частями у Струмицы и Валандова. Подобные функции выполняли также качакские формирования. На их вторжение на территорию Сербии и попытки взбунтовать албанское население сербские войска ответили контрударом и заняли стратегические позиции до линии, установленной во время Первой балканской войны. Эту военную операцию, в которой было задействовано около 20 000 бойцов, сербская армия провела 29 мая 1915 года⁴⁷.

После успешного окончания интервенции, 28 июня в Тиране с Эсад-пашой Топтани было заключено второе тайное соглашение, в котором очень четко определялись отношения Сербии и Албании⁴⁸.

⁴⁷ Подробнее см.: Милош Јагодић, *Нови крајеви Србије (1912–1915)*, Београд 2013, стр. 208–225, 277–280, 288–297; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 207–232; М. Екмечић, *Рајни циљеви Србије 1914. године*, стр. 258–293; В. Нрабак, „Elaborat srpskog Ministarstva inostranih dela o pripremama srpske okupacije Albanije 1915. godine“, *Godišnjak Arhiva Kosova*, br. 2–3 (1966–1967), Priština, 1970, str. 7–35; Д. Батаковић, *Косово и Меџохуја у српско-арбанашким односима*, стр. 212–218.

⁴⁸ Первое тайное соглашение с Эсад-пашой было заключено в Нише 17 сентября 1914 года. В нем было 15 пунктов, которыми определялись отношения Сербии и Албании, где Эсад-паша пришел к власти, и предусматривалось установление прочного мира. Оба государства обязались не заключать договоров, противоречащих интересам другой подписавшей стороны. Сербия взяла на себя обязательство помочь Албании урегулировать ситуацию и сформировать Законодательный совет. Было предусмотрено также, что правителя Албании выберет Великая скупщина албанского народа, состоящая из представителей всех племен. Совместно с Сербией Эсад-паша должен был сформировать общие представительства в других странах, организовать общую оборону, транспортное сообщение, правовую систему и так далее. Соглашение предусматривало строительство железной дороги, связывающей Сербию с Драчем (Дурресом), установление границ и ряд других вопросов. Вторым соглашением, которое подписано 28 июня 1915 года, сербское правительство обязалось гарантировать территориальную целостность Албании и защищать ее от посягательств других государств. Предусматривалась корректировка границ в пользу Сербии. Эсад-паша взял на себя обязательства территориально упорядочить Албанию, создать административный аппарат, совместно с Сербией создать армию и жандармерию. С помощью Сербии предстояло избрать его принцем Албании, с которой после этого установить реальный союз, в рамках которого бы существовала общая армия, таможня, дипломатическая служба, торговля, транспортная сеть, финансовая система (*Там же*, с. 209–216).

Центральные державы в сентябре 1915 года начали сосредотачивать войска на границах Сербии и Черногории, что совпало с повторной активизацией как в Вене, так и в Берлине сил, которые считали Сербию препятствием в реализации балканской и ближневосточной политики. Это были представители военных и политических кругов, убежденные, что военная победа над Сербией поможет нанести поражение британско-французским силам, наступательно действующим в Дарданелльской операции, поспособствует решению России выйти из войны, обеспечит надежные связи с Турцией, даст возможность подготовить удар по Египту – самому больному месту Англии, укрепит позиции и престиж Центральных держав среди балканских стран. Другими словами, военная победа в Сербии для них имела очень большое стратегическое значение, вела к изменению ситуаций и на других театрах боевых действий, самым непосредственным образом влияя на конечные результаты войны. Осознание, что «сербский вопрос не такой простой», и опыт, приобретенный в военных поражениях 1915 года, вынудили Берлин и Вену к новому военному походу на Сербию основательно подготовиться⁴⁹. Приняты во внимание значительные потери, сложный ландшафт, опытность сербской армии, эпидемии. Поэтому в Среме и в северо-восточной Боснии концентрировались части Третьей австро-венгерской армии, в южном Банате – немецкая Одиннадцатая армия, а вдоль восточной границы с Сербией – части Первой и Второй болгарских армий. Учитывая, что генерал Поттиорек был снят с должности за прошлогодние неудачи, а в войну на балканском театре военных действий включилась Германия, войсками численностью около 800 000 хорошо подготовленных ратников командовал немецкий фельдмаршал Август фон Макензен, проявивший себя в прежних сражениях как один из способнейших немецких военачальников. В указании, которое ему дал император Вильгельм II значилось: «Сербскую армию решительно разбить, установить и обеспечивать связь через Белград и Софию с Царьградом». Наступательный удар предполагалось наносить с трех сторон⁵⁰.

Частью подготовки к нападению на Сербию было подписание ряда тайных соглашений с Болгарией (*Соглашение о сотрудничестве и со-*

⁴⁹ А. Mitrović, *Prodor na Balkan*, str. 257–268.

⁵⁰ О военных операциях осенью 1915 года подробнее см.: Ж. Павловић, *Раји Србије са Аустро-Угарском, Немачком и Бујарском 1915*, Београд s. a; Р. Томас, *nav. delo*, str. 271–306; А. Mitrović, *Prodor na Balkan*, str. 257–270.

юзе, Тайная конвенция, Военная конвенция), которые были заключены после длительных переговоров 6 сентября 1916 года в Плесе. Военная конвенция обязывала Германию и Австро-Венгрию в военных операциях задействовать по шесть, а Болгарию – четыре дивизии. Болгария приняла на себя обязательство в течение 15 дней начать мобилизацию частей и напасть на Сербию с фланга через пять дней после начала австро-германского наступления. За присоединение к Центральным державам, по решению Тайной конвенции, к ней должны были перейти часть Сербии западнее Великой Моравы и линии Ястребац – Копаоник – Скопская Черногория, а также вся Македония. Вопрос Дойрана и Гевгелии получил особый статус, и его предстояло обсуждать после успешного похода на Сербию⁵¹.

Информация, которой располагало сербское Верховное командование, свидетельствовала о мобилизации болгарских частей и скором нападении на Сербию. Поэтому от союзников требовалось согласие на то, чтобы упреждающим ударом помешать болгарским войскам осуществить их намерения. Но поддержки такая операция сербских войск не нашла, так как силы Антанты все еще верили, что смогут концессиями за счет Сербии и других балканских государств привлечь Болгарию на свою сторону и склонить ее к тому, чтобы нападением на Турцию она облегчила положение союзников на Восточном и Балканском театрах военных действий. В столицах союзников продолжали преобладать мнения, что войну можно выиграть только «решающей битвой» на одном из больших фронтов. Когда речь шла о Балканах, их главным образом интересовало, как после вступления Турции в войну и закрытия морского пути через Дарданеллы снабжать Россию военным снаряжением и транспортировать ее пшеницу на Запад. По этим причинам для них важно было привлечь на свою сторону Болгарию. Под давлением Антанты сербское правительство 25 сентября 1915

⁵¹ P. Tomac, *nav. delo*, str. 273–274; A. Mitrović, *Prodor na Balkan*, str. 257–270; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 7. Концессии, которых требовала Болгария, включали всю Македонию до Качаника, земли Сербии до правого берега Великой Моравы и водораздела между Западной и Южной Моравой. В случае вступления в войну Румынии или Греции, Болгария требовала все территории, которые они получили по Бухарестскому договору. Ее притязания касались также Едрена (Адрианополя) и полосы вдоль Марицы. Но для их осуществления необходимо было, чтобы Болгария гарантировала пятнадцатилетний союз с Германией. Несмотря на сопротивление Австро-Венгрии, все требования Болгарии по отношению к Сербии удовлетворялись. Договор сопровождался и крупным германским займом в 200 миллионов франков.

года пригрозило смертной казнью каждому своему солдату, если он каким бы то ни было образом вступит в конфликт, спровоцирует или осуществит нападение на болгарскую сторону. Это было стремление любой ценой избежать столкновения с Болгарией. Двумя днями позже, 27 сентября, Сербия еще раз попыталась убедить силы Антанты в неизбежности превентивного нападения на Болгарию, прежде чем она произведет окончательную концентрацию своих сил. Верховное командование сознавало, что боеспособность сербов была недостаточной, чтобы устранить болгарскую угрозу, но верило, что военная операция сможет на некоторое время оттянуть нападение Болгарии, пока на помощь не придут войска союзников.

Оперативный план против Сербии предусматривал прорыв через Дунай и Саву. Основные силы Одиннадцатой германской армии должны были перейти Дунай у Рама, а вспомогательные у Смедерева, чтобы продолжить прорыв по долине Великой Моравы. Основным силам Третьей австро-венгерской армии предстояло перейти Саву и Дунай у Белграда, а вспомогательным – Саву возле Купинова с целью прорваться к Крагуевцу. Перед Первой болгарской армией стояла задача совершить прорыв через границу в направлении Заечар – Княжевац – Пирот, продолжая продвижение к Парачину, Алексинцу и Нишу. Вторая болгарская армия получила приказ завладеть долиной Вардара, прервав сообщение Сербии с Солунью и Грецией. Из-за нехватки времени для концентрации больших сил в Боснии немецкое командование отказалось от плана, который предполагал одновременный охватывающий удар и с запада⁵².

Накануне нападения на Сербию, которое началось 6 октября 1915 года, немецкий фельдмаршал выступил перед солдатами со следующим обращением: «Солдаты, вы отправляетесь не на Итальянский фронт, не на Русский или Французский фронт. Вы отправляетесь в сражения против нового врага, опасного, выносливого и храброго. Вы отправляетесь на Сербский фронт, на Сербию, а сербы – народ, любящий свободу и свое отечество, сражающийся и жертвующий собой до последнего. Берегитесь, чтобы этот немногочисленный неприятель не омрачил славу и не скомпрометировал прежние успехи славной немецкой армии»⁵³.

⁵² P. Томас, *nav. delo*, str. 274–276.

⁵³ Сразу после захвата Белграда фельдмаршал Макензен приказал похоронить всех сербских защитников. В их честь был воздвигнут памятник над могилой на Топчидере, на котором по-сербски и по-немецки было написано: «Здесь покоятся

Сербию защищало около 300 000 солдат, размещенных на фронте длиной около тысячи километров. Возле Боснии дислоцировались части Первой армии, которой командовал воевода Живоин Мишич. На северной границе Сербии находилась Третья армия под командованием генерала Павла Юришича Штурма. Восточную границу Сербии обороняла Вторая армия, которой командовал воевода Степа Степанович. Столицу защищали части Обороны Белграда, а Верховное командование находилось в Крагуевце⁵⁴. Основное наступление началось с

сербские герои». «Сербы сделали все, что было в человеческих силах, – писали *Франкфуртские новости*, – с храбростью, которую мы вынуждены признать без каких-либо оговорок». Другая немецкая газета напечатала и такой текст: «Армия небольшого королевства Сербия представляла в начале войны лучшее из того, что когда-либо какая-либо небольшая и культурно во многом отсталая страна имела на полях сражений... Отлично организованная, серьезно и основательно обученная, с большим и недавним военным опытом, однородная и вдохновенная идеей Великой Сербии, храбрая, самоотверженная и полная веры в победу, поднятая с помощью всех средств до наивысшего уровня военной мощи – такая сербская боевая сила вступила в войну. Она сражалась с беспримерной самоотверженностью и большим упорством, и даже при поражении украсила славою свои знамена. Сербский солдат был достойным противником, и сербская армия при благоприятных обстоятельствах могла не раз показать себя сильнейшей. Справедливость, даже по отношению к ненавистному врагу, вынуждает это признать и открыто констатировать». Цит. по: Д. Васић, *нав. дело*, стр. 76–77.

⁵⁴ Главкомандующим сербской армии являлся регент Александр Карагеоргиевич, а должность начальника Верховного штаба занимал воевода Радомир Путник. Войска были распределены по нескольким фронтам. На северном фронте находилась Первая армия под командованием воеводы Живоина Мишича, в состав которой входили Дринская дивизия второго призыва, Дунайская дивизия второго призыва, Сокольская бригада, Ужицкий отряд, Моравская дивизия второго призыва – всего 58 батальонов, 4 эскадрона, 112 орудий. В составе Обороны Белграда, которой командовал генерал Михайло Живкович, было больше полков третьего призыва – всего 20 батальонов, 2 эскадрона, 75 орудий. Генерал Павле Юришич Штурм возглавлял Третью армию, которая включала Дунайскую дивизию первого призыва, Дринскую дивизию первого призыва, Браничевский отряд и Краинский отряд, а в его распоряжении была и Тимочская дивизия второго призыва – всего 65 батальонов, 9 эскадронов, 175 орудий. Западный фронт: В состав Тимочской армии, которой командовал генерал Илия Гойкович, входили Неготинский отряд, Сводная дивизия первого призыва и Шумадийская дивизия второго призыва – всего 42 батальона, 4 эскадрона, 88 орудий. Вторую армию, под командованием воеводы Степы Степановича, составляли Отряд на Тумбе, Моравская дивизия первого призыва, Тимочская дивизия первого призыва, Шумадийская дивизия первого призыва, Кавалерийская дивизия, Власинский отряд – боевой мощью в 59 с половиной батальонов, 21 эскадрон и 150 орудий. Войсками новых областей со штабом в Скопье командовал генерал Дамьян Попович, в их состав входили части Брегалницкой дивизионной

севера, через Саву и Дунай, 6 октября 1915 года. Ему предшествовал, как отмечали современники, артиллерийский обстрел на линии фронта от Оршавы до Вишеграда. Из-за стратегической и пропагандистской важности особенно сильный удар был нанесен в направлении Белграда, в сторону которого выпущено более 30 000 снарядов, что привело к уничтожению тяжелых орудий сербской армии, а также к большим разрушениям. По донесениям с переднего края фронта было видно, что сербская армия бессильна «под артиллерийским огнем». В обороне города участвовал и майор Драгутин Гаврилович, которому приписывают речь, сказанную перед атакой: «Бойцы, ровно в 15 часов неприятеля нужно сокрушить вашей мощной атакой, разгромить вашими бомбами и штыками. Честь Белграда, нашей столицы, должна быть незапятнанной. Солдаты! Герои! Верховное командование вычеркнуло наш полк из списков. Наш полк принесен в жертву ради славы Белграда и Отечества. Значит, вам нечего тревожиться за свои жизни, их больше нет. Поэтому – вперед, во славу! За короля и Отечество! Да здравствует король, да здравствует Белград!»⁵⁵. Сербской армии оказывали помощь российский флот и французская артиллерия, но оборона, несмотря на мощный отпор, не могла выдержать натиска неприятельских войск⁵⁶.

После взятия Белграда 9 октября 1915 года продолжился прорыв неприятеля вглубь Сербии. В первых сообщениях с фронта, отпра-

---

области, Кривопаланачский отряд, Албанские части (командовал полковник Драгутин Милутинович, штаб в Дебаре) с Призренским (штаб в Люм Куле), Подримским (штаб в Дебаре) и Охридским (штаб в Тиране) отрядами. Общая численность составляла 288,5 батальонов, 40 эскадронов и 678 орудий. Черногорская армия, которой командовал король Никола I Петрович, а начальником штаба был полковник сербской армии Петар Пешич, в своем составе имела: Санджакское войско под командованием сердаря Янко Вукотича, в состав которого входили Первая и Вторая Санджакские дивизии, Дринская дивизия, Колашинская бригада – всего 40 батальонов, 54 орудия и 26 388 солдат; Герцеговинский отряд – из 15 батальонов и 19 орудий, Ловченский отряд – 12,5 батальонов и 20 орудий, Старосербский отряд – 13 батальонов и 20 орудий. Общая численность составляла 80,5 батальонов, 134 орудия и 48 244 бойца. (*Veliki raj Srbiје*, IX, стр. 15–21; *Operacije Crnogorske vojske u Prvom svetskom ratu*, стр. 300–302).

⁵⁵ А. Митровић, *Србија у Првом свејском рату*, стр. 250.

⁵⁶ Генерал Байу, командир 156 французской дивизии, планировал отправить один полк в Сербию 8 октября 1915 года, но после первоначального распоряжения дожидаться прибытия еще одной бригады из Франции, получил приказ, запрещающий его частям переходить сербско-греческую границу.

ленных в Вену и Берлин, отмечалось, что наступление развивается хорошо, но борьба, которую ведут сербские войска «во всех смыслах отважная», а сопротивление «ожесточенное». Немецким войскам понадобилось две недели, чтобы сдвинуть линию фронта на 30 километров. Уже 20 октября 1915 года, столкнувшись с ожесточенностью сербского сопротивления, фельдмаршал Макензен был вынужден просить, чтобы на сербский фронт перебросили подкрепление с французского театра военных действий, с итальянского фронта и из австро-венгерских тыловых резервов.

Сербская армия отступала к югу, намереваясь долиной Моравы и Вардара перебраться в Грецию и присоединиться к союзникам, но ее планам помешало вступление в войну Болгарии на стороне Центральных держав и ее вторжение на территорию Сербии 14 октября 1915 года. Первый удар болгарских войск, хотя и был неожиданным, не дал желаемых результатов. Через месяц боев из строя выбыло около 20% вражеских солдат. Однако болгарская армия захватила Ниш и Скопье, а также Качаникское ущелье, через которое у Сербии была единственная связь с Солунью, где высадились французские и британские войска. Две дивизии союзников прибыли, но слишком поздно, чтобы оказать помощь. Вообще, сербское правительство просило союзников прислать на помощь 120 000–150 000 солдат, которых те были не в состоянии предоставить⁵⁷. На заседании, состоявшемся 29 октября 1915 года в Крушевце, было принято решение, «что нужно до конца придерживаться прежней политики». С итогами этого заседания, на котором присутствовал также регент Александр, были ознакомлены и союзники.

Сербские войска отступали шаг за шагом. В большинстве случаев удалось избежать окружения частей, а в сражениях были и значительные успехи. Столкнувшись с тяжелой ситуацией на фронтах,

---

⁵⁷ Восточная армия союзнических войск была сформирована 5 октября 1915 года. Возглавил ее, с 12 октября, генерал Саррайль. Двумя днями позже он направил к Струмице один полк и один дивизион с целью облегчить положение сербских войск на линии от Гевгелии до Демир-Капии. Лондон своим войскам не дал разрешения переходить сербско-греческую границу. Таким образом, союзники сами отвергли решения, принятые на англо-французской конференции в Шантильи 8 октября 1915 года, по которым высадившиеся части должны были подчиняться оперативным приказаниям Генерального штаба сербской армии. В начале ноября часть войск, которыми командовал генерал Саррайль, предприняла наступательную операцию, но без существенных результатов. Вся операция была прекращена 12 ноября 1915 по приказанию Парижа. (P. Tomac, *nav. delo*, str. 288–289, 295–297).

правительство на заседании, состоявшемся 4 ноября в присутствии регента и членов Верховного командования, еще раз подтвердило, что безоговорочно остается с союзниками. Никола Пашич только такую политику считал способной обеспечить достижение национальных целей, независимость и существование страны, ожидая от армии, что и она будет сражаться за это. Подобного мнения придерживался также воевода Путник, считавший, что борьбу нужно продолжать до конца и отступить, «если нужно, на Косово, а если потребуется, то через Призрен, Дебар в южную Македонию и Албанию». Изложенный план предполагал сохранение армии и цельности государства. Чтобы поддержать моральный дух армии и дисциплину, которая начала ослабевать, сербское Верховное командование 9 ноября дало приказ командирам частей сохранить их «любым способом, не боясь никакой ответственности перед законом».

Попытка прорыва к Скопье, совершенная с 17 по 21 ноября, не дала ожидаемых результатов, и таким образом исчезла надежда отступить к Солуни по долине Вардара. После короткого отдыха войск на левом берегу Ситницы, 25 ноября 1915 года было принято решение отступить к Адриатическому побережью. Отвергнув предложение Германии о капитуляции, сербская армия, не имеющая возможности отступить долиной Вардара, была вынуждена двигаться в самом неблагоприятном направлении – через Косово и Метохию, Черногорию и Северную Албанию⁵⁸.

В конце октября и в ноябре 1915 года, когда стало ясно, что сербский фронт долго не продержится, в Берлине задумались, каким образом можно заменить военные действия дипломатическими средствами. Был сделан вывод, что на тот момент Германии сепаратный мир с Сербией в политическом, военном, стратегическом плане выгоднее, чем война до полного уничтожения противника. Немцы рассчитывали снизить общие потери, задействовать войска на других театрах военных действий, вывести одного опасного противника из войны, а также надеялись на то, что начнется процесс, когда вслед за Сербией из войны выйдут и другие страны. Берлин считал, что сербский народ и его армию «сложнее заставить» сложить оружие и капитулировать, чем заключить мир, пусть и на невыгодных условиях. Такая позиция следовала из более широких планов, целью которых было достижение мирового могущества. Согласно этим планам, Германия рассчитывала

⁵⁸ Там же, с. 271–306; Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 163–164.

получить Монархию в качестве «сателлита», имеющего с ней «таможенный союз», и Балканы как сферу интересов Центральных держав. Планы, подкрепляющиеся позицией, что нужно «заключить такой мир, который нас сделает сильнее в будущей войне», основывались на идее Германии собрать вокруг себя такой союз государств, который обеспечит ей доминирование и власть на пространстве от Атлантического океана до Персидского залива. Все дело было в ее стремлении путем аннексии создать систему зависимых государств и, распределив сферы интересов, осуществить желанный «прорыв на Восток»⁵⁹.

Германские планы заключить мир с Сербией не находили поддержки у Австро-Венгрии. Хотя правящие круги Монархии осознали, что Балканы не могут быть «вовлечены» в сферу интересов Центральных держав без военного участия Германии, они оказывали сопротивление, так как считали, что эксплуатация полезных ископаемых, коммуникаций и экономических ресурсов должна осуществляться только Австро-Венгрией. Вена жаждала также триумфа над поверженным противником и желала его унижения, а это означало, что следует добиться полной победы, потребовать безусловной капитуляции и сдачи оружия, а в качестве окончательного решения навязать уменьшение или полное уничтожение Сербии как государства. Более того, Вена была уверена, что только уничтожение сербского государства обеспечит стабильность Монархии, и выдвигала лозунг: «Сербия должна исчезнуть». А за этим, независимо от жестоких междоусобных споров насчет того, каким способом все осуществить, стояли не только приближенные к династии и двору высокие военные и чиновничьи круги, считавшие, что все сербство нужно объединить в границах Монархии, но также и влиятельные политические силы, выступающие за раздел Сербии и аннексию только одной ее части. Требования, чтобы Сербия была «стерта с политических карт», поступали также из Софии. Столкнувшийся с требованием своих союзников о тотальном разгроме противника и безоговорочной капитуляции Сербии, а с другой стороны – с решением сербских государственных и военных верхов не принимать капитуляции ни за что, даже при необходимости уйти в албанские горы, германский император Вильгельм II в конце ноября 1915 года согласился с тем, чтобы Сербия была разбита и от нее не осталось и следа⁶⁰.

⁵⁹ А. Mitrović, *Prodor na Balkan*, str. 279–294.

⁶⁰ Там же, с. 294–317.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ АЛБАНИЮ И ПРЕБЫВАНИЕ НА КОРФУ

В тяжелый период отступления правительство и Верховное командование приняли 25 ноября 1915 года решение об отходе на албанское побережье. В приказе, посредством которого воевода Путник пытался объяснить войскам смысл отступления, капитуляцию он назвал «наихудшим решением», которое погубило бы и страну, и союзников. А говоря о союзниках, подчеркнул, что в случае капитуляции они бы совсем оставили Сербию, после чего «о нас не было бы кому заботиться, снабжать деньгами, оружием и всем необходимым, да и защищать наши интересы». В сложившейся ситуации отступление к Адриатическому приморью было единственным спасением, обещающим в ближайшей перспективе, что «после того как армия пополнит запасы и реорганизуется, она снова будет представлять собой силу, с которой наши союзники вынуждены будут считаться». Солдатам объяснили, что государство «продолжит свое существование и сохранит свою сущность; оно, следовательно, останется существующим, хотя и на чужой земле, пока здесь монарх, правительство и армия, независимо от ее мощи»⁶¹.

От союзников требовалось в места, к которым направлялась сербская армия, доставить продовольствие и военное снаряжение. Все были убеждены, что после перехода Албании, уже через месяц, войска будут готовы к новым сражениям. В то же время, некоторые офицеры считали, что, прежде чем покинуть родину, нужно еще раз попытаться провести контрудар и наступательными действиями вынудить неприятеля отступить. Об этом командующие сербских армий говорили на совещании в городе Печ 29 ноября 1915 года. Странником такого плана был и воевода Живоин Мишич, предлагавший в случае неудачи всей операции провести переговоры и прекратить противостояние. Однако его попытки добиться согласия военных и политических верхов на боевой контрудар были безрезультатны⁶².

В конце ноября в Вене принято решение и об окончательной расправе с Черногорией. План предусматривал всеохватывающее напа-

⁶¹ *Велики рай Србије*, кн. XIII, стр. 75; Р. Томас, *nav. delo*, str. 298; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 29.

⁶² Ж. Павловић, *Рай Србије са Аусиро-Угарском, Немачком и Бујарском 1915*, Београд s.a, стр. 835–845.

дение с трех сторон. Главный удар должен был последовать из Боки Которской по Ловчену. Когда стало известно, что сербские войска будут отступать через Черногорию и Албанию, план был несколько изменен с целью воспрепятствовать отступлению и затруднить его, а врага окончательно уничтожить. Австро-венгерские части продвигались с запада из Боки Которской к Вирпазару и Подгорице, в то время как войска, сосредоточенные на севере и востоке, продолжали осуществлять прорыв к Подгорице через Мойковац, или Беране⁶³. Пытаясь помочь отступающим сербским войскам и народу, союзнические черногорские войска предприняли серьезные, длившиеся несколько недель, военные действия по прикрытию их отхода.

Прорыв австро-венгерских войск вглубь Черногории до 24 декабря успешно сдерживало Санджакское войско, постепенно отошедшее на линию Чакор – Мойковац – река Тара. С новых позиций черногорские части, сосредоточенные на западе фронта, защищали левый фланг отступающих сербских сил, часть которых находилась около Подгорицы, Скадара и южнее, на территории Албании. Намереваясь Санджакское войско, как самую мощную военную группировку черногорских сил, привязать к северо-востоку фронта и таким образом обеспечить быстрый прорыв своих частей, движущихся от Боки Которской через Ловчен к Подгорице и Скадару, Верховное командование австро-венгерских войск активизировало боевые действия на участке между горами Белашица и Синявина. Решающая битва произошла у Мойковца 6–7 января 1916 года. Черногорские войска под командованием генерала Янко Вукотича одержали блестящую победу, тем самым остановив наступление на Черногорию с севера и востока, при обоюдных тяжелых потерях. В то же время на западном направлении черногорская оборона уже 10 января 1916 года потерпела полный крах⁶⁴.

⁶³ Войска, которые атаковали Черногорию, располагали следующими силами: западная группа – 69 батальонов и 63 батареи общей численностью 57 570 солдат с винтовками и 672 орудиями; северная группа, которой командовал генерал Саркотич (командующий австро-венгерских войск в Боснии и Герцеговине и Далмации) – 14 батальонов и 13 батарей или 9 355 солдат с ружьями и 51 орудием; восточная группа – 41 батальон и 28 батарей или 34 085 солдат с винтовками и 104 орудия. Общая численность австро-венгерских подразделений составляла 124 батальона и 104 батареи или около 100 000 солдат с винтовками и 823 орудиями.

⁶⁴ По сообщениям с фронта, которыми располагало Верховное командование Черногории, почти все батальоны Ловченского отряда, которым командовал князь Петар Петрович, отказались выполнять приказы.

Уничтожив тяжелое вооружение, сербская армия двигалась через Албанию в трех направлениях. Первое из них вело от г. Печ, через Андриевицу и Подгорицу к Скадару. Второе направление – от Призрена и Люм Кули, через Спас, Флети и Пук до Скадара и Леша. Третья линия отступления вела от Призрена и Люм Кули к Пешкопее, Дебару и Эльбасану. С изможденной армией, без продовольствия и боеприпасов, отступали король Петр, регент Александр, министры, народные депутаты, некоторые иностранные дипломаты – в частности, французский посол Огюст Боп, представители интеллигенции. Все вместе они слились в огромную толпу беженцев, опасющуюся нападения и мести албанцев⁶⁵. На протяжении всего пути через албанские горы их преследовали голод, заразные болезни, ледяные дожди, снег, жуткие холода и враждебные, несмотря на поддержку частей Эсад-паши Топтани, албанские племена. За медленно продвигающейся колонной оставались десятки тысяч умерших от голода и холода или убитых в ходе нападений. Эти беспримерные страдания уже современники называли Голгофой Сербии.

Среди бесчисленных свидетельств, появившихся при попытках как-то описать и донести до будущих поколений картины агонии народа, выделяются воспоминания Бранислава Нушича о мучениях мальчишек, несостоявшихся воинов-новобранцев: «Но картина голода была не так страшна, пока наблюдалась только в случаях с отдельными лицами; настоящую лихорадку волнений она вызвала в нас уже тогда, когда стали проходить мимо нас тысячи и десятки тысяч тех, кому призрак голода своей грубой кистью на восковых, бледных лицах вывел грубые черты изнеможения и отрешенности.

Это были длинные, бесконечные колонны голодных детей. Они шли по четверо в ряд военным строем, но не как солдаты. Проходили час, проходили два и три. Чтобы пропустить многочисленные ряды, все движение по тракту останавливалось полностью либо еле-еле осуществлялось по той половине дороги, которая оставалась свободной.

Это все были дети, совсем юные, еще молоко на губах не обсохло, только что забранные от матерей и семей для того, чтобы сразу же

⁶⁵ Подробнее см.: *Кроз Албанију 1915–1916*, Београд 1968; Петар I Карађорђевић, *Рајини дневник 1915–1916*, пр. Д. Живојиновић, Београд 1984; Г. Геземан, *Са српском војском кроз Албанију 1915–1916*, Београд 1984; П' де Мондезир, *Албанска јоліоја (усіомене и рајине слике)*, Београд 1936; Огист Боп, *За српском војском од Ниша до Крфа*, Женева 1918; Љ. Димић, „Повлачење кроз Србију и Албанију у Дневнику Петра I Карађорђевића“, *Зборник историјској музеја Србије*, 19, Београд 1982, стр. 205–206.

вести по пути страданий и мучений. Было детей этих, пожалуй, около 40 000, и по приказу их повели в изгнание, чтобы враг не взял в плен, потому что в марте следующего года они должны были стать призванниками... Их худые тела, неразвитые грудные клетки и сбивчивый шаг – оставшиеся признаки детства, а потухшие взгляды, склоненные головы и тяжелая боль, отражающаяся на лицах, делали их едва ли не восьмидесятилетними стариками...

Я и не догадывался, что эти дети осуждены на смерть... Не предполагал, что из сорока тысяч сербских детей в течение месяца тридцать шесть тысяч найдут себе места упокоения в заснеженных пропастях и в смрадных лужах...»⁶⁶.

Другой современник, Драгиша Васич, воспринял переход через Албанию, как страдания, которые были самыми тяжкими из пережитого сербским народом за всю историю. «Албания в известной мере принесла опыт смерти, – писал он. – Науке известно, что такой опыт невозможен, да это и понятно. А все же некий опыт обретался – как во врата смерти, в ее царство входить. В таких душевных бурях, от которых задыхались черные и голодные тени от людей, мысли о жизни и смерти были одинаково неопределенными. Все, что там пережито, совсем не походило на известное о жизни; да и все, что было известно о смерти, отличалось от того, как она действовала там. По очень узкой тропе козьей, извивающейся над пропастью, шел человек-скелет, окутанный туманом или мраком – нащупывал ногой тропу, ступал, спотыкался ... и совсем уже не верил, что это жизнь. Ему казалось, что тело его двигают вперед не собственные силы, так как они давно были исчерпаны. И не ощущая больше в этом теле себя, он сомневался, что живет. Сомневался в том, что следующие за ним и перед ним серые, немые призраки – это люди. То, что недавно было жизнью, немного позже стало означать смерть; недавние надежды – такие, как его, немного позже умирали перед ним, на его глазах. Он действительно ощущал, как его надежда умирала. Труп, который он звал продолжить путь, был недавно человеком, вселявшим в него веру; а оставляя его на скалистом утесе, он там одновременно оставлял и уверенность в себе. И таким образом он приобретал опыт: как умирают его надежда, его уверенность в себе, его жизненные силы, как умирает он сам... Албания – это такой же сон, как и явь». Ибо люди «умирали с какой-то верой в ужасный

⁶⁶ Бранислав Нушић, *Девејстићо њејнаесћа. Рајна мемоарска и дневничка проза*, бр. 21, Београд 1988, стр. 104–107.

конец вселенной, так как смерть там являлась правилом. Албания была Великой Пятницей сербов и Монбланом их страданий. На несколько месяцев, пока не была покинута, она стала нашей величайшей болью в изгнании»⁶⁷.

Правительство достигло албанского побережья 30 ноября 1915 года, а днем позже туда прибыл и регент Александр Карагеоргиевич. Сербское Вераховное командование переходило через албанские горы дольше, чем планировало, и на побережье оказалось 6 декабря 1915 года. Во время отступления оно не получало донесений, не давало указаний и приказов. Французские корабли 9 декабря выгрузили первую партию продовольствия для сербской армии в Дурресе, а 17 декабря 1915 года в Св. Йоване Медовском. Когда подошли войска, оказалось, что не хватает муки, сухарей, фуража для скота... Питание изголодавшихся солдат было исключительно плохим.

«Изнуренные солдаты входили в Скадар поодиночке и небольшими группами, – записал Огюст Боп, – сбившись в отряды, всадники и пехотинцы вперемешку; лишь некоторые отряды сохраняли еще боевой вид; однако многие из солдат были без оружия. Все выглядели крайне истощенными; как настоящие живые трупы, они с трудом передвигались – худые, изнеможенные, хмурые, с почерневшими лицами и угасшими взглядами. Они совершали свое печальное передвижение целыми днями, под дождем, по грязи. Ни одной жалобы не слетело с уст этих истстрадавшихся людей; они шли молча, словно гонимые каким-то злым роком; лишь иногда произносили: «хлеба»; это было единственное слово, вымолвить которое хватало сил»⁶⁸.

Основная часть армии и беженцев прибыла в начале января 1916 года на территорию между Скадаром и Дурресом, где их должны были ждать итальянские корабли. Эвакуация сербской армии началась 6 января 1916 года из Дурреса, а уже на следующий день из Св. Йована Медовского. Темп погрузки был медленный, а количество солдат, которых нужно было эвакуировать, большое, вследствие чего для переброски сербской армии с албанского побережья требовалось много времени. Кроме того, вопрос эвакуации имел и свою конкретную политическую подоплеку. Из-за небольшой пропускной способности албанских портов, опасности со стороны австро-венгерских подводных лодок и миноносцев, а также из-за конкретных политических

⁶⁷ Д. Васић, *нав. дело*, стр. 106–107.

⁶⁸ О. Боп, *нав. дело*, стр. 73.

интересов, союзники требовали производить погрузку во Влере. Эту идею поддержали также итальянцы, причем еще потребовали от регента Александра в письменной форме пообещать, что Сербия «никогда не будет требовать территории, на которой сербские войска будут сосредоточены». Так что совершенно изнуренные люди вынуждены были по болотистой местности устья реки Мати совершить еще один марш, на расстояние 250 километров. В то же время Италия сербским воинским частям, которые из последних сил «сползали вниз по берегу» ко Влере, запрещала даже на время заходить в местность за рекой Шкумбини, которую считала сферой исключительно своих интересов в Албании. Несмотря на то, что каждый потерянный день приносил все новые людские потери, Италия затягивала также и оказание помощи в самой Влере, так что организацию эвакуации взял на себя французский флот⁶⁹.

Первые транспорты с сербскими войсками были переправлены на греческие острова Корфу и Видо в Ионическом море лишь в конце января. В числе последних Албанию покинул Александр Карагеоргиевич.

Относительно точных данных о численности эвакуированных нет единого мнения и по сегодняшний день. Согласно официальным отчетам итальянского Министерства флота, в период с 12 декабря 1915 по 22 февраля 1916 года было эвакуировано 11 650 беженцев, больных и раненых на Липари, в Бриндизи, Марсель и Бизерту, 130 840 солдат на Корфу и 4 100 в Бизерту. Транспортировка была осуществлена с помощью 28 итальянских, 17 французских и британских кораблей. Кавалерийские части в составе 13 068 солдат и 10 153 лошадей переправлены при помощи трех итальянских, двух французских и одного британского корабля. Кавалерийская дивизия была последним из подразделений сербской армии, эвакуированных с албанского побережья. Эвакуация полностью завершилась 5 апреля 1916 года⁷⁰.

⁶⁹ Ђ. Tripković, „Francuska i evakuacija srpske vojske iz Albanije“, *Vojnoistorijski glasnik*, br. 3/1981, str. 203–225; М. Живановић, „О евакуацији српске војске из Албаније и њеној реорганизацији на Крфу (1915–1916) према француским документима“, *Историјски часопис*, XIV–XV, 1965, стр. 231–307; П. Опачић, „Српско-италијански војни односи у Првом светском рату“, *Историјски часопис*, XXIX–XXX (1982–1983), 1983, стр. 530–533.

⁷⁰ По данным сербского Верховного командования, из Св. Йована Медовского эвакуировано 8 500 военных и 3 500 гражданских лиц, из Дурреса 95 000, из Влеры 51 564 (Р. Томас, *nav. delo*, str. 313).

Осталось неизвестным, сколько военных, гражданских лиц и детей пострадало на этом пути ужаса, а также позднее, от последствий голода, болезней и истощения. Когда речь идет об армии, то совокупные потери в боях и отступлении на протяжении 1915 года, оцениваются числом 249 965 погибших. В то же время погибло и пропало без вести около 140 000 гражданских лиц⁷¹.

Между тем, решилась и военная судьба Черногории. Не имея возможности оказывать дальнейшее сопротивление, 11 января 1916 года король Никола принял предложение правительства о заключении перемирия. На следующий день приняло его и Верховное командование Австро-Венгрии, потребовав безоговорочной капитуляции черногорской армии, так что австро-венгерские части без боя вошли в Цетине. Правительство Черногории 13 января 1916 года официально потребовало от властей Вены, чтобы военные действия были прекращены и назначены делегаты для заключения мира. Документ аналогичного содержания король Никола направил императору Францу Иосифу. Идя навстречу предложению Черногории, Верховное командование Австро-Венгрии 16 января 1916 года согласилось на шестидневное перемирие, в качестве условий потребовав полной капитуляции черногорской армии, а для себя – беспрепятственного продолжения действий на черногорской территории. Черногорское правительство согласилось с условиями перемирия в тот же день. День спустя король Никола с семьей и ближайшими соратниками покинул Черногорию. В тот же день, 17 января 1916 года, противоборство было прекращено, а операции в направлении Скадара продолжены беспрепятственно.

Несмотря на значительную победу у Мойковца, сердарь Янко Вукотич по приказу военного министра 22 января 1916 года был вынужден распустить черногорское войско. На следующий день австро-венгерские части вошли в Скадар, отрезали путь к отступлению черногорским отрядам, не согласившимся сложить оружие, и создали угрозу существованию сербской армии. Договор о капитуляции был заключен 23 января, а подписан двумя днями позже, 25 января 1916 года. Находившийся за границей король 24 января 1916 года отменил переговоры и запретил кому-либо вести их от имени Черногории, но не смог остановить уже начавшийся процесс. Переговоры о мире

⁷¹ В. Стојанчевић, „Губици у становништву Србије и Београда под аустроугарском окупацијом за време светског рата 1914–1915“, *Годишњак града Београда*, XXI, 1976, стр. 61–74.

официально начались 28 января 1916 года в Цетине, а затем прервались, поскольку черногорские делегаты не могли получить полномочий от короля Николы. После этого в Черногории было введено военное управление⁷².

Сербское правительство, не согласившись на капитуляцию армии и отступив из Сербии, показало, что не мирится с поражением, а вместе с союзниками, с их помощью продолжит борьбу против Центральных держав до окончательной победы, освобождения отечества и возвращения в страну. А пока это не осуществится, нужно было сделать все, чтобы выжившие солдаты поправлялись, гражданские лица получали обеспечение, а государственные органы выполняли свои функции.

Учитывая состояние, в котором находились выжившие ратники, поправка их являлась первой, неотложной обязанностью. В течение января и февраля 1916 года на остров Корфу было переправлено около 140 000 истощенных воинов, а самые слабые из них на остров Видо⁷³. По воспоминаниям Драгиши Васича, участвовавшего в этих событиях, «чаша голгофских страданий в Албании не была до конца испита. Там, в небольшом порту... острова Корфу, можно было видеть, как в массе, коллективно, народ умирает естественной смертью. Никогда не было, а, возможно, никогда и не будет описано: чтобы на таком небольшом пространстве скопилось столь много боли – боли тихой, великой, христианской... В те дождливые дни и ночи, полные скорби мы оказались

⁷² А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 265–271; N. Rakočević, *Crna Gora u Prvom svetskom ratu 1914–1918*, str. 121–198.

⁷³ На Видо находился госпиталь для сербских солдат. Доставка истощенных и больных солдат, в первую очередь – мальчиков-новобранцев, находящихся на грани жизни и смерти, началась в первые месяцы 1916 года. Без палаток и какой-либо защиты, больные сначала лежали на голой земле, под дождем, который шел днями. От изнеможения, голода, дизентерии, воспаления легких и других болезней ежедневно умирало более 150 человек. Несчастных солдат сначала хоронили на скалистом побережье острова, а потом в водах Ионического моря. Смертность постепенно снизилась до 15–18 человек в день. Неизвестно, сколько солдат закончило здесь свою жизнь. В воспоминаниях и литературе приводятся разные сведения: от пяти до более десяти тысяч умерших, включая и солдат, скончавшихся на Корфу. Когда в 1938 году на Видо закончилось строительство мавзолея-склепа, в его мраморные стены поместили 1 232 кассеты с костями солдат, чьи имена были известны. Кости 1 532 неопознанных солдат захоронены в двух внешних каменных бункерах. Численность преданных волнам тоже составляет тысячи. Поэтому Видо называют островом смерти и сербским Иерусалимом, а море вокруг него – *голубой гробницей*, по одноименному стихотворению Милутина Боича.

по службе в небольшом историческом порту и исполняли одну мучительную обязанность – отправлять своих товарищей на Остров Смерти. Ежедневно мертвые и полумертвые роты и батальоны теснились в порту, ожидая пароход, которым переправляли на страшный остров. Всем хотелось поскорее на покой, пусть и вечный; все желали сразу же на судно... По ночам, под струями дождя, в свете прожектора с крейсера «D'Estre» это столпотворение мрачных фантомов в серых выгоревших шинелях, сопровождаемое бормотанием умирающих, напоминало картину сутолоки в аду. На мосту, прогибающемся, как будто он может в любую минуту рухнуть под напором волн беспокойного моря, стоит капитан французского крейсера, повернувшись к шумящему морю, и всхлипывает с платком у глаз...»⁷⁴.

В то время как мирное население отправляли в Бизерту, порт во французском Тунисе, и другие центры, заботу о приеме и обеспечении сербской армии на Корфу взяла на себя французская миссия, во главе которой стоял генерал Мондезир. Поначалу на острове не было условий для размещения большого числа изнуренных ратников. Не хватало палаток, бараков и госпиталей, не было организовано снабжение; солдаты спали под открытым небом, несмотря на дожди. По существующим оценкам, на Корфу умерло около 5 400 человек, а в Бизерте около тысячи. Условия улучшились в середине марта, когда остатки сербской армии были размещены в лагерях, построенных по правилам. Тогда же улучшилось и снабжение. После выздоровления не подлежавшим мобилизации школьникам и студентам правительство предоставило возможность продолжить учебу, главным образом во Франции. По имеющимся данным, стипендии получали 4 896 школьников и студентов, а вместе со стипендиями из других фондов их число увеличилось примерно до 5 500⁷⁵.

После нескольких месяцев восстановления на Корфу сербская армия получила новое вооружение и снаряжение. Несмотря на огромные потери, она со 152 000 поправившихся солдат представляла собой значительную военную силу, которая могла помочь союзным войскам. В то же время осуществлена и реорганизация армии, поскольку она потерпела поражение и начались дискуссии об ответственности. Новую структуру составляли три армии, по две дивизии в каждой. Дивизии первого и второго призыва были объединены. Первую армию,

⁷⁴ Д. Васић, *нав. дело*, стр. 108–109.

⁷⁵ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 288–306.

которой командовал генерал Милош Васич, составляли Моравская и Вардарская дивизии. В состав Второй армии, под командованием воеводы Степы Степановича, вошли Шумадийская и Тимокская дивизии. Третья армия, которой командовал Павле Юришич-Штурм, была сформирована из Дринской и Дунайской дивизий. Кавалерийская дивизия сохранила свою самостоятельность. Сербскую армию снабдили французским оружием, но количество пулеметов в воинских подразделениях стало меньше, а дивизионная артиллерия слабее. Воеводу Путника, освобожденного от должности еще в декабре 1915 года, сменил генерал Петар Боёвич. Воеводу Мишича, командовавшего Первой армией, отправили на лечение во Францию. В кадровых перестановках стало чувствоваться влияние политиков, прежде всего – регента Александра Карагеоргиевича. Восстановившие силы части сербской армии в конце марта и в апреле 1916 года были переброшены на Халкидики, а затем и на центральный участок фронта севернее Солуни. Повторное появление сербской армии на фронте подтвердило, что Сербия не была уничтожена⁷⁶.

---

⁷⁶ Там же, с. 275–278; Р. Томас, стр. 392–394; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 38–39.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЕННЫЙ 1916 ГОД

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТАХ В 1916 ГОДУ

В 1916 году произошли крупнейшие сражения Первой мировой войны, из-за чего его часто считают самым тяжелым годом войны. Кроме того, большое военное напряжение утомило все государства и все их население¹.

Антанта сохранила стратегию, предусматривающую большие наступления с целью разгрома неприятеля в решающей битве, что было подтверждено и на второй конференции союзников в Шантильи в декабре 1915 года. Союзники пришли к согласию, что в случае нападения Центральных держав остальные члены окажут солидарную помощь. Оценив ситуацию на фронтах и состояние армий, совместную операцию на Восточном и Западном фронтах запланировали на лето 1916 года.

У Германии с Австро-Венгрией не было согласованной военной стратегии. Вена планировала нападениями из Тироля вывести Италию из войны, благодаря чему появилась бы возможность около 400 000 солдат перебросить на Западный фронт. Берлин считал планы своего союзника иллюзорными, а его армию недействительной, однако и сам не располагал достаточными силами для победы и предопределения исхода войны. Для Германии основным противником являлась Великобритания, а во Франции она видела «сателлита Лондона», которого нужно уничтожить первым, чтобы закончить войну. Решив поэтому

---

¹ О войне в 1916 г. подробнее см.: С. R. M. F. Cruttwell, *A History of The Great War 1914–1918*, Oxford, 1969, pp. 1–136; A. J. P. Teylor, *The First World War, An Illustrated History*, pp. 119–163, London, 1966.

на Западном фронте начать широкие наступательные действия, германское командование собиралось в феврале напасть на Верден, оборона которого стала для французов вопросом национальной чести и достоинства².

За артобстрелом последовали атаки пехоты, в результате которых уже за первые дни сражения линия фронта передвинулась, и оказались захваченными передовые позиции обороны города. За неделю боев французы были отброшены на 8 километров, однако прорыв они остановили; под началом генерала Петена оборона была сплочена и укреплена. После многодневного круглосуточного артиллерийского сражения в начале марта на фронте установилось равновесие. В течение следующих нескольких недель и месяцев чередовались наступления и контрудары с использованием артиллерии и боевых отравляющих веществ. Последние немецкие атаки, представлявшие серьезную угрозу обороне Вердена, были проведены в июне-июле 1916 года. За время обороны, в которой участвовало 70 дивизий, французская сторона потеряла 275 000 солдат. В состав германских входило 47 дивизий, а общие потери их составили 282 000 человек. Наступление было прекращено в сентябре, однако бои велись и в последующие месяцы. «Верденская бойня» явилась большой неудачей для немцев, она показала, что их войска не способны добиться окончательной победы. В то же время оборона Вердена подняла авторитет и престиж Франции.

Стремясь помочь защите Вердена, французское и британское военное командование предприняло наступление на реке Сомма, начав его в июле 1916 года, с целью окончательно сокрушить германские силы на западном театре военных действий. Британцы впервые использовали танки, атаки пехоты поддержала также авиация. Артиллерии ставилась задача «расчистить» вражеские позиции, а пехоте – «наводнить» всю линию фронта, из-за чего на участке около 70 километров были сосредоточены 26 французских и 32 британские дивизии³. В тактике французов, которая основывалась на опыте, приобретенном за преды-

² По решениям, принятым в августе 1915 года, Верден, как и другие французские крепости, был лишен автономии и получил оборонительную функцию. Тогда было решено, что оборона крепости не будет иметь «значимости сама по себе» и «ни в коем случае не следует защищать только ради себя» (Р. Томас, *nav. delo*, str. 321).

³ В начале наступления на фронте было 40 французских и 26 британских дивизий. Но поскольку французские военные силы «крошились» в боях, то число французских дивизий сократилось до 22, а британских увеличилось до 28.

дущие годы войны, особое значение придавалось артиллерии. По другую сторону фронта укрепилась Вторая немецкая армия, боевая мощь которой, особенно по артиллерии и авиации, была в три раза ниже, чем у противника. Бои, которые велись в течение июля, дали мало результатов, зато обернулись непредвиденно большими потерями. Немецкая сторона за первый месяц боевых действий потеряла 120 000, французская 145 000, а британская 55 000 человек. Такие же изнурительные бои велись и в августе, значительно увеличив численность погибших и раненых солдат. После первоначальных успехов, достигнутых ценой больших жертв, особенно со стороны Британии, сражение превратилось в пятимесячное взаимное изнурение. Потери воюющих сторон были огромными – в общей сложности около 1 260 000 убитых и раненых⁴, причем из-за ограниченных людских ресурсов и военного потенциала больше досталось Центральным державам.

Ожесточенные бои велись также на Итальянском фронте. В середине марта 1916 года оживился фронт на Соче, хотя обещанное большое наступление итальянцев не состоялось. Наоборот, в апреле, одновременно с ожесточенными боями у Вердена, австро-венгерские части совершили прорыв из Тироля. Состояние итальянской обороны в конце мая было критическим, а наступление на всем Западном фронте остановилось в первые дни июля. Это совпало с так называемым Брусиловским прорывом, который, помимо прочего, должен был «разгрузить» положение союзников на Западном и Итальянском фронтах. В середине июня укрепленные и численно превосходящие итальянские части приняли контрнаступление, однако им удалось завладеть только той частью территории, которую неприятель добровольно покинул. Другие наступательные операции, проведенные в июле, принесли только локальные успехи. Окончательные итоги операций периода с мая по конец июня 1916 года проявились в потерях, составивших 147 730 бойцов с итальянской стороны и 82 815 с австро-венгерской⁵. Во второй половине года на фронте на Соче было много крупных боев, потери в которых не соответствовали результатам. Австро-венгерские войска потеряли около 100 000 солдат, но не осуществили прорыва к Триесту. Кроме того, бои на Итальянском фронте облегчили положение Румынии на Восточном фронте.

⁴ По имеющимся данным, французская сторона потеряла 5 215 офицеров и 202 567 солдат (убитыми, ранеными и пропавшими без вести), британская – около 410 000, а германская – примерно 500 000 (Р. Томас, *nav. delo*, стр. 382).

⁵ Там же, с. 337–346.

В то время как на Западном и Итальянском фронтах предпринимались наступления, Центральные державы на Восточном фронте оборонялись. Южный участок фронта контролировался Австро-Венгрией, а северный – Германией. Требования оказать серьезное давление на неприятеля уже в первые месяцы 1916 года наступательными операциями, чтобы облегчить положение союзников на Западном и Итальянском фронтах, русские восприняли сдержанно. Наступательные операции предпринимались весной 1916 года у озера Нарочь, но они принесли огромные потери⁶. В соответствии с межсоюзническим договором в Шантильи, крупномасштабные операции были запланированы на лето. Между тем, все наступление было тщательно подготовлено, собраны важные разведывательные данные, армия вооружена, определены цели нападения. Брусиловский прорыв начался 4 июля 1916 года, в разгар боев на Итальянском фронте. Сконцентрировав армии в четырех точках фронта, генерал Брусилов застал врасплох неприятеля и нанес самый тяжелый за всю войну удар по австро-венгерским войскам. За три месяца (июль-август) боевых действий Австро-Венгрия потеряла в общей сложности 613 587 солдат, из числа которых более полумиллиона было взято в плен. Среди пленных было много представителей славянских народов, для которых предпочтительнее было сдаться в плен, чем продолжать воевать на стороне Австро-Венгрии. Поскольку из-за этого прорыва возникла опасность вторжения русских войск в Венгрию, немецкое командование перебросило часть сил с Западного фронта, облегчая союзникам оборону Вердена. Прибытие новых частей неприятеля, большое истощение сил и нехватка боеприпасов остановили продвижение России. Однако же под ее давлением в войну на стороне Антанты в августе 1916 года вступила и Румыния. По тайному Бухарестскому договору союзники обещали ей Буковину, Трансильванию и Банат, но румынская армия капитулировала уже в декабре того же года.

Несмотря на то, что замышлялись крупные сухопутные операции, за время Первой мировой войны все избегали определяющего сражения на море. Германия с начала 1916 года вместо «решающей битвы», на которую у нее не было достаточно сил, избрала тактику постоянного давления на противников, чтобы заставить силы Антанты покинуть позиции стратегического значения на море. Поскольку

⁶ Потери русских составили от 78 000 до 110 000 солдат, а немцев – от 20 000 до 40 000 выбывших из строя.

гибель большого количества американских граждан, вызванная по-топлением торговых судов, грозила вступлением США в войну на стороне Антанты, Германия была вынуждена прекратить ограниченную подводную войну и искать новую стратегию борьбы. В связи с этим была повышена активность флота, чаще стали столкновения военных кораблей, начались с судов обстрелы приморских городов, планировались нападения на военно-морские базы⁷. Одно из крупнейших сражений состоялось в конце мая – начале июня 1916 года у Ютландии (Дания). В сражении участвовало около 250 британских и германских судов, обе стороны понесли большие потери. Британцы имели военное превосходство, но и потери были больше: в тоннаже почти в два раза (111 980:62 233 тонны), а в личном составе больше чем вдвое (6 489 британцев и 2 921 немец). Но с точки зрения стратегии, они остались хозяевами поля сражения⁸.

На пространстве от Адриатического моря до Солуни был образован Солунский фронт, на котором основу союзнических сил составляли воинские части французские и сербские, а затем британские и итальянские.

Итоги военных событий 1916 года не могли удовлетворить ни одну из противоборствующих сторон. Победу в Румынии затмило поражение, которое Центральные державы потерпели у Вердена и в Тироле. Результаты, которых добились силы Антанты в Брусиловском прорыве, меркли на фоне безуспешных попыток осуществить наступление на Сомме и Соче. Людские потери были огромны. В немецких войсках, которые по отношению к иным участникам военных операций имели меньше всего пострадавших, насчитывалось более 1 400 000 выбывших из строя. Австро-венгерская армия зафиксировала потери численностью 1 753 224 солдата и офицера. Потери Франции достигали 100 000 убитыми, тяжелоранеными и пропавшими без вести в месяц. Приблизительно такими же были потери Великобритании. Россия за 1916 год потеряла около 4 500 000 человек. Модернизация вооружен-

⁷ С этой целью 4 мая 1916 года был издан приказ, согласно которому в пределах объявленной военной зоны запрещалось топить торговые суда без предупреждения, а людей предписывалось спасать.

⁸ В Ютландской битве участвовали 151 британский и 99 немецких кораблей. Противоборствующие стороны располагали линкорами, линейными крейсерами, броненосными крейсерами, легкими крейсерами и эсминцами. Кроме того, у британцев был один миноносец и один авианосец с гидросамолетами (Р. Томас, *nav. delo*, str. 358–359).

ных сил привела к тому, что наряду с винтовками и штыками пехота в большей степени стала использовать автоматическое оружие (пулеметы, автоматические винтовки), минометы, гранатометы и ручные гранаты. Исход ключевых сражений решали артиллерия, авиация и средства связи. Напряжение всех воюющих сторон было доведено до критической точки. Чтобы поддерживать надлежащую численность войск, на фронт призывались и восемнадцатилетние (1898 года рождения). В армиях больших государств ежемесячно выбывало из строя по несколько десятков тысяч лошадей.

Вся экономика воюющих стран была взята под государственный контроль. В то же время, для снабжения войск и гражданского населения она должна была переориентироваться исключительно на производство вооружения, военного снаряжения, продовольствия и обеспечение других военных нужд. Из-за проведенных мобилизаций лишились рабочих рук фабрики и поля. Новую рабочую силу составили женщины; они, как никогда ранее, стали выполнять работы, на которых прежде были заняты только мужчины. Для сохранения производства, особенно военного профиля, правительства воюющих стран вынуждены были ввести трудовую повинность. И несмотря на это экономика все больше приходила в упадок. От ее ориентированности на военное производство выгоду имели только нейтральные европейские государства – Швейцария, Швеция, Дания, Норвегия, Голландия и Испания, а до вступления в войну – также США и Япония, чье участие на стороне Антанты было символическим. Именно в те годы благодаря неограниченному производству в названных государствах отмечался стремительный индустриальный, торговый и финансовый рост. В странах, участвовавших в войне, нехватка необходимых товаров – вопреки усилиям – с каждым годом становилась ощутимее. Особенно чувствовался дефицит продуктов питания, поскольку огромные пространства были покрыты фронтами, уничтожены траншеями и артиллерийскими обстрелами. Были введены реквизиции продовольствия и иных продуктов производства; цены росли, а уровень жизни снижался. Научный и технологический прогресс перестал служить во благо человечеству, переориентировавшись на разработку все более эффективных средств массового уничтожения людей и их имущества. Тяготы войны становились все ощутимее. Количество жертв росло ежедневно. Антивоенная пропаганда набирала силу. Общественность, обсуждая причины военных неудач, с каждым днем усиливала давление на правительства воюющих государств. Политики требовали от

военных более эффективного ведения войны. Участилось вмешательство их в военные дела, а генералов – в политические вопросы. В то же время нарастали социальные протесты. Европейские социалисты призывали пролетариат всех стран повернуть оружие против внутреннего, классового врага. И наоборот, заметны были тенденции усиления авторитарной власти. Появлялись и предложения о заключении мира. Вудро Вильсон, президент США, хотел выступить посредником между воюющими союзами и открыть пути к компромиссному миру, но такую посредническую роль обе стороны воспринимали с недоверием. После победы в Румынии правительство Германии по дипломатическим каналам предложило противникам переговоры о мире, настаивая на том, что члены Антанты должны безоговорочно принять ее условия как победителя. Расценив это предложение как «крик о мире», Франция сочла его проявлением «слабости» и «лукавства». По мнению же британцев, согласиться на переговоры с Берлином, не зная условий мира, для союзников означало бы сунуть голову «в петлю, конец которой держит Германия». Москва и Рим тоже отвергли это предложение. В ответе союзников, который официально дан был 31 декабря 1916 года, указывалось, что противостояние не может быть прекращено «до тех пор, пока не будет гарантировано восстановление нарушенных прав и свобод, признание принципов национальности и свободы существования малых государств; пока не будет принято решение, окончательно устраняющее причины, которые так долго представляли угрозу для народов»⁹.

ОККУПИРОВАННАЯ СЕРБИЯ

Берлин, Вена и София восприняли поражение Сербии осенью 1915 года как триумф собственного оружия, который нужно было использовать в военных, политических и экономических целях. Немецкий император Вильгельм II в дни победы заявил, что Сербия «должна совсем исчезнуть». Близкое окружение Франца Иосифа решительно придерживалось позиции, что нельзя допустить, чтобы «хоть что-то осталось от суверенной Сербии». В планах военной верхушки доминировали мнения, согласно которым, помимо обещанных территориальных уступок Болгарии и Албании, вся территория Сербии должна быть

⁹ Pjer Renuven, *Evropska kriza i Prvi svetski rat*, Sarajevo, 1965, str. 288.

присоединена к Габсбургской монархии. То есть, используя насильственные военные и дипломатические меры, ее следовало «устранить из ряда европейских государств». Пропагандистское подчеркивание вины Сербии в развязывании войны служило оправданием мер, предлагаемых военной верхушкой Монархии.

Идеи Вены об аннексии встречали сопротивление более умеренных кругов в Будапеште, опасавшихся, что из-за этого были бы ослаблены позиции венгерской части Двойной монархии. Это обсуждалось и на состоявшемся 16 января 1916 года заседании объединенного Совета министров, когда при определении военных целей Монархии все присутствующие, кроме графа Тисы, высказались за передачу части сербского государства Болгарии и Албании, а также за аннексию остальной территории. Излагая свое особое мнение, граф Тиса высказал опасения по поводу потенциальной численности сербов в Венгрии и трудностей, которые влекло за собой такое решение «сербского вопроса». Вследствие этого он считал, что в минимально возможном объеме могут быть аннексированы только северо-западные части Сербии. Достигнутый компромисс предусматривал, что аннексированные территории северной Сербии объединятся с Австрией, часть захваченных областей будет присоединена к Венгрии, восточные и южные земли уступят Болгарии, а области, «примыкающие» к Албании, будут переданы этому государству. В соответствии с этими планами, уменьшенная Сербия, формально сохраняющая независимость, была бы сведена к горным областям, удаленным от речных бассейнов Савы и Дуная и изолированным от мира. Ее экономическое и политическое существование было бы направлено исключительно на обеспечение Монархии и контролировалось бы ею¹⁰.

В Софии преобладали мнения, что Сербия должна быть «стерта с политической карты»; и территориальные аппетиты Болгарии после победы намного возросли по сравнению с моментом вступления в войну и подписания Тайной конвенции. Кроме того, что гарантировалось Тайным договором с Центральными державами, Болгария требовала территорию до левого берега Великой Моравы, что обеспечивало бы ей контроль над транспортной линией Смедерево – Ниш и частью Косова, которая была оккупирована в итоге военных действий болгарской армии. Понимая, что Монархия не готова к уступкам, в Софии сочли,

¹⁰ A. Mitrović, *Prodor na Balkan...*, str. 303–320.

что новых территориальных приобретений можно добиться при поддержке Берлина¹¹.

Центральные державы сразу после отступления сербской армии поделили между собой территории Сербии, установив оккупационный режим.

Германия, хотя при разделе Сербии не высказывала территориальных претензий, осуществляла временный контроль над главными путями сообщений в долинах Моравы и Вардара, над Белградом с окрестностями и над рудниками в северо-восточной Сербии. Это были первостепенные задачи немецких войск на территории Сербии, ставившиеся с целью достичь политической и экономической гегемонии. В конкретных условиях войны «этапная зона», временно контролируемая Германией, включала всю Македонию, болгарскую часть Косова, рудники Бора и железнодорожные коммуникации у Великой и Южной Моравы. Для Германии особое значение имел также судоходный путь по Дунаю. Центр, из которого немецкие власти управляли названной территорией, находился в Нише, откуда контролировалась и железная дорога Ниш – София, равно как и линия в долине Тимока. Командование всех немецких вооруженных сил было дислоцировано в Скопье. Подчеркивая, что Сербия для нее – «область снабжения и транзита», Германия обеспечила себе право контролировать на ее территории пути сообщения, используя сырье и обеспечивая себя продовольствием. Вследствие этого Балканы для нее являлись важной транзитной областью, через которую проходили пути на Восток. В то же время, учитывая, что из-за войны она потеряла заморские рынки, Балканы стали также важным экономическим пространством. Соответственно, пути сообщения, экономика и рынок являлись основными элементами, предопределявшими то, чтобы пространство Балкан было определено в качестве сферы интересов Германии и включено в программу ее завоеваний. Осуществлялось это непосредственно – овладением коммуникациями и контролем над ними, эксплуатацией природных ресурсов, а также опосредованно – через Австро-Венгрию и Болгарию, военных союзников, для которых в послевоенное время предусматривался статус подчиненных государств. В таком контексте тайные договоры, заключавшиеся во время войны, явились основой для экономического прорыва Германии на Балканы, который должен был последовать после окончания войны. Это как нельзя лучше

¹¹ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 326–332.

раскрывало подлинные империалистические мотивы Германии, которые и привели к Великой войне¹².

В соответствии с интересами самой Германии и с учетом того, что ее союзники по нападению на Сербию вступили в споры по поводу раздела территории и добычи, фельдмаршал фон Макензен составил план раздела между Австро-Венгрией и Болгарией. Германия была склонна поддержать территориальные претензии Болгарии и вынудить Монархию на уступки. Под влиянием Германии обе стороны 1 апреля 1916 года подписали договор, которым была утверждена демаркационная линия между австро-венгерской и болгарской зонами. В болгарской оккупационной зоне были образованы Военно-инспекционная область Моравы с центром в Нише (Пиротский, Заечарский, Неготинский, Пожаревацкий, Чуприйский, Нишский и Враньский округа) и Военно-инспекционная область Македония с центром в Скопье, куда входили области, присоединенные к Сербии в войнах 1912–1913 годов. Под контролем австро-венгерской военной управы находились округа Шабац, Белград, Валево, Смедерево, Крагуевац, Горни Милановац и три района Чуприйского округа (Ягодина, Варварин, Рековац). В последующие месяцы эта оккупационная зона увеличилась за счет округов Ужице, Чачак и Крушевац, Косовска Митровица, Нови Пазар, Приеполе. По договору о разделе территории Сербии линия границы проходила таким образом, что Эльбасан, Джаковица, Косовска Митровица, Александровац, Крушевац и правый берег Великой Моравы находились в оккупационном подчинении Австро-Венгрии (всего 29 664 квадратных километров, из которых 23 880 квадратных километров «старых» и 5 784 квадратных километров «новых» областей, а Призрен, Приштина, Прокупле и левый берег Великой Моравы в ведении Болгарии (24 422 кв. км. «старых» и более 27 000 кв. км. «новых» областей). Принципиальное столкновение между Веной и Будапештом, в котором, с одной стороны, высказывалось требование Сербии как преступницу «убрать из ряда европейских государств неким насильственным дипломатическим актом, который в определенной мере был ратифицирован военной ситуацией», а с другой – выражалось стремление уменьшить ее территорию посредством уступок соседним странам и решить югославянский вопрос в «границах Монархии», определяющим образом повлияло на то, что в годы войны оккупация не переросла в аннексию¹³.

¹² А. Митровић, *Prodor na Balkan...*, стр. 320–332.

¹³ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 326–344; Б. Младеновић, *Град у аустроугарској окупиционој зони у Србији до 1916. године*, Београд 2000, стр. 16–18.

Австро-Венгрия в доставшейся ей части Сербии создавала отдельную территориально-административную единицу, возглавляемую военным губернатором и разделенную на двенадцать округов, в которых высшая власть принадлежала окружным комендантам, и город Белград¹⁴. В процессе установления власти столкнулись австрийские и венгерские интересы, так как обе стороны хотели преимуществ для себя. Венгры, например, требовали, чтобы им досталось управление гражданскими делами, что они обосновывали наличием общей границы. По этой причине при военном генеральном губернаторе была учреждена должность помощника, то есть гражданского комиссара, которую занимал высший чиновник – венгр по национальности.

Действия оккупационных властей основывались на принципе, что Сербию следует разорить. Управление оккупированной территорией осуществлялось посредством распоряжений, а не закона. Национальные учреждения были упразднены. Официальная переписка с оккупационными властями велась исключительно латиницей, а в официальных актах, приказах, постановлениях, предписаниях, уведомлениях и переписке проводилась хорватизация сербского языка. Чиновникам в инструкциях приказывалось действовать сурово, «чтобы сербство было сломлено и его сила уничтожена на как можно более длительное время». Военным оккупационным властям рекомендовалось «самой твердой рукой» и с «беспощадной строгостью» подавлять любое сопротивление и возмущение. С этой целью массово применялись денежные штрафы, реквизиции, телесные наказания, власти не гнушались и смертных казней. Такие же методы работы применялись и во всех делах эксплуатации. Трудовая повинность и принудительные работы стали обязательными. Сербские деньги обесценились на 50%, что тоже являлось частью уничтожения национальной экономики. Сберегательные вклады и ценные бумаги были изъяты. Согласно инструкциям, представителей интеллигенции, элиты следовало уничтожить или, если они находилась в эмиграции, любыми способами препятствовать возвращению. Передвижение населения было ограничено. Драконовские наказания, безжалостная эксплуатация и материальное истощение до крайнего предела стали основными признаками австро-венгерской оккупационной власти в

---

¹⁴ Наряду с Белградом, который был центром области, существовали следующие округа: Шабац, Валево, Горни Милановац, Крагуевац, Чачак, Ужице, Крушевац, Смедерево, Нови Пазар, Приполе и Косовска Митровица.

Сербии. А одновременно шла работа по инкорпорированию Черногории в состав Монархии¹⁵.

Чтобы предотвратить возможное сопротивление, обеспечить надежную экономическую эксплуатацию и реализацию планов по долгосрочному владению захваченными территориями, граждан Сербии подвергали запугиванию, притеснениям, наказаниям, взятию в заложники и интернированию. Из Сербии нужно было удалить всех оставшихся мужчин в возрасте от 17 до 55 лет, способных к военной службе, для чего по всей Монархии – в Венгрии, Австрии, Чехии, Словакии, Хорватии, Боснии и Герцеговине, – а затем и в Болгарии, создавались лагеря для сербов из Сербии, Хорватии, Воеводины, Боснии и Герцеговины. Из них самыми большими и пользующимися дурной славой были Арад, Ашах, Браунау, Кечкемет, Вац, Дрозендорф, Цеглед, Дженджеш Наджмеджер, Маутхаузен, Болдогасань, Рабс, Нежидер, Карлштайн... Только на территории Хорватии, Воеводины и Боснии и Герцеговины имелось около двух десятков временных (сборных) и стационарных лагерей. Жизнь в них была очень тяжелой, поскольку интернированных пытали, принуждали к изнурительному физическому труду, очень плохо кормили, отказывали в медицинской помощи, за малейшую провинность убивали...¹⁶. Смертность была настолько высокой, что из лагеря в Араде домой вернулось лишь около 20% интернированных. По существующим оценкам, число интернированных гражданских лиц колебалось между 150 000 и 200 000. В конце 1916 года на территории, оккупированной Австро-Венгрией, осталось почти на полмиллиона жителей меньше, чем перед началом войны (около 26%)¹⁷.

Частью той же политики было и разжигание разного рода столкновений, нетерпимости и ненависти среди населения. Промышленные предприятия, банки и торговля специальным декретом были переданы

¹⁵ Подробнее см.: В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918*, стр. 141–144. А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 371–389.

¹⁶ Подробнее см.: Ђ. Stanković, *Istorijski stereotipi i naučno znanje*, Beograd, 2004, str. 303–311.

¹⁷ В. Стојанчевић, „Српски цивилни интернирци у Аустро-Угарској за време Првог светског рата“, *Историјски часопис*, XII, 1975, стр. 157–170; В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918*, стр. 186–189. По данным Красного креста, в конце 1917 года в лагерях Германии и Австро-Венгрии находилось 127 000 военнопленных и 79 000 гражданских лиц (всего 206 500), а в болгарских лагерях было 35 000 военнопленных и около 100 000 интернированных гражданских лиц (всего 135 000).

в руки военных органов. Была введена монополия на значительный ряд товаров. Все, что реквизировалось у населения, вывозилось в Монархию. Рынок Сербии открылся для австро-венгерских торговцев. Власти не заботились об организации снабжения, поэтому голод начал опустошать разрушенную и изнуренную Сербию, взимая свою дань. Дневные нормы продовольствия на жителя уменьшались из месяца в месяц, из-за чего Сербия стала походить на один огромный лагерь для изнурения голодом. По имеющимся данным, от голода до сентября 1917 умерло более 8 000 человек.

Культурные сокровища тоже стали военной добычей; они бессовестно раскрадывались и растаскивались, систематически вывозились в Вену и другие австро-венгерские города. Университетские библиотеки были разграблены, различные учебные пособия изъяты; аналогично и все оставшиеся служебные архивы правительственных учреждений, министерств и политических партий. Австрийцы особый интерес проявляли к документам различных довоенных патриотических организаций и объединений. Ограблены были также ризницы монастырей Дечаны, Раваница и Манасия. Из Призрена забран *«Законник царя Душана»*. Часть этих ценностей бесследно исчезла, и все послевоенные попытки вернуть их законным владельцам оказались безуспешными. В школах было запрещено использование кириллицы как письма, которое считалось частью сербской национальной идентичности. Помимо использования латиницы, обязательным стало изучение немецкого и венгерского языков. Педагогические кадры заменялись, в некоторых случаях даже австро-венгерскими унтер-офицерами (капралами). Тем не менее, Австро-Венгрия преподносила всю работу оккупационных властей в Сербии как «цивилизаторскую».

Оккупационные власти собрали группу немногочисленных довоенных австрофилов, среди которых оказались некоторые бывшие министры, видные юристы, университетские профессора и промышленники. Из их числа был сформирован Муниципальный совет города Белграда – орган, который носил декоративный характер, поскольку он не решал важных и политических вопросов. Отношение оккупационных властей к сербским австрофилам было весьма надменным, что еще больше подрывало авторитет как самих австрофилов, так и учреждения, которое они представляли.

Во главе оккупационных областей, которые сформировала Болгария, стоял военный губернатор, а власть принадлежала исключительно болгарам. Весь чиновничий аппарат прибыл из Болгарии, а сербское

население могло участвовать в управлении только на уровне сельских общин. С заданием проводить болгаризацию были присланы и болгарские учителя. В школах, обязательных для сербских детей, обучение велось исключительно на болгарском языке. Болгарской пропаганде было подчинено прежде всего преподавание истории и географии. Ученые получили задачу «доказать» этническую, языковую, историческую и географическую принадлежность «болгарского Поморавья» и Македонии к матице Болгарии, а работники просвещения – преподавать это в школах. Пропагандистские функции выполняли пресса и те учреждения культуры, которым разрешено было работать. Под угрозой оказались национальное сознание и самоидентификация сербского народа. Для того, чтобы сербскую интеллигенцию уничтожить, арестовывались местные учителя и профессора, священники, чиновники и политики. Многие из них были сразу же казнены, чаще всего очень жестоким способом. С этой точки зрения болгарская оккупация была более жестока, нежели австрийская, поскольку ею злодеяния совершались постоянно и в больших масштабах. Еще во время войны собирая сведения о совершенных злодеяниях и систематических нарушениях прав человека, сербские власти обратились за помощью к международным гуманитарным организациям, отчеты которых подтверждали истинность утверждений сербов. Только во Враньском округе за первый год оккупации было убито около 3 500 человек, а в Сурдулице и окрестностях около 2 500. Жестокому террору, а часто и истреблению, подвергались целые семьи. По данным Международной анкетной комиссии, было убито более ста священников¹⁸.

Легализации грабежей и поборов с населения в оккупированных областях способствовало и военное законодательство. Современникам отмечалось, что в болгарской части оккупированной Сербии «не знали судов», что там человеческая жизнь зависела «исключительно от благоволения любого полицейского агента, любого болгарского жандарма» и что от восточного берега реки Морава «начиналась Азия». В

¹⁸ См.: Victor Kuhne, *Les Bulgares peints par eux-mêmes. Documents et commentaires*, Lausanne–Paris 1917; P. A. Рајс, *Аусџиро-Бујаро-Немачке њовеге ратиних закона и њравила*, Крф 1918; *Album des crimes Bulgares*, Paris 1919; *Documents relatifs aux violations des conventions de La Haye et du Droit international en général commises de 1915–1918. par les Bulgares en Serbie ocupée*, I–III, Paris 1919; Đ. Stanković, „Nikola Pašić i povrede međunarodnog prava u Prvom svetskom ratu od strane Bugarske“, *Vojnoistorijski glasnik*, br. 1–2/2001, str. 30–40; Ђ. Станковић, *Никола Пашић. Прилози за биографију*, Београд 2006, стр. 233–247.

«Западном крае», как называли оккупированные земли в официальных кругах Софии, действовало не законодательство Королевства Болгария, а военные законы и произвол военных и гражданских властей. Террор властей был частью устремлений сделать все оккупированное пространство чисто болгарским, даже ценой его «превращения в болгарскую пустыню»¹⁹.

Использование сербских личных имен, надписей и языка было запрещено; учебники и книги на сербском языке систематически уничтожались. Сербь получали новые фамилии, а новорожденные дети – болгарские имена. Сербские церкви были сначала осквернены, а затем в них присланы болгарские священники. Сербскую крестную славу (почитание святых покровителей рода) запретили. Все воевавшие в сербской армии мужчины, независимо от возраста, были депортированы сразу после установления новой власти. Численность заключенных составляла более 20 000. Особенно тяжелой была принудительная мобилизация сербского населения в болгарские военные части, что категорически запрещалось международным правом. Кроме того, население вынуждали подписывать заявления о принадлежности к болгарской нации.

Все сельскохозяйственное производство на оккупированных территориях Сербии болгарские власти поставили под секвестр и таким образом легализовали грабеж. Соответственно, до полного истощения доводилось сельское население, у которого, кроме годового урожая, конфисковывались основные сельскохозяйственные орудия труда и реквизировался скот. Экономическими распоряжениями сербские бумажные деньги были объявлены недействительными, а ценность денег серебряных сведена до 50% по сравнению с болгарскими. Все эти меры экономического грабежа считались законной военной добычей²⁰.

СЕРБИЯ И СОЛУНСКИЙ ФРОНТ

Военное поражение Сербии не означало отсутствия интереса обеих воюющих сторон к балканскому театру военных действий. Центральные державы были заинтересованы, чтобы стратегически важное

¹⁹ В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918*, стр. 145–149; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 371–389.

²⁰ В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918*, стр. 145–149; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 371–389.

коммуникационное направление Белград – София – Стамбул, после поражения Сербии находившееся под их контролем, функционировало как можно лучше. Чтобы поддержать позицию короля Греции Константина и принимая во внимание территориальные устремления Австро-Венгрии и Болгарии к Македонии и Солуни, германский Генеральный штаб после того, как было прекращено преследование сербских войск, приостановил военные действия Болгарии и Турции против англо-саксонских сил, дислоцированных в Греции. Присутствие там слабых союзнических подразделений не считалось опасным. По оценкам генералитета, для Германии лучше было, чтобы они оставались «прикованными» на линии фронта у Солуни, нежели подкрепили силы союзников на Западном фронте. Австро-венгерская военная верхушка, в то же время, настаивала, чтобы военные операции продолжались и после захвата Сербии, а сербская и черногорская армии были уничтожены. По мнению австро-венгерских офицеров, окончательную расправу над Сербией одновременно стоило использовать и для полного изгнания войск Антанты с Балкан. Они считали, что в противном случае после отступления немецких и австро-венгерских войск непременно следует ожидать удара по болгарским позициям со стороны французских и английских частей, дислоцированных у Солуни, итальянских частей из Албании, а также реорганизованной сербской армии. Возможные успехи союзников на балканском театре военных действий представляли бы угрозу, по мнению Вены, не только для Болгарии, но также для позиции и влияния Центральных держав в Греции и Румынии. Австро-Венгрия попыталась эти идеи навязать Берлину, а затем реализовать их военным путем на месте. И первое, и второе не принесло успеха²¹.

Общественность государств-членов Антанты резко осудила свои правительства за крах Сербии, а все поведение центров политических сил, оттягивавших принятие решения об оказании помощи сербской армии, назвала безнравственным. Поражение на Балканах поспособствовало падению тогдашнего французского правительства и привело к переменам в политических и военных верхах Великобритании и России²². На проходившей с 5 по 7 декабря 1915 года конференции представителей союзных генштабов в Шантильи представители

²¹ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 23.

²² Подробнее см.: Л. Цорц, *нав. дело*, стр. 203–226; P. Renuven, *Evropska kriza i Prvi svetski rat*, Sarajevo, 1965, str. 270–275.

Франции обвинили союзников в «нерешительности» и «запоздалости» действий, считая их несущими ответственность за поражение Сербии и судьбу ее армии. Решение сербского правительства от 4 ноября 1915 года о продолжении войны и верности Антанте, принятое при драматических обстоятельствах, в условиях военного поражения и оставления страны, самым непосредственным образом помогло прийти к общей позиции относительно дальнейших действий союзников на Балканах.

Французские и русские военные верхи расходились во взглядах на основные цели присутствия союзников на Балканском театре военных действий, но не во мнении, что на Балканах нужно оставаться и что сербской армии должна быть оказана помощь.

Для британцев поражение Сербии было знаком, что Балканы потеряны для союзников и в связи с этим нужно уводить все силы союзников с этого театра военных действий. Стремясь в данных обстоятельствах обеспечить защиту исключительно собственных интересов, Лондон правительствам Франции и России предлагал создать большую Албанию под покровительством Италии, при условии, что итальянские власти усилят военное присутствие в этой части Балкан. Усиление итальянского влияния в Албании мотивировалось, помимо прочего, и необходимостью облегчить снабжение сербских частей на Адриатическом побережье.

В отличие от британцев, военные и политические представители Франции считали, что войска союзников должны остаться на Балканах, дожидаться решающей победы на одном из больших европейских фронтов и только после этого решительно действовать в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Русские военные верхи придерживались мнения, что балканский театр военных действий следует воспринимать как пространство, с которого нужно начать решающий удар по Австро-Венгрии. И Париж, и Петроград считали предложенное Британией расширение Албании «безусловно нежелательным» и вредным. По их мнению, расширение территории Албании вызвало бы включение «христианских народов в небольшое мусульманское государство», что в будущем непременно послужило бы поводом для «новых кровопролитий и новых международных осложнений». Итальянские генералы были убеждены, что нужно сохранить союзные войска на Балканах, но их Верховное командование не было готово без дополнительных компенсаций расширять военное присутствие в Албании вне собственной сферы интересов.

Сербское Верховное командование балканский театр военных действий считало одним из важнейших. В связи с этим предлагалось сгруппировать военные силы численностью около миллиона солдат, которые бы вывели Болгарию из войны, освободили Сербию, нанесли удар по Будапешту и Вене и, действуя по неукрепленным тылам Центральных держав, способствовали бы их окончательному поражению²³.

В заключительных обсуждениях, несмотря на осторожность военных представителей Великобритании, преобладающим стало мнение командования союзников, что французско-британские экспедиционные войска должны остаться на Балканах и, не ожидая решения их властей, начать все необходимые приготовления к обороне Солуни. Такая позиция, прежде всего, была обусловлена конкретной ситуацией на месте, где немецкие и болгарские войска, несмотря на то, что остановили свое наступление на северной границе Греции, самым непосредственным образом угрожали военным и политическим интересам союзников. Военная мощь Центральных держав, их готовность в любой момент начать действия с целью захвата Солуни и угрозы прогермански настроенных греческих властей прогнать войска Антанты со своей территории пугали Лондон, равно как и Париж²⁴. Исходя из этого, согласившись на предложение военных экспертов, на заседании 9 декабря 1915 года заключительные положения договора в Шантильи приняли также представители французского и британского правительств. Упомянутые позиции, несмотря на их вынужденность и декларативность, были важны для Сербии. Однако то, что союзнические военные и дипломатические соглашения о судьбе войск Антанты на Балканах совпали с военным поражением Черногории, которая, так же, как и Сербия, была предоставлена сама себе, еще дополнительно ухудшало положение сербской армии.

Почти в то же время, когда представители военного командования и правительств союзников обсуждали ситуацию на Балканах, прави-

²³ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 24–30.

²⁴ Поскольку власти Греции отказались гарантировать безопасность войск союзников в окрестностях Салоник (Солуни), силы Антанты решили высказать свой протест в резкой дипломатической ноте, а во второй половине ноября все это сопроводить демонстрацией военной мощи в Пирейском заливе и оккупацией островов Милос, Корфу, Сирос. Под дипломатическим и военным давлением германофильское правительство Греции изменило свою позицию, после чего начались приготовления к обороне Солуни.

тельство Николы Пашича, имея в виду прежние намерения союзников посредством давления и шантажа добиться согласия Сербии на уступки территорий соседним государствам, сразу по прибытии в Скадар потребовало от членов Антанты гарантий, что в случае заключения мира ими будет обеспечена и подтверждена неотчуждаемость территорий Сербии. Для самих союзников, занятых собственными оценками ситуации и политическими расчетами, такого рода заявления были нежелательным «связыванием рук», поскольку никто не мог предвидеть дальнейшего хода войны и условий, при которых будет заключаться мир. По этой причине после внутренних консультаций сербскому правительству 9 декабря 1915 года было объявлено, что члены Антанты такие заявления считают «преждевременными». Данный ответ только укрепил сомнения и усилил беспокойство. Кроме того, он последовал почти в то же время, что и компрометирующая информация из Германии, в которой очень подробно сообщалось о предложениях, сделанных союзниками в предшествующий период Болгарии за вступление в войну на стороне Антанты и касавшихся территории Сербии. Поэтому сербский посол в Париже Миленко Веснич 12 декабря 1915 года направил российскому министру иностранных дел Сазонову ноту, объяснив, что требуемое «заявление» следует понимать не как «гарантию», которая дается Сербии, а как акт, который в тяжелые времена, наступившие после оставления Отчизны, стал бы поддержкой для сербских властей и вкладом в сохранение духа изгнанной армии и подверженного оккупации народа.

Данное обращение побудило российских дипломатов к большей активности в решении сербского вопроса с союзными правительствами. В инструкциях, данных российским дипломатам 15 декабря 1915 года, поручалось в переговорах с представителями правительств союзных стран, в которых они аккредитованы, акцентировать «стремление союзников не только восстановить Сербию в ее прежних границах, но и как можно полнее выполнять данные Сербии обещания относительно территориальных расширений». Несколькими днями позже, не дожидаясь согласия союзнических правительств, министр Сазонов поручил послу России при правительстве Сербии князю Трубецкому убедить Николу Пашича, «что государства Антанты никоим образом не считают, что кампания на Балканах завершена, и они стараются, чтобы сербской армии поставлялись продовольствие и боеприпасы». В поручении указывалось также на необходимость передать сербскому правительству, что союзные державы «твердо решили не только восстановить Сербию

в прежних границах, но и выполнить обещания территориальных расширений, данные ей»²⁵.

Отдельные интересы великих держав слишком часто лишали смысла решения, к которым союзники приходили на общих встречах представителей военных и политических властей. Такое поведение существенно задевало жизненно важные интересы маленьких государств и самой Сербии.

Считая, что к участию в Дарданелльской операции и присутствию на балканском театре военных действий их страну вынудили помимо воли, а это противоречит их интересам, часть влиятельных кругов Великобритании противилась всякой мысли о дальнейшей поддержке Солунского фронта. В Лондоне в начале декабря 1915 года можно было услышать и мнение, что для союзников было бы больше пользы в том случае, если бы Сербия заключила сепаратный мир с Австро-Венгрией, чем тогда, когда ее правительство откажется от предложений Вены и Берлина и решит продолжать войну. Часть общественности была убеждена, что согласие Сербии на сепаратный мир освободило бы западных союзников от всяких обязательств по отношению к этому государству и уменьшило риски от продолжения войны на Балканах. Доминировало убеждение, что союзники не в состоянии оказать помощь Сербии до окончания войны. В Лондоне рассчитывали на то, что после заключения сепаратного мира с Сербией и осуществления замыслов, послуживших толчком к войне, Австро-Венгрия перестанет выполнять союзнические обязательства перед Германией. И такое развитие событий, которое бы противопоставило ее Германии, считалось в Лондоне особенно благоприятным. Обсуждались также варианты, при которых Болгария, получив Македонию, под воздействием союзников могла бы выйти из войны. По некоторым расчетам, уход союзнических войск с Балкан обеспечил бы силам Антанты стратегическое преимущество на других, более важных для них, театрах военных действий. И несмотря на то, что не были официальными, указанные позиции свидетельствовали об отсутствии со стороны великих держав, особенно Великобритании, какого бы то ни было сочувствия национальным и экзистенциальным интересам их балканского союзника²⁶.

Позиция официального Парижа по вопросу судьбы Сербии была очень близка той, которой придерживался Петроград. Учитывая си-

²⁵ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 30.

²⁶ Там же, с. 26.

туацию на фронтах, французское правительство было готово специальным заявлением поддержать Сербию, но считало, что содержание этого документа должно быть менее определенным и обязывающим, нежели то, которое предлагал министр Сазонов. Однако, по мнению Лондона, то, что предлагалось правительством Франции как содержание заявления, было намного больше «того, что разумно» и того, «что само сербское правительство ожидало или просило». Для британцев приемлемым было только заявление общего характера, в котором бы отмечалось, что «правительства Антанты приложат все усилия, чтобы сербской армии помочь, и они не считают, что балканская кампания закончена». Некоторое смягчение позиции Лондона предвещал меморандум от 31 декабря 1915 года, которым Эдвард Грей уведомлял министра Сазонова о готовности внести в предложенное заявление также пункт, «что союзные государства считают независимость Сербии одной из главных целей их политики». Петроград, между тем, не склонен был принимать заявление, которое бы умаляло значение предварительно данных уже Сербии обещаний. Для самого сербского правительства, не способного влиять на решение союзников, по сути приемлемой была только позиция России. Судя по телеграмме, которую князь Трубецкой отправил министру Сазонову, Никола Пашич выказывал величайшую благодарность за старание России защитить интересы Сербии²⁷.

Гораздо более серьезные последствия для сербской армии имела позиция британского правительства в вопросах, самым непосредственным образом касающихся выбора места, эвакуации и восстановления сербской армии, которая после отступления из Сербии находилась на албанском побережье Адриатического моря. Британские власти вплоть до середины января 1916 года блокировали и подвергали обструкции намерения Франции найти для сербской армии надежное место для восстановления сил. Таким образом они косвенно поддерживали действия Италии, которая препятствовала снабжению сербской армии в Албании и блокировала ей подступы к Валоне. Правительство Великобритании противилось также попыткам своих союзников урегулировать с Грецией нерешенные вопросы, касающиеся фронта у Солуни. Вынужденные перемены в отношениях британцев к Балканам и к судьбе сербской армии произошли только после резкого протеста России и заявления французского правительства, что оно полностью возьмет на себя заботу

²⁷ Там же, с. 30–31.

о снабжении, эвакуации и обеспечении сербской армии. На состоявшемся 21 января 1916 года в Лондоне заседании британского Военного совета было принято решение поскорее сосредоточить сербские войска на о. Корфу «для лучшего их снабжения и дальнейшего использования». На том же заседании, где присутствовал и премьер-министр Франции Аристид Бриан с еще двумя министрами, было решено урегулировать запутанные отношения с Грецией и побудить Италию к большей военной активности на фронте у Солуни. Так представители французских и британских властей нашли согласие по вопросу окончательной «оккупации Солуни», однако не смогли прийти к единому мнению, стоит ли на этом театре военных действий ограничиться только выполнением оборонительных задач или планировать также наступательные операции. По мнению британской стороны, в случае благоприятного развития событий на других фронтах, установления тесного сотрудничества с нейтральными до тех пор балканскими государствами и включения восстановившейся сербской армии в состав союзных войск, фронт у Солуни из оборонительного можно было бы превратить в наступательный театр военных действий²⁸. Эта гипотетически излагаемая позиция о перерастании фронта у Солуни из оборонительного в наступательный, которая содержала множество неизвестных и в начале 1916 года не выглядела реальной, все же являлась предпосылкой того, что фронт у Солуни будет сохранен. Для сербской армии это имело большое значение, так как открывало перспективу не только для ее существования и реорганизации на Корфу, но и для начала операции, которая в будущем могла привести к освобождению Сербии.

Месяц спустя, 22 февраля 1916 года, британское правительство приняло решение, в соответствии с которым была отклонена возможность осуществления наступательных операций на Балканах даже в том случае, если Греция и Румыния начнут активное военное сотрудничество с силами Антанты. По мнению Лондона, то, чего можно достичь в результате наступательных операций на Балканах, в любом случае будет не более чем «скромным», и не оправдает вложенных материальных средств и принесенных человеческих жертв. Правительство Великобритании намеревалось решительным влиянием на дипломатические и военные действия членов Антанты как можно эффективнее защитить собственные интересы, но при этом сохранить корректные отношения с союзниками. Когда дело касалось балканского театра военных

²⁸ Там же, с. 27.

действий, в британской столице высказывались мнения, что Великобритании больше пользы принесло бы заключение сепаратного мира с Турцией и Болгарией. Отношения с союзниками не позволяли поднять этот вопрос в ближайшей перспективе, но и отказываться от него британцы не собирались, а осмотрительно планировали отложить и решить тогда, когда позволят обстоятельства. Поэтому любые рассуждения относительно осуществления наступательных операций в направлении Болгарии на фронте у Солуни для Великобритании, ее интересов, намерений и планов, были неприемлемыми и контрпродуктивными. Это подтверждал и меморандум Военного комитета под названием «Политика союзников на Балканах», который британское правительство приняло в конце апреля 1916 года. В нем очень ясно указывалось, что политика союзников на Балканах «должна быть оборонительной», силы союзников следует сократить до численности, необходимой для обороны Солуни и окрестностей, исключив даже отдельные наступательные действия²⁹. С содержанием меморандума было ознакомлено и правительство Франции, считавшейся главным креатором военной активности на Балканах.

Как бы ни были важны вышеуказанные акты британского правительства, они все же не имели достаточно силы, чтобы дезавуировать францужско-британское соглашение, которое было принято на конференции, состоявшейся в Париже 21–23 февраля 1916 года. Выполнение договоренностей о равноценном участии обоих правительств в снабжении сербской армии во время ее пребывания на Корфу и участия в действиях фронта у Солуни было обязательным. Вся операция по снабжению сербских частей проводилась под руководством французской стороны и военной миссии, во главе которой стоял генерал Мондезир, но включала также участие британских офицеров, в задачу которых входило сопровождать и контролировать выполнение обязательств, взятых на себя правительством в Лондоне.

Взгляды официальных кругов Парижа на балканский театр военных действий и его значение для союзников были противоположны тем, которые выражал Лондон. Обе стороны не намного расходились в оценках военной выгоды от фронта у Солуни. Ожидалось, что там, помимо обороны залива, может быть нанесен какой-то удар по болгарским военным силам и тем самым увеличатся шансы на сотрудничество Греции и Румынии с силами Антанты, но не более того.

²⁹ Там же, с. 27–28.

Однако для Франции было важно и вынуждало прилагать усилия, чтобы Солунский фронт существовал и после поражения Сербии как второстепенный плацдарм, активностью которого к Балканам были бы «пригвождены» значительные силы противника. Центральные державы, таким образом, не имели бы возможности эффективно использовать их на каком-то другом фронте. По этой причине на британского союзника постоянно оказывалось давление, чтобы фронт у Солуни сохранился, и результаты, достигнутые на конференции 21 февраля 1916 года, в Париже считались не только исполнением морального долга перед Сербией, но и важным дипломатическим достижением Франции. По планам французского Верховного командования, операции на Солунском фронте следовало начинать в тот же момент, когда и наступательные действия союзников на остальных фронтах. А ради успешного осуществления этого замысла оно настаивало на том, чтобы переброску сербских частей с Корфу на фронт у Салоник начать как можно скорее.

Конференция премьер-министров и начальников генштабов Франции и Великобритании, состоявшаяся 27 и 28 марта 1916 года в Париже, окончательно подтвердила решимость союзников сохранить фронт у Солуни, снабдить сербскую армию необходимым вооружением и снаряжением и перебросить ее в Солунь. В связи с этим было также принято решение пойти навстречу требованиям сербского Верховного командования и выделить сербской армии, как самостоятельному военному субъекту, отдельный участок фронта. Этим самым сербская политика укрепила позиции среди союзников, а сербская армия получила шанс влиять на события и процессы, которые привели бы к освобождению Отечества³⁰.

Солунский или Балканский фронт простирался от Орфанского залива по греческой и албанской территории до Ионического моря, являясь частью военной стратегии членов Антанты по защите Солуни. После поражения Сербии и Черногории и провала Дарданелльской операции поддержать фронт – означало поднять авторитет союзников среди народов и государств Балкан. Фронт сначала служил по преимуществу интересам Франции и Великобритании, желавшим привлечь на свою сторону нейтральные балканские страны – Грецию и Румынию. По оценкам союзнических генштабов, вступление этих государств в войну помогло бы изменить равновесие сил на Балканах.

³⁰ Там же.

Не имея достаточно сил для наступления, на фронте у Солуни нужно было держать неприятеля «под угрозой наступления»³¹. С другой стороны, и Центральные державы отвергали возможность наступательных операций на Солунь, опасаясь захватом территорий Греции «подтолкнуть» эту страну в объятия членов Антанты. Более того, сводя активность войск до уровня «диверсий» в соответствии со стратегией, целью которой было «связывание» сил противника на фронтах, «не решающих исхода войны», немецкое Верховное командование отозвало большую часть своих сил, разместив их на западном театре военных действий³².

Основу союзных сил на фронте у Солуни составляли французские и британские дивизии, подкрепленные меньшими русскими и итальянскими контингентами. Стремясь сохранить целостность сербской военной организации, Верховное командование Сербии настаивало на том, чтобы его войска тоже как можно скорее включились в боевые действия на Солунском фронте. Это было на руку и французскому Верховному командованию, которое после отражения немецкого натиска под Верденом считало, что балканский театр военных действий приобретает все большее значение. Окончательное решение Румынии вступить в войну на стороне Антанты также обязывало союзников начать наступательные действия на Солунском фронте³³. Поэтому переброска сербской армии на Солунский фронт была ускорена, так как ей, кроме прочего, предстояло нести основной груз наступления, посредством которого нужно было выполнить обязательства перед Румынией и реализовать планы союзников на балканском театре военных действий.

Окончательная договоренность представителей французских и сербских властей о выделении отдельного участка фронта в зоне западнее Вардара, на котором должны дислоцироваться сербские части, была достигнута в середине июня 1916 года. В этом же месяце началось закрепление участка фронта от села Люмица на Кожуфе до Лерина в

³¹ Что касается Румынии, то союзники рассчитывали на ее армию, численность которой составляла около 420 000 солдат.

³² Об участии сербской армии на Солунском фронте подробнее см.: П. Опачић, *Солунска офанзива 1918*, Београд 1980; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, Београд 1984.

³³ Помимо территориальной выгоды, которую союзники обещали Румынии, их силы у Салоник обязаны были предпринять наступательные действия, чтобы привязать войска Центральных держав к этому плацдарму и таким образом облегчить прорыв румынской армии в Трансильванию.

Пелагони. Сербское правительство формально решение о выступлении на фронт приняло 24 июня 1916 года. После переброски войск у сербской армии на этом театре военных действий в начале июля было 152 000 солдат, которые заняли центральный участок фронта севернее Солуни. На правом фланге располагалась британская армия, а на вардарском направлении – французская Восточная армия. Против сербских войск были размещены силы Первой болгарской армии.

Сербские войска на Солунском фронте были дополнительно вооружены и обучены, а привлекая их, Антанта упрочила свои позиции на Балканах и в некоторой степени подняла авторитет, пошатнувшийся в результате неудачности Дарданелльской операции. Концентрация войск около Солуни давала возможность провести наступательную операцию на позиции Центральных держав. Кроме того, в соответствии с планами Франции, задачей размещенных на Солунском фронте формирований было «тревожить болгарские войска» и таким образом привязывать их к фронту. В то же время, сохранение фронта у Солуни имело значимость для союзников и по причине все более проявлявшегося враждебного поведения прогерманского правительства Греции. В конце концов, фронт севернее Солуни приобрел стратегическое значение после присоединения Румынии к коалиции союзников.

Вскоре после прибытия на Солунский фронт сербская армия вступила в первые боевые столкновения. Союзники свои операции планировали начать 20 августа 1916 года, но Центральные державы опередили их. Так неожиданно уже 17 августа 1916 года сербские части оказались на направлении главного удара стремительного наступления болгар. Особенно сильным атакам подверглись позиции, оборону которых осуществляли Добровольческий отряд и Дунайская дивизия. После нескольких дней отступления сербское Верховное командование было вынуждено вывести из резерва и отправить в бой Вардарскую дивизию. Последовавшее затем наступление, помимо планированного, велось также на «битольском направлении», где находились сербские части.

Несмотря на жесткий отпор, который давали сербские войска, на другом участке фронта, обороняемом греческими силами, болгарско-немецкое наступление дало результаты. Некоторые греческие подразделения сдались, были разоружены и интернированы в Германию в статусе «гостей», в то время как небольшая группировка солдат и офицеров отступила на Тасос, а затем в Пирей. Болгарские войска не смогли прорвать фронт на фланге, обороняемом сербскими частями, но на другом конце линии обороны 12 сентября 1916 года заняли Кавалу.

Их вторжение в восточную Македонию сопровождалось негуманным отношением к местному греческому населению. Пассивность греческого германофильского правительства и дефетизм в рядах войск вызвали ухудшение отношений с Антантой. Имевшая штаб-квартиру в Солуни Либеральная партия, которую возглавлял Элефтериос Венизелос, возмущившись преступлениями болгар и пассивностью Афин, потребовала, чтобы греческая Македония пополнила ряды Антанты. Чтобы воспрепятствовать дальнейшей утечке информации, французское военное командование разоружило греческую Солунскую дивизию, вынудив правительство в Афинах предоставить им контроль над всеми транспортными средствами и выслать агентов Центральных держав со своей территории. Такое развитие событий решающим образом повлияло на греческое правительство, которое во второй половине сентября 1916 года выразило готовность присоединиться к Антанте. Небольшое же отступление на участке фронта, обороняемом сербскими частями, было остановлено в начале сентября, когда командование Первой армией принял на себя воевода Живоин Мишич³⁴.

Помимо прямой зависимости от вступления Румынии в войну на стороне Антанты, действия союзников на Солунском фронте были связаны с началом наступательной операции Центральных держав в Трансильвании и Добрудже в сентябре 1916 года. В связи с этим были затребованы и наступательные операции союзников на Солунском фронте, чтобы все болгарские части, как приказывал генерал Жоффр, «приковать... к границе Греции». Наступление союзников началось 12 сентября и продолжалось до конца декабря 1916 года.

Сербские войска с середины сентября составляли ударную силу наступательных операций союзных войск и ежедневно продвигались вперед. Прорывая фронт неприятельских сил три раза, 14 сентября они одержали победу в трехдневном сражении возле Горничева. Болгарские войска вынуждены были отступить на позиции, с которых месяцем ранее начали наступление. Поражение болгар при этом отразилось на всей линии фронта. Генерал Саррайль битву возле Горничева, в которой «настоящими победителями были сербы», назвал «блестящим военным успехом». Дальнейший прорыв сербских войск к Битолю обеспечивался захватом укрепленных высот на горе Нидже, где располагались крупные силы болгар. Тяжелая битва, насыщенная отчаянными атаками и болезненными неудачами, велась с целью закрепиться на вершинах го-

³⁴ P. Tomac, *nav. delo*, str. 392–405.

ры Нидже – Старков гроб и, особенно, Каймакчалан. Окончательная победа, достигнутая ценой гибели 4 643 сербских солдат, была одержана 1 октября 1916 года. Болгарские части отступили к повороту реки Црна, а сербская армия вернулась на территорию собственного государства. Ее успехи открыли возможности для продвижения французских частей, которые, подобно британским и итальянским, не проявляли особой активности на фронте. Среди последующих военных операций особое значение имело сражение на излучине реки Црна, в результате которого Первая армия совершила значительный прорыв, отодвинув линию обороны болгар на расстояние около 40 километров. Болгарские части после этого поражения были не в состоянии организовать надежную оборону, тогда как немецкие части, также дислоцированные на Солунском фронте, были вынуждены отступать. Непрестанно продвигаясь вперед, сербские формирования при поддержке русских 19 ноября 1916 года вошли в Битоль. После побед при Горничево и на Каймакчалане, это был третий раз, когда сербы «вызвали событие», как отметил генерал Саррайль. Свое уважение он выразил и в ежедневном рапорте следующими словами: «Сербь, вы первыми открыли путь, вы первыми увидели, наконец, нашего врага бегущим, и ваши титанические усилия сделали возможным взятие Битоля». Потом фронт укрепился, так как начался период окопных боев, в ходе которых ни одна сторона не имела особых успехов. Наступательные действия на Солунском фронте в середине декабря 1916 года, после поражения Румынии, утратили стратегическое значение. Однако несмотря на это, на нем находилось 433 706 солдат союзников³⁵.

Четырехмесячные бои измотали сербские войска. За вступление на «порог» отчизны и освобождение около 1 200 квадратных километров территории довоенной Сербии было заплачено огромными потерями³⁶.

³⁵ Во второй половине 1916 года на Солунском фронте находилось 143 612 сербских, 120 926 французских, 119 351 британский, 34 132 итальянских, 15 079 русских, 606 албанских солдат.)

³⁶ Писатель Драгиша Васич воспоминания о Солунском фронте включил и в свои литературные произведения: «Утро было ясное, прохладное и спокойное... окруженный неглубокими, в разных направлениях сплетенными ходами сообщения, я разглядывал извилистую, в камне выдолбленную, линию окопов... Из этих окопов, как из разверзшихся могил, выбирались один за другим согнувшиеся солдаты мрачного, мученического вида – в обмундировании, при полной экипировке и с фляжками в руках неохотно брели умываться. Царила та особенная, временная тишина фронта, когда воздух еще слегка подрагивает от взрывов, когда спешишь передохнуть, прожить несколько спокойных мгновений, когда мрачные предчувствия отступают и

Сражаясь, сербские войска вывели из строя около 68 000 и взяла в плен около 7 700 немецких и болгарских солдат. Принимая во внимание, что и сами понесли большие потери – 1 209 офицеров и 32 380 унтер-офицеров и солдат, – в начале 1917 года они опять были реорганизованы. С этого времени их составляли только две армии: Первая, под командованием воеводы Живоина Мишича, и Вторая, под командованием воеводы Степы Степановича. Потери остальных союзников были значительно меньше (10 446 погибших, раненых и пропавших без вести французов, 4 425 британцев в 1915 и 1916 годах, 1 701 русский, 327 итальянцев), что косвенно свидетельствует и об активности, проявленной союзниками³⁷. Военная отдача сербских войск многократно превосходила их численную силу и огневую мощь³⁸.

когда угроза смерти отдыхает, чтобы, немного спустя, снова нависнуть. Дежурные осторожно, однако строгим тоном, будили смену, которая, не выспавшись, полусонная и угрюмая лениво выбиралась из временных укрытий; унтер-офицер ругался и грозился; какой-то ранний самолет гудел вдаль; а там, за проволочными заграждениями, крестовинами, вражескими окопами... среди груд камней, там вдаль, за бескрайним волнообразными массивами, в сиянии зари вырисовывались ответвления Бабуны, голубела Отчизна» (Д. Васић, *Црвене мајле*, Београд 2005, стр. 167–168).

³⁷ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 283. По данным сербского Генерального штаба, до конца наступательных действий (19 декабря 1916) сербской армия потеряла 1 068 убитых, раненых и пропавших без вести офицеров и 32 381 унтер-офицера и солдата. В итальянских же данных приводится, что в боях на Солунском фронте потери сербов составили 26 291 солдат и офицер, выбывший из строя. По исследованиям Петра Опачича, потери составили 27 965 человек (Р. Томас, *nav. delo*, стр. 405; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 41).

³⁸

	Мощь армии	Резерв личного состава	Количество орудий
Франция	2 850 000	775 000	10 330
Великобритания	1 315 000	1 050 000	4 290
Бельгия	128 000	12 000	406
Италия	1 300 000	1 000 000	3 167
Россия (без Кавказа)	4 500 000	6 500 000	8 486
Сербия	127 000	14 000	272
Антанта (всего)	10 220 000	10 351 000	26 951
Германия	4 100 000	2 020 000	12 540
Австро-Венгрия	1 955 000	1 850 000	4 350
Болгария	500 000	320 000	1 128
Турция	470 000	360 000	1 302
Центральные державы	7 025 000	4 550 000	19 320

(Р. Томас, *nav. delo*, стр. 427.)

Анализ действий союзных армий на Солунском фронте в начале октября 1916 года показал, что силы, которыми располагала Антанта на этом театре военных действий, были недостаточными для решающего разгрома неприятеля. Не хватало еще пять-шесть дивизий, но также не было желаний Лондона и Парижа дислоцировать и задействовать их на балканском театре военных действий. Однако к концу того же месяца ситуация в некоторой степени изменилась. Столкнувшись с поражением Румынии, враждебным поведением Греции и давлением России, правительства Великобритании и Франции на конференции в Булони приняли решение отправить на фронт еще две дивизии, а Италию обязали добавить еще одну бригаду. Принятое решение подтвердила и конференция союзников, состоявшаяся в середине ноября 1916 года. Это делалось с целью решительными боями в Македонии исключить Болгарию из войны, а Румынию с ее армией спасти от поражения и полного краха. План этот все же не был осуществлен, так как формирования, которые должны были ввести британцы, оказались недостаточно мощными и на балканский плацдарм слишком поздно были переброшены³⁹.

Ослабленные сербские части пополнялись различными способами. В то время как другие воюющие армии старались пополнить свои ряды солдатами из колоний, сербская армия это делала за счет добровольцев⁴⁰. Уже в начале войны в 1914 году из пограничных территорий Австро-Венгрии прибыло около 4 000 добровольцев, которые участвовали в боевых действиях, которые тогда велись. Из взятых в плен на Восточном фронте австро-венгерских солдат – в основном сербов, а также, в значительно меньшей степени хорватов и словенцев, – позднее в России был сформирован Добровольческий корпус. Добровольцев набирали и в Америке, о чем заботилась Югославянская народная оборона. Прибывшие на Солунский фронт добровольцы вливались в состав существующих частей сербской армии и в Югославянскую добровольческую дивизию, которая участвовала в прорыве Солунского фронта и в боях за освобождение страны. По имеющимся данным, на стороне сербской армии сражалось около 32 000 добровольцев⁴¹.

³⁹ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 40–41.

⁴⁰ Германия старалась свои ряды пополнить поляками; французские части пополнялись солдатами из колоний в Африке и Азии, а Великобритания использовала военных из доминионов.

⁴¹ По вопросу о добровольцах подробнее см.: Н. Поповић, *Југословенски добровољци 1914–1918*, Зборник докумената, Београд 1980.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ
КОНТИНУИТЕТ СЕРБИИ

Военное поражение 1915 года, оккупация территорий и бегенство не означали разрыва государственно-правового континуитета и утраты суверенитета сербского государства⁴². В соответствии с Гаагской конвенцией 1907 года, военная оккупация считалась «фактическим и временным состоянием», которое не отменяет государственный суверенитет, а лишь временно приостанавливает, без права его перехода к оккупанту. В случае с Сербией оккупацию территории не сопровождала капитуляция армии⁴³. Однако военное поражение неблагоприятно отразилось на международно-правовом положении Сербии и усилило ее зависимость от союзников. Реальная сила ее во внешнеполитическом плане была ослаблена, а возможности правительства ограничены. В то же время, защищая свои интересы, великие державы отклоняли попытки Николы Пашича добиться, чтобы за Сербией признали статуса союзника, которому было бы гарантировано право участия в мирных конференциях с «решающим правом голоса».

Помощь союзников имела решающее значение в функционировании правительства, Народной скупщины и армии – институтов, которые продолжали существовать в эмиграции и благодаря которым поддерживался континуитет сербской государственности. Подчиненная таким образом воле союзников, Сербия пыталась оказывать какое-то сопротивление, особенно в военных вопросах и в политической сфере деятельности правительства. Никола Пашич, осознавая, что у государства нет необходимой экономической и военной мощи, вел политику, которая сербские военные цели увязывала с планами союзников, и умудрялся сохранять свободу действий в так называемых «сербских вопросах»⁴⁴.

⁴² D. Janković i B. Hrabak, *Zapishnici sa sednica Ministarskog saveta Srbije 1915–1918*, Beograd, 1976; Живко Павловић, *Раји Србије са Аустроугарском, Немачком и Бујарском 1915. године*, Београд 1968; А. Барби, *Албанска јоліоја – ајонија једној народа 1915*, Београд 1928; Петар I Карађорђевић, *Рајини дневник 1915–1916*, Београд 1984; П. Живановић, „О евакуацији српске војске из Албаније и њеној реорганизацији на Крфу (1915–1916) према француским изворима“, *Историјски часопис*, бр. XIV/XV, стр. 231–307.

⁴³ D. Janković, M. Mirković, *Državnopravna istorija Jugoslavije*, Beograd, 1982, str. 327–328.

⁴⁴ Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 63–74.

С целью укрепить пошатнувшееся международно-правовое положение Сербии регент Александр и Никола Пашич в марте 1916 года посетили крупные союзные государства: Италию, Францию и Англию, а в апреле того же года председатель правительства ездил также в Россию. В ходе визитов состоялись встречи с влиятельными личностями европейской политики – королем Виктором Эммануилом III и министром Сиднеем Соннино, премьер-министром Франции Аристидом Брианом, британским королем, принцем Альбертом, премьером Асквитом и министром Эдвардом Греем, российским царем Николаем II и министром иностранных дел Сергеем Сазоновым. Союзникам в основном представлялась югославянская программа; визитам предшествовали приглашения союзнических правительств, а это являлось знаком, что авторитет Сербии после размещения ее армии на фронте у Солуни значительно возрос⁴⁵.

Переговоры в Риме, несмотря на оказанные почести, усилили подозрения к проводимой Италией политике и подтвердили опасения, вызванные незнанием полного содержания договора, который она в апреле 1915 года заключила с союзниками. Пребывание же во Франции подтвердило, что союзники рассчитывают на сербскую армию. Для Парижа было важно, чтобы встреча с Николой Пашичем, регентом Александром и представителями сербского Верховного командования состоялась до военной конференции союзников в Париже, запланированной на вторую половину марта. Правительство и военные верхи Франции в ходе переговоров с представителями Сербии намеревались подготовить предложения, которые потом бы представили остальным союзникам, из-за чего приоритетность имели вопросы, связанные с сербской армией и Солунским фронтом. Никола Пашич с планами ее реорганизации и привлечения к военным действиям ознакомился во время официального участия в работе межсоюзнической конференции в Шантильи. Для самой Сербии, несмотря на преимущественно манифестационный характер всей конференции, особенно важно было знать, что союзники собираются делать для «отделения одного воюющего балканского государства от коалиции Центральных держав». Какой бы неприятной она ни была, такая декларация давала возможность сербской дипломатии в очередной раз выразить отношение к политике союзников на Балканах. По мнению представителя Сербии, для серб-

⁴⁵ Там же, с. 167–168; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 31. Визит сначала был запланирован на февраль 1916 года, но отложен из-за занятости союзников.

ской армии, только что оправившейся от удара, нанесенного вступлением Болгарии в войну на стороне Центральных держав, сведения о планах и расчетах союзников были бы обескураживающими. Реагируя на высказанную критику, премьер-министр Франции Аристид Бриан заверил, что союзники «не хотят совершать на Балканах ничего такого, что могло бы ущемить легитимные интересы Сербии». С такой позицией были согласны и представители России. Решимость, с которой реагировали французские и российские дипломаты, позволила добиться также согласия Эдварда Грея по этому вопросу.

Этого рода заявление составило основу специальной резолюции, в которой Франция, Россия и Великобритания торжественно обязались «не заключать никакого сепаратного мира» с Центральными державами и «сражаться до полного краха политики гегемоний и насилия, а триумфа прав, свободы и достоинства народов». Представители Италии не подписались под этой резолюцией, считая, что задача конференции состоит в решении конкретных вопросов дальнейшего ведения войны, а не в определении условий будущего мира. Такое поведение их можно было воспринимать лишь как еще одно неприкрытое выражение враждебности, которую официальная Италия проявляла по отношению к Сербии. Несмотря на это, содержание резолюции являлось значительным дипломатическим успехом Сербии. Есть сведения, согласно которым Николе Пашичу тогда было обещано, «что в случае овладения югославянскими территориями за пределами Сербии в них будет установлено совместное правление союзников с участием представителей Сербии и в соответствии с ее интересами».

Важное значение для Сербии имело и решение союзников сохранить Солунский фронт. Согласно сведениям, с которыми представители сербского правительства были ознакомлены лишь позднее, к нему пришли только после сильного давления, оказанного французами и русскими на представителей Великобритании. В соответствии с планами, которые стали тогда известны, на фронте у Солуни после прибытия сербских частей и определенного контингента русских войск должно было оказаться около 350–400 тысяч солдат союзников. Такая численность недостаточна для наступательных действий, которые принесли бы решающую победу на фронте, но поскольку союзники уже были задействованы в битве при Вердене, это было пределом их возможностей. Представителям правительства и Верховного командования было сообщено, что Франция на основании соглашения с Великобританией предоставит сербской армии все пехотное вооружение и боеприпасы, а

вопрос насчет артиллерии надлежало решать позднее. Париж они покидали с чувством удовлетворения. Никола Пашич впоследствии отмечал, что регент и он встретили полное понимание со стороны французского правительства. Складывалось впечатление, что Франция поддерживает стремление Сербии к объединению и готова защищать ее интересы от претензий Италии. Верилось, что союзники накажут Болгарию и сместят ее границу с восточным соседом на Тимоке и Струмице в пользу Сербии⁴⁶.

Пребывание в Лондоне использовалось для того, чтобы ознакомить политическую общественность с ситуацией, в которой находилась Сербия, а также с тем, как меняется отношение Великобритании к ней и созданию югославянского государства. Никола Пашич в среде представителей власти и в прессе старался пробудить интерес к формированию на Балканах единого сильного и стабильного государства, которое стало бы плотной на пути распространения германского политического, экономического и культурного влияния. По мнению Пашича, создание югославянского государства было не только необходимостью, но и условием победы в войне. Он был готов согласиться на плебисцит в Македонии, уверенный, что население выскажется за совместную жизнь с Сербией и другими югославянскими народами. Особенно он подчеркивал, что объединение в одно общее государство с Сербией должно проводиться на основе «свободного волеизъявления» югославянских народов. В противном случае, полагал он, населенные югославянскими народами области должны остаться автономными, сохранив полную политическую и религиозную независимость, а экономически и внешнеполитически быть связанными с Сербией в рамках Объединенных Государств Югославии. Его идеи и предложения британскими официальными лицами «воспринимались очень сдержанно». Министр иностранных дел Грей в своем ответе подчеркивал, что Великобритания против любого рода иностранного владычества на Балканах. Это значило, что объединение сербов Королевства Сербии с южными славянами Австро-Венгрии в принципе было возможно, при условии, что обе стороны выразят желание объединиться. Обосновывая позицию Великобритании по вопросам территориальных уступок, которых требовали от Сербии осенью 1915 года, министр Грей пояснил, что это делалось исключительно из соображений отвратить Болгарию

⁴⁶ Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 167–170; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 32–34, 46.

от вступления в войну на стороне Центральных держав. Само объяснение, судя по всему, главным образом было нужно для того, чтобы сербских представителей убедить, что Лондон благосклонно относится к Сербии, таким образом развеивая все сомнения относительно тех шагов, которые британское правительство предпринимало до и после поражения сербской армии⁴⁷.

В конце апреля 1916 года Никола Пашич прибыл в Петроград. Переговоры, которые там велись, подтвердили, что Россия не будет возражать против расширения Сербии за счет Австро-Венгрии. Во всех публичных выступлениях председатель сербского правительства говорил о пользе объединения с сербами, хорватами и словенцами, проживающими на территории Габсбургской монархии, а в телеграммах, которые посылал из Петрограда регенту и правительству, он подчеркивал, что подходы России и Сербии к вопросу реализации сербских военных целей «идентичны». Российские правящие круги оказывали Пашичу сильную поддержку из убеждений, что сильное и увеличившееся сербское государство должно представлять и русские интересы на Балканах. Было дано обещание наказать Болгарию и сместить ее границы в Струмицком и Видинском краях. Большое значение имело и обещание умерить аппетиты итальянцев относительно югославян⁴⁸.

Регент Александр визиты в Рим, Париж и Лондон считал продуктивными, веря, что союзники при окончании войны поддержат Сербию в намерении создать сильное государство, которое объединит всех югославян⁴⁹. Несмотря на то, что обещания, полученные Сербией, в большинстве своем были даны в устной форме и по сути союзников ни к чему не обязывали, визиты в европейские столицы подтверждали, что после многомесячной неизвестности положение Сербии окрепло. Это было связано прежде всего с мощью восстановившейся сербской армии. Поэтому регент Александр по возвращении из поездки в особом приказе войскам выделил, что союзники восхищены «бесстрашным и рыцарским поведением Сербии», чтят

⁴⁷ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 167–175; В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918*, стр. 128–130.

⁴⁸ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 167–175; В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918*, стр. 128–130; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 33–34.

⁴⁹ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 167–175; В. Стојанчевић, *Србија 1914–1918*, стр. 128–130.

«неисчислимы жертвы сербского народа», признают его «зрелость и способность к государственной жизни и культурному развитию» и готовы Сербии и сербской армии «в этой великой борьбе сильно помочь»⁵⁰.

Предпринятые дипломатические действия, между тем, сняли много спорных вопросов в отношениях с союзниками. Способ финансирования сербского правительства и сербских войск окончательно был определен в июне 1916 года. По соглашению, которое заключили британское и французское правительства, Сербии в виде ежемесячного аванса было выделено 9 000 000 франков, предназначавшихся на удовлетворение первичных потребностей (зарплаты офицерам и чиновникам, помощь беженцам, обучение школьной и студенческой молодежи, финансирование добровольцев...). Отдельная сумма в размере 42 250 000 франков в год определялась для снабжения армии.

Материальная зависимость, однако, была связана с политическими нажимами и вынужденными уступками. На протяжении мая-июня 1916 года от сербского правительства требовали, чтобы воинские части, переброшенные на Солунский фронт, подчинялись объединенному командованию союзников. Британцы уже в середине января 1916 года командную роль на фронте у Солуни предоставили французам, так что и от Сербии требовалось для большей эффективности действий свои части подчинить объединенному командованию. Французская сторона при этом не считала нужным нарушать внутреннюю автономию сербской армии, не ограничивала свободу регента Александра в выборе способов исполнения даваемых приказов. После всего пережитого сербская сторона смотрела на «проблему» в целом другими глазами. Регент, политики и офицеры понимали, что сербская армия для союзников – «лишь средство на одном из театров военных действий», которое может послужить окончательной победе, в то время как для Сербии и сербов она – «последнее, что у них есть». Поэтому политические и военные круги старались с особым вниманием и ответственностью оценивать все обстоятельства, при которых армия будет использоваться. Комплексный анализ требований союзников показывал, что они, в конечном счете, не только ставили под сомнение правомерность самостоятельных действий армии, но и ограничивали самостоятельность политических решений регента и правительства, мешали осуществлению военных целей и нарушали суверенность Сербии как государства. Поэтому серб-

⁵⁰ F. Šišić, *nav. delo*, str. 60–64; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 34.

ские власти готовы были согласиться с принципом единого командования при условии, что главнокомандующим станет регент Александр. Если же должность командующего отдается французскому генералу, требовали, чтобы за регентом Александром, как монархом и верховным главнокомандующим сербских войск, признали соответствующий приоритет, а Сербии дали гарантии, что действия союзников на Балканах будут отвечать сербским интересам. Под этим подразумевалось выделение отдельного участка фронта для сербской армии, ее участие в освобождении национальных территорий и пространства, на которое Сербия претендует, гарантии, что с Болгарией не будет заключен сепаратный мир, формирование сербской власти на освобожденной территории Сербии, учреждение общих органов управления на территориях, на которые Сербия претендует, и иное.

Позиция Франция несколько отличалась. Французское правительство настаивало на необходимости единого командования Солунским фронтом. Оно считало, что вопрос командования не имеет ничего общего с предположениями сербского правительства и опасениями, которые волновали его. При этом дальнейшие заботы о защите легитимных интересов Сербии не ставило под сомнение. Считало вполне логичным, что на вновь занятых территориях Сербии будет установлена сербская власть, но сохраняла за собой право в областях, на которые претендовала Сербия, формировать союзническое управление. Для сербского правительства именно это было неприемлемо, так как согласиться на такое решение одновременно означало признать все тайные соглашения и договоры, которые союзники на протяжении войны заключили или могли бы заключить с Италией и другими соседствующими с Сербией странами.

Вопреки позициям союзников, которые считало потенциально опасными для будущего Сербии и для ее военных целей, правительство Николы Пашича в своих дипломатических действиях определяло для себя многие приоритеты. Оно упорно отстаивало позицию, в соответствии с которой после освобождения Сербии на ее территории должно восстановиться положение, предшествующее оккупации, а любые предположения, чтобы на ней или какой-либо ее части могла быть установлена какая-то другая власть, считало вовсе неприемлемыми. Настойчивые требования, чтобы освобождаемые союзниками территории, на которых всегда большинство составляло сербско-хорватско-словенское население, управлялись от имени Королевства Сербии, свидетельствовали о том, что оно не отказывалось от югославянской программы.

В вопросе единого командования на фронте представители Сербии требовали четко установленной последовательности, предполагающей, что в первую очередь будет утвержден план совместной операции на Балканах, и только в зависимости от него зоны и задачи отдельных армий. В таком контексте правительство настаивало на участии сербского Верховного командования в разработке плана операции, считая важным, чтобы военный штаб был образован вокруг регента Александра, который стал бы верховным главнокомандующим.

Противоречия в позициях союзников и сербского правительства разрешились только в конце лета 1916 года. Столкнувшись с неизбежной позицией Сербии и необходимостью начать на Солунском фронте наступательные операции, которые невозможны без участия сербской армии, союзники уступили по всем вопросам политической природы. Вопрос командования, между тем, красноречиво иллюстрировало содержание телеграммы генерала Жоффра, отправленной 14 августа 1916 года генералу Саррайлю, главнокомандующему Солунским фронтом: «Вы командуете от имени наследника престола Александра и сил союзников». Полномочия, возложенные на союзников, были немалые. Генерал Саррайль «от имени наследника престола Александра» определял задачи, цели, зоны активности, время совместных действий и операций. При этом, упорно сопротивляясь всем требованиям союзников, сербское правительство смогло сохранить формальную независимость сербского Верховного командования и верховного главнокомандующего Александра Карагеоргиевича в вопросах политики и управления войсками⁵¹.

Столь же тяжелыми были требования союзников, чтобы Сербия отказалась от всего Баната, который по тайному соглашению в Бухаресте от 17 августа 1916 года был обещан Румынии. Попытки сербского правительства добиться международной верификации восточных границ Сербии с Румынией и Болгарией не дали результатов, и неизвестность сохранялась до самого конца войны. Союзники в публичных выступлениях говорили о полном восстановлении сербского государства и подчеркивали заслуги сербской армии, но уклонялись от обязательств по вопросу осуществления сербами их военных целей⁵².

⁵¹ *Zapisnici sa sednica Ministarskog saveta Kraljevine Srbije 1915–1918*, str. 306–307; Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 175–179; П. Опачић, *Србуја и Солунску фронт*, стр. 35–36.

⁵² Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 175–179.

Первые месяцы пребывания за пределами родины, да и последующие, сопровождались многочисленными проблемами: обеспечение беженцев, вопрос ответственности за военное поражение, политические перемены в армии, ее реформирование, организация работы различных учреждений и чиновничьего аппарата, активизация дипломатической деятельности, политические размежевания и столкновения, нетерпимость между собой, различные подходы к югославянской идее и государству, которое на ее основе предстояло создавать⁵³.

Члены правительства собрались на Корфу, где Совет министров 21 января 1916 года провел свое первое заседание в изгнании, в атмосфере большой тоски и неизвестности. Вскоре после этого, уже в феврале, было принято решение о начале работы Народной скупщины. Однако на большее не хватило единодушия, характерного для деятельности лидеров партий в первые годы войны. Объединенный клуб народных депутатов, сформированный после оставления отечества, больше не функционировал. Из 166, общего числа, депутатов в эмиграции находилось 123. Из них 108 участвовали в первом заседании, которое началось на Корфу 10 сентября и продолжалось до 22 октября 1916 года. Члены Радикальной партии сформировали свой депутатский клуб, от которого отделилась часть депутатов, создавшая Клуб независимых радикалов. Самостоятельные радикалы («самостйалци») составили в Народной скупщине отдельный депутатский клуб⁵⁴.

Политикой Правительства Королевства Сербия недовольны были и отделившиеся хорватские эмигранты, объединенные в Югославянском комитете⁵⁵. Недоверие, проскальзывавшее в 1915 году, к началу 1916

⁵³ А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 306–321; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, стр. 189–193; D. Janković, M. Mirković, *nav. delo*, стр. 328–333; Д. Јанковић, *Југословенско питање и Крфска декларација 1917*, Београд 1967; Д. Јанковић, „Народна скупштина Србије за време Првог светског рата и питање њеног кворума“, *Анали Правног факултета у Београду*, 14, 1966, стр. 327–358; М. Ж. Живановић, *Пуковник Ајис. Солунски процес 1917*, Београд 1955.

⁵⁴ См.: Чедомил Митриновић, Милош Брашић, *Југословенске народне скупштинне и сабори*, Београд 1937; Боро Мајданац, *Народна скупштина Србије. Од обичајне установе до савременог парламента 1804–2004*, Београд 2004, стр. 90–97.

⁵⁵ Объединение югославянских эмигрантов, начавшееся во второй половине 1914 года, активизировалось в начале следующего года благодаря призывам сербского правительства и под влиянием известий о передаче восточного побережья Адриатического моря Италии. Основанный в Париже в апреле 1915 года Югославянский комитет впоследствии действовал во всех союзнических и нейтральных странах, особенно активно в Англии и Швейцарии. Его члены знакомили иностранную общественность

года переросло в убеждение, что перед Европой нужно «поставить хорватский вопрос во всей его национальной, государственной и политической запутанности и существенной значимости для югославянского объединения». Опасения и подозрения в «сербском ортодоксальном эксклюзивизме» привели к отказу от идеи «централистской федерации» в пользу решения, которое можно сформулировать как «некий идеальный дуализм». В таких требованиях дальше всех пошел Франо Супило, который в меморандумах, врученных английскому правительству, признавал объединение при условии предварительной внутренней трансформации Сербии. Если же этого не произойдет, вместо «освобождения, объединения и слияния хорватов и словенцев с сербами», по его мнению, «произошел бы, наоборот, некий простой акт захвата и доминирования, вдохновленный сербско-ортодоксальным эксклюзивизмом». Франо Супило считал, что в такой ситуации долг каждого хорвата «делать так, чтобы все югославянские земли», на которых большинство народа по свободной воле проголосовало бы за Хорватию, «были объединены с Хорватией». В то же время он подчеркивал наличие многочисленных «исторических», «государственно-правовых» и «культурных» различий⁵⁶.

с идеей объединения южных славян, отстаивая их право на общее государство. Работу Комитета направляло и финансировало правительство Королевства Сербия. Желая быть как можно самостоятельнее, Комитет, между тем, существовал и на пожертвования, которые принимал от югославян из Южной и Северной Америки. Весь период войны, особенно после военного поражения сербской армии, он пытался во всем быть равноправным с сербским правительством. Помимо Анте Трумбича, председателя, заметными деятелями его были Франо Супило, Хинко Хинкович, Любо Леонтич, Иван Мештрович, Франц Поточняк, Никола Стоянович, Душан Василевич и другие. См.: Milada Paulova, *Jugoslavenski odbor*, Zagreb, 1925.

⁵⁶ D. Šepić, *Pisma i memorandumi Frana Supila (1914–1917)*, Beograd, 1967, str. 106–121.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

БОЛЬШИЕ ПЕРЕЛОМЫ В ВОЙНЕ

Разочарование войной и внутривойсковые осложнения в самом конце 1916 года вынудили воюющие стороны впервые произнести слово «мир». Предложение, которое содержало его, сделано было Центральными державами, однако в лагере противника расценили, что это не искренне, что рассчитывается главным образом на то, чтобы поправить свой международный авторитет среди нейтральных государств, а не на то, чтобы действительно прекратить войну. Результатов не дало и то, что за окончание войны выступали США¹. Так что конец 1916 и начало 1917 годов ознаменованы безуспешностью «мирного предложения», а для союзников – формулированием военных целей.

В новом году эксплуатация оккупированных территорий стала еще более систематичной. Уничтожение целых отраслей производства, демонтаж и перемещение предприятий, вывоз оборудования, запасов сырья осуществлялись не только для укрепления германской и австро-венгерской военной промышленности, но и с целью долгосрочного устранения конкуренции в годы после завершения войны². Воюющие государства вынуждены были одновременно вести борьбу на «внутреннем фронте», сражаться на «линиях фронтов» и вступать в столкновения на оккупированных территориях. Германия и Австро-Венгрия прилагали большие усилия, чтобы сломить моральное сопротивление своих врагов и поощряли проявления различий в менталитетах, языках, вероисповеданиях и национальных чувствах. Участники Тройственного союза и Тройственного соглашения (Антанты) состязались в даче

---

¹ P. Renuven, *nav. delo*, str. 288.

² Там же, с. 290–291.

обещаний, чаще всего связанных с привлекательными концессиями на таких территориях, в колониальных владениях, с материальной и военной поддержкой либо с послевоенным статусом – это предлагалось имеющимся или потенциальным союзникам. Военные программы обеих сторон были аннексионистическими, предполагающими большие территориальные жертвы. Год 1917 принес значительные перемены на театрах военных действий, прежде всего – выход из войны России, а вступление в войну США³.

Французские военные планы предусматривали, что после года, за который были парализованы потенциалы Центральных держав, наступит время, когда будет подавлена оборонительная мощь этого военного союза. Поэтому операции, запланированные на 1917 год, должны были иметь решающий характер. Французское верховное командование полагало, что ключевые сражения будут вестись на Западном фронте, тогда как на остальных театрах военных действий врага нужно сдерживать постоянным изнурением. Планы для Балканского театра действий предусматривали наступление на Болгарию и принуждение этой страны к миру, затем продолжение наступательных действий в направлении Турции и оккупированных областей Румынии. Британцы, между тем, повели разговоры об изменении союзнической тактики на всех фронтах. Согласно их планам, главное наступление на Австро-Венгрию нужно было осуществлять с Итальянского фронта⁴.

Подготовка совместных действий союзников началась в конце 1916 года. Однако развитие событий во многом расстроило намеченные планы. В России разразилась революция, которая существенно повлияла на ее военные возможности; а затем и трудности, с которыми столкнулась Италия, посодействовали тому, что от первоначальных планов о всеохватных совместных действиях союзников мало что осталось⁵.

Наступление союзников на Западном фронте началось 9 апреля 1917 года. Большие сражения велись при Аррасе, на реке Эне и в Шампани, однако, наряду с военными причинами, все более проявлявшиеся недоразумения из-за компетенции политиков и военных влияли на решительность в ведении операций. Таким положением на фронте пользовались немецкие части, проводя мощные контрудары.

³ Там же, с. 290–295; Ђ. Станковић, *Никола Пашић, савезници и сиварање Јујославије*, стр. 180.

⁴ Р. Томас, *nav. delo*, стр. 437–438.

⁵ Р. Ренувен, *nav. delo*, стр. 312–316.

Весеннее наступление союзников завершилось в конце мая 1917 года без прорыва линии фронта. Его скромные результаты не могли оправдать численности жертв. Согласно германским источникам, потери союзников составили от 250 000 до 300 000 погибшими, ранеными и пропавшими без вести, а потери немцев – около 163 000⁶. Боевой дух союзнических частей резко падал, что сопровождалось явлениями коллективного отказа подчиняться офицерам, пацифистской пропагандой, революционными настроениями. Между тем, локальные наступления союзников под Верденом и на Шмен де Дам завершились победами. Фронт был сдвинут и под Канбре, но германский контрудар аннулировал все достигнутое.

Военный и экономический потенциалы не давали возможности Центральным силам планировать наступательные действия большего масштаба в 1917 году. После смерти императора Франца Иосифа в 1916 году, новый король и император Карл принял на себя обязанности верховного командующего австро-венгерскими войсками и этим поставил под вопрос договоренности, согласно которым командование военными частями Центральных держав было доверено Вильгельму II и германскому Верховному командованию. Не будучи готовым на безусловную преданность Германии, новый правитель хотел сам принимать связанные с военными действиями решения, завершить войну и сохранить престол, что привело его к столкновению с военной верхушкой Монархии во главе с фельдмаршалом Конрадом фон Хётцендорфом. Его попытки для заключения мира вступить в контакт с государственными деятелями Франции и Великобритании, без ведома Германии, остались безуспешными. Мешала этому также Италия, которая в течение 1917 года была основным противником Австро-Венгрии⁷. Кроме того, ход сражений на Соче показал, что Габсбургская монархия не способна осуществлять наступательные действия без германской поддержки. План совместных действий был принят в сентябре 1917 года; наступление

⁶ Р. Томас, *nav. delo*, str. 474.

⁷ Стратегические цели Италии были такими же и в 1917 году, включая осуществление новых наступлений на Соче с задачей занять Триест и Люблян. Действия начались в середине мая и длились до середины июня. Фронт на Соче не был прорван, но итальянские части заняли несколько важных высот, которые обеспечивали его контроль и были хорошей базой для дальнейших наступательных действий. Обе стороны терпели большие потери. Операции затем возобновились в августе, опять без победителя. И потери обеих сторон были исключительно тяжелыми, даже настолько, что австро-венгерские части не могли уже восстановиться.

началось 24 октября и уже после двух дней дало результаты – прорыв итальянского фронта и победа возле Кобарида (Капоретто). Удар германских и австро-венгерских частей вызвал настоящую панику в итальянских подразделениях, создав для них угрозу полного краха. По данным из итальянских источников, войска Италии до конца ноября потеряли около 800 000 солдат. Особенно большой была численность дезертиров. Поражение возле Кобарида (Капоретто) убедило итальянскую общественность, что война ведется не ради осуществления националистического лозунга: «Триест, Горица, Тренто», а чтобы в ней защищать Италию. Масштабы страданий вызвали усталость от войны и антивоенные настроения⁸. Продвижение неприятельских войск все-таки было остановлено, а фронт снова установился по реке Пиаве. В конце ноября и у наступавших «не хватило дыхания»⁹

Германия в течение 1917 года не отказалась от амбициозных военных целей и не была готова к компромиссному миру. Ее военное командование считало, что Польша и республики Балтии должны находиться под контролем Рейха, как и Бельгия, и рудные бассейны Франции. Не желая оставаться полностью в стратегической обороне, она повела неограниченную подводную войну, задав себе цель, чтобы Великобритания к лету 1917 года была «поставлена на колени», а война выиграна¹⁰. Первые результаты ведения войны встревожили Лондон значительными потерями кораблей. По оценкам военных специалистов, 25% кораблей, покидавших английские порты, в них не возвращались¹¹. Из-за этого Великобритания вынуждена была начать операции во Фландрии, где находились важные подводные базы. После

⁸ Итальянцы в боях, шедших в августе, потеряли 166 000 бойцов – 10 000 погибших, 108 000 раненых и 48 000 захваченных в плен. В то же время было выведено из строя 110 500 австро-венгерских солдат – 10 000 погибших, 45 000 раненых, 30 000 захваченных в плен, 20 000 больных (Р. Томас, *nav. delo*, str. 481, 507–525).

⁹ Император Карл был готов уступить Италии часть Тироля, где было итальянское население (Трентино). Он обещал, что сможет убедить Вильгельма II вернуть французам Эльзас и Лотарингию, при условии что Германия получит права на Польшу. За концессии на Балканах он предлагал отказ от прав на Галицию и Буковину, которыми владели русские. Таким планам противилась Италия, а узнав о них, и Германия (*Там же*, с. 439–440, 446–447).

¹⁰ Германия в 1917 году имела 132 подводные лодки. В декабре на судостроительных верфях были заказаны еще 120, а в июне 1918 года еще 220 подводных лодок.

¹¹ По данным, которые Ллойд Джордж приводит в мемуарах, британский военно-морской флот потерял в боях 22 811 офицеров и матросов (5,41%), а торговый флот – 15 313 (7,5%).

начальных успехов наступление ослабло, а потеснение немецких линий фронта лишь на несколько километров было оплачено выводом из строя около 324 000 союзнических солдат. При этом немецкие подводные базы на побережье, ради уничтожения которых операции и проводились, не подвергались прямой угрозе. Потери немецкой стороны также были большими – 217 000 солдат, выведенных из строя¹². На пространствах Адриатического моря особенно активными были подводные базы Центральных держав в Пуле и Которе.

России в первые месяцы 1917 года удавалось сохранить военную мощь, но ее войска – без надлежащей организации и эффективного снабжения, с бременем тяжелых поражений и больших потерь – являлись самым слабым звеном в обруче, который Антанта сжимала вокруг Центральных держав. Развал экономики, стремительный рост цен на продукты питания, паралич транспортной системы, исчерпанность хозяйственных ресурсов, голод, нищета, отступление с огромных территорий, многомиллионные человеческие потери и психологическая усталость населения вызвали волну забастовок и все нарастающее недовольство. Царский режим потерял силы, а революционное недовольство охватило и армию. В феврале 1917 года забастовки переросли в демонстрации и в открытое восстание, к которому присоединились войска, отказывающиеся подчиняться властям. Решающий момент наступил, когда войска, вынужденные исполнять полицейские функции, отказались стрелять в бунтующих граждан и присоединились к их протесту. Мятежники прорвались в Думу, захватили царскую резиденцию и взяли под арест членов царского правительства. Во время этих событий Николай II был на фронте с армией, поэтому не мог непосредственно включиться в решение наступившего кризиса. В итоге разразившейся революции царь 15 марта 1917 года подписал акт отречения, и таким образом династия Романовых после более чем 300 лет правления покинула российский престол. Монархия была упразднена. Не имея достаточно сил для решающего удара против России, германское верховное командование констатировало, что революционный процесс не ставит под угрозу его военные действия, а всеми средствами им благоприятствует.

Временное правительство пыталось на основании осуществленной либеральной революции учредить демократическую республику, а с другой стороны – продолжить войну на стороне союзников. В проти-

¹² P. Tomac, *nav. delo*, str. 489.

вовес этому большевики стремились к осуществлению социалистической революции, установлению социалистического строя и выходу России из войны. Таким образом, различия во взглядах на будущее и продолжившееся двоевластие усугубляли российский кризис. Нерешаемые проблемы снабжения и все более неблагоприятная обстановка на фронтах вызывали массовые волнения и восстания. Войска терпели поражения и испытывали голод, солдаты все чаще дезертировали. Веря, что Россия может быть спасена только в том случае, если власть примет на себя армия, генерал Корнилов в сентябре 1917 года попытался совершить военный переворот. Однако напуганное ростом анархии Временное правительство раздало оружие большевикам, чем их еще больше укрепило. Залпами из орудий крейсера «Аврора» моряки поддержали восстание 25 октября (7 ноября) 1917 года. В следующие два дня были захвачены самые важные учреждения города – почта (телеграф), железнодорожные вокзалы, электростанции, а также Зимний дворец, в котором размещалось Временное правительство. После его свержения был создан Совет народных комиссаров, который в качестве нового правительства взял на себя управление страной. Во главе его оказался Владимир Ильич Ленин, первыми законодательными актами которого стали два декрета: Декрет о земле и Декрет о мире, а в них содержались призывы к воюющим народам и их правительствам приступить к переговорам о справедливом демократическом мире, без аннексий и контрибуций.

Во второй половине ноября 1917 года советская власть вручила представителям Антанты предложение заключить перемирие на всех фронтах и начать переговоры на основе Декрета о мире. Поскольку это предложение не было принято, Ленин в конце ноября дал указание командующим фронтам, чтобы они с частями Центральных держав установили перемирие. Он также обратился с призывом к народам союзнических стран, чтобы вынуждали свои правительства прекратить войну. Советская власть уведомила силы Антанты, что в случае, если не установится «всеобщий мир», она приступит к заключению мира сепаратного. Между тем, предложения советского правительства в лагере Центральных держав были восприняты с большим интересом. Австро-Венгрия была готова заключить мир без каких-либо аннексий и контрибуций, а вот Германия, Болгария и Турция не готовы были отказаться от территориальных притязаний. В начале декабря новое советское правительство заключило перемирие с Центральными державами, а в марте 1918 года подписало невыгодный Брест-Литовский

мир. По его условиям, Россия теряла около 25% довоенной территории – Польшу, балтийские земли, части Белоруссии и Украины. При этом она обязалась выплачивать Германии репарации продовольствием, сырьем и золотом. Поскольку она таким образом вышла из войны, Восточный фронт был расформирован, а Германия могла все силы перебросить на запад¹³.

В течение 1917 года произошел еще один большой военный поворот – вступление в войну США. Эта огромная страна в первые годы войны проводила политику изоляционизма, не вмешиваясь в европейские события, что в экономическом плане приносило ей большую выгоду. Воюющие государства, особенно члены Антанты, были вынуждены приобретать у Америки нужные им промышленные товары, оружие, военное снаряжение и продовольствие. Вследствие этого американский экспорт в эти государства увеличился в четыре раза. Одновременно увеличились и займы, которые им также предоставляли США. Так что победа Антанты была в американских экономических интересах. Кроме того, часть граждан США, происхождением связанных со странами-членами Антанты, добровольно отправлялись на поля сражений. А вот гражданам немецкого происхождения это делать не позволялось. Между тем, поскольку становилось всё более очевидным, что союзники на полях сражений войну выиграть не могут, а если она продолжится, это грозит втягиванием США в конфликт европейских государств, президент Вудро Вильсон под конец 1916 года выступил за выработку приемлемых для всех сражающихся сторон условий, на которых был бы заключен «мир без победы». Берлин в таком призыве увидел стремление США исполнять роль арбитра в деликатной процедуре определения мирных условий, а силы Антанты усмотрели намерение уравнивать виновников войны с теми, кто в нее был втянут не по своей воле. По-разному обосновывая свои позиции, обе стороны отвергли американскую инициативу.

Во второй половине января 1917 года президент Вильсон продолжил выступать за прочный мир. По его мнению, ни одна из противоборствующих сторон была не в состоянии выиграть войну. И в таких обстоятельствах он при каждом удобном случае подчеркивал, что его страна «не желает быть вовлеченной» в войну, считая устремления такого рода «авантюризмом» и «преступлением». Однако развитие событий на фронте повлияло на изменение упомянутых позиций.

¹³ Там же, с. 533–540; P. Renuven, *nav. delo*, str. 304–310.

Решающим образом изменило настроения американской общественности принятое в феврале 1917 года Германией решение вести неограниченную подводную войну, в ходе которой немецкие подводные лодки должны потоплять и держащие курс в союзнические порты суда нейтральных стран. Поскольку среди потопляемых оказались и суда американские, последствия были далеко идущими. Тревога, этим вызванная, еще усилилась, когда стало известно, что Германия попыталась склонить Мексику к войне против США, обещая ей присоединение Техаса и Аризоны¹⁴.

Под влиянием этих событий и стремлений, чтобы престиж США сохранился также после войны, 3 февраля были прерваны дипломатические отношения с Германией, а 6 апреля 1917 года президент Вильсон объявил о вступлении США в войну против нее. Для хода войны в Европе это было решающим событием, которое имело экономическое, финансовое, военное и дипломатическое значение. Хотя переброска американских войск на европейские поля сражений была закончена лишь год спустя, когда было доставлено около двух миллионов американских солдат, огромная экономическая и военная мощь, которой располагали США, решительно изменила соотношение сил воюющих сторон. К тому же, американские конвои сопровождалась большими миноносцами, так что вся операция была осуществлена без потерь. Помимо громадной военной и экономической поддержки, которую США оказали союзникам, вступление в войну этого большого демократического государства вселило надежду малым народам, что их послевоенные национальные требования будут более справедливо учитываться¹⁵. Следуя своим идеалам и таким ожиданиям, Вудро Вильсон в начале января 1918 года направил в Конгресс послание, известное под названием *Четырнадцать пунктов*, в котором помимо всего прочего выступал за право народов на самоопределение, восстановление захваченных стран, аннулирование тайных соглашений, посредством которых большие державы до тех пор защищали свои интересы и реализовывали территориальные притязания, свободное судоходство на морях¹⁶.

¹⁴ Там же, с. 299–304, 316–319.

¹⁵ Президент Вильсон, между прочим, заявил: «Нами не движет никакое эгоцентрическое побуждение, мы не ищем ни завоеваний, ни господства, не желаем ни возмещения убытков для себя, ни компенсаций за жертвы, на которые соглашаемся добровольно» (Там же, с. 320).

¹⁶ *Grada o stvaranju jugoslovenske države*, tom I, str. 17–18.

По мере того, как война затягивалась, росло недовольство все более тяжелой жизнью, бедностью, закрытыми школами, численностью погибших, массовыми разрушениями. Люди устали и желали возвращения к мирной жизни. Все чаще стали происходить забастовки, участились отказы повиноваться властям. Государства были вынуждены усилить цензуру прессы, публикуемых книг, устраиваемых театральных представлений и частной переписки. Особенно внимательно просматривались письма, приходившие с фронтов, чтобы известия о военных ужасах не приносили еще большего беспокойства гражданскому населению. С другой стороны, была усилена пропаганда, чтобы народы оставались привязанными к военным планам и целям.

Изнуренность давала о себе знать и на фронтах, и в тылах. Дух и солдат, и населения ослабевал день ото дня. Измученные военными действиями, нечеловеческими условиями жизни, опасностями массовой гибели и, по их мнению, бессмысленными страданиями из-за нескольких сотен метров захватываемой территории, солдаты очень хотели бы бросить оружие и вернуться домой. О состоянии боевого духа свидетельствовали начавшиеся бунты и отказы повиноваться начальству. Участились случаи саморанений и дезертирства, наиболее массовые в австро-венгерской армии, в рядах которой служили представители подъяремных народов, не желавшие погибать за имперские цели Австро-Венгрии. Почти на всем пространстве Двойной монархии усиливались национальные движения славянского населения, которое стремилось к созданию самостоятельных государств. Сопrotивление существующему порядку оказывали и рабочие, недовольные низкой заработной платой, нехваткой основных продуктов питания, высокими ценами.

СЕРБИЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ФРОНТА

После успешных наступательных операций, проведенных в конце 1916 года, боевые действия на Солунском фронте затихли. Началась позиционная война, а соотношение воюющих сил было уравновешено¹⁷. Союзники закрепились на позициях, которые обеспечивали надежную оборону и представляли хороший плацдарм для осуществления даль-

¹⁷ У союзников было на фронте 225, а у Централных сил (держав) 227 батальонов. Артиллерийское превосходство было на стороне Антанты (*Велики рай Србије*, кн. 21, стр. 7, 71, 147; Л. Цорц, *нав. дело*, II, стр. 510–516).

нейших наступательных действий. Противостоящие им Центральные державы владели доминантными горными вершинами, которые не могли быть захвачены без использования значительных вооруженных сил.

Положение сил Антанты было благоприятным и на других фронтах, однако это не означало, что война будет закончена победой и в короткий срок. По этим причинам все чаще стали появляться мысли о заключении мира, и такая идея была близка правящим кругам Австро-Венгрии. Поскольку утомленность войной одолевала, а желание вести войну ослабевало, об условиях мира стали размышлять и в других столицах воюющих сил. Готовый к посредничеству, президент Вильсон просил противоборствующие стороны изложить мирные условия, на которых они были бы готовы приступить к переговорам о завершении войны. В такой обстановке в первые дни января 1917 года в Риме прошла межсоюзническая конференция, на которой обсуждались условия мира, осуществление военных целей, освобождение поработанных народов и положение на балканском театре боевых действий. Для Сербии это было значительным во многих отношениях.

Определяя свои позиции на случай, если инициатива президента Вильсона о заключении всеобщего мира принесет результаты, члены Антанты внесли в свою программу требования о возрождении Бельгии, Сербии и Черногории, об освобождении оккупированных союзнических территорий, о реорганизации Европы на основе принципа национальности, о возврате областей, ранее отобранных или присвоенных против воли народов, которые на них проживают. Было внесено и требование об освобождении итальянцев, славян, румын, чехов и словаков «от прежнего господства», а также освобождении народов, поработанных Турцией. Упомянув в числе тех, кого нужно было освободить, «славян», союзники подразумевали югославян, однако из-за возражений Италии это не могло быть именно так указано. Кроме того, перечисление народов Габсбургской монархии, которые необходимо освободить, могло создавать впечатление, что Антанта в качестве своей военной цели предвещает ее разрушение, что на тот момент не было выражением политической воли. Речь шла лишь о попытке ослабить посредством стимулирования национальных движений против господства немцев и венгров¹⁸.

Другая важная тема, обсуждавшаяся в Риме, касалась привлечения союзников на Солунский фронт. Представители Великобритании

¹⁸ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 42; P. Renuven, *nav. delo*, str. 289–290.

и Италии отклонили требование французов, чтобы фронт под Солунью был усилен новыми войсками. Премьер Великобритании Ллойд Джордж полагал, что вследствие поражения Сербии «ворота Балкан» на некоторое время закрыты, а начальник Королевского генерального штаба Уильям Робертсон настаивал на том, что ради облегчения обороны линии фронта следует покинуть Битоль. Согласие союзников по вопросу командования усилило авторитет генерала Саррайля, но не был решен вопрос о задачах, которые должны выполнить войска на Солунском фронте. Достигнутый компромисс колебался между требованиями французов, чтобы военный контингент был усилен для будущих наступлений, и упорными заявлениями британцев, что оставить нужно только силы, обеспечивающие надежную оборону занятого пространства. И одни, и другие соглашались с тем, что задача союзнических войск на этом фронте – «связать» максимальное число неприятельских частей, чтобы наступления союзнические на главных театрах боевых действий были как можно успешнее. Различия в подходах касались способов, как все это выполнить. Французы вели речь о наступательных акциях – в частности, чтобы пресечь транспортные пути Белград – Стамбул, тогда как британцы больше внимания уделяли оборонительным планам. Поскольку Центральные державы не приняли условий заключения мира, которые поставила Антанта, война продолжилась, а разногласия союзников по поводу участия войск на балканском театре действий должно было разрешить развитие событий на фронтах¹⁹.

Большие военные усилия и жертвы сербских войск в последние месяцы 1916 повлияли на принятое в январе 1917 года союзническим командованием решение, что для них следует укоротить линию фронта. Они концентрировались на горном и очень ответственном участке фронта между рекой Црна и селом Нонте на горе Кожуф. Одновременно производилась и реорганизация – количество армий было сведено к двум. Первую армию составляли Моравская, Дринская и Дунайская дивизии, а в состав Второй вошли Шумадийская, Тимокская и Вардарская дивизии. В качестве самостоятельного военного соединения осталась Кавалерийская дивизия.

В планах, которые намеревался реализовать, генерал Саррайль рассчитывал на наступательные действия войск в области реки Црна

¹⁹ Р. Томас, *nav. delo*, str. 525–527; П. Опачић, *Србија и Солунски фронти*, стр. 42–43.

и горы Ветерник. Планировалось, что в операциях будут участвовать Вторая армия под командованием воеводы Степы Степановича и Первая армия под командованием воеводы Живоина Мишича. Ставилась цель взять Добро Поле, перерезать коммуникации врага на линии Градско – Прилеп, захватить вершины Ветерник и Козьяк и выйти к Вардару. Все весеннее наступление имело целью оказать поддержку союзническим операциям российских и румынских войск на Восточном фронте. Как оказалось, союзнические части на этом фронте были не в состоянии одновременно перейти в наступление на позиции, удерживаемые болгарами и немцами, так что весенние наступательные операции, которые планировал генерал Саррайль, потеряли стратегический смысл. По этим причинам названные планы и не были реализованы. Наступление, которое сербская армия начала с атаки на Добро Поле, прекратилось прежде, чем можно было увидеть его результаты. Французские, российские и итальянские части на фронте под Солунью активности не проявили, так что наступление сербских частей было сведено к символическим действиям. По решению союзнических правительств, все усилия должны быть направлены на то, чтобы свергнуть прогерманское правительство Греции. Осознавая, что речь идет о политических, а не о военных делах, Верховное командование сербских войск не желало в этом участвовать, вследствие чего было отклонено требование генерала Саррайля предоставить ему в распоряжение одну сербскую дивизию²⁰.

В начале августа 1917 года на конференции в Лондоне союзники пришли к согласию, что Солунский фронт является театром военных действий, который в общих операциях Антанты имеет важную роль. В соответствии с этим генералу Саррайлю было поручено начать наступательные действия, целью которых было ослабление натиска сил Центральных держав на российско-румынском фронте. Между тем, обнаружилось, что после неудач весеннего наступления у союзнических военачальников на Солунском фронте нет особого желания вести наступательные операции. Во французских частях проявлялись открытые бунты, а российский контингент вынужден был выйти из действий. Некоторый упадок духа наблюдался и в сербской армии, что обуславливалось длительной пассивностью и удаленностью от родины.

²⁰ О действиях сербской армии на Солунском фронте подробнее см.: *Велики рай Србије*, кн. 22, Београд 1932; *Велики рай Србије*, кн. 23, Београд 1933; Р. Томас, *nav. delo*, str. 525–527; П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 43–44.

По мнению членов Верховного командования, общее настроение воинского состава было все-таки удовлетворительным, однако следовало создавать условия для успешных действий, чтобы восстановить волю и энергию, которые с течением времени отчасти ослабли. Некоторые наступательные действия, обусловленные необходимостью более активного взаимодействия с итальянскими частями в Албании, велись только на участке фронта у Охрида и Корчи. Поскольку генерал Саррайль не смог оправдать надежд союзнического командования – сохранить «целостность фронта» у Солуни, он утратил поддержку французского правительства и был отстранен от обязанностей в декабре 1917 года.

Правительство Сербии внимательно следило за событиями, которые происходили в первой половине 1917 года, а его реакции на гражданскую революцию в России и падение царского режима были весьма сдержанными. Однако за кажущимся спокойствием скрывался драматическое осмысление перемен, которые это событие вызвало внутри союзнической коалиции, а также последствий, которые ожидалось для Сербии. Никола Пашич с правительством победу Февральской революции рассматривали как поражение германофильских сил, стремившихся заключить сепаратный мир с Центральными державами, а победу гражданских демократических сил. Они, как и остальные союзники, признали новое правительство России. Надежду вселяло то, что она в духе гражданского либерализма будет отстаивать соблюдение «принципа национальности». В поздравительной телеграмме, направленной 23 марта 1917 года российскому министру иностранных дел Павлу Николаевичу Милюкову, была выражена «радость», что перемены осуществлены без больших жертв и «без ущерба могуществу и престижу братской для нас России». Отречение царя от престола расценивалось как «высокий пример патриотизма» и поступок, совершенный ради того, чтобы во время окончательной расправы с неприятелем сохранить единство и сплотить силы всей России. Новым властям было заявлено, что Сербия в своей борьбе всегда опиралась на «братскую и единоверную Россию и что будет это делать и впредь. Было также высказано пожелание, чтобы демократическая Россия превзошла старую в «славе, могуществе, культуре, процветании»²¹.

²¹ Никола Пашич получил первые известия о произошедшей гражданской революции и падении царизма в России 12 марта 1917 года. Тремя днями позже официально они были подтверждены в сообщении (отчете) Мирослава Спалайковича, посланника (посла) в Петрограде (Ѓ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 183–184).

Сербию вполне удовлетворяло адресованное общественности заявление нового правительства России, прежде всего та часть его, которая касалась исполнения союзнических обязательств по отношению к Сербии, права народа распоряжаться своей судьбой и участия в войне до окончательной победы над противником. Особое значение имела позиция, согласно которой «Сербии будет не только возвращено то, что ей принадлежало в прошлом, но и все ее национальные планы будут осуществлены». Либеральное правительство России таким образом впервые ясно указало на югославскую программу сербского правительства как составляющую российских военных задач²².

Министр Милюков такое отношение к Сербии считал «долгом чести». По его мнению, в интересах Европы было, чтобы Сербия из войны вышла «новой, свободной, большой», а границы будущего сербского государства должны быть такими, чтобы защищали «от любого вторжения». Более того, сильная Сербия в будущем была бы «заслоном от германской экспансии», а демократический дух и все новое, что в ней будет учреждаться, имели бы значение и для развития «свободной России». В последующие месяцы, когда Россию потрясали внутренние кризисы, отношение к Сербии не изменилось. Поддержка ее национальных устремлений была безусловной, отражаясь во взглядах на будущие границы, на место и роль Солунского фронта в совокупной стратегии союзнических армий, на правомерность требований, чтобы сербские представители получили право участвовать в союзнических конференциях. Важной была также позиция русского генералитета по вопросу отказа румынской стороны от права на весь Банат. Такое отношение России укрепляло международное положение Сербии. Однако ее беспокоило то, что в России, охваченной революционным брожением, власть имела все меньше авторитета как внутри своей страны, так и на внешнеполитической арене. Уже к концу весны 1917 года Никола Пашич и многие другие сербские политики стали осознавать, что российское влияние на мировые события значительно слабеет и для Сербии это представляет большую опасность²³.

²² В заявлении Павла Милюкова содержалось: «Мы хотим освобождения поработенных народов Австро-Венгрии. Мы намереваемся образовать Югославию, основательно организованную. Мы хотим построить вокруг прославленной (славной) Сербии несокрушимую крепостную стену против немецких притязаний на Балканы» (Цит. по: Там же, с. 184–185).

²³ D. Šepić, *Italija, saveznici i jugoslavensko pitanje*, str. 189–190; П. Опачић, *Србуја и Солунски фронт*, стр. 49. Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 183–186.

Предположения, что резко возрастает влияние США на окончательный исход войны и вопросы, которые они поднимают, день от дня становились все большими, побуждали правительство Николы Пашича проявлять дипломатическую активность и в этом плане; тем более что до вступления в войну США не являлись значительным фактором в реализации военных задач Сербии. То, что правительство США провозглашало принцип равноправия больших и малых народов, поддерживая борьбу за полное национальное освобождение, соответствовало стремлениям сербского правительства интернационализировать югославянский вопрос. Никола Пашич в послании, направленном президенту Вильсону 13 апреля 1917 года, вступление США в войну назвал великим ободрением и надеждой на «окончательную победу права, свободы и человеческой культуры», особенно подчеркнув важность позиции президента Вильсона, «чтобы каждый народ имел свою национальную свободу и Правительство, которое от него будет зависеть». Именно поэтому председатель сербского правительства назвал сербов, хорватов и словенцев «трехименным», но «единоплеменным» народом, выражая веру, что наступает «час их национального освобождения и объединения в единое государство»²⁴.

Уже в начале мая 1917 года Никола Пашич планировал направить в США официальную сербскую делегацию, чтобы она там ознакомила официальные круги с национальными устремлениями Сербии. Одновременно был поднят также вопрос о направлении туда югославянской делегации с целью объяснить американским властям сущность югославянского вопроса. Поскольку США были в состоянии войны только с Германией, но не с Австро-Венгрией, то американское правительство согласилось принять осенью 1917 года сербскую делегацию, а не югославянскую.

Решение о том, чтобы направить миссию в США, было принято на заседании сербского правительства 5 октября 1917 года. Миссии было поручено высказать признательность американскому правительству за оказанную Сербии помощь и «выразить благодарность» сербского народа за то, что Америка защищает свободу и право малых народов, выступает «против насилия и завоевания других народов». Одновременно следовало привлечь внимание США к «устремлениям трехимен-

²⁴ U. Ostojčić-Fejić, *Sjedinjene Američke Države i Srbija 1914–1918*, Beograd, 1994; Д. Живојиновић, *Америка, Италија и југославјанск Југославије 1917–1919*, Београд, 1970, стр. 30–31; D. Šepić, *Italija, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 190; Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 187.

ного народа сербов, хорватов и словенцев и попросить, чтобы их взяли под защиту в момент решения судьбы всех народов», которые воюют. В указаниях, которые были даны главе миссии Миленко Весничу, Никола Пашич настаивал, чтобы югославянский вопрос был в центре внимания, поручая, чтобы собеседникам он указал на связь Австро-Венгрии с «общими германскими целями» и постарался убедить правительство США, что ему следовало бы объявить войну Двойной монархии. Помимо этого перед членами сербской миссии ставилась задача разъяснить американцам, сколь важно достижение согласия между Италией и будущей Югославией по всем спорным вопросам. Собеседников в США необходимо было предостеречь, что мира на Балканах не будет, если Болгария в итоге войны будет увеличена. В этом контексте подчеркивалось «сходство ситуаций» – Эльзас-Лотарингия и Македония. Члены миссии должны были попросить усиленной финансовой и материальной помощи, а также особым «мемуаром» ознакомить американскую сторону с целями Сербии и «границами нашего трехименного народа»²⁵.

Миссия сербского правительства отбыла в США в конце декабря 1917 года. Во время пребывания там, продлившегося до начала февраля 1918, ее участники имели возможность президента Вильсона, правительство, Конгресс, Сенат и общественность США ознакомить с военными целями Сербии и сущностью югославянского вопроса. Общим впечатлением было то, что миссии хозяевами оказывался «неизменно радушный прием», подобный тем, которые имели представители других союзнических государств. Соответственно, верилось, что к Сербии был пробужден интерес и завоеваны симпатии, вследствие чего может развиваться также интерес к югославянскому вопросу²⁶.

Хорошие отношения с США облегчали работу по привлечению добровольцев и обеспечению финансовой помощи. Правительство США уже в мае 1917 года выделило три миллиона долларов, предназначенных для оказания помощи пленным, интернированным лицам и наиболее подвергающимся опасности гражданам оккупированной Сербии. В ноябре 1917 года на союзнической конференции в Париже

²⁵ Там же, с. 190–191.

²⁶ *Građa o stvaranju jugoslovenske države*, том II, стр. 134–139; Радослав Веснић Млађи, *Др Миленко Веснић, франсезнер српске дипломатије*, Београд, 2008, стр. 412–430.

США согласились в качестве финансовой помощи сербскому правительству до конца войны предоставлять ежемесячно субсидии в размере одного миллиона долларов. Поэтому Никола Пашич в официальных заявлениях неизменно отмечал демократический дух США, последовательную политику президента Вильсона и принцип, согласно которому каждый народ призван «сам собой управлять и быть кузнецом своей судьбы». Между тем, наибольшее внимание и далее посвящалось дипломатическим отношениям с большими европейскими союзниками и их взглядам на возможность реализации сербских военных целей²⁷.

Длинный ряд проблем, связанных с ситуацией на Солунском фронте, международное положение, взаимодействия с союзниками и их отношение к сербским военным целям подпитывали жестокие внутриполитические схватки, достигшие апогея в первой половине 1917 года.

Жизнь в изгнании, споры по вопросу ответственности за военный крах, внутренние разногласия и борьба за политические и личные преимущества привели к аресту полковника Драгутина Димитриевича Аписа и нескольких десятков офицеров, близких к нему. Аресту предшествовали предъявленные членами организации «Черная рука» правительству и Николе Пашичу обвинения, что они несут ответственность за военный крах и трагедию, которая постигла Сербию и сербскую армию. Из угроз, адресованных некоторым членам правительства, особый вес имело заявление, что им будет запрещено возвращение в страну. Этим возобновлено было столкновение военных и гражданских властей, отодвинутое началом войны на второй план. «Чернорукцы» выступали и против регента Александра. По их мнению, военное поражение было, помимо прочего, следствием неправильной политики, проводившейся радикалами, которых по этой причине следует отстранить от власти. Радикалов обвиняли в том, что они пытались армию полностью вытеснить из политической жизни, а регента Александра – в намерении присвоить себе ведущую роль в осуществлении внутренней и внешней политики. И вот, объявляя себя представителями национальной миссии, истинными толкователями и защитниками национальных и государственных интересов, «чернорукцы» оказывали давление на государственные органы и конституционный строй страны.

²⁷ П. Опачић, *Србија и Солунски фронт*, стр. 49–50; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, стр. 187–192.

Заручившись поддержкой Николы Пашича и радикалов, а также группы преданных офицеров, регент Александр смог расправиться с полковником Аписом и «Черной рукой». По отношению к ним, обвиненным в организации неудавшегося покушения на Александра Карагеоргиевича и подготовке переворота, в результате которого армия должна была захватить власть, весной 1917 года в Солуни был организован большой судебный процесс. После обжалования вынесенных приговоров смертная казнь осталась в силе для полковника Драгутина Димитриеви́ча Аписа, майора Любомира Вуловича и добровольца Радо Малобабича, тогда как остальные обвиненные были осуждены на многолетние сроки тюремного заключения²⁸.

Солунский процесс и казнь полковника Аписа почти совпали с повторным возникновением вопроса о сепаратном мире с Центральными державами. Поэтому, при многих неясностях, связанных с обстоятельствами судебного разбирательства, большинство историков соглашается, что в расправе с «чернорукцами» решающими были причины внутривосточные, однако имелись также и внешнеполитические. В этом контексте на полковника Аписа была возложена ответственность за Сараевское покушение, несмотря на то, что это трудно было доказать. Так или иначе, судебное разбирательство сильно отразилось на внутривосточной жизни. Считая, что вина осужденных офицеров не доказана и что речь идет о «судебном убийстве», из правительства сначала вышли Любомир Давидович и Милорад Драшкович – два министра от Самостоятельной радикальной партии, которая и ранее поддерживала «чернорукцев». И многие другие их товарищи по партии тогда окончательно повернулись к республиканским идеям, становясь в ряды самых решительных противников монархии. Солидаризируясь с министрами-«самостоятельниками», покинул правительство и Воислав Маринкович из Прогрессивной партии. Совет министров вследствие этого перестал быть многопартийным, и с июня 1917 года в состав его входили только радикалы, против которых образовалась мощная политическая оппозиция. На другой стороне стало усиливаться влияние преданных регенту офицеров, так называемой «Белой руки»

²⁸ Процесс проходил со 2 апреля по 5 июня 1917 года. К смертной казни сначала было приговорено девять человек, но регент большинство помиловал. Оставшиеся четырнадцать офицеров были приговорены к тюремному заключению на сроки от 10 до 14 лет. О Солунском процессе подробнее см.: *Солунски процес*, Солун 1917; М. Живановић, *Пуковник Апис, Солунски процес 1917*, Београд 1955; С. Скоко, П. Опачић, *Војвода Сјећа Сјећановић у райовима 1876–1918*, Београд 1974, стр. 576–587.

(Бела рука), которая сыграла значительную роль в «чистке» армии и государственных учреждений от сторонников «чернорукцев»²⁹.

В то время как сербское правительство в эмиграции боролось за сохранение Солунского фронта, за признание государственно-правовой преемственности Королевства Сербии и за поддержку югославской программы, жизнь оккупированной страны проходила в тяжелых материальных и национальных условиях, когда под вопросом оказывалось даже физическое существование сербского народа. Сербия жила под гнетом многочисленных запретов, ограничений, постоянных штрафов, санкций, избиений, тюремных заключений, интернирований.

Поздней осенью 1915 года после прекращения военных операций объединенных немецких, австро-венгерских и болгарских войск это была опустевшая страна. В некоторых округах оставалось лишь около 20% прежнего населения. И когда беженцы вернулись в свои дома, в девяти округах «старых областей» недоставало от 650 000 до 750 000 (23,5%) по сравнению с прежним. Численность жителей под австро-венгерским оккупационным управлением снизилось с 65 до 51 на квадратный километр, а в болгарской оккупационной зоне это снижение было еще более значительным. Особенно чувствовалась нехватка мужчин возраста от 17 до 55 лет. Сокращение мужского населения, по сравнению с женским, достигло 36,7%. Демографический дисбаланс более чувствовался в городах, чем в селах; а число умерших было почти в два раза больше числа рожденных. Вообще, сокращение населения за один год составляло 0,8 процента. В Австро-Венгрии и Германии в 1917 году находилось около 127 500 взятых в плен и 79 000 интернированных лиц из Сербии. В этом же году на территории Болгарии было 32 000 взятых в плен и около 100 000 интернированных сербских гражданских лиц. Общее число пленных и интернированных составляло в конце 1917 года 341 500 человек³⁰.

К многочисленным тяжким бедам добавился и голод. Поскольку в 1916 году урожай зерновых культур был очень невысоким, а рек-

²⁹ Б. Храбак, „Делатност организације ‘Уједињење или смрт’ за време првог светског рата“, *Наша прошлост*, бр. 6, 1971–1972, стр. 5–19; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 310–318.

³⁰ В зависимости от переписи, которые проводили Сербия или Австро-Венгрия, не хватало от 630 492 до 686 826 жителей. По оценкам демографов и историков, фактически не хватало около 750 000 жителей Сербии (А. Митровић, *Успаничке борбе у Србији 1916–1918*, Београд 1987, стр. 49–53).

визии большими, то уже в первые месяцы 1917 года недостаток продовольствия стал устрашающим. Военный генерал-губернатор продовольственную норму на одного жителя в феврале уменьшил с 8 до 6 килограммов муки в месяц или до 36 килограммов на период с 1 февраля по 31 июля. Все излишки продовольствия подлежали принудительному откупу, по ценам которые устанавливали власти. В Вене сочли, что в сербских селах имеются излишки запасов кукурузы объемом около 1 500 вагонов. Одна из основных задач в 1917 году формулировалась так: «урожай в оккупированных областях как можно основательнее собрать и сюда перевезти, а с другой стороны – жизненный уровень оккупированной Сербии, изъятием излишков урожая, держать справедливо, на том уровне, который соответствует условиям в Монархии». В соответствии с этим, оккупационные власти должны были осуществлять реквизицию продовольствия по необходимости с помощью жандармерии. Сельское население, которое не выполняло предписанных норм, подвергалось индивидуальным и коллективным наказаниям. Любое сопротивление заканчивалось взятием заложников, которые в случае невыполнения установленных норм интернировались в лагеря Австро-Венгрии. Указанные действия основывались на законодательстве, согласно которому на оккупированных территориях все сборы урожая, мельницы и скот были поставлены под надзор властей. Пользуясь этим, оккупационное правление навязало монополию на производство и продажу зерна. Под аналогичным режимом контроля оказались и другие продовольственные товары – фрукты и овощи, вино, ракия, сахар, табак, кофе... Прекращение оборота основных продовольственных товаров и строгий контроль за выносом продуктов сельского хозяйства на рынок самым непосредственным образом ставили под угрозу здоровье и жизнь населения. Одновременно, навязываемый голод являлся своеобразным средством принуждения, которое использовалось, чтобы наказать Сербию. Между тем оказалось, что армия, которая своим отношением к гражданскому населению привела к тому, что оккупированное пространство приобрело все признаки «тюрьмы», одновременно была и той силой, которая, контролируя коррумпированные гражданские власти, косвенно препятствовала массовому разграблению продовольствия и сделала так, что голод не достиг еще больших масштабов³¹.

³¹ В. Стојанчевић, „Положај становништва у Србији 1917. године“, *Србија 1917*, Зборник радова, Београд 1988, стр. 14–15; Даница Милић, „Стање у привреди Србије

О положении в оккупированной Сербии в 1917 году очень красноречиво свидетельствовал Меморандум сербских социалистов, в котором, помимо прочего, было сказано: «Все оккупационное правление в Сербии целиком представляет собой непрестанную войну против мирного населения. Впрочем, это и не оккупационное правление, а скорее карательная экспедиция со стороны Австро-Венгрии, да еще больше со стороны Болгарии... Враги Сербии почувствовали уже с первых дней, инстинктивно, что эта страна не останется навсегда под их властью. Поэтому решили Сербию полностью лишить способности к дальнейшей жизни»³².

Эта констатация была верна по отношению как к австро-венгерской, так и к болгарской оккупационным зонам. Однако в степени террора, который осуществляли оккупационные власти, имелись некоторые отличия. Австро-венгерские чиновники посылали в Вену информацию о том, что «счастье» испытывают сербы, находящиеся в австро-венгерской, а не в болгарской оккупационной области. И в Меморандуме сербских социалистов подчеркивалось, что все происходящее «в Гувернмане» надо возводить «в квадрат, когда речь заходит о болгарском правлении». Ведь «все же в австро-венгерской части существуют суды, какими бы они плохими ни были. И в них пытаются, хотя бы время от времени, заворачивать деспотизм власти в некоего рода легальные формы... В них дают почувствовать, пусть и в наименьшей мере, что человек связан какими-то бледными нормами международного права и морали». Все упомянутое «полностью исчезало» в тех областях Сербии, которые оккупировала Болгария: «С той стороны Моравы начинается Азия... В болгарской части Сербии не знают судов... Там полиция имеет неограниченную власть. Законная свобода каждого сербского гражданина, как и его жизнь, полностью и исключительно зависят от доброй воли любого полицейского агента, любого болгарского жандарма... В этих областях сербы унижены до положения рабов... В австро-венгерских областях наблюдается хотя бы какая-то внешняя видимость общественного порядка.

под австроугарском окупацијом 1917. године“, *истио*, стр. 37–44; Jonathan E. Gumz, *The Resurrection and Collapse of Empire in Habsburg Serbia 1914–1918*, Cambridge 2009, стр. 142–192. Исследования показали, что над оценкой продовольственных потенциалов Сербии работало около 350 человек. Согласно разработанным планам, Сербия должна была стать значительным производителем продовольствия, «фермой», которая кормила бы Монархию.

³² Цит. по: В. Стојанчевић, *Положај сјановништва у Србији 1917. године*, стр. 11.

В областях, оккупированных болгарскими, и общественная безопасность не гарантирована»³³.

Оккупационные власти особенно обеспокоены были впечатлениями своих чиновников и солдат, что сербский народ не считает себя «окончательно побежденным и основательно покоренным», а надеется на какую-то помощь со стороны, «причем с уверенностью». Развитие событий показало, что в качестве противника они имели весь народ. Стремление интернировать из Сербии все оставшееся мужское население в возрасте от 17 до 55 лет не дало ожидаемых результатов, ибо оказалось, что в одинаковой степени опасность исходит и от молодежи, и от более старых поколений мужчин, и от женщин. Австро-венгерские агенты докладывали, что в народе существуют «укоренившиеся повстанческие настроения», а болгарские чиновники сообщали, что сербы к оккупантам проявляют нескрываемую ненависть и намерения поднять восстание «при удобном случае»³⁴. Подозрительность оккупационных властей подогревали явно недоброжелательные взгляды, сборища в трактирах, склонность молодых людей к чтению, черная одежда на женщинах и девушках, а также слухи, которым сербы верили больше, нежели официальной информации. На каждом шагу они сталкивались с упрямством, антипатиями, своего рода политическим протестом и едва скрываемым пренебрежением, поэтому делали вывод, что общество Сербии представляет собой «общество сопротивления».

На такое состояние сербского народа под оккупацией рассчитывалось и при разработке военных планов на Солунском фронте, когда встал вопрос о возможности поднять восстания на юге Сербии³⁵. После отступления сербской армии осенью 1915 года на территории Сербии оставались отставшие и вылеченные после ранений воины, которые избежали плена и со временем стали создавать повстанческие отряды. Осенью 1916 года эти отряды начали вступать в бои с австро-венгерскими и болгарскими оккупационными силами. Тогда и сербское Верховное командование повело работу по организации повстанческого движения с целью дестабилизировать оккупационное правление и ослабить линии фронта оккупантов.

³³ Там же, с. 11–12.

³⁴ Подробнее см.: А. Митровић, *Устаничке борбе у Србији, 1916–1918*, стр. 62–75.

³⁵ Там же, с. 409–486.

Массовость сопротивления была следствием жестокости, которую проявляли оккупационные власти. В начале следующего года сопротивление распространилось, охватив территорию, которая была под болгарским оккупационным управлением. В феврале 1917 года оно переросло в Топлицкое восстание, которое было вызвано решением болгарских властей мобилизовать в свои войска и сербских новобранцев. Предводителями восстания были Коста Воинович, подпоручик сербской армии, который из-за ранения не ушел вместе с сербской армией через Албанию, и Коста Милованович Печанац, поручик, которого Верховное командование еще в сентябре 1916 года самолетом перебросило в Сербию для подготовки повстанческого движения. Его задачей была организация четнических отрядов, которые бы вступили в действие, когда союзнические части выйдут к Вардару и приблизятся к Скопью.

Восстание вспыхнуло спонтанно, опережая директивы Сербского верховного командования и планы главнокомандующего Солунским фронтом генерала Саррайля. В его основе было желание поскорее освободиться³⁶. Повстанческая армия насчитывала почти 13 тысяч бойцов. Ее действие разрушило планы по созданию так называемой «Болгар-Моравы», всполошило все вражеские тылы и помешало оккупантам осуществлять реквизиции продовольствия на этой территории. Между тем, оказалось, что Коста Печанац был не в состоянии ни направлять повстанческие действия, ни согласовывать их с имеющимися планами союзников. Если учитывать стратегический аспект, восстание было поднято преждевременно и не сопровождалось наступательными действиями на Солунском фронте, которые бы использовали его потенциал. При большой поддержке населения повстанцы все же освободили Куршумлию, Прокупле, Лебане, Пусту Реку и части Нишского, Враньского и Рашкского округов, создав угрозу германско-болгарским коммуникациям в долинах Моравы, Нишавы и Вардара. Область, которую повстанцы контролировали, была окружена территориями, на которых

³⁶ Сам Коста Воинович после подавления восстания в апреле 1917 года болгарскому поручику Генчову, коменданту села Блажева, написал: «Сербский народ рабствовал пятьсот лет, но все же стал свободным, да если и еще столько же будет рабствовать, все равно не может и не смеет потерять надежду, что скоро станет свободным. И пока мы не станем свободными, не перестанут появляться люди, которые будут идти в народ и напоминать ему, что пора самим освободиться, как это наши предки делали, так что если не будет Воиновича, будут другие» (Цит. по: М. Перовић, *Устанак на југу Србије 1917*, Београд 1954, стр. 11).

не чувствовалась власть оккупантов, но и влияние повстанческих сил тоже. Оккупационные власти на подавление восстания собрали около 30 000 солдат. Наряду с болгарскими частями в этом задействованы были и австро-венгерские. О серьезности ситуации, в которой оказались Центральные силы на Балканах, свидетельствовал и тот факт, что ряд подразделений, участвовавших в подавлении восстания, был переброшен с фронта на Соче³⁷.

Бои начались 8 марта и длились до 25 марта 1917 года. После этого еще происходили спорадические столкновения с меньшими группами повстанцев. В расправах над ними и над гражданским населением была проявлена чрезвычайная жестокость. Сжигались целые села, и жестоким наказаниям подвергалось все население. При подавлении восстания в марте 1917 года болгарские оккупанты убили около 20 000 сербских гражданских лиц. Предводитель восстания Коста Воинович был ликвидирован в декабре 1917 года, но это не стало концом сопротивления³⁸.

ЮГОСЛАВЯНСКИЙ КОМПРОМИСС СЕРБСКОГО ГОСУДАРСТВА

Военное и политическое положение, в котором Сербия находилась в 1917 году, вынудило Николу Пашича несколько отступить от мнения о том, что именно она должна создавать югославянское государство и формировать его внутреннее устройство. Нужно было преодолеть неблагоприятные международные условия, которые возникли после Февральской революции в России, осмыслить перемены, вызванные падением царизма и выходом на историческую сцену «крайне неразумных элементов», как Никола Пашич называл большевиков, приобрести благосклонность нового военного союзника – США, развеять сомнения союзников относительно намерений Сербии и возможностей объединения югославын, убедиться в том, что Центральные державы не потерпели военного разгрома и что о распаде Австро-Венгерской монархии мало кто думает. Было ясно, что военную программу Сербии

³⁷ Огневую мощь этих частей составляли 5 000 винтовок, 40 пулеметов и 12 пушек.

³⁸ Подробнее см.: А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 409–486; М. Перовић, *нав. дело*, стр. 215.

впредь нужно реализовывать без опоры на «могущественную славянскую защитницу». Видя беспомощность новых властей России, Никола Пашич с осторожностью следил за тем, что происходило, сохраняя осмотрительность по отношению к их заявлениям о желании «освободить подчиненные народы Австро-Венгрии», о создании Югославии и защите Сербии от германской опасности в будущем. Сам по себе красноречивым являлся уже тот факт, что он без ведома Петрограда организовал Корфскую конференцию³⁹.

Различия, проявившиеся у сербского правительства и Югославянского комитета во взглядах на добровольческий вопрос, довел до кульминации кризис в дискуссиях по поводу способа объединения и характера внутреннего устройства будущего государства. Сербия не отказалась от тех представлений о государственности, которые были провозглашены в военной программе в декабре 1914 года. Весной 1917 года Никола Пашич держался позиции, что Сербия – «носитель нашей общей идеи, ее официальный и ответственный представитель перед нашими союзниками и всем остальным миром». При этом он готов был воздать должное Югославянскому комитету за его «патриотическую и священную работу». Но сопротивление было и с другой стороны. Анте Трумбич утверждал, что «Сербия с ее людьми имеет сотню недостатков», но и признал: «ни одна из наших стран не способна быть таким кровавым Пьемонтом нашей эпопеи, как она». Несмотря на все разногласия, обстоятельства вынудили Николу Пашича и Анте Трумбича в некоторой мере сблизить свои позиции⁴⁰.

В то же время, когда 30 мая 1917 года на Корфу была созвана конференция представителей сербского правительства и Югославянского комитета, то на впервые после трех лет войны собранном заседании парламента в Вене Югославянский клуб проголосовал за Майскую декларацию. Состоящий из 33 словенских, хорватских и сербских депутатов Парламента Империи, Югославянский клуб в своем обращении к Парламенту заявил, что «на основе национальных принципов и хорватского государственного права» требует «объединения всех земель Монархии, в которых живут словенцы, хорваты и сербы, в единое самостоятельное, от любого господства чужих народов свободное и на демократической основе созданное государственное образование, под

³⁹ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 183–215.

⁴⁰ Д. Јанковић, *Југословенско уједињење и Корфска декларација 1917. године*, Београд 1967.

жезлом Габсбургско-Лотарингской династии». Отражая совершенно противоположные устремления, компромиссы и оппортунизм, Майская декларация в то же время обозначала разрушение дуалистического устройства австро-венгерской монархии и представляла собою своеобразный набросок южнославянской программы. Ее значение, как отмечают историки, было не в наличном содержании, а в процессе, который она предвозвестила и в который вылилось много недовольства национальной, политической и социальной природы. Уже следующим шагом было решительное требование «всего славянского юга Монархии», изложенное на Соборе 13 июля 1917 года: «чтобы на основе принципа народности, исторического права, а также права самоопределения народов, все земли Монархии, в которых живут словенцы, хорваты и сербы, объединились в единое полностью самостоятельное, независимое образование»⁴¹.

На конференции, которая проходила с 5 июня по 27 июля 1917 на Корфу, состоялись первые официальные переговоры представителей сербского правительства и Югославянского комитета по поводу внутреннего устройства будущего государства. На противопоставлении подходов к унитарной и федералистской модели внутреннего устройства отразились взгляды на национальный вопрос, на сущность национального единства «трехплеменного народа» – сербов, хорватов и словенцев, на содержание национального унитаризма, на форму государственного устройства, на основы провизориума. Никола Пашич был убежден, что в данных исторических обстоятельствах будущее может иметь только сильное унитарное и централистски устроенное государство. Он допускал возможность, что положения о местном самоуправлении, которые содержала Конституция Королевства Сербии, могут быть несколько изменены и применяться на всей территории будущего государства. Отрицая федералистское устройство как слабое и непрочное, он соглашался, что будут сохранены особенности, которых держались хорваты – например, имена, письмо и эмблематика, но не существующая автономия. В противовес централистическим и унитаристским концепциям, которые представляла сербская сторона, хорватские политики настаивали на том, что параллельно с центральным законодательством и управлением должны также

⁴¹ F. Šišić, *nav. delo*, str. 94; M. Zečević, *Slovenska ljudska stranka i jugoslovensko ujedinjenje 1917–1921*, Beograd, 1973; А. Митровић, *Србија у Првом светском рату*, стр. 519–530; D. Janković, M. Mirković, *nav. delo*, str. 344.

существовать особые автономии, законодательные органы, исполнительные органы и соборы отдельно взятых исторических областей. Поскольку расхождения преодолеть было невозможно, достигнуто согласие о необходимости государственного объединения в монархической форме и компромиссном варианте унитаризма («трехименный народ»), а вопрос внутреннего устройства решено отложить на будущее⁴².

Корфская декларация недвусмысленно подчеркивала, «что этот наш трехименный народ един по крови, по языку разговорному и письменному, по чувствованию этого единства, по преемственности и целостности территории, на которой он нераздельно живет, и по общим жизненным интересам своего национального существования и всестороннего развития своей духовной и материальной жизни». Как главная цель войны указывалось право свободного самоопределения и во имя его высказывалось требование, чтобы югославянский народ «был полностью освобожден от чужеземного рабства и объединен в едином свободном, национальном и независимом государстве». Таким образом, были подчеркнуты принцип национального единства и принцип самоопределения народа, а все территории, населенные сербами, хорватами и словенцами, поставлены под защиту принципа народности. Названные принципы подтверждали два существенных обстоятельства: новое государство создается на основе свободного волеизъявления народных представителей и что речь не идет об аннексии южнославянских территорий со стороны Сербии⁴³.

В своих тринадцати пунктах Корфская декларация отражала принципы внутреннего устройства будущего югославянского сообщества. Государство должно было получить название «Королевство сербов, хорватов и словенцев», являясь свободной, независимой, конституционной, демократической и парламентской монархией во главе с династией Карагеоргиевичей. Государственные символы его – герб, флаг, корона – должны быть общими и как таковые символизировать единство, но составленными из отдельных национальных

⁴² В. Petranović, М. Zečević, *Jugoslovenski federalizam. Ideje i stvarnost*, том 1, Beograd, 1987, стр. 36–38; *Diplomatska prepiska srpske vlade 1917*, Zbornik dokumenata, pr. М. Zečević i М. Milošević, Beograd, 1991, стр. 321–324; Д. Јанковић, *Југословенско питање и Корфска декларација 1917. године*, стр. 189–314; А. Митровић, *Србија у првом светском рату*, стр. 510–512; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, стр. 219–229; Д. Јанковић, М. Mirković, *nav. delo*, 344–348.

⁴³ Там же.

эмблем. Предусматривалось, что народное представительство будет выбираться общим, равным, прямым и тайным голосованием. Народной скупшине предстояло выработать Конституцию, как наивысший государственный закон, численно квалифицированным большинством и по согласованию с короной. Полное равноправие гарантировано сербскому, хорватскому и словенскому именованьям. Оба письма, кириллица и латиница, также были бы равноправными. Признанным вероисповеданиям – православному, римско-католическому и мусульманскому – обеспечивалась свобода, а их отношения с государством во всем должны были быть равноправными. Для всех граждан был предусмотрен одинаковый статус внутри государства и перед законами. Как территория будущего государства определялись все те области, в которых сербы, хорваты и словенцы проживают компактно и массово. Отвергалась любая возможность частных решений национального вопроса, и «как одна нераздельная целостность» ставилась проблема освобождения от Австро-Венгрии и объединения с Сербией и Черногорией. Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС) задумывалось как единое государство, но не исключалась возможность образования внутри особых единиц в соответствии с природными, территориальными и экономическими условиями. Из всего высказанного было ясно, что государство образуется на основе равенства и равноправия всех его народов и всех его областей, так что речь идет не о расширенной Сербии, а о новом государстве. Представление о централистском государстве, основанном на принципах парламентской демократии, являлось компромиссом, который никого не мог удовлетворить. Анте Трумбич, например, интегралистическую концепцию объединения принял, судя по всему, «из-за страха перед Великой Сербией в Югославии»⁴⁴.

В ходе работы Корфской конференции вопрос Черногории отдельно не решался, поскольку и представителями Югославянского комитета он рассматривался как внутреннее дело сербов. Между тем, отношения между двумя сербскими государствами были сопряжены со многими проблемами. В эмиграции споры вокруг объединения имели дополнительную остроту. Подозрения, недоразумения, проявления личной неприязни, противопоставленные династические интересы и неискренние отношения между двумя правительствами ослабляли связи двух союзников. Династия Петровичей-Негошей

⁴⁴ Там же.

настаивала на том, чтобы в будущем югославянском государстве был обеспечен особый статус Черногории. Она была склонна принять триалистическую концепцию устройства государства, однако надеялась на широкую автономию, которую получила бы как монархический дом, а наряду с этим прилагала усилия, чтобы Черногория оставалась независимым государством. С этой целью она желала территориального расширения в окрестностях Скадара (Шкодера), на адриатическом побережье до Неретвы, в Герцеговине и Боснии с Сараевом. Не были ей чужды и идеи о сепаратном мире. Сербия же «черногорский вопрос» воспринимала как исключительно внутренний, сербский, стремясь при его решении сохранять самостоятельность по отношению к союзникам. По мнению Николы Пашича, финансовая, военная и политическая зависимость от союзников не должна была стеснять «свободу наших действий хотя бы в тех сербских вопросах, которые не должны подпасть под их контроль или управление». Его позиция относительно того, что «объединение Черногории с Сербией должно... осуществиться, будет Югославия или нет», имела многочисленных сторонников. Часть их, при поддержке сербского правительства, в марте 1917 года объединилась вокруг «Черногорского комитета за народное объединение» с целью сломить сопротивление черногорских династических кругов и поддержать безусловное объединение Черногории с Сербией. В воззвании, обнародованном 27 марта в Париже, представители Черногорского комитета подчеркивали, что после войны «не может быть речи ни о чем другом, кроме как о полном объединении Черногории с Сербией – о едином народном государстве». Комитет свои позиции еще более ясно изложил в Декларации от 11 августа 1917 года. Принимая Корфскую декларацию в целом, он отметил, «что Черногория этой войной завершает свою роль как отдельное сербское государство и что ей как таковой, в соответствии со всем, предстоит только вхождение в Королевство сербов, хорватов и словенцев»⁴⁵.

По окончании заседания на Корфу с принятой Декларацией были ознакомлены представители союзнических правительств; но их она ни к чему не обязывала. Из союзнических государств ее с симпатиями восприняла одна Россия.

⁴⁵ N. Rakočević, *nav. delo*, str. 256–284; D. Vujović, *nav. delo*, str. 157–229; Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 180–188; Д. Живојиновић, *Црна Гора у борби за ојсџанак 1914–1922*, стр. 133–162; А. Митровић, *Србија у Првом свейском рату*, стр. 321–325.

В Великобритании к ней «с интересом и симпатиями» начали относиться лишь в ноябре 1917 года, когда правительство ознакомило с ее содержанием парламент и когда русский фактор, спустя некоторое время, удалился с Балкан. До этого времени англичане смотрели на Корфскую декларацию как на документ «зловещего» содержания. Только под нажимом общественного мнения правительство сделало заявление, что восприняло ее «с большим интересом и симпатиями».

Франция официально не отреагировала. В кругах, близких к французскому генеральному штабу, Декларации большого значения не придавали. В Париже взяло верх мнение, что союзники не обязаны обеспечивать объединение всех сербов, хорватов и словенцев в одно государство. Объединению Сербии, путем аннексии, с Хорватией, Далмацией и Славонией они были готовы помешать – с мотивировкой, что это не «в интересах самих сербов. Генеральный штаб предусматривал, что Сербия получит выход к морю путем федеративного объединения с Черногорией. Согласно этим проектам, Австро-Венгрия следовало обязать, чтобы она часть Боснии и Герцеговины уступила Сербии, а всему югославскому населению предоставила автономию. Кроме того, на позиции французов влиял «итальянский фактор» вкуче с незнанием истинного политического положения югославян в Австро-Венгрии.

Италия критиковала появившуюся Корфскую декларацию, отвергала ее содержание. Итальянские дипломаты старались всеми средствами воспрепятствовать дальнейшему сотрудничеству сербского правительства с Югославянским комитетом. Любое упоминание объединения воспринималось ими как отсрочка обещаний, гарантированных тайным Лондонским соглашением. Поэтому с появлением Корфской декларации усилилась антисербская и антиюгославянская кампания итальянского правительства и прессы.

Правительство США появление Корфской декларации всего лишь зафиксировало⁴⁶.

События в России вызывали у сербского правительства исключительно большое беспокойство. Участвуя в работе межсоюзнической конференции в Париже, Никола Пашич столкнулся с тем, что союзники после того, как российское влияние при решении международных вопросов начало ослабевать и исчезать, стали все меньше заботиться о Сербии, ее интересах. Особенно опасным это было для решения

⁴⁶ Ђ. Станковић, *Никола Пашић, савезници и сиварање Југославије*, стр. 195–196.

югославянского вопроса, который и в предыдущий период не встречал особого понимания. Николе Пашичу не без оснований казалось, что союзники не нашли еще окончательного решения, что по окончании войны делать с Австро-Венгрией: поделить ли и уничтожить, уменьшить или сохранить ради равновесия в соотношении сил европейских стран. С целью укрепления позиций Сербии после Парижа он посетил и Лондон.

Встречи и переговоры с представителями властей – Ллойд Джорджем, сотрудниками Министерства иностранных дел и членами Парламента – и британской общественности дали ему возможность разъяснить самым влиятельным кругам Великобритании значение югославянского вопроса и важность Солунского фронта для решения сербских, а также и союзнических военных задач. В этой ситуации он старался представить британской общественности Корфскую декларацию как документ, который служит осуществлению одной из существенных целей союзнической политики – «обеспечению независимости и объединения малых народов»⁴⁷.

Переговоры, которые Никола Пашич вел с наивысшими представителями властей Франции и Великобритании, подтвердили убеждение, что Италия является основным препятствием на пути достижения сербами своих военных целей и осуществления югославянского объединения. Поскольку отношения союзников с Италией за осень 1917 года укрепились дополнительно, ему посоветовали сделать все, что в его силах, чтобы и отношения Сербии с Италией улучшились. Основная проблема, которую нужно было решить, касалась того, как согласовать обещания, которые союзники дали Италии в апреле 1915 года, и стремление Сербии сформировать югославянское государство. Для самого Николы Пашича и сербского правительства согласие с Италией было возможным только на основе уважения принципов Корфской декларации. Отталкиваясь от этого, он и вел в первой половине сентября переговоры с итальянским министром иностранных дел Соннино. Итальянская же сторона не готова была идти на пересмотр Лондонского соглашения, которое, по ее мнению, представляло «минимум», ей предложенный в качестве компенсации за вступление в войну. Любое уменьшение того, что этим соглашением гарантировалось, она считала утратой мотивации для дальнейшего участия итальянцев в войне. Вследствие этого для Италии Корфская декларация стала

⁴⁷ Там же, с. 197–198.

основным препятствием на пути к согласию с Сербией. Предложение Николы Пашича, чтобы Италии достались Трст (Триест), Пула, половина Истрии, часть островов и Валона (Влёра), было неприемлемым для итальянского правительства. Впрочем, и сам Никола Пашич не был склонен к компромиссу с Италией, но идти на переговоры его вынуждала все более усложнявшееся международное положение Сербии – утрата опоры на Россию, молчание союзников по поводу Корфской декларации, нежелание их высказываться по поводу решения югославянского вопроса, неизвестность в вопросе о сохранении Солунского фронта. Опытный политик, он осознавал также, что если бы Италия согласилась на компромиссное решение, которое предлагала Сербия, это бы означало, что признается ее право на создание югославянского государства⁴⁸.

---

⁴⁸ Там же, с. 198–199; D. Šepić, *Italija, saveznici i jugoslovensko pitanje 1914–1918*, str. 190.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ВОЕННЫЙ ГОД

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

Октябрьская революция определенно повлияла на дальнейший ход войны и вызвала потрясения в Центральных державах. Идеи революции были близки и солдатам на фронте, и массам, жизненный уровень которых резко снизился, и самым широким слоям граждан, столкнувшимся с ужасами войны. Нажим, который испытывали виновники войны, был усилен дипломатическим наступлением президента Вильсона. Он предложил и представил Конгрессу США исходные позиции для восстановления всеобщего мира, опиравшиеся на соблюдение самых справедливых принципов, которые следовало использовать при устройении послевоенного мира. Тяжелое положение на фронтах, социальные волнения и протесты народов оккупированных стран ставили под вопрос существование Двойной Монархии. Бунты в армии, дезертирство, появление так называемых «зеленых кадров», утрата способности к большим наступательным операциям и общая изнуренность представляли картину положения, которое сложилось в Двойной монархии. Внутриполитические конфликты сотрясали также Германию. Союз элит (военные верхи, высшее дворянство, крупная буржуазия, высокие государственные чиновники), который с намерением добиться мирового могущества втянул и свое государство, и весь мир в войну с непредсказуемыми последствиями, в начале 1918 года не был готов заключить мир «без выигрыша». Германские военные верхи такую возможность считали предательством интересов государства, приравнивая ее к полному поражению в войне. А продолжение войны являлось знаком, что германские военные и политические верхи, независимо от общих условий, в которых находилась страна, и дальше имели сильное желание победить и осуществить свои военные цели.

В таких обстоятельствах политика Германии была милитаристской и подчиненной планам генералитета. В Берлине было невозможно даже представить, что право вести войну будет предоставлено политикам. Забастовки рабочих жестоко подавлялись, революционных вождей ликвидировали, ужесточался режим военного положения. Чувства реальности при постановке военных и политических целей в начале 1918 года просто не было, так как и далее преобладали убеждения, что необходимо оказать поддержку армии, дав шансы тем, кто ею командует. Об этом свидетельствовали и слова генерала Людендорфа, произнесенные им на заседании Коронного Совета 13 февраля 1918 года: «Борьба будет ужасной, начнется она в одном месте, а продолжится в другом. Потребуется много времени; будет жестокой...»¹.

Мирные договоры, заключенные с Россией и Румынией, дали возможность Германии и Австро-Венгрии сосредоточить свои войска на Западе². Тот факт, что впервые с начала войны войска Центральных держав на этом театре боевых действий имели численное преимущество над противником, создавал иллюзию, будто война может быть выиграна в итоге так называемой «решающей операции». Немецкое верховное командование в последние дни декабря приняло решение, в соответствии с которым нужно было мощными наступательными действиями отбросить британские войска к портам на Ла-Манше. Разработка всего плана завершилась к концу января, а операции должны были начаться в марте 1918 года. Предусматривались также действия против французских сил, если они придут на помощь своим союзникам. Всю операцию необходимо было провести до того, как придут основные части американских войск и нарушат стратегическое превосходство Центральных держав³.

Действиями немецкой артиллерии на линии протяженностью около 70 километров ночью с 20 на 21 марта 1918 года в Пикардии нача-

¹ P. Renuven, *nav. delo*, str. 377.

² Имеются в виду мирные договоры, заключенные 3 марта в Брест-Литовске и 7 мая 1918 года в Бухаресте. По договору в Бухаресте, Румыния должна была отказаться от Добруджи, она Венгрии уступала территории до горных границ, а взамен получала право на Бессарабию. Румунская армия была сведена к двум дивизиям. Центральным державам досталась и значительная часть внутренних богатств Румынии. Валахия оставалась под оккупацией до окончательной ратификации договора (*Там же*, с. 362–375; С. Скоко, „Ратна 1918“, *Србија 1918*, Зборник радова, Београд 1989, стр. 271–274).

³ *Там же*, с. 274–280; P. Томас, *nav. delo*, str. 559–565; P. Renuven, *nav. delo*, str. 377, 389–406.

лось одно из самых больших сражений Первой мировой войны. После нескольких дней боев немецкие части прорвали первые линии обороны и в нескольких местах перешли реку Сомму. С новых позиций дальноточная артиллерия начала обстреливать Париж. В сражении, которое сначала шло при явном преимуществе войск Германии, в последние дни марта 1918 года наступил перелом. Потерпев неудачу, германское наступление полностью прекратилось в начале следующего месяца. Оказалось, что Германия не имеет достаточно сил, чтобы решить исход войны на фронте. Сдвиг союзнических линий фронта приблизительно на 45–60 километров был оплачен выводом из строя около 239 000 немецких солдат. Потери союзников составили около 212 000 солдат. Попытки продолжить войну с привлечением меньших военных сил не дали результатов и в последующие месяцы. Сражение во Фландрии, которое велось в течение апреля, и битвы на Эне с конца мая 1918 года показали, что время работает не в пользу Центральных держав. Прорывы немецких войск через Эну, Велу и Марну не приблизили к ожидаемой цели – взятию Парижа. Жертвы снова были огромными: 176 000 у союзников и 123 000 у немцев. Германская военная мощь после этого стала заметно ослабевать, и в течение июня 1918 года бои приобрели локальный характер.

Германское командование с марта по июль 1918 года предприняло три наступления. Все три были неудачными, а после этого контрнаступления союзников начались и на Западном, и на остальных фронтах⁴. Прежде всего был прорван Солунский фронт, на котором завершающие операции развернулись 15 сентября 1918 года. Две недели спустя, 29 сентября, капитулировала Болгария, а на следующий день и Турция. Австро-Венгрия признала военное поражение 3 ноября 1918 года.

«Вижу, что нужно объявить о крахе. Мы на пределе сил. Война должна быть завершена», – такими словами один из виновников войны признал поражение своих войск, а также и крах всех устремлений к мировому могуществу. Намного «тверже» его были представители генералитета, не признававшие, что они побеждены⁵. Однако же 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу, недалеко от Парижа, Германия

⁴ Там же, с. 416–424.

⁵ Маршал Пауль фон Гинденбург, начальник Генерального штаба, 14 августа 1918 года перед представителями гражданского правительства заявил: «Больше нам не следует надеяться, что сможем военными акциями сломить волю наших врагов к борьбе. Цель наших операций должна заключаться в том, чтобы мало-помалу парализовать эту волю энергичным наступлением».

подписала акт о капитуляции. Ее капитуляцией была завершена Первая мировая война.

По приблизительным данным, в ходе Первой мировой войны было мобилизовано 65–70 миллионов человек. Из этого числа 40,7 миллионов воевало на стороне Антанты и США, а 25,1 – на стороне Центральных держав. Погибло около 10 миллионов, умерло столько же, ранено в два раза больше. Около 4 миллионов человек остались инвалидами. Ужасы плена, лагерей и тюрем извели 8 миллионов человек. По численности погибших Сербия была на первом месте, она потеряла 26% воинского состава. У Франции этот процент также был высоким – 16,8%; затем Германия – 15,4%, Великобритания – 12,5%, Россия – 11,5%, Италия – 10,3%, США – 2%. К концу войны экономики многих стран были сильно разорены, и материальный ущерб оценивался в 360 миллиардов долларов. Европа, в которой война началась и все время велась, вышла из нее с измененными границами, упавшей экономической мощью и новым соотношением сил. Победители в войне питали надежду, что мир, до которого дожили после многолетней борьбы, смертей и разрушений, в самом деле будет «справедливым миром». Для тех же, кто проиграл войну, мир являлся только передышкой до нового военного соблазна.

Мировое сообщество из войны вышло разделенным на победителей и пораженных. Победители из всех сил старались, чтобы наладить новое международное устройство в соответствии со своими интересами. В Европе начала свое существование первая социалистическая страна, вследствие чего социализм перестал быть всего лишь мощным революционным политическим движением. Победой большевистской революции в России он утвердился как социальная и историческая действительность. С этого момента конфликт капитализма и социализма стал одним из основных политических вопросов всего XX века. Усталость от войны усугубляла протесты против властей, вызывала социальное недовольство и пробуждала активность национальных и революционных движений. Война внесла изменения в мировую экономику, повлияв на государственный контроль над экономической жизнью. Наибольшие разорения испытала экономика Европы, а ускоренное развитие получили США, Канада, Австралия и Япония. Возникло массовое перемещение населения, и миграции обусловили значительные социальные перемены во многих странах, влияя на людей, которые ими были охвачены. Война способствовала эмансипации женщин, которые перестали быть исключительно до-

мохозяйками. Ужасы войны оставили глубокий след в сознании всех современников. Больше, чем когда-либо прежде, война повлияла на художников и искусство, но также и на развитие науки, ориентируя ее на служение интересам государства и политики.

РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИКИ И ДИПЛОМАТИИ

Последние месяцы 1917 и первые дни 1918 года не обещали благоприятного решения вопроса сербско-хорватско-словенского объединения. Казалось, что предпосылки объединения – победа в войне и распад Австро-Венгерской монархии – не будут созданы. Страх из-за революционного брожения в средней Европе и «вакуума», который бы создался при развале Австро-Венгрии, решительно влияли на мнения союзников, что Монархию необходимо федерализовать предоставлением автономий.

Выступая 5 января 1918 года перед представителями тред-юнионов с речью о целях Британии, Ллойд Джордж высказал благосклонное отношение к этой идее; югославянским народам он пообещал в рамках Монархии автономию, а Сербии и Черногории гарантировал восстановление и возмещение убытков⁶. Почти одновременно, 8 января, президент Вильсон в послании Конгрессу свое отношение к возможностям решения югославянского вопроса определил следующими двумя пунктами: «Народам Австро-Венгрии, место которых среди иных народов мы желаем видеть обеспеченным и гарантированным, будут предоставлены самые широкие возможности для автономного развития»; «Сербию и Черногорию нужно реэвакуировать, оккупированные территории восстановить, Сербии предоставить свободный и надежный выход к морю, а взаимные отношения отдельных балканских государств упорядочить с помощью дружественных договоров по исторически установленным линиям принадлежности и национальности»⁷.

Югославянское движение в рамках Австро-Венгерской монархии не имело сил более серьезно пригрозить дезинтеграцией. Радикальный антисербизм официальной политики несомненно оставил глубокие отпечатки. И выступая за объединение Хорватии, Славонии, Далмации,

⁶ *Građa o stvaranju jugoslovenske države*, tom I, str. 12–14.

⁷ Там же, с. 18.

Боснии и Герцеговины в рамках Венгрии, и требуя триалистического переустройства Монархии, все политические силы заявляли о верности дому Габсбургов. Открытых требований по поводу объединения с Сербией и Черногорией не было. Требования австрофилов Сербии созвать Учредительное собрание, свергнуть правительство на Корфу, сменить династию Карагеоргиевичей и сформировать австрофильское правительство в Белграде, а также настояния династических кругов Черногории заключить сепаратный мир вписывались в вынужденную тактику Вены и Будапешта достичь «победного мира» дипломатическими средствами. Казалось, все подтверждало тезис, что Австро-Венгрия будет великой силой и в будущем⁸.

Кризис в решении югославянского вопроса вызвал неизбежные изменения в политическом сознании главных действующих лиц событий. В предыдущие годы формирование сознания об этническом родстве растворяло Сербию и сербов в югославянской общности, навязывая отказ от своей особенности. С другой стороны, объединение воспринималось как способ избавления от чужой власти Австро-Венгрии. Соответственно, отказ от существующей исторической традиции и от сербской государственности имел смысл, поскольку в перспективе было югославянское объединение. Если же оно не осуществлялось, то возникала потребность, чтобы сербский вопрос решался посредством расширения Сербии за счет областей, которые сербская политическая элита считала своими. С другой стороны, у хорватских политиков, которые входили в Югославянский комитет, чувства национальной особенности и далее были весьма сильны. Сербская внешняя политика в те месяцы, после утраты опоры и поддержки со стороны российской дипломатии, находилась в поисках новой политической концепции. Программы сербского правительства и Югославянского комитета, несмотря на совместную Декларацию, все больше расходились. Общим у них было лишь представление о территории, которую необходимо «собрать» под одной государственной крышей, тогда как взгляды на способы объединения и внутреннего устройства государства все больше разнились и отдалялись.

Никола Пашич специальным Меморандумом от 31 марта 1918 года официально ознакомил союзников с внешнеполитической программой Сербии. В качестве «минимума наших требований» он указал территорию от Скадара (Шкодера) и границы с Грецией, определенной Бу-

⁸ Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 229–243.

харестским мирным договором от 10 августа 1913 года, до Темишвара (Тимишоары), Сегеда, Баи, Целовца (Клагенфурта) и Горицы. Распад Австро-Венгрии он считал предварительным условием мира. Требования, которые Сербия выдвигала Болгарии, претензии на Банат, где необходимо было установить границу с Румынией, территориальные притязания на северную Албанию и вопрос объединения с Черногорией и Воеводиной им определялись как вопросы исключительно Сербии, независимые от остальной части территориальной программы. В соответствии с этой тенденцией, наметившейся еще во второй половине 1916 года, Сербия вошла бы в югославянское государство территориально расширенной и объединенной с территориями, на которых преимущественно сербское население⁹.

А Югославянский комитет пытался укрепить свои дипломатические позиции и получить международное признание как представительство словенцев, хорватов и сербов под властью Австро-Венгрии. С этой целью он опирался на все более акцентируемое утверждение, что Хорватия является наследницей всех территорий Двойной монархии, под которыми подразумевались Хорватия, Славония, Срем, Далмация, Риека, Междумурье, Босния и Герцеговина, Истрия с островами и все словенские земли. Выражая опасение, что возможна аннексия югославянских земель Сербией, Анте Трумбич опровергал исключительное право Сербии в международных отношениях представлять всех югославян, напоминая, что она и по территории, и по численности населения составляет всего третью часть совокупной югославянской нации. У союзников он просил для сербов, хорватов и словенцев статуса союзнического народа, права на разрыв государственных связей с Австро-Венгрией, независимость в соответствии с принципом народности и объединение с Сербией и Черногорией в независимое государство¹⁰.

Самостоятельная политика Югославянского комитета не отвечала интересам сербского правительства. Никола Пашич, по необходимости, ссылаясь на Корфскую декларацию, подчеркивая, что в ней, так же как и в Нишской, Сербия «отождествила свою государственную программу и свои военные задачи с решением юго-славянского вопроса, имея замысел и цель освободить и объединить весь наш трехименный народ». Из этого делался важный пропагандистский вывод:

⁹ *Grada o stvaranju jugoslovenske države*, tom I, str. 151–164.

¹⁰ *Там же*, с. 96–124; D. Janković, M. Mirković, *nav. delo*, str. 351–356.

«Сербия, соответственно, является Югославянским Государством, ее армия – югославянская, и ей как независимому государству принадлежит право официально представлять нашу национальную проблему». Дабы предупредить возможное развитие событий, при котором бы силы Антанты все-таки признали Комитет как правительство югославян под властью Австро-Венгрии, Пашич в начале октября 1918 года просил союзников сделать заявление, в котором бы они «объявили, что считают Сербию союзником с самого начала войны, а вследствие этого – также ее братьев сербо-хорватов и словенцев Австро-Венгрии; что готовы помогать их объединению с Сербией в одно демократическое и свободное государство, как это было (предусмотрено) в Корфской декларации».

Подвергнутый критике союзников, что его политика представляет собой попытку Сербии занять доминантное положение в будущем государстве, Никола Пашич в середине октября 1918 года подчеркнул, «что Сербия считает своим национальным долгом освободить сербов, хорватов и словенцев», не оспаривая их право на самоопределение. А в душе он до конца оставался противником формирования другого центра объединения, считая, что таким образом всем недовольным предоставляется возможность агитировать против Сербии, ее династии, внешней политики, армии, а также способа объединения. Наметившиеся тенденции для него являлись верным признаком того, что вопрос объединения будет решаться в европейских столицах, вероятнее всего – вопреки воле Сербии. Между тем, события на полях сражений и прорыв Солунского фронта предопределяли дальнейшую судьбу объединения, просто-напросто «пресекая» колеблющиеся настроения союзников. Вопрос, является ли Сербия в процессе объединения «освободителем» или «партнером» становился все менее важным¹¹.

Унитаристская, централистская и «пьемонтская» концепция государственного объединения, которую отстаивало правительство Королевства Сербия, имела, помимо Югославянского комитета, и других оппонентов.

Нераздельность идеалов и целей, благодаря которым их можно достичь, была характерна для политиков из Самостоятельной радикальной партии. В их видении будущего сопрягались демократия, социальная справедливость и национальное освобождение. Объединение они считали необходимостью, отмечая, что оно «лучше, нежели прозябание и вымирание в этой тюрьме, которая завтра бы называлась (отчасти)

¹¹ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 251–269.

реставрированной Сербией, навсегда отделенной от остальных частей, которые неизбежно должны были бы повернуться к новому центру». Югославянство ими воспринималось как «*conditio sine qua non* будущего», как «спасительную идею», во имя которой они были готовы на растворение сербства. Сербию они считали «страной миссии», но под этим имели в виду не претензии политических элит на территории и могущество, а для них это была «неосознанно мощная идея и воля всего народа». В военные годы они были противниками концепции объединения, которую радикалы выражали лозунгом: «С Сербией, от Сербии и вокруг Сербии» («*Са Србијом, од Србије и око Србије*»). А в то же время были убеждены, что национальные интересы югославян могут «солидаризироваться с интересами Западной Европы». Они отстаивали принцип демократии, равноправия и самоопределения. Для них объединение было «условием жизни», возможностью, чтобы «атмосфера очистилась и продезинфицировалась», когда откроются «широкие горизонты». Выступая за равноправное объединение, некоторые из них имели в виду федеративное, да и республиканское, устройство будущего государства.

В спорах по поводу централизма, федерализма, самоуправляющихся областей и других форм внутреннего устройства выражалось много полярных мнений. Выдающийся ученый Йован Цвиич выступал за югославскую федерацию американского типа и формирование, со временем, «югославянской цивилизации». Любомир Стоянович придерживался мнения, что необходимо создать федеративную республику, которая бы состояла из Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии в границах прежней бановины, Далмации, Словении, Баната и Бачки. Коста Кумануди и Милан Грол считали, что нужно создать федерацию, которая бы переросла в балканскую. Божидар Маркович определял объединение в свободное и независимое государство как идеал «всего нашего народа», придерживаясь позиции, что сербы, хорваты и словенцы должны быть «в одинаковой степени... державотворными элементами будущего государства». По его мнению, «лишь при сотрудничестве всех, представляющих все края, можно сформировать основательное государство». Югославянская молодежь, в первые военные годы придерживавшаяся линии централизма-унитаризма, в последний год войны склонилась к федеративному решению. Партии социал-демократической ориентации требовали создания «Югославянской федеративной республики». Декларационно это движение стояло на позициях народного единства и самоопределения

народов, желая независимости и государства, устроенного на демократических основах¹².

В то время как на фронтах сохранялось относительное спокойствие, а сербская и югославянская эмиграция вела споры по поводу характера будущего государственного содружества, Сербия жила в голоде, нужде и страхе. Военные власти предприняли некоторые меры по организации производства для военных нужд, прилагая усилия, чтобы на территории Сербии все время сохранялась производственная активность, способность обеспечивать оккупационные войска, а производимые излишки передавались Монархии и шли на обеспечение собственного населения. Чтобы выполнять названные задачи в условиях значительно сократившейся численности населения и рабочей силы, тягового скота, сельскохозяйственных орудий, промышленного оборудования и объемов сырья, оккупационные органы прибегали к террору, все более жестокому, поскольку Монархия сталкивалась со все большими трудностями¹³.

Из-за голода, который зимой и весной 1918 года стал угрожать Вене и другим городам Австро-Венгрии, оккупационные власти в Сербии стали требовать, чтобы в рамках обязательного откупа был поставлен дополнительно миллион квинталов зерна. С этой целью был введен строжайший контроль за объемами урожая как собранного, так и предстоящего. Сельскохозяйственное производство требовалось поднять и непосредственно использовать на нужды оккупатора. Любое «попустительство или небрежение» в контроле за ним строжайше карались. Результатом таких методов работы в течение летних и осенних месяцев 1918 года явилась поставка 11 478 вагонов хлебного зерна, 470 вагонов сушеных продуктов, 42 вагона фасоли, 1 140 вагонов картофеля, 6–7 000 вагонов кукурузы и около миллиона квинталов говяжьего, бараньего и свиного мяса. Оккупационными властями широко эксплуатировались леса и рудные богатства. Из совокупных материальных богатств Сер-

¹² Божидар В. Марковић, *Наше народно уједињење, Унујтрашње уређење Југославије*, Београд 1938, стр. 49–69; М. Радоевић, „О југословенству самосталних радикала“, *Историја 20. века*, бр. 2/1998, стр. 17–30.

¹³ Согласно имеющимся данным, в 1914 году урожай зерновых в Австро-Венгрии составлял 46,5 миллионов квинталов. На следующий год производство снизилось на 24,4 миллиона квинталов или на 52% от прежнего. После открытия фронта в Галиции дефицит зерновых культур в 1916 и 1917 годах составлял приблизительно 37 миллионов квинталов, а в 1918 году – даже 47,5 миллионов квинталов (Д. Милић, *нав. дело*, стр. 9).

бии, которые на начало войны оценивались в 11 миллиардов динаров, за войну было уничтожено, разграблено и реквизировано на сумму около семи миллиардов. Грабеж сельскохозяйственных и остальных продуктов производства прикрывался пропагандистской кампанией: дескать, в этой оккупированной, «пацифицированной» стране жили лучше, чем в государствах, которые вели войну. Этим оправдывалось и уменьшение на 50% квот, предписывавшихся для снабжения местного населения¹⁴.

На сербских территориях, которые оккупировала Болгария, повседневная жизнь была еще тяжелее. Для того, чтобы уменьшить экономические трудности в собственной стране, оккупационные власти не гнушались бесстыдной экономической эксплуатацией и грабежом Сербии. Оба вида этой деятельности подразумевали расправы, вымогательства, шантажи, дополнительные реквизиции, денежные штрафы и присвоение денег в ходе служебных процедур. Расправы сопровождалась убийствами, сжиганием домов, грабежами имущества и скота. Поводом для них чаще всего становилось повстанческое движение в среде, которая подвергалась каре. Грабительства осуществлялись без особых поводов, а сила применялась для отнятия денег, продуктов питания, домашней утвари и другого имущества. Аналогичным видом грабежа являлись также вымогательства, когда оккупанты, злоупотребляя своим положением, использовали ситуации интернирования, пребывания в плену и высоких налогов. Дополнительные реквизиции сельскохозяйственных продуктов продовольствия тоже происходили вследствие произвола и надменности болгарских оккупационных властей¹⁵.

ПРОРЫВ СОЛУНСКОГО ФРОНТА

Согласно военным планам, разработанным в конце 1917 года в Париже, Солунский фронт должен был выполнять преимущественно оборонительную роль. Задействованные там войска имели задачу не допустить вторжения Центральных держав в Грецию. И лишь на втором плане были идеи относительно того, чтобы осуществлять наступательные действия против неприятеля. Для оптимального выполнения оборонительных задач силы были распределены на три части.

¹⁴ Там же, с. 9–17.

¹⁵ Севделин Андрејевић, *Економска њлачка Србије за време Бујарске окупиације*, Србија 1918, стр. 19–33.

Восточный (правый) фланг фронта удерживали британские войска и Первая группа дивизий. На центральной части фронта размещались сербские войска, а западная часть находилась под контролем французов. Основу плана обороны составляла идея, что горный массив в центре фронта, занятый сербскими войсками, должен быть защищен любой ценой, тогда как на флангах линии столкновений было предусмотрено маневрирование в соответствии с ситуацией. Основное предположение, на котором опирался план операции, заключалось в том, что Болгарию невозможно будет вынудить к капитуляции, а Сербию освободить прежде, чем на Западном фронте или на итальянском театре действий произойдет особая, «решающая битва». Эта позиция совпадала с мнениями политических вождей Антанты, что на Балканах не может быть выиграно сражение, которое бы решило исход войны. По этим причинам Солунскому фронту отводилась роль второстепенного театра военных действий¹⁶.

Начало немецкого весеннего наступления полностью изменило отношение к оборонительному характеру и роли Солунского фронта. Инструкцией от 4 апреля 1918 года главнокомандующему, генералу Гийома было предписано, чтобы войска, которыми он командует, усилили вдвое свою активность и «привязали» все вражеские силы на балканском фронте, а также чтобы готовы были «перейти в наступление, если этого потребуют обстоятельства». Противника нужно было постоянно беспокоить, препятствовать его оперативным действиям и нападать на уязвимые цели. В соответствии с данными предписаниями действия оживились. В то же время, поскольку под натиском германского наступления и на Западном театре боевых действий требовалось усиление активности, Франция и Великобритания начали сокращать свои силы на Солунском фронте. А части, переброшенные на Западный фронт, были заменены греческим и итальянским контингентами. Велась и работа по привлечению на свою сторону австро-венгерских пленных сербского и югославянского происхождения, чтобы они в качестве добровольцев вступали в ряды сербской армии или в новые формируемые югославянские части¹⁷.

¹⁶ Сербские части были распределены следующим образом: справа размещалась Вторая армия (Тимокская, Шумадийская и Югославянская дивизии), в средней части и на левом фланге – Первая армия (Дринская, Дунайская и Моравская дивизии) и Прилепский отряд (Л. Џорџ, *нав. дело*, том II, 470; Р. Томас, *нав. дело*, стр. 634–635).

¹⁷ Там же, с. 634–637.

Для самой Сербии ситуация на фронтах была благоприятной. Государства, которые владели ее территорией либо имели притязания на территории, населенные югославянами, были ослаблены в военном, политическом и моральном планах. Переход от оборонительных задач к наступательным действиям предоставил сербскому Верховному командованию возможность самостоятельно планировать операции наступательного характера, конечной целью которых было освобождение отечества. Сербское предложение осуществить прорыв Солунского фронта в направлении между рекой Црна и Арианской горой было принято как самое лучшее и генералом Франше д'Эспере, который незадолго до этого был назначен командующим силами союзников. Упомянутое предложение, между тем, не соответствовало инструкциям, полученным 2 июля 1918 года из Парижа, в которых требовалось, чтобы Восточные армии союзников локальными действиями до осени «разрушили болгарскую оборонительную систему», таким образом для сербских и греческих войск «открыли выход к утраченной территории». Ознакомившись с местностью на театре военных действий, д'Эспере более реальным счел план сербского Верховного командования. В его реализации командующий рассчитывал на военные знания, умения и опыт сербских офицеров, равно как и на высокую нравственность и фанатичный боевой дух солдат. Вместо «приковывания» противника к фронту предпочтение отдавалось «решающему наступлению», которое бы сломило болгарское сопротивление на фронте и открыло перспективу освобождения Сербии. Планировалось, что прорыв начнут две сербские и две французские дивизии, к которым присоединились бы потом еще четыре сербские дивизии, сербская и французская кавалерия. Главный удар нужно было нанести на узком участке, примерно в 12–14 километров, в районе Добро Поле, Ветерник и Козьяк с целью занять линию Кавадарцы – Неготин. Наряду с этим были запланированы удары на Струму и участок на линии Вардар–Дойран. Командование всей операцией д'Эспере поручил воеводе Живоину Мишичу, который, начиная с 20 июня 1918 года, исполнял обязанности начальника штаба сербского Верховного командования. При встрече с воеводой Мишичем в начале июля и в обобщенном плане будущего наступления, который передал несколькими днями позже, д'Эспере ясно указал, что цель наступления – «разгром болгарской армии» и прорыв сербских частей на свою государственную территорию. Он считал очень важным, чтобы у сербских войск на протяжении всей операции прорыва фронта имелась помощь союзнических сил. Между

тем, согласие союзнического командования на это было получено лишь 10 сентября 1918 года¹⁸.

Независимо от расчетов Лондона и Рима подготовка к прорыву Солунского фронта началась в середине июля. Колебаний не было у воеводы Мишича, сербских офицеров и солдат, но также и у генерала д'Эспере. Даже французское правительство после анализа общей ситуации на фронтах пришло к выводу, что наступление на Балканах, с учетом колебаний Болгарии, имеет политическую оправданность. В военном же плане, по оценкам Парижа, усилия союзников будут иметь целесообразность в той степени, в какой их результаты выйдут за локальные рамки. В соответствии с этим Верховный военный совет 29 июля окончательно дал разрешение начать на Солунском фронте наступление. После многодневных уговоров, 4 сентября, правительство в Лондоне тоже дало согласие на начало прорыва фронта, а 9 сентября это сделало и правительство в Риме. На основании полученных согласий генерал д'Эспере принял решение артиллерийскую подготовку всей операции начать 14 сентября 1918 года¹⁹.

Союзнические войска на Солунском фронте располагали 685 026 солдатами: 202 061 француз, 117 344 серба, 183 229 греков, 136 831 британцев, 2 296 албанцев²⁰. Против них воевало примерно 626 000 вражеских солдат. У обеих сторон было по 1 800 пушек, но союзники имели перевес в авиации (200 самолетов к 80). Войска были рассредоточены по фронту длиной в 450 километров.

На основании инструкций, полученных от генерала д'Эспере, воевода Мишич уже 4 сентября от имени регента Александра отдал приказ сербским войскам. Вторая армия имела задачу после совершенного удара на главном и вспомогательном направлениях вырваться на линию Демир Капия – Неготин – Кавадарцы. Задачей Первой армии было отбросить врага через реку Црну и там создать предместное укрепление, а затем совершить прорыв к Прилепу. Было предусмотрено, что в операциях сербским войскам должны оказывать содействие союзнические части. В приказе о наступлении предписывалось после артиллерийской подготовки одновременно совершить мощный удар силами пехоты первой линии Второй армии и левого фланга Первой армии с целью

¹⁸ Там же, с. 637–639.

¹⁹ Там же, с. 640–643; П. Опачић, „Слом Централних сила на балканском ратишту 1918. године. Пробој Солунског фронта“, стр. 286–287.

²⁰ Р. Томас, *nav. delo*, стр. 643.

овладеть стратегическими позициями неприятеля и без остановки совершить как можно более глубокий прорыв за линии его обороны.

Для всего плана операции важное значение имел темп наступления. По замыслу планировавших ее, продвижение без передышки, до последних сил солдат, было необходимо для того, чтобы вызвать панику и «дезинтеграцию неприятеля», исключая возможность его консолидирования и контрудара. В тактическом плане вся операция основывалась на перевесе союзнической артиллерии, но расчет делался также и на более высокую степень снаряженности, снабжения и физической готовности боевого состава. На линии прорыва фронта, где были сосредоточены сербские войска, имелся трехкратный перевес в численности батальонов, пулеметов и самолетов, четырехкратный – по артиллерийским орудиям. Действия союзнических восточных армий поэтому должны были зависеть от успехов, которых на фронте достигнет сербская армия. Задачей англо-французско-греческих войск, после прорыва фронта и выхода сербских частей на линию Неготин – Кавадарцы, было совершить прорыв к Вардару с целью овладения ключевыми транспортными путями, которые проходили по его долине²¹. Планировавшие операцию рассчитывали на кризис, охвативший болгарские войска после решения германского верховного командования находящиеся в его распоряжении силы перебросить на Западный фронт. У болгарских войск, прибывших с Румынского фронта, не было надлежащего боевого духа. Изнуренные боями, придавленные нуждой, поколебленные революционными идеями и знающие о германских поражениях по информации как союзников, так и немецких разведывательных служб, они теряли желание воевать дальше.

Сосредоточение войск и вооружений, как и вообще подготовка союзнических армий к наступательным действиям, не остались незамеченными для болгарского и германского военного командования. По их оценкам, нападения следовало ожидать в районе Доброго Поля. Болгарская сторона недооценила силы удара, считая, что вся операция будет иметь локальное значение. Немецкие же офицеры излишне понадеялись на отпор болгарских войск. Несмотря на отсутствие оборудованных тыловых позиций и достаточного оперативного резерва, они все-таки считали, что линия фронта не будет прорвана. А вот австрийские военные власти в Сербии замечали все более выражавшуюся враждебность сербского народа. По их мнению, с которым были ознакомлены Вена и

²¹ Там же, с. 642–643.

Берлин, в случае возможного успеха союзников и прорыва Солунского фронта необходимо было учитывать вероятность восстания сербов, что бы дополнительно осложнило общую ситуацию для Центральных держав. Между тем, учитывая предстоящее наступление на Итальянском фронте, Австро-Венгрия больше не имела сил и возможностей военными средствами защитить оказывающиеся под угрозой позиции на Балканах, на которых именно поэтому применяла жестокий террор.

Прорыв фронта начался мощной артиллерийской атакой 14 сентября 1918 года. На следующий день, 15 сентября, французы и сербы атаковали болгарские позиции у Доброго Поля и прорвали линию обороны. Пойдя в наступление вдоль всех своих линий, союзники вынудили болгар ускоренно, почти панически, отступать и сдаваться. Решающую роль в этих операциях сыграли сербские войска, которые в конце сентября пробились к границе Болгарии. Оказавшись рассеянными, болгарские войска еще раз пустились в безоглядный грабег областей, которые держали под оккупацией. При ускоренной военной развязке генерал Франше д'Эспере 29 сентября 1918 года заключил перемирие с Болгарией, которым она была «выведена из войны»²².

Устремляясь дальше, сербские войска держали направление на Сербию. В постоянных боях, неудержимо атакуя, пехота их продвигалась настолько быстро, что за ней едва поспевала французская кавалерия. Попытки германского Верховного командования любыми способами остановить прорыв сербских армий остались безрезультатными. Не помогла и переброска дополнительных воинских формирований с других театров действий²³. Вся Сербия «закипела», и оккупационные войска столкнулись с нарастающим сопротивлением, которое оказывало население, с возобновившимся повстанческим движением. Вследствие этого частям на местах был дан приказ взять 2% мужского населения в качестве заложников, которые бы своими жизнями гарантировали, что в их краях не будет нападений повстанцев. Германские офицеры в сообщениях с фронта отмечали, что сербские войска, если не будут остановлены, в самые короткие сроки создадут угрозу грани-

²² О наступательных операциях сербских войск на Солунском фронте, битве на Добром Поле, прорыве фронта, выходе српских частей на Вардар, маневре в бассейне Брегалницы, взятие Царева Села подробнее см.: *Велики рат Србије*, кн. 27, Београд 1936. и *Велики рат Србије*, кн. 28, Београд 1937.

²³ Из Бельгии переброшен баварский Альпийский корпус. На сербском театре боевых действий дислоцировались также 53 корпус, 219, 217 и 224 пехотные дивизии. Наряду с немецкими, были подтянуты 9, 30 и 59 австро-венгерские дивизии.

цам Австро-Венгрии, что и произошло. Сербские войска 24 сентября освободили Скопье. Первая сербская армия разбила немецкие дивизии у Ниша и освободила город 12 октября. Наконец, 1 ноября 1918, после трех лет оккупации был освобожден Белград. Всего за семь недель сербские войска преодолели более 700 километров²⁴.

Считая, что необходимо использовать социальные волнения и национальные движения, которые охватили Австро-Венгрию, Верховное командование приказало, чтобы сербские части форсировали пограничные реки – Дрину, Саву и Дунай – и заняли области, населенные сербами, хорватами и словенцами. Переправа началась 4 ноября 1918 года, а затем сербские войска вошли в важные города: Нови Сад, Сараево, Загреб, Риеку... Настроение народа в Воеводине наилучшим образом выразил заместитель председателя Сербского народного комитета города Нови Сад доктор Игњат Павлас, который 9 ноября приветствовал сербскую армию следующими словами: «... Герои сербские, славные соколы, опора наша! Отворяются врата темниц, первые солнечные лучи озарили нас, мы открыли глаза и увидели освобождение свое. Слетают оковы, забились сердца, текут слезы и гулко разносится: «Мы свободны!». Мы дождались часа, чтобы раскинуть скованные прежде руки, крепко вас обнять этими руками и с высоким воодушевлением прокричать всем: «Никто нас больше не разлучит, никто нас больше не смеет разлучить!» Пришли к нам вы, герои наши! Счастье наше! Вы оставили дома свои, оставили прекрасные долины и горы свои, оставили все, что вам мило и дорого, и пришли нас освободить, ибо понимали тяжкие вздохи наши»²⁵.

В большинстве городов на улицах настроения собиравшегося народа были аналогичными. Люблян у заняли освобожденные сербские военнопленные. Австро-Венгрия была в полном развале²⁶.

---

²⁴ Об операциях сербских войск по вступлению на территорию Сербии, о взятии Ниша, операциях за Белград, переправу сербских армий через Саву и Дунай, выход к демаркационным линиям подробнее см.: *Велики рай Србије*, кн. 29, Београд 1937; *Велики рай Србије*, кн. 30, Београд 1937; *Велики рай Србије*, кн. 31, Београд 1939.

²⁵ Цит. по: В. Ђ. Крестић, *Срби у Ујарској 1790–1918*, стр. 490–491.

²⁶ *Велики рай Србије*, кн. 31, 1939.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЮГОСЛАВЯНСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Укрепление германско-австро-венгерского взаимодействия, которое проявилось в середине марта 1918 года, повлияло на большие союзнические силы, чтобы они окончательно отказались от идеи о сепаратном мире и политическом решении войны. Это было подходящим моментом для реализации программы югославянского объединения, которая имела свои балканский, средиземноморский и средневропейский масштабы, самым непосредственным образом влияя на структуру будущей Европы, послевоенное соотношение сил и окончательное решение Восточного вопроса. Никола Пашич в Меморандуме, врученном Правительству США, подчеркивал заслуги «нашего элемента» в предотвращении немецкого прорыва на Восток, говорил о демократических потенциалах Сербии, просил права на самоопределение для народов Австро-Венгрии. По сути, он ставил вопрос о формальном признании права на самоопределение для югославянских народов Австро-Венгрии и просил согласия на государственную программу объединения, предложенную Сербией¹. Декларация правительства США от 29 мая 1918 года, в которой отмечалось, что оно «питает искренние симпатии» к национальным устремлениям югославян, была предзнаменованием, что союзники возьмут на себя часть обязательств по решению национального вопроса на территории Австро-Венгерской монархии².

Английская дипломатия была против того, чтобы осуществлять Пашичеву концепцию объединения, в то время как официальная Франция проявляла неприятную сдержанность. Однако развитие событий на фронтах значительно повлияло на то, что к началу октября все великие державы согласились на объединение сербов, хорватов и словенцев в

---

¹ *Građa o stvaranju jugoslovenske države*, tom I, str. 196–198.

² *Там же*, с. 203.

одно независимое и свободное государство. С их точки зрения, новое государство должно было выполнять функцию «мирового противогерманского барьера». Революционные перемены в России все-таки сделали невозможным, чтобы, помимо Королевства Сербии, этому на Балканах оказывала поддержку и Россия. После выхода России из войны исчезала и потребность сохранения Австро-Венгрии, которая в этой части Европы выступала как противовес ей.

Прорыв Солунского фронта и наступательные действия сербских войск в течение сентября-октября самым непосредственным образом повлияли на конечный исход войны. Военные победы привели к тому, что программа, предлагавшаяся Николой Пашичем с самого начала войны, оказалась навязанной остальным силам, от которых зависело объединение. На завершающей стадии формирования государства югославян ключевую политическую роль сыграли сербские войска, став самым выдающимся фактором объединения. С прибытием воинских частей на югославянскую территорию объединение превращалось в народное движение широких масштабов. Сербские военные победы в большой мере обеспечили реализацию государственной программы объединения³.

Процесс формирования центрального представительского органа югославянских земель Австро-Венгрии, который вел к созданию государства внутри или вне рамок Монархии, был начат в марте, а завершен 8 октября 1918 года образованием Народного вече словенцев, хорватов и сербов. Фундаментом политической программы его было «объединение всех словенцев, хорватов и сербов в народное, свободное и независимое государство словенцев, хорватов и сербов, основанное на демократических принципах». Являлся он политическим представительским органом всех словенцев, хорватов и сербов, которые проживают в «Хорватии-Славонии с Риекой, в Далмации, Боснии-Герцеговине, Истрии, Трсте, Крањской, Горичкой, Штайерской, Корушкой, Бачке, Банате, Баранье, Меджумурье и в остальных краях юго-западной Венгрии». Основанное по территориальному принципу, Народное вече вначале не имело никакой власти, а было только политическим органом, который стремился синхронизировать политические действия в тот момент, когда судьба этих территорий решалась «на поле

³ М. Bjelajac, *Vojska Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1918–1921*, Beograd, 1988, str. 17–46; V. Strugar, „Vojna zaštita jugoslovenskih zemalja u danima ujedinjenja 1918. godine“, *Vojnoistorijski glasnik*, br. 3/1991, str. 11–73.

мировой политики»⁴. Через десять дней после образования, 19 октября 1918 года, Народное вече взяло в свои руки ведение национальной политики, в особенности акцентируя, что «отныне по национальным вопросам никакая партия, ни группа, ни парламентское собрание не будут вообще вести никакой особой политики, ни вступать отдельно в переговоры с факторами помимо народа»⁵.

Военный крах Центральных держав и распад Австро-Венгрии побудили представителей Хорватского собора 29 октября 1918 года в соответствии с принципами, утвержденными Народным вечем, заявить следующее: «Все прежние государственно-правовые отношения и связи между Королевством Хорватии, Славонии и Далмации с одной стороны и Королевством Венгерским и Империей Австрийской с другой стороны прекращаются... Аннулируется, соответственно, и недействительным объявляется сам по себе хорватско-венгерский договор... Хорватия, Славония с Риекой провозглашаются полностью независимым от Венгрии и Австрии государством и в соответствии с современным принципом национальности, а также на основании национального единства словенцев, хорватов и сербов, присоединяется к совместному национальному суверенному государству Словенцев, Хорватов и Сербов на всей этнографической территории этого народа, невзирая ни на какие территориальные и государственные границы». Относительно формы правления и внутреннего устройства государства решения должно было принять Учредительное собрание⁶.

Государство с первого дня своего существования, после того, как Народное вече обратилось к войскам, формально, хотя и не в самом деле, имело свои вооруженные силы. Вскоре были созданы областные народные веча, своеобразные народные комитеты Хорватии, Славонии, Боснии и Герцеговины, Далмации, Воеводины. Пропорционально своему влиянию в них были представлены все политические партии. Новое государство, по сути, было основано на федеративном принципе, а такую идею утвердило югославянское движение Австро-Венгрии. Хорватско-сербская коалиция, которую возглавлял Светозар Прибичевич, выступала за унитарное и централистски устроенное государство. Между тем, судьбу Государства СХС предрешили

⁴ *Građa o stvaranju jugoslovenske države*, tom II, str. 338–343; B. Krizman, *Hrvatska u Prvom svetskom ratu. Hrvatsko-srpski politički odnosi*, Beograd, 1989, str. 245–298.

⁵ *Građa o stvaranju jugoslovenske države*, tom II, str. 373–375.

⁶ *Там же*, с. 387–417; F. Šišić, *nav. delo*, str. 171–176, 189–217.

требования Далматинского правительства и Главного комитета Народного веча Боснии и Герцеговины о том, что объединение с Сербией и Черногорией необходимо осуществить как можно скорее. Уже 3 ноября Президиум Народного веча СХС известил правительства стран Антанты, Югославянский комитет и сербское правительство, «что государство словенцев, хорватов и сербов (югославян) вступает в единое государство с Сербией и Черногорией, и государство это по национальному принципу будет распространяться на всю этнографическую территорию народа словенцев, хорватов и сербов». Новый государственно-правовой субъект окончательно вытеснил функции Югославянского комитета и дезавуировал политику, которая велась до того момента. Но Государство Словенцев, Хорватов и Сербов не было международно признано⁷.

Конференция представителей сербского правительства, Югославянского комитета, Народного веча СХС и сербской оппозиции проходила в Женеве с 6 по 9 ноября 1918 года в очень сложных международных и внутривнутриполитических условиях. Декларация, принятая 9 ноября, констатировала «объединение в Государство Сербов, Хорватов и Словенцев», которое составляли Сербия и Государство СХС, тогда как для Черногории были «раскрыты наши братские объятия» и предоставлено самой решать, присоединяться или нет. Новое государство должно представлять общее министерство сербов, хорватов и словенцев, однако его поле деятельности, методы и цели не были окончательно определены. Шестичленное министерство по преимуществу должно было заниматься делами внешней политики и подготовить Учредительное собрание. Правительство Королевства Сербии и Народное вече СХС продолжали «исполнять функции каждый на своем внутреннем правовом и территориальном поле деятельности» до того момента, когда Конституанта (Учредительное собрание), избранная общим, равным, прямым и тайным голосованием всех граждан, «Конституцией утвердит окончательное устройство государства»⁸.

Несомненно, что в Женеве взяла вверх точка зрения, которой придерживались представители Югославянского комитета и Народного веча

⁷ B. Petranović, M. Zečević, *Jugoslavija 1918–1988*, str. 97–114.

⁸ F. Šišić, *nav. delo*, str. 236–241; B. Petranović, M. Zečević, *Jugoslavija 1918–1988*, str. 115–121; Д. Јанковић, „Женевска конференција о стварању југословенске заједнице 1918. године“, *Историја XX века*, V, 1963, стр. 225–260; Ђ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 274–277.

СХС. В государственно-правовом плане получалось сложное сообщество конфедеративного, дуалистического вида. Характер женевских договоренностей недвусмысленно показывал, что планировавшаяся общность в таком виде представляла на договорных началах устанавливающиеся правовые отношения, при которых обе стороны (государства) сохраняют свойства государственности. Правовые субъекты не были готовы отказаться от возможности и впредь сохранять собственный правовой статус и положение. Будущее сообщество, таким образом, задумывалось как результат согласования воли его членов. А легитимность таким процедурным действиям придавала догма о тысячелетнем континуитете «хорватской государственности» и ее исторических правах. Предоставляя Учредительному собранию, чтобы оно «определило окончательно устройство государства», Декларация косвенно ставила под вопрос монархическую форму правления и положение династии Карагеоргиевичей⁹.

Реальные исторические обстоятельства – крах Центральных держав, распад Австро-Венгерской монархии, притязания Италии, капитуляция Болгарии и Турции, освобождение Сербии, политическое и дипломатическое давление союзников, – повлияли на то, чтобы женевские договоренности были в скором времени отклонены. Определяя их как проявления конфедерализма, идеологических пережитков габсбургских времен, угрозу монархии и династии Карагеоргиевичей, женевские договоренности отвергли ключевые министры сербского правительства, а затем отставки министров и кризис правительства фактически аннулировали их. Вето на документ наложил и регент Александр Карагеоргиевич. Против Декларации 23 ноября 1918 косвенно высказался также Президиум Народного веча СХС. Оспорив право своих представителей «самим по себе» заключать соглашения с «властями Антанты от имени Народного веча», он, по сути, сделал невозможным любое отлагательство централистского и унитаристского способа объединения или ему препятствование¹⁰.

В течение двух недель после неудачного собрания в Женеве отношения правительства Королевства Сербии и Народного веча СХС были крайне неопределенными, обусловленными недоверием и разочарованием. Однако военные и пропагандистские действия Италии, а также общее состояние анархии, которое охватило территорию Австро-Венгрии в дни ее распада, не позволяли медлить. Ультиматум Краевого

⁹ Там же.

¹⁰ *Građa o stvaranju jugoslovenske države*, tom II, str. 640–642.

правительства Далмации от 16 ноября 1918 года, в котором от Народного вече СХС требовалось, чтобы оно в течение пяти дней провозгласило объединение с Сербией и сформировало общие органы власти во главе с регентом Александром, несколько изменил существующую ситуацию. Результатом самой решительной работы стало предложение Комитета семерых Народного вече СХС, которое в виде «Напутствия» (*Напућка*) рекомендовалось отправить в Белград. Решением от 24 ноября 1918 года Народное вече СХС создало комитет из 28 членов «со всеми полномочиями, чтобы он в согласии с правительством Королевства Сербии и представителями всех партий Сербии и Черногории без отлагательств осуществлял создание единого государства соответственно предложенным напутствиям...» Суть предложения семерых заключалась в отстаивании позиции, касающейся объединения Государства словенцев, хорватов и сербов с Королевством Сербией и Черногорией в единое Государство Сербов, Хорватов и Словенцев. Уже с этой позиции начался отход от Женевской декларации, в которой предусматривалось параллельное существование двух самостоятельных и отдельных государств – Королевства Сербии и Государства СХС, вплоть до момента, когда Учредительное собрание примет общую конституцию. В то же время и это решение отражало «правовой характер» сообщества, которое создается на основании договора, имея элементы «делегированной компетенции»¹¹.

Согласно «напутствиям» Народного вече от 24 ноября 1918 года, Государство СХС и Королевство Сербии «сливались» в единое государство, в котором Учредительное собрание должно было решать вопрос внутреннего устройства. Условия, которые ставились «напутствиями», во многом отличались от положений сербской государственной программы объединения. В «напутствиях» указывалось, что «окончательную организацию нового государства может определить только всеобщее народное Учредительное собрание». Было предусмотрено, что оно будет организовано самое позднее в течение шести месяцев после заключения мира и большинством в две трети голосов будут утверждены конституция, государственная форма правления (монархия или республика), внутреннее устройство государства, основные права граждан и прочее. До созыва Учредительного собрания государственную власть временно должно было осуществлять Государственное вече, состоящее из представителей Народного вече и Югославянского комитета, пропорционального числа представителей Королевства Сербия и Королевства

¹¹ Там же.

Черногория. Его обязанностью было определить избирательные правила, провести выборы в Учредительное собрание и тотчас же созвать избранную Конституанту. Государственными делами должно было управлять правительство, состоящее из председателя, министров по всем отраслям государственного управления и семи государственных секретарей с задачами отстаивать в правительстве интересы тех исторических областей, которые они будут представлять (Сербия, Хорватия и Славония, Босния и Герцеговина, Словения, Далмация, Черногория и Бачка, Банат и Баранья). Государственному вечу были поручены только «внешние, военные, морские дела, государственные финансы, почта и телеграф». Все остальные дела сферы государственного управления должны были осуществлять областные правительства «в автономном круге полномочий по указаниям и под наблюдением государственного правительства». Надзор за деятельностью автономными областными правительствами должны были осуществлять областные соборы, а монархическая власть короля Сербии, то есть регента Александра Карагеоргиевича, до созыва Учредительного собрания несла ответственность перед Государственным вечем. В обязанность монарху, помимо прочего, по принципам парламентской монархии, вменялось назначить правительство, которое бы пользовалось доверием Государственного веча. Он также, по предложению краевых соборов, назначал председателей краевых правительств. Делегаты Народного веча направились в Белград 27 ноября 1918 года, но развитие политической ситуации вскоре сделало бессмысленным содержание «напутствий»¹².

Позиции, непримиримо противостоящие в вопросах насчет объединения и внутреннего устройства совместного государства – что с особенной остротой проявилось в Женеве, – вынудили сербское правительство провести более активную работу в Воеводине, Среме, Боснии и Герцеговине, Далмации и Черногории, разъясняя суть объединения с Сербией еще до официальных решений Народного веча в Загребе, которое формально представляло большинство этих краев. Такие намерения сербского правительства совпадали с широким народным движением за объединение, которое свои политические настроения выразило в ряде краевых и локальных соборных решений.

В Воеводине перед объединением существовало два противоположных гражданских политических течения, которые вели между собой споры относительно способа вхождения в совместное государство.

¹² Там же.

Группа политиков, большинство которой составляли демократы во главе с Тихомиром Остоичем, еще в октябре 1918 года выразила свою солидарность с Народным вечем и потребовала, чтобы в него вошли также сербские и хорватские представители южной части Венгрии. Эта политическая группировка в течение ноября решительно настаивала на том, что объединение Воеводины с Сербией должно происходить через Загреб путем объединения, которое осуществляет Государство Словенцев, Хорватов и Сербов. Второй полюс политической жизни, окончательно сформировавшийся в октябре 1918 года, составляли воеводинские радикалы, сплотившиеся вокруг Яши Томича и считавшие, что объединение Сербии и Воеводины должно происходить непосредственно и безоговорочно. Политическая дилемма, поддерживает ли Воеводина, как югославянская область, через своих представителей в Народном вече его концепцию югославянской национальной политики с сомнительной перспективой, или же все-таки напрямую присоединится к Сербии и через нее вступит в новое государство, была разрешена на Великой народной скупщине Воеводины, состоявшейся 25 ноября 1918 года в Новом Саде. Ее созыв подготовил Сербский народный комитет Нового Сада, собрав представителей почти всех политических партий и групп из разных районов Воеводины. Ключевое решение Великой народной скупщины Воеводины гласило: «Присоединяемся к Королевству Сербия, которая своими прежними делами и развитием обеспечивает свободу, равноправие, процветание по всем направлениям не только нам, но и всем славянским, да и неславянским народам, которые вместе с нами живут». За этим стояло намерение «помочь устремлениям всех Югославян, так как наше искреннее желание – пусть сербское правительство, объединенное с Народным вечем Загреба, сделает все, чтобы прийти к сознанию единого Государства Сербов, Хорватов и Словенцев под водительством короля Петра и его династии». В целях создания единого государства Скупщина предоставляла в распоряжение Народного веча и сербского правительства по два своих члена. Несербским и неславянским народам были гарантированы все права национальных меньшинств и высказывалось требование того же для югославянских национальных меньшинств, остающихся вне границ нового государства. Скупщина направила просьбу правительству «братской Сербии», чтобы на конгрессе при заключении мира оно представляло интересы Воеводины¹³.

¹³ Лазар Ракић, *Јаша Томић (1856–1922)*, Н. Сад, 1986; L. Rakić, „O ulasku Vojvodine u zajedničku jugoslovensku državu 1918. godine“, ЈИЏ, 1–4, 1989, str. 121–125; Ranko Končar,

В отличие от Баната, Бачки и Бараньи, которые присоединились к Королевству Сербия по решению Великой народной скупщины, Срем в югославянское государство вошел как часть Хорватии. Сход делегатов народных собраний Срема, состоявшийся 24 ноября 1918 года в Руме, высказался за единое и демократически устроенное Государство сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей, требуя, чтобы Народное вече как можно скорее сформировало «единое совместное правительство нового югославянского государства». В противном случае представители Срема готовы были принять решение о «непосредственном присоединении» к Королевству Сербия¹⁴.

Вопрос объединения Сербии и Черногории решила единогласным решением 160 депутатов Великая народная скупщина в Подгорице, состоявшаяся 26 ноября 1918 года. Основываясь на принципе самоопределения народа, Скупщина особо отметила, что «сербский народ Черногории един по крови, един по языку и един по устремлениям, един по вере и обычаям с народом, который живет в Сербии и других сербских краях; общее у них славное прошлое, которым они воодушевляются, общие идеалы, общие народные герои, общие страдания – общее все то, что народ делает народом». Наряду с национальными причинами было подчеркнуто также, что и экономические интересы Черногории «неразрывно связаны с Сербией и остальными сербскими краями. Отдельно от них, при этом являясь из-за характера почв самым бедным краем, вероятно, во всем мире, она бы не имела бы никаких условий для самостоятельного существования, а была бы изначально обречена на смерть». На основании всего указанного Скупщина приняла решение: «что король Никола I Петрович и его династия свергается с черногорского престола; что Черногория с братской Сербией объединяются в одно единое государство под династией Карагеоргиевичей и таким образом объединенная вступает в общее Отечество нашего трехплеменного народа Сербов, Хорватов и Словенцев; что избирается Исполнительный народный комитет из 5 человек, который будет управлять делами, пока объединение Сербии и Черногории не будет доведено до конца». Решения Подгорицкой Скупщины означали победу

Opozicione partije i autonomija Vojvodine 1929–1941, Novi Sad, 1995, str. 15–23; Ч. Попов, Ј. Попов, *Аутономија Војводине. Српско ишћање*, Сремски Карловци, 1993, стр. 18–19; В. Ђ. Крстић, *Срби у Ујарској 1790–1918*, стр. 491–497.

¹⁴ Ч. Попов, Ј. Попов, *Аутономија Војводине. Српско ишћање*, стр. 19; М. Radojević, „Srpsko-hrvatski spor oko Vojvodine 1918–1941“, *Istorija 20. veka*, br. 2/1996, str. 40–41.

унионистского движения. Убеждение, что черногорцы – это сербы, «не создавало никакой проблемы черногорцев и Черногории вне государственно-правового и общественного контекста сербов и Сербии»¹⁵.

Делегация Народного веча СХС и правительство Королевства Сербии начали в Белграде в последние дни ноября 1918 года переговоры по поводу окончательной формы и способа объединения. Соглашение не могло быть достигнуто при полном соблюдении того, что было изложено в «напутствиях». Делегация СХС отказалась от многих требований, но не от позиции, связанной с тем, что до созыва Учредительного собрания под контролем центрального правительства останутся «бывшие до сих пор автономными административные органы». В результате переговоров достигнуто согласие, что сам акт объединения будет осуществлен посредством оглашения Адреса Народного веча СХС и прокламации регента Александра на этот акт.

В Адресе указывались основные элементы и их свойства, на основании которых состоялось учреждение государства – победа в войне как предпосылка «для свершения великого дела объединения», переворот и временное учреждение независимого национального государства, идея народного единства, принцип демократии, отождествляемый с правом народов решать свои судьбы, желание объединиться в единое национальное государство, «неразрывную этнографическую территорию», которую необходимо обозначить границами. Адрес определял, что монаршую власть на всей территории государства осуществляет монарший дом Карагеоргиевичей; им предусматривалось формирование единого парламентского правительства, предлагалось на основании договоренностей создать временное народное представительство, оставался принцип конституционности и парламентской ответственности, выражался протест против тайного Лондонского соглашения, а от короля и регента требовалась защита этнографических границ. Сохранившееся в Адресе требование насчет автономий было единственным следом, который в государственно-правовых актах оставила борьба за федерализм на протяжении Первой мировой войны¹⁶.

Регент Александр Карагеоргиевич в своем слове провозгласил объединение Сербии с «землями независимого Государства Словенцев, Хорватов и Сербов, а не с Государством СХС. Он полностью принял все указанное в Адресе, обязуясь, что и он, и его правительство будет

¹⁵ *Građa o stvaranju jugoslovenske države*, tom II, str. 655–658.

¹⁶ Там же, с. 673–676.

«со всем тем, что представляет Сербию и народ, всегда и везде руководствоваться лишь глубокой неомраченной любовью братского сердца к каждому интересу, ко всем святыням» всех граждан Королевства. Он напомнил, что желает быть королем «только свободных граждан Государства Сербов, Хорватов и Словенцев», соблюдая верность «великим конституционным, парламентарным и широко демократичным принципам, которые основаны на всеобщем праве голоса». Он просил о сотрудничестве всех значимых политических сил в формировании правительства, которое будет представлять «всю объединенную отчизну», отмечая, что его первой задачей будет борьба за этнографические границы «всего нашего народа»¹⁷.

Упомянутые заявления в качестве элементов важного «конституционного акта» представляли собой основу государственно-правового провизориума в новообразованном совместном государстве. Акты от 1 декабря 1918 года не были представлены на ратификацию Народному вечу СХС. Его президиум двумя днями позднее ознакомил народ с содержанием актов и одновременно объявил, «что функция Народного веча как верховной суверенной власти государства СХС прекратилась»¹⁸.

Народная скупщина Королевства Сербия 29 декабря «единогласно одобрительно проголосовала за объединение Сербов, Хорватов и Словенцев в одно государство». Этому действию предшествовало больше политических шагов, которые свидетельствовали об уменьшении значимости высшего представительского органа Сербии, несоблюдении процедур, невнимании к позициям и воле легитимно избранных его членов. До того как Скупщина подтвердила объединение, 20 декабря, было сформировано первое совместное правительство нового государства, а 22 декабря 1918 года утверждено его официальное название, определены флаг и герб.

Осуществление военных целей Королевства Сербия, провозглашенных Нишской декларацией, и создание объединенного государства сербов, хорватов и словенцев явилось великой победой сербского народа. Начатое Первым сербским восстанием дело национального освобождения и устремление собрать воедино «неосвобожденных братьев» доведено до конца. Однако чувство национальной гордости сопровождалось осознанием жертв, человеческих и материальных. Воспоминания были болезненными, картины потрясающими, а цифры пугающими.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 683.

В сражениях, которые велись в 1914–1918 годах, при отступлении через Албанию и на Солунском фронте, Сербия, по существующим оценкам, потеряла 370 000 солдат. Около 114 000 инвалидов напоминало о масштабах страданий. Жизнь под оккупацией, голод, болезни, интернирования и лагеря для военнопленных отняли 630 000 жизней. Более полумиллиона детей осталось без кормильцев. Поля оставались необработанными, сельскохозяйственные машины были уничтожены или увезены, а скот гиб. В целом, у 544 предприятий уничтожено 57% станков и иного оборудования. Общий материальный ущерб Сербии, Македонии, Косово и Метохии оценивался в сумме от семи до десяти миллиардов золотых франков. Несмотря на военную победу, мир вместо спокойствия принес новые беды.

С точки зрения сербской политической и интеллектуальной элиты, акт объединения воспринимался не как отказ от государственности Сербии, а рассматривался как важный момент перерастания страны в новое государство, в котором лишь начинаются поиски исторических решений совместной жизни всех объединенных национальных и государственных субъектов. В конце войны, в 1918 году, казалось, что Сербии удалось преодолеть свою историческую обособленность и посредством югославянской программы включиться в большую государственную общность. В новом государстве сербские политические и интеллектуальные элиты видели жизненные интересы сербского народа, охотно принимая югославское государство как свое. При большом грузе прошлого, из которого выпирали региональные интересы, несходства исторического и государственного опыта, нетерпимость к иным вероисповеданиям, экономические культурные и цивилизационные различия, для Сербии тогда началась новая история. Сербский народ в нее включили уже старые и усталые политики, сформировавшиеся на политических концепциях, которые принадлежали XIX веку.

Сербия явилась самым значительным фактором объединения, но не единственным. Она в войну вступила ради самообороны, хотя вскоре поняла, что забота о целостности сербского государства является неотъемлемой частью стремления защитить сербское этническое пространство и территории, населенные другими югославянскими народами. В кругах сербского правительства разрабатывалась государственная программа, которая сочетала и по значимости уравнивала «освобождение очага» и объединение с «неосвобожденными братьями» – словенцами, хорватами и сербами с территории Габсбургской монархии. Правительство Королевства Сербии в своей государственной

программе первым определило югославянское этническое пространство, которое в течение военных лет делилось и уступалось другим участникам войны, служа средством подкупа военных союзников. За основу Сербия приняла идею о «едином», «трехименном» народе – национализм, который был легитимной нормой эпохи, когда на руинах великих империй возникали национальные государства.

В фундамент нового государства была заложена вся история Сербии, полная самопожертвования и сознательной борьбы за национальные и гражданские свободы. Престиж демократической Сербии являлся политическим капиталом, с которым Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев начало свою жизнь.

Объединение, осуществленное 1 декабря 1918 года, не было случайностью истории. Готовясь к XX веку, сербская политическая элита объединение в единое государство «этнически единого, а политически разделенного народа» считала императивом времени. Никола Пашич уже в восьмидесятые годы XIX века в качестве одной из основных задач Сербии на следующие десятилетия называл то, чтобы «образованием, благосостоянием и свободами своими в стране развивать добродетели гражданские и человеческие, да чтобы свобода и благосостояние в стране сделали любимой для граждан их отчизну, а в то же время приносили пользу как сербам, так и остальным тем народам, которые стремятся к объединению с нами». Иными словами, борьба за свободное, конституционное и парламентское государство была одновременно и стремлением, чтобы Сербия стала «Пьемонтом всего сербства»¹⁹.

Самосознание, обусловленное особенностями сербского государства, воспитывалось параллельно с чувством потребности жить в расширенной общности. И это было не только желание раздробленного сербства и подъяремного славянства объединиться, не только стремление молодого гражданского общества обеспечить рынки и выстоять, не только старание сербских политических элит, чтобы их государство вышло за пределы закрытого «балканского котла», в котором оно оказалось после 1878 года, не только мечта югославянских интеллектуалов, идеалистов и фантазеров, которые лелеяли представления о югославянском духовном единстве. Дело было в экзистенциальной необходимости. Становилось очевидным, что «малые государства не могут выдержать борьбы за выживание в конкуренции экономической, политической и культурной», что развитие «с промышленным производством и

¹⁹ Đ. Stanković, *Nikola Pašić, saveznici i stvaranje Jugoslavije*, str. 26.

железнодорожным сообщением затирает малые государства и малые народности», что грозящей гибели малые народы могут избежать только «группированием и особенно собиранием родственных племен в одно сильное государство», что будущность имеют лишь большие и мощные государства. При неизменно выражаемой готовности защищать и сохранять независимость государства любой ценой, именно уверенность, что объединение в большое сообщество обеспечит будущее, стала одной из составляющих государственной и политической мысли. Так выразилась сущность той эпохи и последствий национального раскрепощения, и эти два чувства «не были взаимоисключающими»²⁰.

Сербия в новое образование вложила государственность и традицию, за него в войне пожертвовала более четверти всего населения, определила и дипломатически представила программу югославского объединения, с помощью армии сохранила югославянское пространство от дробления на куски. Она в итоге войны оказалась в стане победителей, тем самым и для остальных югославянских народов предоставляя возможность посредством создания нового югославянского государства покинуть сторону побежденных и, практически без жертв, присоединиться к победителям.

Для создания нового государства необходима была и определенно выражаемая в последние месяцы войны воля государств-победителей, чтобы Австро-Венгрия исчезла с политической карты Европы. Новообразованное государство после завершения войны получило ясно определенные задачи и свою функцию в мире, возникшем на руинах великих империй. Оно должно было стать «стеной», не позволяющей возобновиться германской опасности и служащей «санитарным кордоном», который будет препятствовать «разливу» революционных идей Октябрьской революции; оно должно было быть представителем сил победителей на Балканах, защитником мирного порядка, установленного в итоге войны и одним из столпов системы, принятой на Конференции мира в Версале²¹.

Наконец, важной была и воля югославянских деятелей, согласившихся на отчуждение южных частей от Габсбургской монархии и объединение их с Королевством Сербия. К «быстрому объединению» подталкивал страх из-за социальных разломов, общей неувереннос-

²⁰ Там же, с. 27–29.

²¹ Там же, с. 215–251; Б. Петрановић, *Југословенско искуство српске националне интелекције*, Београд 1993, стр. 23–25; А. Митровић, *Србија у Првом свейском рату*, стр. 543–564.

ти, экономического хаоса, общественных волнений, революционных идей, внешней опасности, принадлежности к стану побежденных, ревизионизма и реваншизма соседних государств, проигравших войну. Особый вес имело национальное и политическое стремление сербов Австро-Венгрии к объединению с матицей. На момент объединения, если брать государственно-правовую точку зрения, существовало только одно государство с бесспорной правовой сущностью, и это было Королевство Сербия²².

Непосредственно после образования Королевство сербов, хорватов и словенцев не было международно признанным. Акт объединения не подразумевал, что новообразованное государство сразу становится и субъектом международного права. Мирная конференция в Париже была тем местом, где югославянское государство начало свою международную политическую жизнь, обозначило политические позиции и национальные притязания, окончательно приобрело географическо-политическую идентичность, включилось в международные дипломатические отношения, заявило о себе как государстве права и гражданских свобод, стало фактором международного права. Одновременно на этой Конференции мира завершилось международно-правовое существование государства Королевство Сербия.

До того как добровольно передать государственность новому югославянскому образованию, Сербия на Конференции мира получила важное признание. Специальная союзническая комиссия, которая была сформирована с целью установить виновников войны и определить для них наказания, в своем отчете сделала заключение, *«что ответственность за войну лежит целиком на Центральных державах, которые объявили войну в соответствии со своей политикой агрессии, а ее замалчивание придает причинам этой войне характер темного заговора против мира в Европе. Эта ответственность лежит прежде всего на Германии и Австрии, а также на Турции и Болгарии. Ответственность эта еще более серьезна из-за нарушения нейтральности Бельгии и Люксембурга со стороны Германии и Австрии, которые сами же гарантировали нейтралитет. По отношению к Франции и Сербии ответственность еще больше, поскольку их границы были нарушены*

²² Подробнее см.: В. Krizman, *Hrvatski sabor i ujedinjenje 1918. godine, Stvaranje jugoslovenske države 1918. godine*, Beograd, 1989, str. 51–72; В. Krizman, *Raspad Austro-Ugarske i stvaranje jugoslovenske države*, Zagreb, 1977; В. Krizman, *Hrvatske stranke prema ujedinjenju i stvaranju jugoslovenske države, Politički život Jugoslavije 1914–1945*, Beograd, 1973, str. 93–128.

и до объявления войны». В заключительной части отчета указывалось: «Центральные державы планировали войну совместно со своими союзниками, Турцией и Болгарией, и эта война является результатом умышленных действий, которые были совершены, чтобы война стала неизбежной. Германия по договоренности с Австро-Венгрией преднамеренно отвергала все предложения о примирении, которые вносили силы Антанты, как и многочисленные их усилия избежать войны»²³.

Германия сильно противилась принятию данного заключения, однако союзнические силы на Конференции мира не допускали сомнений в ее ответственности за войну, вынудив её признать это. Они считали, что война велась «жестокими и бесчеловечными способами», вследствие чего Германия совершила «самое большое преступление против человечности и свободы людей когда-либо сознательно совершавшееся нацией, которая называется цивилизованной». Причины для развязывания войны они видели в стремлении Германии «удовлетворить свою алчность к территориям». А основой мира должна была стать «справедливость для всех... справедливость для мертвых и раненых, для тех, кто горевал и для тех, кто остался без родителей для того, чтобы Европа освободилась от прусского деспотизма... Необходимо, чтобы справедливость по отношению к миллионам домов и собственности, кораблей и имений, которые германской дикостью были отняты и уничтожены»²⁴. Такие позиции подтверждала и клаузула статьи 231 Мирного договора с Германией: «Союзники и присоединившиеся правительства утверждают, а Германия признает, ответственность Германии и их союзников за все убытки и ущерб, понесенные Союзниками и присоединившимися правительствами и их гражданами в результате войны, которую им навязала агрессия Германии и ее союзников»²⁵.

Вопрос военной вины Австро-Венгрии был определен в 177 статье Сен-Жерменского мирного договора с Австрией²⁶. Правительство Вены приняло определенную вину за ультиматум Сербии 1914 года, но поста-

²³ AJ, Zbirka međunarodnih ugovora; A. Момбауер, *нав. дело*, стр. 38–39; Alma Luckau, *The German Delegation at the Paris Peace Conference*, New York 1941, 272, 279; Marshall Lee, Wolfgang Michalka, *German Foreign Policy 1917–1933: Continuity or Break?*, Lamington Spa 1987, 26.

²⁴ Цит. по: А. Момбауер, *нав. дело*, стр. 40.

²⁵ AJ, Zbirka međunarodnih ugovora; A. Момбауер, *Узроци Првої свейскої райи*, стр. 43; Anton Kaes, Martin Jay, Edward Dimenberg, *The Weimer Republic Sourcebook*, Berkeley and London 1994, стр. 819.

²⁶ *Ујовор о миру са Аусџиријом*, издање Геце Кона, Београд 1927.

ралось часть ответственности переложить на Венгрию и ее прежних высоких чиновников в Министерстве иностранных дел Австро-Венгрии.

Можно было бы, пожалуй, сказать, что Первая мировая война началась в тот момент, когда Никола Пашич 25 июля 1914 года за 15 минут до истечения срока для передачи ответа на пресловутый ультиматум, вошел в здание австро-венгерского посольства в Белграде с историческим документом в руках. А завершилась она тогда, когда оружие умолкло, в правовом же смысле – подписанием мирного договора с Германией. Начало переговоров в Версальском дворце 18 января 1919 года имело, случайно или нет, впечатляющую символику, в центре которой снова находился образ Николы Пашича. Запечатлевая чувства того момента, один современник записал: «В определенный момент, когда зал был битком набит, открылись двери для входа делегатов и первым, отдельно от остальных, появился старый Пашич, глава югославянской делегации, бывший председателем сербского правительства с июля 1914, – тот, кому Австро-Венгрия с намерением вызвать войну под предлогом сообщничества Сербии в Сараевском покушении, вручила ультиматум, что явилось знаком и началом европейского кризиса. Пашич шел медленным шагом, в то время как его снимали многочисленные фотографы. И немцы глазели на Пашича, чувствуя и сами, что это – случайно или нет, не знаю – очень удачная ирония судьбы и полная сатисфакция для маленькой Сербии, за все ее страдания в войне. Все перешептывались: «Это Пашич, председатель правительства Сербии»... «На него первого напали»... «Сербия получила ультиматум»... «Вот как получается...» – звучали такие и другие подобные комментарии, восклицания... Пашич остановился посреди зала в недоумении, где ему сесть, то есть где места делегации Государства Сербов, Хорватов и Словенцев... Один из секретарей-распорядителей подошел к нему и отвел на предназначенное ему место. А оно находилось непосредственно рядом с немцами, немного наискось, так что целую минуту немцы и сербский председатель правительства могли смотреть друг на друга. О чем они в тот момент думали, никто не может сказать»²⁷.

²⁷ Цит. по: Ђ. Станковић, *Никола Пашић и Хрвати 1918–1923*, Београд 1995, стр. 88–89.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аврамовски Живко 43, 139, 171
Albertini Luigi, корреспондент 89
Алексич-Пейкович Лиляна 20, 37
Альберт, принц 246
Андреевич Севделин 297
Анич Живорад 103
Антич Никола 146
Арен фон Брош 67
Асквит Герберт Генри, премьер-министр Англии в 1908–1916 гг. 110, 116, 117, 246
- Байу, генерал, командир 156-й французской дивизии 201
Банутелли Серафино, папский нунций в Вене 54
Барбюс Анри, писатель, военный корреспондент французской газеты «Le Journal» («Газета») 146, 147, 175, 245
Батакович Душан 21, 30, 43, 196
Белаяц Миле 305
Бенеш Эдвард, государственный и политический деятель, президент Чехословакии 77
Берар Виктор 175
Berghahn V. R. 47, 50
Берхтольд Леопольд фон, министр иностранных дел Австро-Венгрии 52, 66, 68, 76–78, 92, 95, 98–100, 103, 116, 120–122
- Бецич Иван 43
Бисмарк Ото фон 44, 45, 55
Блед Жан Поль, французский историк 56, 59, 63, 65–71, 80, 84, 92, 94, 99, 100, 116, 119
Богданов Васо 65
Боёвич Петар (1858–1945), сербский военачальник, воевода 131, 214
Божанович Милош, сербский военный деятель, генерал 131
Боич Милутин (1892–1917), сербский поэт, драматург, публицист 212
Бойкович Сладжана 144, 145
Бонту Эжен, французский финансист 15
Боп Огюст, французский посол 207, 209
Бошкович Матей, сербский посланник в Лондоне 88, 187
Брашич Милош 253
Бриан Аристид (1962–1932), премьер-министр Франции 236, 246, 247
Брусилов Алексей Алексеевич (1835–1926), русский генерал 217–219
Buttar P. 130
- Wawro G. 46
Van Wyk R. 89
Варешанин Мариан, барон фон Вареш, австро-венгерский военачальник, губернатор Боснии и Герцеговины в 1909–1911 годах 83

- Василевич Душан, член Югославянского комитета 254
- Васич Драгиша, сербский писатель 174, 200, 208, 209, 212, 213, 242, 243
- Васич Милош (1859–1935), сербский военный деятель, генерал 214
- Watson A. 46
- Вендель Герман 159
- Венизелос Элефтериос (1864–1936), греческий премьер-министр 191, 192, 241
- Веснич Миленко, посланник в Париже, премьер-министр Королевства сербов, хорватов и словенцев 154, 187, 233, 270
- Веснич Радослав Младший 270
- Визнер Ф. 120
- Виктор Эммануил III (1869–1947), король Италии 246
- Williamson Samuel R. 51, 66, 89
- Wilson Keith M. 89
- Вильгельм II (1859–1941), германский император и прусский король 44, 48, 50, 52, 53, 68, 73, 75, 78, 83, 84, 93, 94, 96, 99, 112, 121, 197, 204, 221, 257, 258
- Вильсон, Уилсон Томас Вудро (1856–1924), президент США 221, 261, 262, 264, 269–271, 287, 291
- Winter J. 95
- Воинович Коста, руководитель восстания, подпоручик сербской армии 277, 278
- Войводич Михайло 21, 37, 50, 51, 68, 69, 75, 101
- Вопицка Чарльз Дж. (Charles Joseph Voricka) (1857–1935), американский чрезвычайный посол, председатель Международной комиссии по обследованию положения австро-венгерских и немецких военнопленных в Сербии 39, 123, 174, 175, 182, 183
- Вуйович Димо 163, 283
- Вукотич, Янко, черногорский военный деятель, воевода, участник Балканских войн и Первой мировой войны 201, 206, 211
- Вулович Любомир (Люба), майор сербской армии 86, 272
- Габсбурги (Habsburger), одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени 7, 8, 14, 20, 29, 39, 42, 51–57, 60–64, 71, 76, 79, 82, 88, 91, 96, 99, 101, 104, 109, 115, 119, 120, 122, 124, 133, 157, 194, 222, 249, 257, 264, 280, 292, 315, 317
- Гаврилович Драгутин, майор, впоследствии – сербский и югославский военный деятель 201
- Гарашанин Милутин, председатель правительства Сербии 14
- Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914), российский дипломат 41, 44
- Гачинович Р. 82
- Геземан Герхард 207
- Geiss Imanuel 46, 89, 92, 94, 96, 97, 99, 100, 103, 118
- Генчов, поручик болгарской армии 277
- Георг V (Джордж), король Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии и Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии 117
- Гизль фон Гизлинген (Giesi von Gieslingen) Артур (1857–1935), австро-венгерский генерал кавалерии 103
- Гийома Адольф (1863–1940), французский военный деятель, дивизионный генерал 298

- Гинденбург Пауль Людвиг Ганс Антон фон Бенекендорф унд фон, германский военный и политический деятель, видный командующий Первой мировой войны – главнокомандующий на Восточном фронте против России, начальник Генерального штаба 289
- Гнятович Драгана 43
- Гойкович Илия, сербский генерал 200
- Голуховский Агенор Мария Адам Младший (Agenor Maria Adam Graf Goluchowski (1849–1921), австро-венгерский политик и государственный деятель, дипломат 58
- Гольвег Бетман Теобальд фон (Theobald von Bethmann Hollweg; 1856–1921), германский политический деятель, рейхсканцлер Германской империи, министр-президент Пруссии 1909–1917 96, 121
- Гольштейн Фридрих Август фон (Friedrich August von Holstein; 1837–1909), германский дипломат 50
- Грабеж Трифко, младобосниец 83, 85
- Грей Эдвард, английский государственный деятель, министр иностранных дел Великобритании 89, 107, 109, 110, 116–118, 235, 246–248
- Грол Милан, сербский политический деятель 26, 27, 33, 132, 295
- Gumz Jonathan E. 275
- Давидович Любомир (1863–1940), сербский и югославский политический деятель 30, 272
- Дедиер Владимир 82, 86, 103
- Джолитти Джованни (1842–1928), итальянский премьер-министр 75, 76
- Джорджевич Димитрие 20, 21, 30, 31, 60
- Джуришич Митар 70
- Джурович Арсен 32
- Dimenberg Edward 319
- Димитриевич Драгутин Апис (1876–1917), начальник разведывательного отдела Генерального штаба Сербии, сооснователь и лидер тайного общества «Чёрная рука» 25, 28, 85, 86, 253, 271, 272
- Димич Любодраг, автор данной книги 207
- Драшкович Милорад, министр промышленности Сербии 272
- Евджевич Добросав 82
- Евтич Боголюб 82
- Ekstein M. 110
- Жераич Богдан 83
- Живанович Живан 16, 30
- Живанович Милан Ж. 28, 86, 210, 253, 272
- Живанович П. 245
- Живкович Любомир 30
- Живкович Михайло (1856–1930), сербский генерал 200
- Живоинович Драголюб 21, 30, 68, 101, 109, 110, 117, 118, 153, 157, 158, 207, 269, 283
- Жоффр Жозеф Жак Сезер (1852–1931), маршал Франции 241, 252
- Зечевич Момчило 112, 115, 164, 188, 280, 281, 307
- Zuber Terence 48, 50, 125
- Извольский Александр Петрович (1856–1919), русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел России в 1906–1910 годах 64, 66
- Илич Данило 82, 83

- Ильич Владимир Ленин 260
 Инри Полина, британская общественная деятельница 13
 Искурулев Тодор 150
- Jannen W. 89
 Jay Martin 319
 Йованович Драголюб 35
 Йованович Йован М., политик и дипломат, сербский посол в Вене 43, 53, 72, 73, 76–78, 81, 84, 87–90, 100, 103, 105, 111, 116, 119, 120, 125, 190, 192
 Йованович Слободан 21
 Joll Jems 46, 50
- Kaes Anton 319
 Казимирович Васа 28, 43
 Карагеоргиевич Александр 43, 44, 105, 106, 108, 124, 131, 165, 181, 192, 193, 200, 202, 207, 209, 210, 214, 246, 249–252, 271, 272, 300, 308–310, 313
 Карагеоргиевич Петар I 27, 29, 30, 43, 207, 245
 Карагеоргиевичи (Карађорђевићи), сербская династия 26, 281, 292, 308, 312, 313
 Карл I (1887–1922), император Австрии и король Венгрии из династии Габсбургов 257, 258
 Кароль I (1839–1914), князь, а затем король Румынии 76, 191
 Kennedy Paul M. 46–48, 50
 Клемансо Жорж (1841–1929), французский политический деятель 154
 Кон Геца 320
 Константин I, Константинос, греческий король 1913–1917 191, 192, 230
 Кончар Ранко 311
 Кочич Петар (1877–1916), сербский писатель 82
 Крестич Василие Дж., сербский ученый-историк 16, 30, 54, 57, 151, 303, 312
 Кризман Богдан 20, 123, 152, 306, 318
 Кробатин Александр фон, австро-венгерский военачальник, военный министр Австро-Венгрии, генерал-фельдмаршал 91
 Кршев Борис 42, 154
 Кумануди Коста, сербский и югослав. политик 295
 Kuhne Victor 228
- Lee Marshall 319
 Леонтич Любо 254
 Либкнехт Карл 122
 Лихновский Карл Макс, германский дипломат 83, 99, 109, 118, 121, 122
 Ллойд Джордж Дэвид, госдеятель Великобритании 110, 123, 230, 258, 263, 265, 285, 291, 298
 Luckau Alma 319
 Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм, немецкий воен. и полит. деятель 288
 Люшич Радош 16, 30
- Мадзини Джузеппе 82
 Майданац Боро 253
 Макензен Август фон, германский ген.-фельдмаршал 197, 199, 202, 224
 Мале Альбер, французский профессор дипломатии 34, 36
 Малобабиц Радо, доверенное лицо Аписа 272
 Маринкович Воислав, премьер-министр Сербии 272
 Маркович Божидар 33, 295, 296
 Маркович Лиляна 34
 Martel G. 89

- Масарик Томаш Гарриг, чешский общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после создания государства – первый президент республики 77, 78
- Маслеша Веселин 82
- MacMillan M. 46
- Машин-Обренович Драга (1861–1903), жена короля Сербии Александра Обреновича 22, 25, 29
- Мекензи Дейвид 28
- Мехмедбашич Мухаммед, младобосниец 83
- Мештрович Иван, хорватский скульптор и архитектор, член Югославянского комитета 254
- Милер Луиз 181
- Милич Даница 274, 296
- Миличевич Милич J. 24, 70
- Милованович Милован Дж. (1863–1912), юрист и дипломат, министр иностранных дел Сербии (1907–1912), с 1911 г. – председатель совета министров 20, 37
- Милованович Печанац Коста, поручик сербской армии 277
- Милошевич Миладин 153, 281
- Милутинович Драгутин, полковник, командир II сербской добровольческой дивизии 201
- Милоков Павел Николаевич, министр иностр. дел России 267, 268
- Миркович Мирко 245, 253, 280, 281, 293
- Митринович Чедомил 253
- Митрович Андрей 20, 21, 53, 61, 64, 67, 73–75, 78, 80, 86, 92, 94, 95, 97, 100, 104, 112, 115, 120, 121, 124, 131, 133, 135, 142, 150, 161–163, 165, 173, 175, 181, 188, 190, 193, 196–198, 201, 204, 212, 213, 222–224, 226, 229, 243, 253, 273, 276, 278, 280, 281, 283, 317
- Michalka Wolfgang 319
- Мишич Живоин (1855–1921), сербский генерал, воевода 131, 140–142, 200, 205, 214, 241, 243, 266, 299, 300
- Миятович Чедомиль, министр иностранных дел Сербии, президент САНУ 14
- Младенович Божица 224
- Moltke Helmuth von 89
- Момбауер Аника (Mombauer Annika) 50, 89, 95–97, 100, 104, 121, 122, 319
- Мондезир, генерал Пиарон де Мондезир (Piaron de Mondesir) 207, 213, 237
- Монжела Макс фон (Max Graf Mongelat), немецкий генерал, граф, историк и публицист 122
- Мусулин Александр фон 104
- McLean Roderick R. 46, 50
- McMeekin S. 89
- Никола I Петрович Негош, князь и король Черногории 23, 124, 201, 211, 212, 312
- Николай II Романов, российский император 24, 58, 107, 111, 121, 158, 169, 246, 259
- Новак Карл Ф. 174
- Новакович Стоян, сербский полит. деятель и ученый 21, 37, 50, 51, 68, 69, 75
- Нури-Хаджич Осман 55
- Нушич Бранислав, сербский писатель 207, 208
- Обренович Александр, король Сербии 19–29, 34, 58
- Обренович Милан, князь и король Сербии 14–19, 21, 22, 24, 25

- Обренович Наталия, супруга короля Милана Обреновича 21, 22
- Обреновичи, сербская княжеская, а затем королевская династия 14, 15, 21–23, 25, 26, 36
- Оман Чарльз 175
- Оман Эмиль 175
- Опачич Петр, сербский ученый-историк 135, 152, 158, 166, 170, 190–192, 198, 205, 210, 214, 230, 232, 234, 239, 243, 244, 246, 248–250, 252, 264–266, 268, 271, 272, 300
- Остоич Тихомир 311
- Остоич-Феич Убавка 21, 175, 269
- Otte T. 89
- Павлас** Игнят, зам. председателя Сербского народного комитета в Нови-Саде 303
- Павлович Живко, начальник Верховного штаба Сербии, генерал 141, 142, 197, 205, 245
- Палеолог Морис Жорж, французский дипломат 169
- Парр 84
- Паулова Милада 254
- Пачу Лазарь, министр финансов Сербии 105, 111
- Пашич Никола, выдающийся сербский политический деятель 12, 16, 18–21, 24, 29, 30, 37, 39–41, 43, 57, 77, 78, 85–87, 103, 105–108, 111, 124, 139, 152–155, 161, 162, 164–166, 183, 186–190, 192–194, 203, 228, 233, 235, 245–249, 251–253, 256, 267–272, 278–281, 283–286, 292–294, 304, 305, 307, 316, 320
- Педжет Лейла, супруга британского посла сэра Ральфа Педжета 181
- Педжет Ральф, лорд, британский дипломат 175, 181
- Перович Миливое 277, 278
- Петен Анри Филипп, французский военный и политический деятель 216
- Петранович Бранко 112, 114, 164, 188, 281, 307, 317
- Петрович Джордже / Караджордже / Карагеоргий (1762–1817), руководитель Первого сербского восстания против Османской империи, основатель династии Карагеоргиевичей 27
- Петрович Надежда, знаменитая сербская художница к. XIX – н. XX вв. 180
- Петрович Петр, князь Черногории 206
- Петровичи-Негоши, династия властителей Черногории 282
- Пешич Петр, сербский генерал 201
- Писарев Ю. А., российский советский историк 99
- По, генерал 175
- Pollman Ferenc 149
- Попов Чедомир 13, 49, 55–57, 312
- Попова Елена 312
- Попович Дамьян, генерал 200
- Попович Миливое 30
- Попович Никола 41, 44, 87, 105–108, 139, 155, 158, 159, 171, 188, 192, 244
- Попович Цветко 83
- Попович-Обрадович Ольга 30
- Потиорек Оскар, австрийский генерал, комендант Боснии и Герцеговины 83, 90, 93, 132, 134, 137, 138, 140, 141, 150, 197
- Поточняк Франц 254
- Preston Adrian 46
- Прибичевич Светозар, сербский и югославск. полит. деятель 306
- Принцип Гаврило, непосредственный исполнитель покушения на эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 года 11, 83, 85
- Проданович Яша М. 16

- Prost A. 95
Пршич Миливой 144, 145
Пуанкаре Раймон, французский государственный деятель, президент Франции 100, 104, 105
Путник Радомир, сербский военачальник, воевода, начальник Генерального штаба Сербии во время Балканских войн и Первой мировой войны 42, 131, 140, 193, 200, 203, 205, 214
Пфеффер Лео, судебный следователь 86

Раденич Андрия 18, 62
Радоевич Мира, автор данной книги 33, 65, 162, 296, 312
Райс Родольф Арчибальд, швейцарский врач, профессор Университета Лозанны 144, 145, 149, 150, 175, 228
Ракич Лазарь 311
Ракич Милан, сербский писатель 20
Ракович Александр 116
Ракочевич Новица 163, 212, 283
Раткович Борислав 70
Раух Павле, бан Хорватии 57
Ренувен Пьер (Renouvin), французский историк 221, 230, 255, 256, 261, 264, 288
Рид Джон Сайлас, американский журналист, корреспондент на фронтах Первой мировой войны 132, 134, 142, 143, 147, 149, 175–178, 180, 183, 184
Ристич Йован, министр Сербии 21, 37
Ристич Михайло 187
Робертсон Уильям Роберт (1860–1933), начальник Империяльного генштаба 265
Робинсон Бордман, канадско-американский художник и книжный иллюстратор, в 1915 году путешествовавший с Джоном Ридом и побывавший в Сербии, России, Македонии и Греции 176
Рокфеллер 175
Романовы, династия российских царей 259

Сазонов Сергей Дмитриевич, российский государственный деятель, министр иностранных дел в 1910–1916 годы 104–107, 122, 127, 155–157, 189, 233, 235, 246
Самарджич Радован, сербский ученый-историк 26, 35, 57
Сан Джулиано Антонино Патерно-Кастелло, маркиз ди Сан Джулиано (1910–1914) министр иностранных дел Италии 75, 157
Саркотич Стиепан, австро-венгерский военный и политический деятель, генерал 140, 206
Саррайль Морис (Maurice Paul Emmanuel Sarrail), французский военный деятель, дивизионный генерал (1911) 202, 241, 242, 252, 265–267, 277
Seligmann M. S. 46, 50
Скарич Владимир 55, 80
Скоко Саво 70, 135, 153, 272, 288
Слиепчевич Перо 82
Соннино Сидней (Sidney Sonnino; 1847–1922), итальянский политик и государственный деятель, дважды возглавлял кабинет министров Италии 157, 246, 285
Спалайкович Мирослав (1869–1951), сербский дипломат, политик 88, 106, 107, 161, 187, 267
Станкович Джордже 12, 16, 21, 40, 41, 55, 108, 124, 139, 152, 153, 162, 164, 186–188, 190, 192–194, 203, 226, 228, 245, 248, 249, 252, 253, 256, 267–269, 271, 279, 281, 283, 284, 292, 294, 307, 316, 320

- Станоевич Станое 82
Stevenson David 89
Steiner Z. S. 89, 110
Степанович Степа (1856–1929), сербский полководец, воевода 131, 134, 135, 137, 200, 214, 243, 266, 272
Стефанович Душан, сербский полковник 44
Стид Генри Уикхэм, редактор Таймс (1919–1922) 108, 175
Стоядинович Милан 43
Стоянович Дубравка 30, 40
Стоянович Любомир (1860–1930), сербский филолог и политический деятель – лидер Радикальной партии 30, 295
Стоянович Никола 55, 254
Стоянчевич Владимир 150, 176, 211, 226, 229, 249, 274, 275
Strachan Hew 46–48, 50
Стругар Владо 305
Супило Франо, хорватский политический деятель, один из лидеров Югославянского комитета 187, 254
Сэндс Флора 181
Сэтон-Уотсон Роберт Уильям (1879–1951), британский государственный деятель, публицист и историк 84, 175
Танкосич Воислав, майор сербской армии, сподвижник Драгутина Димитриевича Аписа 86, 102, 114
Тейлор Алан Джон Персиваль (Taylor A. J. P.; 1906–1990), английский историк, специалист по вопросам европейской дипломатии 45–48, 50, 53, 55, 56, 64, 69, 70, 81, 120, 130, 159, 167, 215
Тешич Владета 32
Тирпиц Альфред фон, германский военный деятель, адмирал, командующий флотом 47
Тиса Иштван, венгерский политический деятель, премьер-министр Королевства Венгрия 71, 92, 98–100, 119, 222
Тома Альбер, французский министр-социалист 83, 121, 122
Томац Петар 112, 115, 116, 125, 127, 128, 133, 135, 136, 138, 141, 142, 152, 168, 170–172, 195, 197–199, 202, 205, 210, 214, 216, 217, 219, 241, 243, 256–259, 265, 266, 288, 298, 300
Томич Яша 311
Томпсон, британский полковник 39, 174
Топтани Эсад-паша, глава албанской армии, для сербов союзнической 196, 207
Тремельян Джордж, английский историк 175
Трипкович Дж. 210
Трубецкой Григорий Николаевич, русский общественный и политический деятель, дипломат, публицист 15, 233, 235
Трумбич Анте (1864–1938), хорватский и югославский политический деятель 254, 279, 282, 293
Тузович Димитрий (1881–1914), деятель сербского рабочего движения, один из основателей Сербской соц.-дем. партии 30, 185
Фердинанд I Максимилиан Карл Мария Саксен-Кобург-Готский, великий князь Болгарии и царь Болгарии (в 1908–1918 гг.) 190
Фишер Фриц (Fritz Fischer) 46, 48, 74, 89, 121
Франк Йосип хорватский политик, лидер Партии права (1861–1929) 57

- Франц Иосиф I (Franz Joseph, 1830–1916), император Австрийской империи и король Богемии со 2 декабря 1848 года, с 1867 года – глава двуединого государства – Австро-Венгерской монархии 52, 56, 58, 67, 68, 76, 84, 87, 92–96, 98–100, 116, 119, 211, 221, 257
- Франц Фердинанд Карл Людвиг Йозеф фон Габсбург эрцгерцог д’Эсте (Franz Ferdinand von Österreich-Este, 1863–1914), эрцгерцог австрийский, с 1896 года наследник престола Австро-Венгрии 11, 52, 67, 72, 79, 81–83, 86–89, 91, 93, 108, 110, 134
- Франше д’Эспере Луи Феликс Мари Франсуа, военный и государственный деятель Франции 299, 300, 302
- Фридунг Генрих, австрийский историк и публицист 70
- Фромкин Д. 46, 50, 63
- Hervig Holger H. 46–48
- Херман К. 90
- Хётцендорф Франц Конрад фон (Franz Conrad von Hötzendorf, 1852–1925), начальник генерального штаба австро-венгерских войск накануне и во время Первой мировой войны, военный теоретик 61, 67, 71, 93, 98, 120, 257
- Хинкович Хинко, хорватский политик 254
- Hinsley F. H. 89
- Хойош Александар, шеф кабинета министра Берхтольда, министр иностранных дел Австро-Венгрии 75
- Хорштайн, генерал австро-венгерской армии 143
- Хотек София (Chotek Sophie) 81
- Храбак Богумил 20, 143, 152, 192, 196, 245, 273
- Hunt Barry 46
- Цвиич Йован, выдающийся сербский ученый, глава Сербской королевской академии и ректор Белградского университета 37, 295
- Cwitter F. 65
- Crampton R. J. 48
- Cruttwell C. R. M. F. 130, 167, 215
- Чабринович Неделько, младобосниец 83
- Черович Божо 82
- Черчилль Уинстон Леонард Спенсер – британский государственный и политический деятель, военный, журналист, писатель 110, 116, 159
- Чиркович Сима М. 57
- Чорович Владимир 42, 44, 74, 76, 80–82, 84, 86, 90, 91, 94–98, 120, 150
- Чубрилович Бранко 82
- Чубрилович Васа, младобосниец, впоследствии ученый-историк 83
- Шепич Драгован 157, 188, 254, 268, 269, 286
- Шидак Ярослав 65
- Шишич Фердо 115, 124, 250, 280, 306, 307
- Штрандман, Василий Николаевич (1877–1940), российский дипломат, посол в Белграде 42, 105, 106
- Штроссмайер Йосип Юрай, хорватский католический епископ немецкого происхождения, теолог и политический деятель 54
- Эванс Артур Джон (1851–1941), англ. археолог 175
- Экмечич Милорад, сербский ученый-историк 12, 14, 18, 35, 57, 61, 76, 82,

- 83, 119, 131, 133, 150, 153, 158, 159, 162, 190, 192, 196
- Эренталь Алоиз фон (1854–1912), австро-венгерский министр иностранных дел 62–64, 66
- Юришич Штурм Павле (1848–1922), сербский военный деятель, генерал 131, 200, 214
- Ягов Готлиб, фон (1863–1935), германский дипломат, министр иностранных дел Германии в 1913–1916 гг. 99
- Ягодич Милош 196
- Янкович Драгослав 16, 123, 162–164, 173, 175, 185, 192, 245, 253, 279–281, 293, 307

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мира Радоевич (1959), доцент отделения истории Философского факультета Белградского университета, в котором работает с 1996 года; аспирантуру завершила в 1992, а докторскую диссертацию защитила в 2004 году. Изучает историю югославянской идеи, сербско-хорватские отношения, проблемы демократии и парламентаризма, деятельность гражданских политических партий, роль политических и интеллектуальных элит, послевоенную югославскую эмиграцию. Опубликовала две монографии – *Объединенная оппозиция (1935–1939)* и *Ученый и политика. Политическая биография Божидара В. Марковича (1874–1946)*, а также многие десятки научных трудов и статей. Является членом Комитета САНИ по истории XX века, Редакторского комитета *Сербской энциклопедии*, Редакционного комитета *Сербского биографического словаря* и редакций журналов *Сборник по истории* (Сербская Матица), *Течения истории*, *Историческое наследие*.

Любодраг Димич (1956), член-корреспондент Сербской Академии Наук и искусств (САНИ), ординарный профессор кафедры истории Философского факультета, выпускником которого является (1980); защитил магистерскую (1985) и докторскую (1993) диссертации. Член Комитета САНИ по истории XX века. Один из основателей Центра современной истории Юго-Восточной Европы, основатель и руководитель Центра истории Югославии и Холодной войны. Участвовал в работе редакций *Югославского исторического журнала*, *История 20 века* и *Преподавание истории*, а также является членом редакций *Ежегодника общественной истории* и *Военно-исторического вестника*. Почетный член Центра исследований Холодной войны в Лондоне. Изучает историю Югославии и Балкан, особенно отношения политики и культуры, историю общества,

отношение государства и религиозных общин, вопрос национальных меньшинств, деятельность интеллигенции и ее общественную роль, историю учреждений, историю историографии. Опубликовал следующие книги: *Агитпроп культуры. Агитпроповская фаза культурной политики в Сербии 1945–1952*, *Историография под надзором* (соавтор Джордже Станкович), *Культурная политика Королевства Югославии 1918–1941*, I–III, *Сербы и Югославия: пространство, общество, политика (Взгляд в конце века)*, *Римско-католический клерикализм в Королевстве Югославия 1918–1941* (соавтор Никола Жутич), *Югославское государство и албанцы. Тематический сборник документов*, I–II (соавтор Джордже Борозан), *Надтреснутый монолит. Югославия и мир 1942–1948* (соавтор Александр Животич)...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОТ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА ДО САРАЕВСКОГО ПОКУШЕНИЯ

Сербия на переломе веков (1878–1903)	11
Подъем Королевства Сербия (1903–1904)	26
Виновники войны и Королевство Сербия	44

ГЛАВА ВТОРАЯ НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Сараевское покушение и Июльский кризис	81
Коалиции и фронты	125
Осень 1914 года в Сербии	131
Сербия и союзники	152
Государственная программа Сербии	160

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ВОЕННЫЙ 1915 ГОД

Война на суше и на море	167
Мир и война в Сербии 1915 года	173
Отступление через Албанию и пребывание на Корфу	205

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ВОЕННЫЙ 1916 ГОД

Боевые действия и положение на фронтах в 1916 году	215
Оккупированная Сербия	221

Сербия и Солунский фронт	229
Государственно-правовой континуитет Сербии	245

ГЛАВА ПЯТАЯ
ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Большие переломы в войне	255
Сербия по обе стороны фронта	263
Югославянский компромисс сербского государства	278

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ПОСЛЕДНИЙ ВОЕННЫЙ ГОД

Победители и побежденные	287
Результат политики и дипломатии	291
Прорыв Солунского фронта	297

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ЮГОСЛАВЯНСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ..... 304 |

Именной указатель	321
Сведения об авторах	331

Мира Радоевич
Любодраг Димич
СЕРБИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ
1914–1918

Издательство
СРПСКА КЊИЖЕВНА ЗАДРУГА
Белград, Короля Милана, 19
БЕЛГРАДСКИЙ ФОРУМ
ЗА МИР РАВНОПРАВНЫХ
Белград, Сремска, 6/IV

За издателей
Нина Новичевич, зав. редакцией
Живадин Йованович, председатель

Главный редактор
Драган Лакичевич

Корректор
Вера Лазаревич Вулович

Именной указатель
Иван Алексеевич Чарота
Бранислава Црномаркович

Художник
Бранислав Степанов

Верстка и оформление
Графическая студия
ЦРНОМАРКОВИЧ
Белград, Солунска, 23

Типография
ХЛ ПРИНТ
Бачки-Петровац

CIP – Каталогизација у публикацији
Народна библиотека Србије, Београд

94(497.11)"1914/1918"

355.48(497.11)"1914/1918"

323.1(=163.41)"1914/1918"

323(497.1)"1918"

РАДОЕВИЧ, Мира, 1959–

Србија в Великой войне 1914–1918 : краткая история / Мира Радоевич, Любодраг Димич ; перевод А. И. Чароты, В. И. Чароты, И. А. Чароты ; под общей редакцией И. А. Чероты. – Белград : СКЗ : Белградский форум за мир равноправных, 2014 (Бачки-Петровац : ХЛ Принт). – 336 стр. ; 24 см. – (Специальный выпуск / [Српска књижевна задруга])

Превод дела: Србија у Великом рату 1914–1918. – Сведения об авторах: стр. 331–332. – Напомене и библиографске референце уз текст. – Регистар.

ISBN 978-86-379-1275-0 (СКЗ)

1. Димич, Любодраг, 1956– [аутор]

а) Први светски рат 1914–1918 – Србија б) Српско питање – Политички аспект – 1914–1918 в) Србија – Историја – 1914–1918 д) Југославија – Уједињење – 1918

COBISS.SR-ID 210459660

